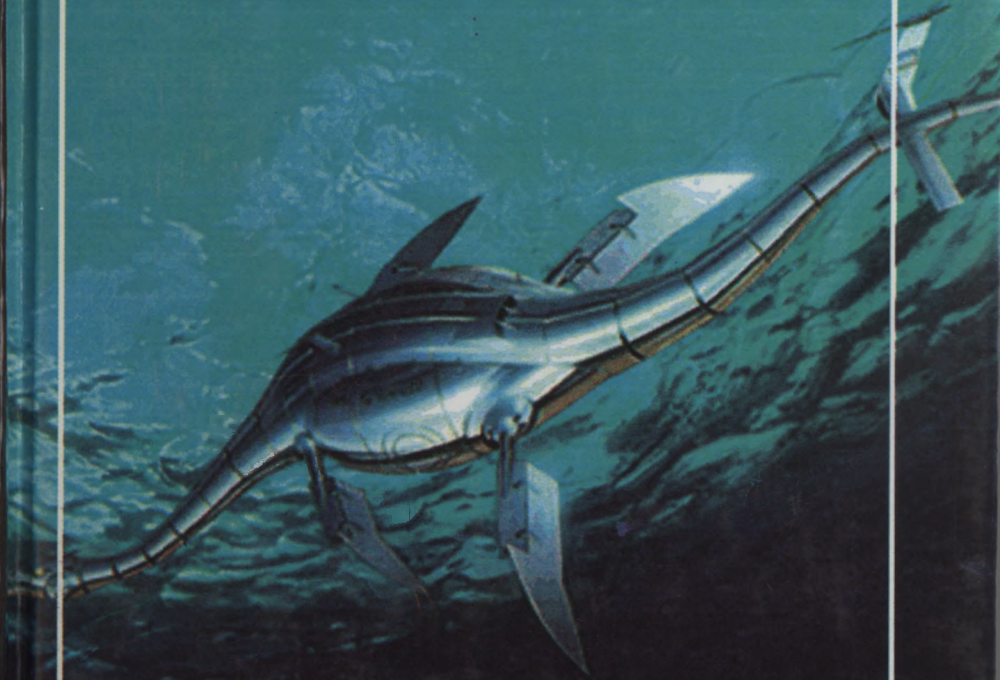

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

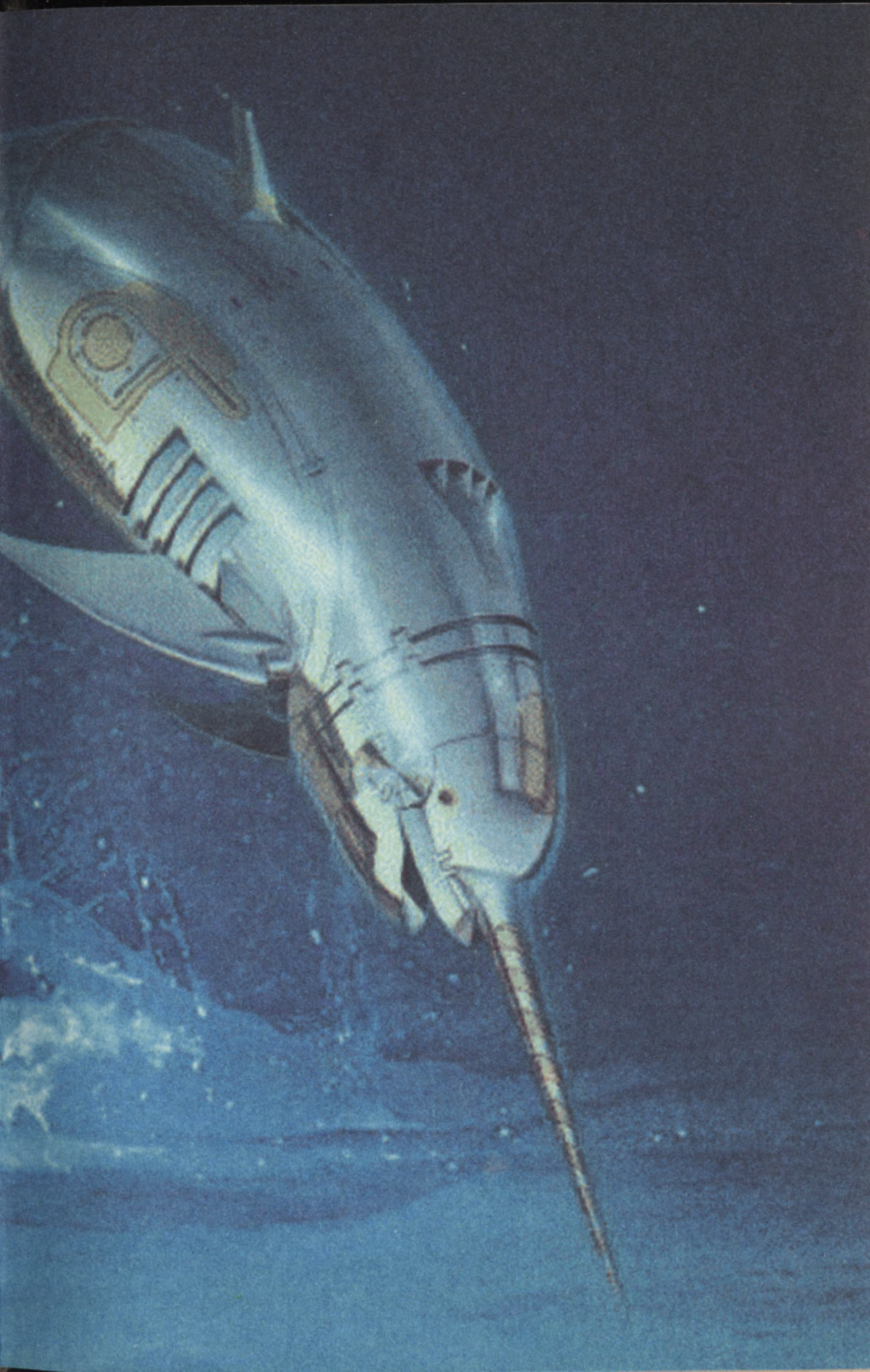
МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

КИМ СТЕНЛИ РОБИНСОН

WORLDS OF KIM STANLEY ROBINSON

Volume two

THE GOLD COAST

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

Том второй

ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
совместно с АО «Типул»*

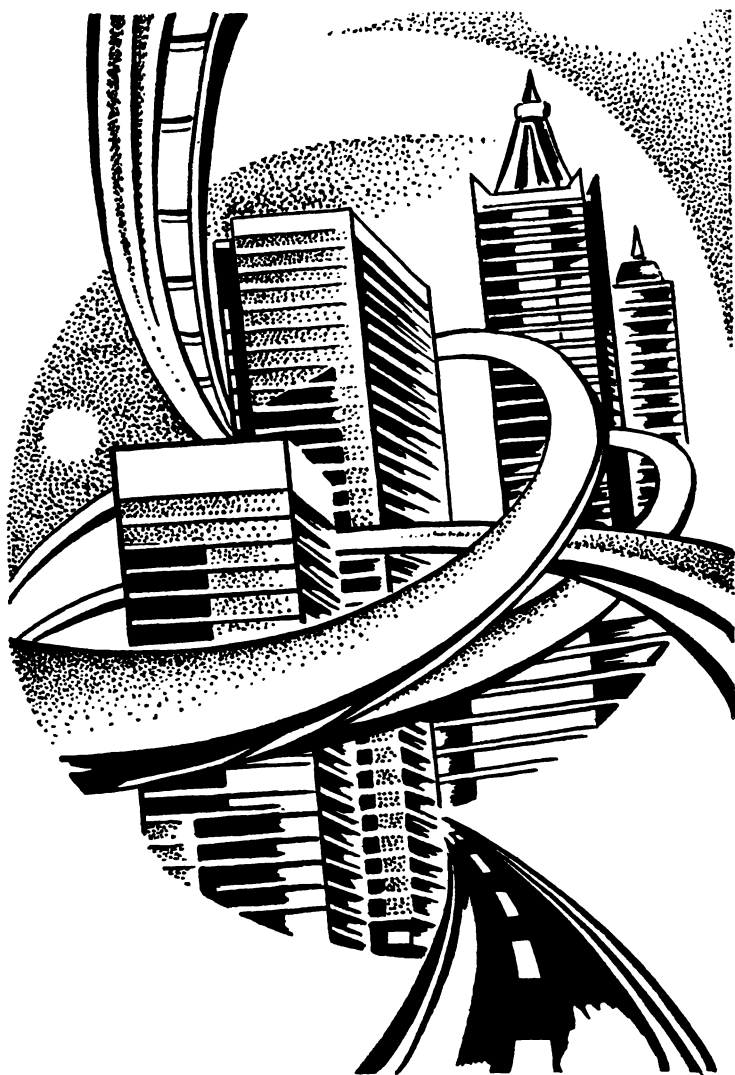
**Миры Кима Стенли Робинсона. Т. 2 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 447 с.**

Продолжает прославленную трилогию о возможных будущих
одного из округов штата Калифорния роман-антиутопия
«Золотос побережье».

**Произведение, опубликованное в данном издании,
охраняется законом об авторском праве. Перепечатка романа
и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя
и переводчика. Всякое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с письменного разрешения
издателя.**

The Gold Coast
Copyright © 1988 by Kim Stanley Robinson
Cover Artwork
Copyright © 1997 by Sorayama Hajime/
Uptight Co., Ltd./ Artspace Co.
Золотое побережье
© М. Пчелинцев, перевод, 1997
© Издательство «Полярис», составление,
оформление, название серии, 1997

ISBN 5-88132-286-x

ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Глава 1

Би-ип! Би-ип! Бип-бип.

— Ты меня подрезал! — заорал, высунувшись из окна машины, Джим Макферсон; ни в чем не повинный хозяин «мини-хонды» — именно ее вывела вперед автоматическая программа — недоуменно оглянулся. Древний «вольво» резко рванул вверх, а наполовину вывалившийся наружу Джим повис, чуть не бороздя носом бетон. Эйб Бернارد ухватил его за ремень и втащил обратно.

— Ну, ты даешь!

На округ Ориндж опустилась ночь, миля за милей под колеса стелется аутопия*, в машине четверо друзей. Звезды школьной борцовской команды (сколько же это лет прошло — неужели десять?), они катаются по сиденьям «вольво», пытаются прижать Таши Накамуру, не подпустить его к глазной пипетке с новейшим зельем Сэнди Чапмэна. Таш выступал в полутяжелом и единственный из компании сохранил приличную форму, такого не прижмешь; он победоносно выдрался из рук друзей и заграбастал пипетку, ни на секунду не переставая горланить на пару со старым джимовским компакт-диском: «Дайте мне кто-нибудь чизбургер!» Въездная полоса заворачивает еще круче, контакты с визгом цепляются за электромагнитную — силовую и управляющую — дорожку, на заднем сиденье образуется куча мала.

— Хо-хо, а пипетку-то я вроде уронил!

— Слышь, мы уже на трассе, верно? А чего же никто не следит?

Эйб ужом протискивается на водительское место, осматривается. Все путем. Следуя своим программам, машины жужжат себе потихоньку, мчатся на север точно вдоль восьми дорожек, тянущихся по центру каждой полосы. Впереди —

* Производное от «авто» и «утопия». (Здесь и далее примеч. пер.)

река красных хвостовых огней, сзади — белые подфарники. Некоторые машины сваливают на S-образные дорожки, перестраиваются из ряда в ряд — слева направо, справа налево, желтые указатели поворота отщелкивают ритм этого устремленного вперед потока, клик-клик-клик, клик-клик-клик. На ньюпортской трассе сегодня все путем.

— Нашли там эту пипетку? — голос Эйба звучит чуть недовольно.

— Ага, тут она.

Ведущая на север полоса плавно вздымается вверх, пересекая широко распластавшуюся развязку — здесь трассы расходятся на Сан-Диего, Дель-Мар, Коста-Месу и Сан-Хоакин. Двадцать четыре бетонные ленты свиваются чудовищным — три сотни футов высоты и миля в диаметре — горди-евым узлом, «вольво» пролетает по самой середине этого монумента аутопии, как букашка сквозь сердце великана. Старая калоша Джима загудела полутонном выше, и вдруг показалось, что они посреди посадочного поля международного аэропорта Джона Уэйна, как раз проносящегося по правую руку; в этажерке магистралей северная ньюпортская — самая верхняя, их отделяет от матушки Земли добрая сотня футов. И на многие мили вокруг — ночной ОкО. Представьте себе:

Огромная решетка света.

Вольфрам, неон, натрий, ртуть, ксенон, галогены.

Внизу квадратная сетка оранжевых уличных огней.

Сияет все, способное сиять.

Ртутные лампы: голубые кристаллы над трассами, домами, автостоянками.

Режущий глаза ксенон, сверкающий на магазинах, стадионе, Диснейленде.

Огромные галогенные пальцы прожекторов, шарящие в ночном небе аэропорта.

Красные всплески «скорой помощи».

Неизбывное повторение: красный-зеленый-желтый, красный-зеленый-желтый.

Задние огни и передние огни, красные и белые кровавые шарики, проталкиваемые сквозь лейкомическое тело света.

В твоем мозгу красный стоп-сигнал.

Миллиард огней. (Десять миллионов людей.) Сколько киловатт в час?

Решетка, уложенная на решетку, от гор и до моря. Миллиард огней.

Да, округ Ориндж.

Джим закапывает себе в глаз солидную каплю новейшей продукции Сэнди, промаргивается, и тут же окружающее начинает пульсировать. В мгновенном сатори он прозревает структуру всех структур — все слои освещения ОкО, за многие десятилетия, за многие поколения. Некоторые из решеток даже приподнимаются над землей и поворачиваются на девяносто градусов, чтобы согласоваться с метаструктурой открывшегося целого.

— Я бы назвал эту твою штуку Прозрение структур.

— Подходяще, — согласен Сэнди, — я это вижу.

— Да с такой высоты все увидишь и после таблетки аспирина, — возражает Эйб.

— Точно. И это я вижу.

— Нужно назвать ее Согласие, — предлагает Таши.

— Точно. И это я вижу.

— Мы в центре мира, — объявляет Джим. Эйб и Таши начинают озираться по сторонам, словно они пропустили дорожный знак — ведь должна же быть табличка, или еще что, точно? — Округ Ориндж — это конец истории, чистейший ее продукт. Тысячи лет цивилизация двигалась на запад, пыталась догнать закатное солнце, а потом они пришли сюда, на берег Тихого, и дальше идти было нельзя. Тогда они остановились здесь и сделали вот это. Они были на последнем великом подъеме корпоративного капитализма, потому-то все здесь организовано чистейшим образом: покупать и продавать, покупать и продавать, и так все до самой мелочи.

— Марксист хренов.

— Им, наверное, нравились фонари.

Джим стряхивает с себя друзей и мгновенно впадает в тоску; разговор об истории возвращает его к главной миссии сегодняшней ночи.

— А ведь было совсем не так!

— Загибаешь, — говорит Таши; они с Эйбом обмениваются улыбками: Джим бывает такое отмочит — почище видео.

— Нет, не загибаю. Вся эта низина была покрыта апельсиновыми рощами, двести квадратных миль апельсиновых рощ, а то и больше. Здесь было больше апельсинов, чем сейчас лампочек.

— Что-то верится с трудом, — хором откликаются его друзья.

— Но это так! Округ Ориндж* был сплошным огромным апельсиновым садом, — вздыхает Джим.

Эйб, Таш и Сэнди переглядываются.

— Это ж сколько деревьев, — серьезно заявляет Эйб. Таш давится смешком, а не желающего сдерживаться Сэнди охватывает приступ знаменитого чапмэновского хохота:

— А-хахахахаха, а-хахахахаха.

— Слышь, — спрашивает Таш, — а тебе не надоела дорога?

— Спрашиваешь! — орет Джим.

Эйб щелкает переключателем рядов, они сворачивают в крайний правый, а затем крутят по выездной эстакаде, пока не оказываются двумя уровнями ниже, на Чапмэн-авеню. Улица Сэнди. У нее всего два уровня, и ведущий на восток, где они и оказались, верхний из этих двух. В Эль-Модене кончается вся этажерка, они снова на земле, на шоссе с двухсторонним движением.

— Куда теперь, профессор?

— Паркуйся в молле**, — говорит Джим.

Эйб пристраивает машину, а Джим тем временем еще раз справляется по карте. Он дрожит от возбуждения — совсем ведь новая идея, эта самая миссия, эдакая самодеятельная археология. Годы чтения книг по местной истории породили в нем неконтролируемый уже порыв что-нибудь такое найти, страстное желание потрогать, погладить какую-нибудь реликвию прошлого. И сегодня — великий день. Великая ночь.

Они припарковались в конце Хьюз-молла, перед рестораном «Эль-Торито».

— Здесь ведь самое старое здание округа, — объясняет Джим. — Квакерская церковь, построена в 1887 году. Они повесили здоровый колокол, но он был слишком тяжелый, и когда первый раз задудла Санта-Ана***, все здание обрушилось. А они снова его построили. Сейчас-то не разберешь, над ним взгромодили ресторан, а в старом помещении теперь казино. Но это дает точку отсчета — вот, погляди на старой карте. А точно в ста сорока ярдах к западу, на другой

* Orange — апельсин (англ.).

** Распространенное название торговых центров.

*** Ветер, дующий с одноименного перевала.

стороне улицы, расположена эль-моденская начальная школа, построена в тысяча девятьсот пятом.

— Никогда такой не видел, — сказал Таш.

— Ее теперь нет, снесли в шестидесятые прошлого века. Но двоюродный дедушка мамы ходил сюда, когда был маленьким, и он мне про нее рассказывал. Там было два деревянных здания, а между ними немощенный двор. Когда здания снесли, обломки покидали вниз, в подвалы, а потом залили все бетоном. У меня точно отмечено положение этих зданий. Западное из них прямо под видеодворцом «Пышные пышки» и его автостоянкой.

— Ты хочешь сказать, — удивляется Эйб, — что нам всего-то и надо что проломить покрытие автостоянки...

— Ну да, потому я и просил тебя захватить инструменты...

— Пробить бетон, прокопать три-четыре фута подсыпки — и мы доберемся до руин эль-моденской начальной школы, существовавшей с 1905 по 1960 год от Рождества Христова?

— Вот именно!

— Так давай! — провозглашает Эйб. — Чего же мы ждем?

— А-хахахахахахаха...

Они выскакивают наружу, расхватывают инструменты, идут по Чапмэн-авеню; в окнах проезжающих машин — лица, глазеющие на людей, передвигающихся пешком.

— Там ведь и закладной камень есть, — все сильнее возбуждается Джим. — И дата на нем высечена. Если бы мы его...

Посетители «Пышек» сверкают ослепительно яркой красно-желто-синей одеждой — в этом сезоне модны основные цвета спектра, — поглощают ослепительно яркие зеленые, пурпурные и желтые пышки, а затем погружаются в голографическую реальность африканской саванны. Четверка друзей огибает видеодворец и выходит на примыкающую к нему маленькую темную автостоянку, с одной стороны которой — глухая стена кинотеатра, с другой — глухая стена супермаркета, а в глубине — глухая стена жилого комплекса. Света не надо — хватает отраженного в низких облаках сияния Око. На старом, заляпанном машинным маслом бетоне, совсем рядом со стеной «Пышных пышек», нарисованы маслом крестики — пометки, сделанные Джимом во время разведывательного похода.

— Прямо вот тут.

Эйб и Таш скидывают с плеч инструменты и вытаскивают дорожное спасательное оборудование Эйба.

— Вообще-то не стоило мне это брать, — печально трясет головой Эйб. — Есть, конечно, запасное, но ведь чего не случается...

Он берет вибрационную пилу, Таш — игольчатый пробойник, вскоре бетон проломлен, еще несколько минут — и в нем вырезана основательная дыра. Треск, визг и скрежет почти без остатка тонут в городском шуме. Затем Таш с Эйбом надевают рабочие рукавицы и принимаются вытаскивать обломки. Дело не очень трудное — бетон здесь толщиной всего дюйма в четыре. К нижней стороне обломков прилепились дюймовые корки древнего асфальта.

— Просто залили старую поверхность, — комментирует Джим. — На этом месте очень толстый культурный слой.

Вскоре автостоянка украсилась квадратной дырой примерно четыре на четыре фута.

— Подумают наверное, что кто-то пытался проникнуть в заведение и похитить формулы секретных пышек, — говорит Таш. Они с Сэнди затягивают рекламную песенку Пышек:

Всем сладкоежкам радость несет
То, что вокруг этой круглой дыры...

— Ну так что, Джим? — вопрошает Таш. — Где же твоя эль-моденская начальная школа? Тут вроде одна земля.

— Это подсыпка. Нужно ее расчистить.

Сэнди вручает Джиму короткую алюминиевую лопату.

— Твоя очередь.

И Джим берется за работу. Джим никогда не был особенным сильным, боролся он в весе мухи, всего сто двадцать три фунта при вполне нормальном росте, и полагался не столько на грубую силу, сколько на быстроту и ловкость — даже когда тренер Бигл, по прозвищу Дикий пес, заставлял их по четыре часа в день ворочать железо.

С умением у Джима тоже не очень — каждый взмах лопаты выкидывает жалкую горсточку земли. Раздосадованный такими результатами, он выставляет ногу вперед, поднятая обеими руками лопата резко идет вниз — но останавливается на полпути, перехваченная здоровенной клешней Таши.

— Сдурел, Джим? Ты же чуть не ампутировал себе ногу! Думай все-таки, что делаешь, ладно?

— А-хахахахахаха.

Но вот энтузиазма у него хоть отбавляй, так что через некоторое время яма достигает глубины фута в два, только теперь появляется новая трудность — как помешать земле обваливаться со стенок и засыпать дно? На место Джима встает Эйб, и дело идет быстрее; примерно через час после начала операции лопата глухо стучается обо что-то деревянное.

— Ого! И даже о-го-го! Клад!

Эйб расчищает толстый деревянный брус. Хорошее дерево, то ли дуб, то ли бук, то ли еще что в этом роде. Сухое и ничуть не прогнившее. Рядом обнаруживается обтесанный каменный блок, одна сторона его скошена и изрезана желобками.

— Отлично! — орет Джим. — То самое! Это из фундамента, на таких камнях выбивают дату.

Эйб очищает поверхность камня, но даты нет.

— А может, на другой стороне...

— Слышь, Эйб, — говорит Таш, толкая Сэнди локтем. — Сколько, думаешь, весит этот булыжник?

— Не знаю. — Эйб пинает камень. — Может, тонну.

— Да брось ты! — говорит Джим.

— Ну ладно... может, каких-нибудь семьсот—восемьсот фунтов.

— А-хахахахахахаха.

— А что, если взять на память кусок этой деревяшки? — предлагает Эйб. — Это, конечно, только для начала. — Он берется за вибрационную пилу и выпиливает часть треугольного бруса.

— Минуты две не трогай черную сторону.

Джим получает деревянную призму, нечто вроде старинной линейки. И глядит на нее с большим сомнением. Такое вот, значит, прошлое...

— Тихо! — говорит Сэнди и выглядывает на улицу. — Полиция. — Он телепат по этой части.

Сэнди спланировал путь отхода и мгновенно ныряет между супермаркетом и жилым комплексом. Он не может позволить себе даже мимолетную встречу с полицейским, тем более — арест, а тут изуродована автостоянка.

Остальные хватают инструменты Эйба и бросаются следом — в тот самый момент, когда луч прожектора заливает стоянку ослепительно белым ксеноновым светом. Гремит стократно усиленный голос, приказывает остановиться, но они уже надежно укрылись в ходах и переходах жилого

комплекса, как тараканы под холодильником. Правда, сегодня полицейские настроены решительно, нельзя же, понимаешь, позволять этим хулиганам калечить автостоянки, так что охота продолжается; врассыпную, короткими бросками четверо друзей перемещаются то в крохотные клетушки дворов, то на наружные галереи второго и третьего этажей, то в загородки мусоропроводов, то в дверные ниши... Комплекс — типичный образчик архитектуры L-5, основной формы двадцать первого века, но он не так велик, как большинство жилых лабиринтов ОкО, в нем не так много хороших мест для укрытия. Пересекая очередной дворик (двенадцать на двенадцать), Джим спотыкается об игрушечного робота и роняет свою археологическую драгоценность; деревяшка со стуком куда-то улетает, Джим мечется в поисках, но недолго — выскочивший из-за угла Сэнди уволокивает его к лифту. И очень вовремя: на горизонте появляется полицейский в шлеме с инфракрасными очками, кто его там знает, вдруг он увидит на земле тепловые отпечатки следов.

Вполне возможно. Во всяком случае блюститель закона задерживается; скрючившись в темном проеме, Сэнди с Джимом смотрят, как луч головного фонаря обшаривает крохотный дворик, и молят Бога, чтобы их подошвы оказались достаточно толстыми.

На какое-то мгновение луч высветил обрезок бруса, валяющийся у корней засохшего куста.

— Так вот, — шепчет Сэнди Джиму на ухо, — это — огрызок дерева. А это, — он тычет пальцем в сторону удаляющегося полицейского, — целая ночь в камере. Тебе, Джим, надо как-то взвешивать, чего ты хочешь и во что это может обойтись. Нужно думать, а только потом действовать...

Они подбирают деревяшку и ныряют в противоположном направлении. К этому времени Джим окончательно утратил ориентацию, но Сэнди, в телепатическом наборе которого есть и великолепный внутренний компас, уверенно двигается на восток, затем сворачивает назад, в административно-спортивно-развлекательно-прачечный корпус комплекса, и коридором, стена которого увешена пятью сотнями почтовых ящиков, выходит на Чапмэн-авеню.

Полицейская машина так и торчит перед «Пышками». Ага, а вон впереди и Эйб с Ташем. Теперь следом за ними, через улицу и в «вольво».

— Где это вас носило? — интересуется Таш.

— Я уронил брусок и начал искать, — объясняет Джим. — В такой темноте разве что увидишь.

— Надеюсь, ты все-таки его нашел, — возмущается Эйб. — А то пойдешь сейчас обратно.

— Да нет, вот он! Видишь?

Друзья хохочут, громко и заливисто. Все хорошо, что хорошо кончается. Они запрыгивают в машину. Включают мотор, выкатывают на Чапмэн-авеню.

— Отвезем-ка мы этот бесценный кусок в музей, а потом заедем к Сэнди, посмотрим, как там тусовка.

— А-хахаха. Сегодня, ребята, там нет никакой тусовки.

— Это ты так думаешь.

Глава 2

Следующим утром Деннис Макферсон, отец Джима, вылетел местным рейсом «Юнайтед» из Лос-Анджелеса в Национальный аэропорт Вашингтона, округ Колумбия. Когда «Боинг 7Х7» снова вошел в атмосферу, он проснулся, собрал рассыпанные по коленям бумаги и засунул обратно в портфель. Зря и вытаскивал. Конечно же, большую часть недолгого полета Макферсон продремал, но даже и читай он эти бумаги, толку было бы чуть. В Вашингтоне нужно встретиться с полковником ВВС Т. Д. Итоном, доложить о ходе работ по программе «Шаровая молния», одному из крупнейших контрактов компании «Лагуна спейс рисерч». Сам Макферсон в этой программе не занят и не знает толком, чем объясняются многочисленные задержки — прямо-таки эпидемия какая-то. Лететь полагалось бы Дэну Хьюстону, только вот Дэн сейчас в Уайт-Сэндс, пытается довести до ума спутник обнаружения-наведения, который предстоит испытать по этой самой программе. А у Макферсона были в Вашингтоне другие дела, вот на него и свалили заодно «Шаровую молнию». Слов нет.

Одно из этих дел — встреча с Томом Фелдकिром, майором из Отдела электронных систем ВВС. Фелдкирк попросил о такой встрече, не называя конкретной причины, что тоже не добавляет спокойствия. ЛСР работает на Отдел электронных систем по целому ряду контрактов, так что предмет будущих разговоров может относиться к самым разным областям.

Потому что, положи руку на сердце, ЛСР переживает трудные дни. Слишком много соблазнительных контрактов

прошло мимо носа, слишком многие из полученных контрактов увязли в задержках и перерасходах. Последнее время ВВС относятся к таким проблемам все суровее и суровее, так что вряд ли беседа с Фелдकिром сулит много хорошего, о чем бы там он ни намеревался говорить.

Самолет снижается вдоль долины Потомака и приземляется. Теперь — в гостиницу.

Макферсон действует автоматически, как на автопилоте. После стольких-то повторений... ЛСР превратила его в главного мальчика на побегушках, и все по таким вот веселым делам. Приходится летать сюда раз двадцать в год, вытаскивать из огня то один каштан, то другой. (Из самолета в терминал, а потом — прямо в очередь за такси. Багаж Макферсона состоит из одной-единственной сумки — результат долгого опыта.) Все эти дипломатического плана задания могут навести на мысль, что Деннис Макферсон — эдакий рубаха-парень, способный за минуту сойтись с разными там летчиками и утрясти любые недоразумения за бутылкой. Вовсе нет, он — человек довольно замкнутый, со строгими, сдержанными манерами, от которых некоторые собеседники даже начинают нервничать. (В такси и — к «Кристалл-Сити Хайет ридженси». На нижнем уровне бульвара Джорджа Вашингтона чуть не пробка, машины тащатся бампер к бамперу.) Нормальную застольную беседу Макферсон ведет не хуже любого другого, он только хорошо знает границу, разделяющую дружелюбие и панибратство, тем более что последнее — в контексте его заданий — выглядело бы весьма прозрачно и фальшиво, а потому — омерзительно. Это же, в конце концов, крупный бизнес, даже самый крупный: оборона. Так чего ради притворяться, что какой-то армейский недоумок, с которым приходится иметь деловые отношения, твой закадычный друг?

«Кристалл-Сити Хайет ридженси», огромное неправильной формы пространство, заполненное зеркалами, эскалаторами, каскадирующими потоками воды и света, стенами живой блестящей зелени, наружными лифтами, галереями. Не задумываясь, автоматически Макферсон пробирается сквозь этот лабиринт, регистрируется, а затем поднимается в свой номер. Теперь — в хромо-белокафельную ванную, посмотреть в зеркало, возможно, привести себя немного в порядок перед работой.

Веснушчатая розовая кожа. Нужно побриться. Над круглым ирландским лбом — белокуро-малиновые (как их назы-

вает Люси), начинающие редеть волосы. Холодные голубые глаза, между бровей — глубокие вертикальные складки, коренастая фигура. Типичный ирландец, не слишком разговорчивый, но заряженный внутренней энергией. Ну а сейчас, что это за вид? Усталый, измотанный, чуть не затравленный. А день предстоит трудный.

И как только до этого дошло? Макферсон начинал инженером — кой черт, да он и сейчас инженер. Окончил Калифорнийский технологический институт по аэрокосмическому конструированию, за последние годы, конечно же, безнадежно отстал, но все еще способен понимать объяснения конструкторов. И Макферсон умеет видеть общую картину, где конструирование, с одной стороны, переходит в изобретательство, с другой — в администрирование. Но администрирование как таковое?.. Другие менеджеры программ заняли свои посты благодаря способностям к руководству, они знают, как заставить людей работать, где нужны уговоры, а где — грубое принуждение. Да вот хоть Стюарт Лемон, начальник Макферсона. Образцово-показательный экземпляр этой породы, типичный динамичный лидер, каких готовят в бизнес-школах. Но пусть в такие игры играют те, кому это нравится. Макферсон начисто лишен наполеоновских замашек, а в том же самом Лемоне они его откровенно раздражают. Сам он просто внимательно изучает вопрос, а затем прямо и без околичностей говорит, что должно быть сделано. Спокойный, уравновешенный подход. (Душ, затем бритье.) Нет, совсем не «руководящие способности» перевели его с конструкторской работы на административную.

Ну а как же тогда все это вышло? Он и сам толком не понимает. (Теперь одежда: неброский консервативный костюм, подходящий для ведения дел в Пентагоне.) Очень распространенная ситуация: нужно объяснить технические вопросы людям, не имеющим подготовки для полного их понимания. Администраторам фирмы, филиалом которой является ЛСР, военным из Пентагона, помощникам конгрессменов... самым разнообразным людям, которые принимают самостоятельные решения и которым нужно для этого иметь ясное представление о сущности технической проблемы. Как раз это Макферсону и удастся. Почему — он не знает, но как-то уж так выходит. Он им старается объяснить, и они обычно понимают. Очень странно. Люси расхохоталась бы, возможно даже со злостью. Она считает своего мужа абсолютно «некоммуникабельным». Но именно эта

способность довела Макферсона до теперешнего его положения, и ничего тут смешного — он ведь каким-то образом отошел от работы, дававшей ему радость, удовлетворение.

Полчаса надо убить, он включает видеостену на программу последних известий. Аравийская война все разгорается, теперь в нее впутался и Бахрейн; против повстанцев брошена морская пехота США, а значит, дело там серьезное. Шлемы с инфракрасными визорами производства «Хьюлетт-Паккард» дают большое преимущество в ночных схватках, но повстанцы имеют некоторое количество старых норвежских ракет «Пингвин» и наносят жуткие потери кораблям американского флота, алюминий этих допотопных крейсеров плавится, словно воск. Ну а в пустыне работают хьюзовские «Маверики», оставшиеся после тайландской войны... Похоже, во всех сорока с лишним войнах, происходящих сейчас, используется устаревшее оружие — с самыми кошмарными для демократических сил результатами.

Миновав необозримых размеров кровать, застеленную ослепительно радужным покрывалом, Макферсон подошел к окну. Прямо перед ним высится «Башня Хьюза», гостинично-ресторанно-административный комплекс, одно из новейших зданий Кристалл-Сити. Кристалл-Сити растет не по дням, а по часам, небоскребы оборонной промышленности кажутся архитектурным воплощением этого бизнеса — стеклом и сталью сверкающие межконтинентальные баллистические ракеты, тесно сгрудившиеся на небольшом пятчке и устремленные в небо. Все деньги, распределяемые Пентагоном, проходят через эти башни, через хрустальный город оружейной промышленности.

Пора и в Пентагон, Макферсон буквально чувствует, как отключается его автопилот. Вторник, утро, Кристалл-Сити, США: пора переходить на ручное, вступать в бой...

Короткий бросок на такси. Пентагон. Сперва — в службу безопасности, чтобы выйти оттуда с опознавательным значком на лацкане, затем появляется лейтенант, они садятся на тележку и едут между белых стен гигантских бесконечных коридоров, лавируют в сплошном потоке пешеходного и моторизованного движения. Настоящие улицы. Макферсона неизменно забавляет до наглости откровенная попытка произвести впечатление. И ведь попытка эта, в общем-то, срабатывает. Пентагон, конечно, очень стар, но все равно огромен. Похоже, последняя реорганизация приняла во внимание современную моду, все указатели окрашены в яркие

основные цвета и прямо пульсируют на фоне белых стен в безжалостном свете ксенона.

Отдел электронных систем ВВС, Секция управления боем. Предпочитая более непринужденную обстановку, полковник Итон приглашает Макферсона в один из расположенных в центральном дворе кафетериев. Они берут булочки и салат, после чего начинается беседа. Макферсон бегло очерчивает проблемы, возникшие у бригады Хьюстона с системой перехвата на разгонном участке траектории.

«Шаровая молния»: при одновременном запуске до десяти тысяч советских МБР система должна обнаружить их все до единой, проследить за траекториями, затем нацелить лучи наземных лазеров, работающих на свободных электронах, отразить эти лучи от летающих в космосе зеркал и уничтожить МБР, пока те еще только разгоняются. Проблема веселенькая, и Макферсон рад, что он за нее, строго говоря, не отвечает. Но сегодня именно ему приходится выслушивать нарекания полковника Итона, нарекания безжалостные и вполне обоснованные. Изложенные в вашей заявке на контракт результаты испытаний показывают, говорит Итон, что вы способны решить все эти проблемы, на которые вы мне жалуетесь. Именно потому вы и получили контракт. Так что заканчивайте, и поскорее. А то ведь может получиться, как с «Большой косилкой».

Упоминание «Косилки» заставило Макферсона зябко поежиться; эта артиллерийская программа, зарубленная министерством обороны за некомпетентность, стала началом конца «Дэнфорт аэроспейс», компании, от которой теперь осталось одно название в книгах по истории промышленных корпораций. И ведь такое бывает, крупная программа может пойти настолько плохо, что рухнет, погребая под собой всю компанию.

Вот так вот. Хорошо позавтракали, весело побеседовали. Теперь Макферсон на верхнем этаже небоскреба «Аэроджет», в конторе, арендованной ЛСР; он делает заметки по проведенной беседе и пытается вспомнить, что же это они там ели? Как-то нехорошо подействовало на желудок. Салат, что ли? Ладно, Бог с ним. Остаток дня он висит на телефоне; сперва — в ОКО, затем — в Уайт-Сэндс, надо сообщить Дэну Хьюстону, что дело пахнет жареным. Дэн и сам понимает; озабоченным, чуть ли не испуганным голосом он просит сделать хоть что-нибудь. Макферсон говорит, что сделает все, что может.

— Но, Дэн, это же не моя программа. Лемон может не дать мне времени что-то сделать. Да я вообще не уверен, что сумею что-нибудь сделать.

Вечером заходит майор Том Фелдкirk, и они едут через реку, в Джорджтаун. Фелдкirkу лет сорок пять; бывший летчик, он одет без следов армейской строгости — в спортивную рубашку, эластичные брюки и мягкие туфли; длина черных, спадающих на плечи волос вряд ли привела бы в восторг начальство базы, на которой он когда-то служил. Отличный парень, судя по двум предыдущим встречам. Фелдкirk и Макферсон оставляют машину на подземной стоянке и выходят на мощный кирпичом тротуар, смешиваются с обычной джорджтаунской толпой. Их можно принять и за адвокатов, и за конгрессменов, да вообще за любых преуспевающих представителей вашингтонской публики. Они обсуждают Джорджтаун, модные бары. Макферсон уже прилично знаком с местностью, легко оперирует названиями ресторанов и тому подобное.

— А вот «Будда в холодильнике»! Такой ресторан ты знаешь? — спрашивает Фелдкirk.

— Нет, — расхохотался Макферсон.

— Давай тогда попробуем. Совсем не так плохо, как можно бы подумать по названию.

Они едут по М-стрит, а затем сворачивают в переулок, где, считай, ничего не изменилось с тысяча восемьсот восьмидесятого, если, конечно, закрыть глаза на металлические направляющие дорожки, проложенные по булыжной мостовой. Перед глазами Макферсона на мгновение возникают старинные монорельсовые трамваи, но он тут же выкидывает их из головы. Не стоит отвлекаться от дела.

Внутри ресторана сплошная Индия, стены увешены свитками, изображающими Будду и различных индуистских богов: шестирукие, слоноволовые, одним словом — экзотика. Макферсон немного обеспокоен, он предпочитает не есть незнакомую пищу, но в меню оказывается целых два десятка страниц, получить можно буквально все, чего душа пожелает, но к каждому блюду полагается некоторое количество отличных буддистских овощей. Ну — это не страшно. Он заказывает филе лосося, а Фелдкirk — какой-то азиатский суп. Несколько лет службы на Гуаме развили в нем вкус к подобной пище. Некоторое время обсуждается тихоокеанская ситуация.

— Советы контролируют ключевые точки, — говорит Фелдкирк, — но теперь мы разместили свои силы в окрестностях всех этих районов, так что тут ничего страшного.

— Но Японии и Корее не позавидуешь.

— Верно. Только ведь японцы и сами могут обеспечить передний край своей обороны, последнее время они очень лихо вооружаются. Ну а мы прикроем их сзади, ситуация не такая уж и скверная.

— А Корея?

— Ну...

Заказ принесли, за едой они обсудили сперва бейсбол, а затем — технические аспекты войны в Бирме. Макферсон потихоньку оттаивает. Ему нравится этот парень, с ним можно иметь дело, вроде как родственная душа. Фелдкирк грустно рассказывает о двух своих сыновьях, оба они сейчас в Аннаполисе*.

— На Гуаме мы честно ходили в море, но разве я думал, к чему это приведет. — Глядя на выражение его лица, Макферсон смеется. Но как бы там ни было, в Аннаполис жутко трудно поступить. — А твои ребята? — спрашивает Фелдкирк.

— У меня только один. Все еще болтается в Ориндже, преподает на вечерних курсах, по совместительству прирабатывает в агентстве по торговле недвижимостью. Станный он какой-то, — сокрушенно качает головой Макферсон. — Без программы в голове.

Теперь смеется Фелдкирк. Покончив с едой, они никуда не торопятся, сидят за бокалами и сыром, смотрят на сливки вашингтонского общества, болтающие за столиками. Фелдкирк откинулся на спинку стула.

— Ты, наверное, не можешь понять, чего это мне понадобилось поговорить с тобой?

Макферсон приподнял брови: вот оно, начинается.

— Конечно.

— Понимаешь, у нас появилась мысль об одной системе, мне хотелось бы ее обсудить. Начнем с того, что «Ар-Экс-16» почти готов.

— Действительно?

«Ар-Экс-16» — это ДУМ, дистанционно управляемая машина, фирмы «Нортон»; в некоторых кругах Отдела

* Город в штате Мэриленд, где расположена Военно-морская академия.

электронных систем новинка вызывает прямо-таки неумеренные восторги: полностью автоматизированный реактивный самолет, строго засекреченная скорость которого приближается, по всей видимости, к семи звуковым, способный делать виражи и прочие маневры, которые раздавили бы живого пилота перегрузкой. Изготовленный по технологии стелс из кевлара и прочих легких материалов, он дает радарный рефлекс не больший, чем у мухи. В действительности Макферсон знал, что «Ар-Экс-16» — плод наиболее успешного из последних контрактов «Нортропа» — запускается в производство, но предпочел об этом умолчать.

— Да. Шикарная машина. — В глазах Фелдкирка мелькнуло что-то вроде зависти. — Вот на таком бы полететь... Только похоже, что время пилотируемых боевых самолетов прошло. Как бы там ни было, у нас появились некоторые мысли насчет использования этой машины на европейском театре...

Понятно, использовать против угрозы вторжения стран Варшавского Договора, использовать в великой неопределенности, которая десятилетие за десятилетием вынуждает великие державы доводить свои обычные вооружения до все большего совершенства.

— И что?

— Ну, вот как мы думаем. Аппарат готов. По-видимому, некоторое время он будет быстрее и маневреннее всего, что появится у Советов. И если танки все-таки попрут через границу, очень хотелось бы использовать против них «Ар-Эксы», ведь тогда поле боя может превратиться фактически в тир. Мы видим это примерно так: «Ар-Эксы» валяются на полной скорости со своих шестидесяти тысяч футов, переходят на бреющий, скрытно осматривают местность, находят по дюжине танков каждый, бьют по ним ракетами «Сталкер-девять» и снова уходят на высоту. А затем — новый заход, и так, пока не кончатся ракеты и горючее.

— Картинка, знакомая пилотам пикирующих бомбардировщиков, — замечает Макферсон. — Так значит, вам нужна навигационная система для бреющего полета. На высоте деревьев со скоростью порядка мили в секунду, а то и больше...

— Точно.

— И ты еще сказал — скрытно.

То есть они не хотят, чтобы самолет ощупывал землю собственными сигналами, которые может засечь вражеская

система обнаружения. Это находится в противоречии с требованием точной навигации и крайне усложняет задачу.

— Точно.

Стандартное оборудование для нахождения целей, продолжает Фелдकिрик, АИГ-лазер, излучающий на длине волны 1,06 микрона, тут не годится. Новое окно для прицельных лазеров расположено в промежутке от восьми до четырнадцати микронов — здесь новейшие радары русских бессильны.

— Возможно, подойдет лазер на углекислом газе.

Но луч такого лазера проходит сквозь облака несравненно хуже, чем луч лазера на алюмоиттриевом гранате.

— Система должна быть всепогодной? — спрашивает Макферсон.

— Нет, только для приличной погоды, днем и ночью.

Так что их не заботит, скажем, туман. Макферсону неожиданно представляются советские танки, выжидающие туман, чтобы начать третью мировую войну...

— А вес?

— Мы бы хотели не больше пятисот фунтов, если в одном корпусе. В крайнем случае — семьсот пятьдесят, но тогда — в двух, устанавливаемых под крыльями. Это все можно оговорить.

Макферсон напряженно вздыхает. Ничего себе, ограничительный фактор.

— А мощность питания, сколько может самолет отдать этой системе?

— Порядка десяти киловатт. И никак не больше десяти с половиной.

Еще одно ограничение. Макферсон задумывается, перебирает в уме все факторы. Составные части системы существуют, нужно только собрать их вместе, заставить работать на этом автоматическом самолете.

— Звучит интересно, — говорит он в конце концов. — Думаю, мы выдвинем предложение, если, конечно, идея понравится моему боссу.

Фелдкирик трясет головой и слегка улыбается, отчего становится вдруг похожим на мальчишку.

— По этой теме мы не хотим печатать ЗНП.

— Вот как!

Теперь смысл неожиданной беседы понятен.

По закону Пентагон обязан выставлять все свои программы на открытый конкурс контрактов. Для этого в «Коммерс дейли» печатается Запрос на предложения, обрисо-

ывающий основные характеристики требуемого оборудования. Все бы и хорошо, но советская разведка тоже покупает «Коммерс бизнес дейли», получая таким образом приличное представление об американских военных возможностях. В данном случае русские постараются быстренько создать радарные системы, закрывающие это самое окно.

— Кроме того, — продолжает Фелдкирк, — если они узнают, что нужно ускорить работы по противовоздушным системам, и сумеют это сделать, все наши старания пойдут насмарку. Так что эту программу мы делаем сверхчерной и хотим поручить ее компании, которая, по нашему мнению, выполнит работы лучше, чем любая другая.

Все это, конечно же, незаконно. Теоретически. Но ведь Пентагону все-таки поручено защищать страну. Некоторые программы приходится хранить в тайне, это признает даже Конгресс. Если уж на то пошло, черные программы — обычная часть системы, некоторые из членов Комитета по вооруженным силам слышат о них чуть не каждый день. Но вот сверхчерная... такая программа остается в ведении исключительно Пентагона и выбранного им подрядчика.

Значит, ЛСР получила контракт. Прочие оборонные компании жаловаться не станут, даже если что-нибудь и прослышат — у всех есть свои секретные программы.

Фелдкирк продолжает оправдывать решение сделать программу сверхчерной:

— У нас есть и другие способы удержать Советы от броска. Поэтому нет нужды трезвонить об этой системе, запугивать противника. Пока они о ней не знают, у нас есть защита — если танки все-таки попрут, им конец. Устарелые, как авианосцы, они станут легкими мишенями, что твои утки в пруду. Кроме того, теперь правительство сможет серьезно отнестись к переговорам по тактическому ядерному оружию. Тогда Советы немного смирятся с нашими космическими установками, заодно снимется напряженная ситуация с ядерной артиллерией в Турции, Саудовской Аравии, Таиланде и где там еще. А то ведь что получается — или ты используешь эту технику в первые же минуты, или она погибла. Подобная ситуация никому и никогда не нравилась, но деваться было некуда. Ну а так мы сможем покончить с этим риском — получим способность сделать все необходимое и без тактического ядерного оружия.

— Да, — кивает Макферсон, — хорошо бы. — Сейчас ему не хочется и думать, насколько вся американская стратегия

завязана на ядерное оружие. Оборона организована, мягко говоря, не умно. — Но ты же понимаешь, мне нужно переговорить с начальством.

— Само собой.

— Хотя, правду говоря, я не могу себе и представить, чтобы мы отказались от такого предложения.

— И я не могу.

Фелдкirk поднимает бокал, и они пьют за будущий контракт.

На следующее утро Макферсон звонит Стюарту Лемону.

— Да, Мак?

— Я насчет моей встречи с майором Фелдкirkом из ОЭС.

— Да? Что ему понадобилось?

— Нам предложили сверхчерный контракт.

Глава 3

Стюарт Лемон, начальник Макферсона, стоит у окна своего кабинета и смотрит на Тихий океан. День близится к концу, низкое солнце окрашивает остров Санта-Каталина в нежно-абрикосовый цвет, золотит паруса яхт, скользящих к своим стоянкам, у мыса Дана и в Ньюпорт-Бич. Кабинет располагается на верхнем этаже высотного корпуса ЛСР, на прибрежном обрыве между Корона-дель-Мар и Лагуной, прямо напротив мыса Риф. Лемон часто повторяет, что вид из его окна — лучший во всем округе Ориндж; возможно, он и прав — вид не включает ни клочка земли, кроме отдаленной глыбы Каталины.

В этот самый момент Деннис Макферсон поднимается на лифте, чтобы рассказать о своих переговорах с Фелдкirkом; Лемон думает о предстоящей встрече и вздыхает. Делать так, чтобы твои подчиненные прикладывали к работе максимум усилий — настоящее искусство, в каждом отдельном случае нужно применять свой особый метод. Лемон давно руководит Макферсоном и давно понял, что лучше всего этот человек работает из-под палки. Взбесить его, наполнить его ненавистью — и он прямо набросится на дело, будет работать яростно и продуктивно. Да, в этом нет сомнений, но насколько утомительными стали их отношения! Взаимная неприязнь из деланной превратилась в самую настоящую. Теперь с трудом сдерживаемая дерзость, почти наглость неотесанного, лишенного всяких манер инженера не столько уже забавляет Лемона, сколько раздражает. То, что позволяет

себе этот Макферсон, не лезет ни в какие ворота, и помыкать им стало почти приятно.

Звонок — это Рамона сообщает, что Макферсон уже здесь. Лемон начинает прохаживаться перед окном: девять шагов, поворот, девять шагов, поворот. Входит Макферсон, вид у него усталый.

— Вот так, значит, Мак. — Лемон указывает на кресло, а сам продолжает неторопливо рассказывать, глядя не столько на собеседника, сколько в окно. — Добыл нам сверхчерную программу, так что ли?

— Да. Фелдкирк сделал предложение и попросил передать его фирме.

— Отлично, отлично. Расскажи-ка мне поподробнее.

Макферсон описывает систему, заказанную Фелдкирком.

— В большинстве компонентов системы нет ничего особенного, нужно только соединить их в одном устройстве, связать оперативной программой и запихнуть в достаточно маленький ящик. Но с двумя системами датчиков — для скрытного обзора местности и для обнаружения целей — тут возможны проблемы. Лазеры на углекислом газе, предложенные Фелдкирком, все еще на стадии лабораторных испытаний. Так что...

— Но ведь контракт сверхчерный, верно? Сугубо между нами и ВВС.

— Правильно. Но...

— У каждого метода есть свои недостатки. Это не значит, что мы не согласимся. Мы, собственно, не можем позволить себе роскоши отказаться от сверхчерного контракта, другого предложения может и не последовать. А в Пентагоне и сами понимают, что программа очень рискованная — потому они и пошли таким путем. И еще одна вещь, о которой не следует забывать: именно самые рискованные проекты приносят самые высокие прибыли. Как выглядит твой рабочий график?

— Ну...

— Ты достаточно свободен. Контракт по «Канадэр» я передам Бейли, и тогда ты сможешь полностью заняться этой штукой. Послушай, Мак. — Самое время воткнуть пару булавок. — Дважды подряд ты руководил составлением предложений, проигравших конкурс. Проекты оказались чересчур сложными, к тому же оба раза ты едва успел подать бумаги в срок. А ведь это крайне важно — подготовить предложение на пару недель раньше срока, показать ВВС, что

тебе это раз плюнуть, что ты хорошо знаком с тематикой. Теперь ты получаешь сверхчерную программу, у которой вроде бы и нет никаких крайних сроков. Но в работе, организованной таким вот образом, минуя обычные каналы, самое главное — справиться с заданием быстро, пока не изменилась обстановка. Ты меня понимаешь?

Словно не слыша Лемона, Макферсон смотрит в окно, уголки его рта плотно сжаты. Лемон почти улыбается. Ведь точно, Макферсон так по сию пору и считает свои провалившиеся предложения лучшими из поданных; он все еще не понимает, что стремление к совершенству — недопустимая для нашего бизнеса роскошь. Проект должен обеспечивать высокую отдачу на каждый израсходованный доллар, а для этого необходим трезвый реализм. Именно то, что есть у Лемона. Именно то, что и обеспечило ему занимаемый сейчас пост. И на этот раз придется погонять стадо даже чуть строже, чем обычно.

Он прекращает расхаживать и тыкает в сторону Макферсона пальцем; Макферсон вздрагивает.

— Руководить проектом будешь ты — этого, как я понимаю, хотят ребята из Пентагона. Но я хочу, чтобы все было сделано быстро. Ты это понимаешь?

— Да.

Макферсон снова молчит, но все ясно и без слов — его глаза горят яростью и презрением. Это лицо читается так же легко, как буквы дорожного знака. СВОРАЧИВАТЬ ЗДЕСЬ. Теперь он пойдет на место и будет работать как заведенный; разобьется в лепешку, чтобы выполнить программу как можно скорее и сунуть ее Лемону в глотку. Вот и прекрасно. Именно такая работа и делает отдел Лемона одним из самых продуктивных в ЛСР при всех неисчислимых технических трудностях. Работа всегда выполняется.

— Закончишь предварительное техническое задание — сообщи мне. Потом полетишь в Вашингтон.

— Система поиска целей и управляющая программа, с ними так быстро не разберешься...

— Прекрасно. Я совсем не отрицаю, что есть вопросы, нуждающиеся в разрешении, они есть всегда и во всем, так ведь? Нужно только, чтобы они разрешались с предельной оперативностью. — Теперь самое время для малой дозы начальственного раздражения. — И я не хочу больше слышать, что кто-то там увяз в том или сем. Никаких отсрочек, я устал от оправданий объективными трудностями.

Пробормотав сквозь крепко стиснутые зубы нечто отдаленно похожее на «до свидания», Макферсон покидает кабинет. Лемон не может сдержать смеха, хотя отчасти взъерился и сам. Это какой же наглец! Просто забавно, на что приходится идти, чтобы заставить некоторых работать по настоящему.

А теперь — последний на сегодня посетитель, Дэн Хьюстон. С Дэном Лемон видится часто. Вот вам человек совершенно иного, чем Макферсон, типа — слабее, конечно, в области техники, но при этом несравненно лучший в обращении с людьми. Они с Лемоном дружат еще с того давнего времени, когда вместе начинали работать в «Мартин Мариетте». Затем один и тот же охотник за головами заманил их обоих в ЛСР; Лемон получил тогда более высокую должность, причем с годами эта дистанция не сократилась, а выросла. Другой мог бы и обозлиться, но Хьюстон не из завистников. Его Лемон берет приветливостью и дружелюбием. Если на Дэна нажать, тот только обидится, помрачнеет и станет работать медленнее. Его нужно приободрить, не столько толкать, сколько тащить. Ну и, если уж по-честному, Дэн Лемону нравится. Хьюстон взирает на своего начальника с восхищением, они проводят много времени вместе — ходят на яхте, играют в бадминтон, гуляют по парку вместе со своими союзницами, Дон и Эльзой. Короче говоря — они дружат.

Поэтому Хьюстона он встречает сидя, и они смотрят в окно на яхты, которые возвращаются в Ньюпорт, лавируя против ветра. И дружно смеются, увидев особо грубую ошибку. Затем Лемон спрашивает, что там новенького с «Шаровой молнией», и Хьюстон начинает обычный скулеж.

Это — один из трех крупнейших контрактов фирмы, и внутренне Лемон кипит — серьезные задержки просто недопустимы. Но приходится сочувственно кивать.

— Никто так и не решил проблему минимального времени облучения, — говорит он, словно рассуждая вслух. — Слишком уж большие энергии. ВВС хотят, чтобы мы творили чудеса.

— Да, но, подписывая контракт, они были уверены, что мы эту проблему уже решили.

— Я знаю. — Конечно же, знает. Кому же еще и знать? Ведь именно Лемон одобрил ссылку на результаты Хантсвилльских экспериментов. Все-таки Дэн бывает придурковатым... — Послушай, а ты привлекал к этому Макферсона?

— Ну, попробовал один раз... Он воспринял идею до-вольно кисло.

— Я знаю. — Лемон сокрушенно качает головой. — Но ведь Деннис с норовом, что твоя примадонна. — Тут нужно поосторожнее, ведь Дэн и с Макферсоном дружит. — Есть немного. Приведи его к себе, пусть поговорит с конструкторами, с программистами. Может, что-нибудь и предложит. Деннис будет занят своей собственной работой по новому проекту, но я скажу, чтобы он выкроил время. Нельзя же, в конце концов, день за днем с утра до вечера непрерывно работать над одной и той же темой.

— Нет, конечно. Обязательно получают паузы — то одного ждешь, то другого.

Дэн, похоже, доволен; ему очень хотелось получить помощь. А у Макферсона отличное техническое чутье, тут уж не поспоришь.

Кроме того, в результате Макферсон тоже увязнет в «Шаровой молнии» со всеми ее заморочками. Лемон настолько зол на этого типа, что идея приводит его в восторг. Теперь нужно надавить посильнее — как знать, вполне возможно, что Макферсон вытянет программу из дыры, нравится она ему или нет. Превосходно.

Еще несколько минут ушло на обсуждение оснастки кеча, возвращавшегося к мысу Дана. Прекрасная яхта. Затем Лемон решил, что пора и домой.

— Сегодня я готовлю *navarin du mouton**, а это дело долгое.

Отпустив Хьюстона, Лемон спускается на служебную автостоянку к своей машине. Дверь «мерседеса» захлопывается с глухим, приятным звуком. Лемон ставит диск Рейнской симфонии Шумана, раскуривает сигару из кубинского табака, подкрашенного умеренной дозой МДМА, и выезжает на прибрежную магистраль, ведущую к Лагуна-Бич.

День прошел вполне удачно, а удача сейчас очень нужна. ЛСР является филиалом «Арго АГ/Блессман энтерпрайзис», одной из крупнейших транснациональных корпораций; президент ЛСР Дональд Херефорд, прямой начальник Лемона, обосновался в Нью-Йорке — ведь он имеет заодно пост вице-президента «А/БЭ». Потрясающий человек, но только последние два года ему не нравится, как работает «Лагуна спейс рисерч». Известие о новом сверхчерном контракте

* Здесь — баранье рагу с овощами (фр.).

немного снимет напряженность, вызываемую проволочками с «Шаровой молнией» и недавней серией проигранных конкурсов. Очень хорошо и вовремя. Лемон переходит на скоростную полосу, дает «мерседесу» волю.

Нет, точно нужно будет положить в *navarin du mouton* не одну дольку чеснока, а две. И добавить один — или даже два — листика базилика. А то в последний раз получилось как-то пресновато. Будем надеяться, что Эльза сумела найти хорошую баранину. Если, конечно, она вообще удосужилась выйти из дома.

Глава 4

Деннис Макферсон покидает ЛСР чуть позже Лемона и направляется домой. Сперва через Мадди-Каньон, мимо Сигнального холма — это по бульвару, затем дорога идет налево по Ирвин, направо по Ивнингсайд, налево по Морнингсайд, а теперь — до последнего дома по левой стороне; Макферсонам принадлежит половина, выходящая на улицу, а также гараж и навес для автомобилей. Сворачивая по дорожке к навесу, Деннис замечает маленький потрепанный «вольво» Джима, оставленный прямо на улице, и обреченно вздыхает — еще один раздражающий фактор, только этого и не хватало для полной коллекции.

Дома Джим и Люси; как обычно, они о чем-то спорят.

— Ты пойми, мама, ведь Всемирный банк дает им ссуды только на выращивание товарных культур, в результате чего они перестают производить то, что нужно для собственного пропитания, не могут больше сами себя прокормить, а затем рынок для товарных культур исчезает, и им остается либо покупать пищу у того же Всемирного банка, либо идти с протянутой рукой, а кончается все тем, что хозяином ферм становится банк.

— Не знаю, не знаю, — качает головой Люси. — А ты не думаешь, что банки просто хотят им помочь? Они поступают очень великодушно.

— Мама, да неужели ты сама не видишь всей подоплеки?

— Ну, не знаю. Банк ссужает деньги почти без процентов. Тебе не кажется, что он практически отдает их за так?

— Конечно, не кажется!

Деннис идет в спальню переодеться, ему не хочется влезать в очередную дискуссию сына и жены. Спорят они бесконечно, Люси — с христианских позиций, а Джим — с

псевдосоциалистических, причем оба смешивают серьезные философские проблемы с вопросами повседневной жизни, превращают разговор в какую-то кашу, неразбериху. О Господи. И ведь все — по вопросам, никак их самих не затрагивающим, словно какие-то профессиональные спорщики, переливающие из пустого в порожнее для тренировки, чтобы не терять форму. Сам Деннис ненавидит споры, для него они — нечто вроде словесных драк; ведь при споре неизбежно разъяришься и будешь надолго выбит из равновесия. Такого и на работе более чем достаточно.

Деннис возвращается в гостиную и включает видеостену на последние известия. **БИРМАНСКАЯ ВОЙНА ПЕРЕКИДЫВАЕТСЯ НА БАНГЛАДЕШ.** Эти двое так и продолжают спорить.

— Прекратите, — говорит Деннис.

Они поворачиваются. Джима ситуация явно забавляет, но Люси расстроена.

— Деннис, — в ее голосе слышны жалобные нотки, — мы же просто разговариваем.

— Ну так и разговаривайте, а не грызитесь.

— Да кто же тут грызется!

Однако Люси капитулирует и начинает собирать на стол, одновременно рассказывая Джиму о прихожанах своей церкви; судя по вопросам Джима, он весьма хорошо осведомлен о делах людей, которых ни разу не видел лет уж десять. Деннис проглядывает новости и выключает стену; завтра в заголовках будет практически то же самое, их только искусно перефразируют, чтобы придать сообщениям хоть какую-то видимость разнообразия. **ВОЙНА ПЕРЕКИНУЛАСЬ НА** (страну подставьте сами).

Потом они садятся за стол, Люси читает молитву, и они начинают есть. После обеда Джим говорит:

— Э-э, папа, ты прости, пожалуйста, что я тебя отвлекаю, но эта старая машина чего-то сама переходит в правый ряд, хочу я того или нет. Я уж проверял программу, сколько мог, но ничего такого не обнаружил.

— Тут дело не в программе.

— А-а. Вот как. А, э-э... а ты не можешь ее посмотреть?

Ну, теперь понятно, чему обязаны редкой честью. Деннис поднимается и молча выходит. Он раздражен — тем более что деваться некуда; трасса — штука опасная, так что, если отказать искать неполадку, сказать Джиму: «Научись хоть что-нибудь делать своими руками», опомниться не успеешь,

как позвонят из дорожной полиции с сообщением, что машина этого идиота отказала и он разбился в лепешку, а тогда уж — кусай локти, что не захотел заниматься этой чертовой починкой. Поэтому Деннис заводит машину в гараж, ставит на пол сильный фонарь и начинает снимать кожух переключающего механизма.

Джим тоже идет в гараж, садится рядом, на пол, и смотрит. Деннис лежит под машиной на скользящем поддоне, ездит взад-вперед, складывает все винты в одно место, чтобы не потерялись, проверяет магнитные функции всех контактов механизма... Ну да, так и есть. Два вышли из строя, еще два дышат на ладан, в результате чего управляющий сигнал передается направо, чем все и объясняется. Краткий миг торжества по случаю разрешения маленькой загадки, в которой, правду говоря, и нет ничего такого уж загадочного. Тут бы любой разобрался. Что возвращает мысли к Джиму. И снова поднимается раздражение — ну чего, спрашивается, сидит тут, весь ушел в какие-то свои мысли и даже не пытается хоть чему-нибудь научиться, а ведь без машины этой он был бы как без рук, на ней же вся его жизнь построена. Деннис тяжело вздыхает.

— Ты думаешь что-нибудь насчет настоящей работы? — спрашивает он, заменяя дефектные детали запасными (своими собственными, а они, кстати сказать, стоят совсем не дешево).

— Да, пробую найти.

Старая песенка. Да и к какой, собственно, пригоден он работе? Сколько лет посещал колледж, но так и не научился делать ничего настоящего. Конторская работа, немножко преподавания в вечерней школе... неужели он ни на что больше не способен? Деннис плотно заворачивает винт. Ну так что же умеет Джим? Ну... он умеет читать книги. Да, уж книги-то он читает. Но Деннис тоже умеет читать книги. Чтобы научиться этому, совсем не обязательно ходить в колледж шесть лет. Вот только непонятно, чего это ради должен он после одиннадцатичасового рабочего дня лежать на спине и чинить своему сыночку его машину.

Пусть хоть немного поможет.

— Послушай, возьми этот контакт, подлезь сверху и вставь его вот в эту щель.

— Сейчас, папа.

Джим обходит открытый капот машины — заслоняя при этом свет стоящего на полу фонаря — вытягивает руку с зажатым в пальцах контактом и наклоняется.

— Ну вот, сию секунду... ой!

— Что там у тебя?

— Уронил. Но я видел, куда он залетел, это между мотором и распределителем, один момент... — Он наклонился еще сильнее, пытаясь перегнуться через мотор и окончательно загоразивая свет.

— Что ты там делаешь?

— Я его сейчас... а, чтоб его!

Джим падает в моторное отделение, передняя часть машины резко опускается и придавливает лежащего на спине Денниса.

— Эй, да ты что!

Слава еще Богу, что у машины приличные рессоры — самим же Деннисом и поставленные год назад, — а то раздавило бы в лепешку. Он пробует выползти, двигается очень осторожно, но край корпуса упирается в ребра и... нет, ничего не получается.

— Ты меня придавил, вылезай оттуда!

— Я... э-э... я не могу. У меня вроде рука... рука застряла под этой штуковиной.

— Какая еще штуковина?

— Да вроде распределитель. Я уже нащупал этот контакт, подобрал его, а потом...

— А если ты отпустишь контакт, рука вытащится?

— Э-э... нет. Ни так ни так не получается.

Деннис обреченно вздыхает, сдвигается боком на край поддона и нажимает. Поддон с лязгом ударяет противоположным своим краем по днищу машины, и Деннис скатывается на пол. Затылком по бетону — мало приятного, хорошо хоть не очень сильно. Ведущие контакты, естественно, прижаты к полу, нужно обогнуть их, для чего приходится извиваться ужом, еще немного — и он на свободе.

Деннис стоит рядом с машиной, потирает ушибленный затылок и задумчиво созерцает торчащие из моторного отделения ноги. Можно подумать, этот красавец просто взял и нырнул туда, головой вперед. Собственно говоря, он почти так и сделал. Деннис берет карманный фонарик и освещает внутренности моторного отделения. Голова Джима как-то странно вывернута и прижата к груди.

— Приветик, — говорит Джим.

Деннис освещает руку Джима, ту, которая засунута под распределитель.

— Так ты отпустил этот контакт?

— Ага.

Джим говорит глухо и неразборчиво, словно с кляпом во рту. Деннис наклоняется, оттягивает защелки и снимает крышку распределителя.

— Попробуй теперь.

Джим резко дергается и освобождает руку. Его голова врежется в поднятую крышку капота и вышибает металлическую подпорку, на которой та держалась; крышка громко захлопывается, чуть-чуть не перебив руку Денниса и шею Джима.

— Ой! Ух ты!

Деннис чуть опускает защитные очки и смотрит на Джима. Затем он открывает капот и ставит крышку распределителя на место.

— Так где, говоришь, этот контакт?

— У меня он, — гордо заявляет Джим, протягивая контакт одной рукой и потирая голову другой.

Дальше Деннис снова работает в одиночку. Крепежные винты он закручивает почти намертво — если Джим решит когда-нибудь снять эту крышку (держи карман шире), поневоле вспомнит, кто ставил ее в последний раз.

— А как у тебя на работе? — Осторожный вопрос Джима призван, по всей видимости, заполнить молчание.

— Порядок. — Деннис заворачивает последний винт и встает. — Следующую неделю меня почти не будет дома, придется сидеть в Вашингтоне. — Он смотрит на сына. — Ты бы зашел сюда раз-другой, поужинал.

— Хорошо. Обязательно.

Деннис складывает инструменты в ящик.

— Ну, так я, пожалуй, поеду.

— Не забудь попрощаться с мамой.

— Да, конечно.

Джим направляется к дому, идущий следом Деннис удивленно покачивает головой. Ноги, болтающиеся в воздухе... ну прямо как жук, перевернутый на спину.

Джим прощается с Люси.

— Что-то давно мы не видели Шейлу, — говорит Люси.

— Ну, как-то все так. Последние недели мы с ней почти никуда не ходим.

— Жаль. Мне она нравится.

— И мне тоже, просто и я, и она были очень заняты.

— Ты обязательно к ней зайди.

— Да, обязательно.

— А еще ты бы зашел к дяде Тому. Ведь давно у него не был.

— Да, давно, но я зайду, честное слово зайду. Ладно, я поехал. Спасибо, папа.

Джим поворачивается к двери, и Деннис буквально видит, как из головы сына мгновенно улечиваются все обещания.

— Счастливо, — говорит он. — И будь поосторожнее. Старайся не застревать башкой в моторном отделении.

Глядя на закрывшуюся дверь, Деннис рассмеялся — коротко и невесело.

Глава 5

Джим мчится по шоссе, с каждой секундой его охватывает все большая злость. Полностью поглощенный собственными переживаниями, он уже забыл и про Шейлу, и про дядю Тома. Долгое одиночество на трассе, одна из главных составных частей его жизни. И злость. Он вспоминает события, меняет их детали, переставляет, организует в новую картину — пока не оказывается, что во всем виноват отец, пока вся злоба не переходит на Денниса, оставляя самого Джима ни в чем не повинным. Чего стоит один этот взгляд поверх очков, после того как Джим сумел наконец выдраться из проклятой машины. Просто оскорбительно.

Он паркуется на Саут-Кост Пласа в подземном гараже и поднимается лифтом на верхний этаж. Это южный конец молла, и здешние квартиры — из самых дорогих во всем округе Ориндж. Через звукоизолирующую дверь доносится дробь ударных и еле слышный плеск голосов. Джим входит.

Квартира Сэнди и Анджелы состоит из шести больших комнат, расположенных в ряд, как вагоны поезда. Большие окна — собственно, не окна, а прозрачные стены — каждой комнаты выходят на юго-восток; этот дом — гелиотропный. За окнами — балкон, протянувшийся во всю длину квартиры. И балкон, и все комнаты, кроме спальни, заполнены людьми, тут сейчас человек шестьдесят, не меньше. Обычная, считай, ежедневная тусовка, так что все ведут себя довольно спокойно. Сэнди еще не пришел. Джим проходит на кухню, это — первая комната анфилады. Везде комнатные

растения, огромные, в огромных глазированных горшках. Все растения сияют здоровьем и благополучием, можно даже подумать, что они искусственные, пластиковые; ходит шутка, что у Анджели полимерный палец*.

Не заметив никого, с кем особо хотелось бы побеседовать, Джим выходит на балкон. Он прислоняется к высокому, по грудь, парапету и смотрит на огни прибрежного ОкО, подмигивающие в темпе быстрого пульса. Это — его город.

Джим в глубоком унынии. Он обрабатывает документы для фирмы, торгующей недвижимостью, и преподает на вечерних курсах трабукского начального колледжа, но и там и там — вне штата, на неполном рабочем дне. Отец считает его неудачником, а друзья — шутком гороховым. Последнее вполне понятно, Джим придерживается этой роли сознательно, ведь все его друзья в той или иной степени клоуны, так что шутки среди них ценятся очень высоко. Убери шутовство, и он превратился бы в объект чужих насмешек. Только как же все это надоело, надоело, надоело. Насколько лучше быть... кем? Да кем-нибудь другим.

Появляется Сэнди, на собственное сборище и с трехчасовым опозданием. Ну это как всегда, в точном соответствии с Уставом караульной службы.

— При-веет! — вопит Сэнди; тут же подходит Анджела Мендес, вторая постоянная обительница этой квартиры, и прерывает вопль поцелуем. Сэнди идет дальше, его веснушчатая кожа порозовела от возбуждения.

— Эй, вы, привет! Чего это вы все приутихли? — Он подходит к музыкальной стене и врубает ее децибелов этак на сто тридцать. Сисястая Лаура поет «Я хочу, мне очень нужно», аккомпанирующие ей барабаны грохочут так неистово, словно по ним лупят двадцать эпилептиков.

— Вот так! — Сэнди сдергивает с длинного бежевого дивана, стоящего в видеокомнате, каких-то девиц и начинает танцевать с ними — здесь же, среди свисающих с потолка экранов. Он не удовлетворится, пока каждый из присутствующих не протанцует хотя бы один раз, и все это понимают, и все поднимаются и начинают скакать и прыгать, и все этому рады. Сэнди мечется от одного танцующего к другому, сует свою физиономию прямо в их лица — подрагивает психованная улыбочка, бледно-голубые глаза навывкате, ка-

* Иметь зеленый палец — английское выражение, обозначающее особый дар выращивать растения.

жется, еще немного, и они вывалятся, закачаются на пружинках.

— Ты какой-то чересчур нормальный! Бери, попробуй эту штуку! — И вот уже у всех в руках глазные пипетки с новейшим творением Сэнди — «Социальная гармония», «Восприятие прекрасного», «Полный улет»; кто там знает, что стоит сегодня на крохотных этикетках, но заторчат все, конечно же, как пить дать. Сэнди — лучший в ОкО составитель наркотиков, знаменитость. Но он совсем не пренебрегает и более старомодными методиками; на кухне Анджела смешивает маргариту*, наполняет ею кувшины, а сам Сэнди копошится среди домашних растений, вытаскивает из тайников гигантских размеров косяки, запаливает их от паяльной лампы, швыряет в собравшихся с криком: «Ты вот это покури!» Глядящий с балкона Джим лишь смеется. Ведь есть и другой Сэнди — тонкий, остроумный, мыслящий. Культурстервятник, не уступающий и самому Джиму. Но это совсем не он мечется среди гостей, стараясь их завести, играет роль уматного хозяина. Интересно, а есть пипетка с ярлыком «Уматной хозяин»?

На пипетке надпись «Постижение структур» (стало быть, Сэнди предпочел это название), и Джим делит ее с какой-то парочкой, почти знакомой, он почти помнит, как их зовут. Моргнуть, еще моргнуть. Это звезды или уличные фонари?

— Я — обитатель ОкО в четвертом поколении, — замечает он между прочим (между ничем). — Оно в генах у меня, место это. У меня в генетической памяти, как тут было, когда тут росли апельсиновые рощи.

— У-гу.

— А вот нам бы трудно было жить таким черепашьям шагом, верно?

— У-гу.

Чего-то в этой беседе недостает. Джим не совсем еще решил, какой вопрос задать: не дома ли они оставили мозги, или — не тяжело ли все время притворяться идиотами, но тут из двери комнаты для игр на балкон высовывается Таши.

— Эй, Макферсон, — говорит он. — Не хочешь помахать ракеткой?

Совершенно ясно, кто им потребовался. Им потребовался Джим — Шут гороховый. Он играет в пинг-понг

* Мексиканский напиток на основе текилы — кактусовой водки.

неортодоксально, а уж если прямо говорить, то неуклюже, но это все шелуха. Он нужен, и это — главное.

Артур Бастанчери как раз приканчивал Хэмфри Риггса; передавая влажную от пота ракетку Джиму, Хэмфри, непосредственный его начальник по торговле недвижимостью, нехорошо выругался. Джим оказался лицом к лицу с Королем пинг-понга или, короче, Кинг-Понгом.

Росту в Артуре Бастанчери, Кинг-Понге, примерно шесть футов два дюйма, он голубоглазый, темноволосый и широкоплечий. И очень нравится женщинам. К полному восхищению Джима, считающего себя социалистом, Артур — активист антивоенного движения и редактор подпольной газеты. А кроме того — прямо-таки образцово-показательный свой парень, с которым можно иметь дело.

Некоторое время они гоняют шарик просто так, для раскочки, и Джим обнаруживает, что сморгнул, пожалуй, излишнюю дозу «Постижения структур». Сложная пространственно-временная сеть, которую плетут они с Артуром, воспринимается великолепно — но, прямо скажем, с некоторым опозданием; кроме того, за белым шариком тянется след, словно за самолетом, а это путает и отвлекает. Короче говоря, игра не сулит Макферсону ничего хорошего.

Они начинают, и все оказывается еще хуже, чем можно было ожидать. Руки у Джима быстрые, но — тут уж не поспоришь — неловкие. И у него сейчас что-то не то с восприятием времени. Почти уже смирившись с неизбежным поражением, он решает нагло идти в атаку. А ну-ка сделаем, думает он, этого в ухо долбаного комми, что, конечно же, курам насмех — ведь Джим полностью согласен со всеми известными ему политическими воззрениями Артура. Но в данный момент очень полезно вздуть в себе этакую яростную ненависть к красным.

Еще полезно не обращать внимание на внешнюю эффективность игры. Артур играет мощно, после его ударов шарик летит, что твой снаряд, и Джим вынужден делать движения, мягко выражаясь, забавные — изгибаться, скрючиваться, нырять к стенкам комнаты и всякое в этом роде... Узнав, кто сейчас играет, Анджела спешит в комнату и убирает подальше драгоценные свои растения. Вот и прекрасно, больше места для маневра.

Артур ведет с разгромным счетом, а тут еще Джим, в попытке позловреднее закрутить шарик, бьет себя ребром ракетки прямо в лоб. Это спортивное достижение вызывает

общий хохот, однако боль вскоре проходит, темные пятна, появившиеся было перед глазами, исчезают, и вдруг оказывается, что удар неким странным образом стимулировал Джима. Синапсы выстроились по-новому, в мгновение ока проросли новые аксоны, и вся игра стала очень ясной и очень понятной. Он на два, на три удара вперед видит, куда предопределено опуститься шарик.

Джим поднимается на новый уровень полной уверенности в себе и компетентности; его удары слева начинают достигать цели, при малейшей возможности резкий поворот кисти посылает шарик под таким острым углом, что тот отскакивает прямо в лица людей, сидящих напротив сетки. Теперь чередовать такие удары с прямыми слева, пологими, едва зацепляющими край стола. Все это, в сочетании с отважными, чтобы не сказать идиотическими, нырками к стене, вытаскивающими иногда почти безнадежные мячи, меняет ход игры. Все свои последние подачи Джим выигрывает. Счет 21—17.

— Две из трех, — предлагает Артур, без тени веселья в голосе.

А вот это уже ошибка — стремиться к реваншу, когда Джим на таком подъеме. Ведь в пинг-понге, если разобраться, почти все зависит от того, с какой уверенностью lupишь ты по шарик. Всю вторую партию Джим ощущает мощный напор энергии, энергия буквально струится сквозь него, и тут уж Артур ничего не может поделать.

Теперь Джим даже позволяет себе роскошь заметить, что соседнее помещение — видеокомната — заполняется народом. Сэнди включил установленные в игровой комнате камеры, так что зрители могут наблюдать происходящее в восьми ракурсах, на большом стенном экране и на многочисленных висячих экранах, прикрепленных к потолку серебристыми пружинами — по всей видеокомнате толпами носятся Джимы и Артуры. Пустеет даже сама игровая комната — люди покидают ее и идут к экранам, так что игрокам становится еще просторнее.

Но у Артура все идет из рук вон плохо. Предчувствия Джима приобретают жутковатую, нездоровую отчетливость, иногда ему приходится сдерживать свой замах, чтобы дать Артуру время направить шарик в предопределенное место. **Какое все-таки удовольствие эта простенькая, дурацкая игра!**

Вторая партия, 21—13. Артур швыряет ракетку на стол.

— Ну! — улыбается он, по-рыцарски признавая полное свое поражение. — Сегодня ты, Джим, вообще. Теперь самое время попробовать, что у них там за маргарита.

Возбуждение Джима начинает спадать, он оглядывается по сторонам. Таши и Эйб даже не заходили ни в игровую, ни в видеокомнату. Жаль, что ребята пропустили такое зрелище, лишний раз убедились бы, что Джим — не только шут гороховый. Ну да ладно, ведь воздаяние за любое действие — в нем самом, верно?

Вот только убедить себя в этом бывает очень и очень трудно.

— Отличная игра.

Джим поворачивается и видит Вирджинию Новелло. И снова адреналин в крови. Вирджиния — бывшая союзница Артура (они разошлись всего месяца два назад); для Джима она — воплощенный идеал. И вот этот идеал стоит тут, прямо перед ним.

Длинные прямые волосы, густые и белокурые, выгоревшие на солнце, но все еще чуть рыжеватые.

Да, есть такая краска для волос, и ее называют «Золото Калифорнии».

Рост чуть ниже среднего.

Фигура, ради которой женщины ездят на воды и изнуряют себя упражнениями.

Вирджинии это не нужно.

Блузка без рукавов, с низким воротом, вышитая белым по белому.

Сильные бицепсы, маленькие, словно игрушки, трицепсы, четко рисующиеся под гладкой загорелой кожей. Полный отпад.

Эстетические идеалы меняются со временем, но чего, спрашивается, ради?

Лицо калифорнийской модели: маленький изящный нос, изогнутый рот, широко посаженные синие глаза.

Идеал внешности, признанный в обществе, только и пекущемся, что о внешности.

Веснушки на щеках, прикрытые загаром, который вот-вот начнет шелушиться.

Этот красный стоп-сигнал в голове...

Да, думает Джим, это вполне оправдывает небольшую дозу адреналина. Ясное дело, теперь прекрасны все и каж-

дый, ведь мы же, как ни кинь, в Калифорнии, но для него, для Джима, Вирджиния Новелло — то самое. И вот она стоит тут рядом и разговаривает с ним. Она говорила с Джимом и прежде, но всегда как-то рассеянно, отстраненно, и всегда об Артуре, а вот сейчас... Джим предлагает Вирджинии только что взятый с подноса стакан с маргаритой, она берет стакан и отпивает глоток. Под загорелой кожей рук перекачиваются сплетения мышц, мерцает на солнце шелковистый пушок, прикрывающий запястья. Ее белая блузка — отдохновение для глаза среди яркого многоцветья, заполняющего комнату. Эти ткани окрашиваются в очень узкой полосе спектра, герц примерно в пятнадцать, и синяя кофта становится, скажем, фиалковой, или желтая — ярко-зеленой, они очень популярны из-за такой своей особенности, но все-таки тут — отдохновение для глаза. Смелая, в некотором роде, одежда.

— Странная штука — пинг-понг, — говорит Джим. — Играешь то так, то так, и никогда не знаешь, насколько можешь рассчитывать на себя. Вот ты это замечала?

— То же самое, пожалуй, и в любом спорте. Настоящий подъем приходит редко. А может, так и во всем, не только в спорте?

Джим молча кивает и смотрит на Вирджинию. У нее хорошая улыбка, легкая и сдержанная. А при всем своем обожании издалека — что он знает про Вирджинию? Работает вроде бы где-то в бизнесе. Странно это сочетается с политической деятельностью Артура. Может, потому они и разошлись. Ну да ладно, не наше это дело.

— Где ты работаешь? — спросил Джим, провожая ее на балкон.

Оказалось, что в Ньюпорт-Бич, в старом молле «Остров Моды». Работает она на управляющую компанию, чьими услугами воспользовалась «Ирвин корпорейшн», которой принадлежит земельный участок. Старое ранчо, с каждым поколением оно дробилось среди все возрастающего числа владельцев, и так продолжалось лет двести... Да и вообще «Ирвин» — только традиционное название, теперь там никого уже и нет из этой семьи. Джим пустился в рассуждения о землевладении в Око, Вирджиния слушает его с интересом, иногда перебивает вопросами.

— Интересно, — говорит она, — ведь никто и никогда не задумывался, как это случилось, что все пошло по такому пути.

Ну, Джим-то задумывался, но сейчас об этом не хочется. Вместо этого он рассказывает о недавних археологических раскопках в окрестностях «Пышных пышек», выставляет себя в самом смешном и дурацком свете, и Вирджиния смеется. Шут гороховый — очень, если разобраться, полезная роль, и Джим это прекрасно знает. Тем более что после такой вот демонстрации высшего класса в пинг-понге шутовство воспринимается скорее всего как проявление скромности. Джим и Вирджиния смотрят на бегущие по магистралям машины. Когда они перегибаются через красные герани, окаймляющие балкон, их руки чуть соприкасаются. Прикосновение совершенно случайное и, конечно же, совершенно ничего не обозначающее.

— А ты серфингом занимаешься? — спрашивает Вирджиния.

— Нет. Таш пробовал меня научить, но, как только я встаю на доску, она куда-то улетает, а я плюхаюсь в воду.

Вирджиния смеется:

— Нужно просто решиться и прыгнуть на нее, не думая ни о каком равновесии. Ну точно, я могла бы тебя научить.

— Правда? Вот бы здорово. — Джим не кривит душой, это только представить себе такую картину — Вирджиния на пляже. — А то Таш только и знает, что говорит: «Не нужно падать, Джим». Словно я нарочно.

Вирджиния снова смеется. Вообще-то у Джима союз с Шейлой Мейер. О чем не преминула бы напомнить мамочка. Их союзу уже почти четыре месяца, и это были хорошие четыре месяца. Но последнее время Джим стал воспринимать свой союз спокойно, как нечто само собой разумеющееся, новизна и возбуждение прошли, а кроме того, Шейла — лагунатик и добирается до центрального ОкО не чаще двух раз в неделю, так что Джим довольно часто развлекается с другими женщинами, такая вот тусовка — идеальное место для знакомств. Это, естественно, известно всем его друзьям, и Джим фактически начал считать себя свободным человеком, чему Шейла скорее всего очень бы удивилась. Но поговорить с ней как-то все не удается, все нет подходящего случая. Ничего, скоро и этим займемся. А тем временем Джиму кажется, что измены делают его в глазах друзей хоть чуть-чуть не таким уж шутком гороховым, хоть немного светским человеком.

Да и вообще ни о чем таком он сейчас не думает. Он вчистую забыл и о Шейле, и даже о друзьях, только где-то в

глубине мозга осталась смутная, неоформленная мысль, что сойдишь они с Вирджинией Новелло — тут бы все так и сели.

Довольно длительное время они обсуждают относительные достоинства серфинга и бодисерфинга, а также прочие философские проблемы аналогичного плана. Затем они заходят в комнату, садятся на один из длинных бежевых диванов и берут еще по маргарите. Они говорят о работе Джима, об общих знакомых и музыкальных группах, которые нравятся ему и ей. В квартире становится свободнее, остались только самые завсегдатаи тусовки, настоящие друзья Анджелы и Сэнди. В комнату заходит Сэнди, он садится на корточки и вмешивается в разговор:

— А рассказал тебе Джим, как мы вчера громили автостоянку?

— Да, и мне очень захотелось посмотреть на этот кусок дерева.

— Где он у тебя, Джим?

— Отдал в мастерскую, там из него сделают мне ручку для пинг-понговой ракетки.

Вирджиния и Сэнди хохочут — ясное дело, Джим шутит. Сегодня — его вечер.

Эрика, она союзница Таши, подходит к сидящему Сэнди сзади, хватает его за длинные, увязанные хвостом рыжие волосы и тянет вверх.

— Ты намерен сегодня открывать бассейн или нет?

— Ага, а что, разве я еще не открыл? Да сколько же это времени? Час? — Губы Сэнди растягивает широкая психованная ухмылочка, похотливо выпученные на Эрику глаза опять готовы вывалиться на пол. — Пошли вместе, я включу тепло, а ты это самое попробуешь.

— Попробую что? — Обняв друг друга, Эрика и Сэнди направляются в дальний конец квартиры, где бассейн и сауна. — Таш! — кричат они хором. — Анджела!

— Пойдем в бассейн? — предлагает Вирджиния Джиму.

— Пойдем, — говорит он спокойно.

Они следуют за Сэнди и Эрикой, и Анджелой, и Розой, и Габриэлой, и Хэмфри, и еще за кем-то по коридору, а оттуда — к бассейну. Сэнди включает свет, водогрей, обогреватель сауны и распылители воды. Тут жарко и влажно, в сетках из макраме висят наиболее тропические из растений Анджелы, прямо джунгли Амазонки. Пол, обшивка стен — все

деревянное, да не какое-нибудь, а из секвойи, прозрачный куполообразный потолок, большой, выложенный голубым кафелем бассейн; да, роскошно они живут, Сэнди и Анджела. Все идут в раздевалки и начинают раздеваться.

У Сэнди это делается просто и непринужденно, раздеться на людях — было бы о чем говорить. Потому-то, наверное, и заклинило левый глаз Джима, когда он пытался наблюдать одновременно за раздеванием Вирджинии и Эрики, заклинило самым натуральным образом и в самом ненатуральном положении — глаз этот оказался вывернутым куда-то к носу. Пришлось высвобождать несчастный орган подсматривания, потихоньку надавив на него пальцем — для дальнейшего, естественно, использования: видеонасыщение дало Джиму, как и всем остальным, хорошую подготовку для созерцания женского тела. Когда переkreшенные руки одним текучим движением скидывают через голову блузку, когда слегка свисают освободившиеся груди, а волосы рассыпаются по плечам, каждый мужчина испускает счастливый, восхищенный вздох знатока. Нет сомнения, что женщины тоже испытывают при этом некоторое возбуждение, здесь ведь присутствует момент псевдотабуированного эксгибиционизма, а говоря попросту — это же так здорово, сбросить с себя все это прямо у всех на глазах, не говоря уж об окружающей тебя борцовско-серфинговой мускулатуре... Но все равно в этом нет ничего особенного, само собой, ясное дело, да кто бы сомневался.

Покончив с раздеванием, все переходят в соседнюю комнату и погружаются в бассейн. Роза и Габриэла — они давным-давно в союзе — окунают друг друга в горячую воду с головой. Комната полна смеха и пара. В дверях появляется Дебби Ригтс, сестра Хэмфри, желающая узнать, что тут за шум, а драки нет. Для Вирджинии в бассейне слишком горячо, мокрая, она садится на деревянный пол рядом с Джимом. Они опять разговаривают.

Тела. Мускулатура под влажной кожей. Всем нам знакомы ее формы.

Красноватый свет дробится на мокрых завитках волос.

Высокие полные груди, начинающиеся от самых ключиц.

Мужские члены, плавающие среди пузырьков, изгибающиеся то туда, то сюда — привет? привет?

Привет?

Курчавые лобковые волосы, равнобедренные магниты зрения.

И мигание стоп-сигналов: клик-клик, клик-клик — в голове.

Вирджиния наклоняется над своими крепкими, сильными бедрами, критически осматривает ухоженный, лаком покрытый ноготь на пальце левой ноги. Красивой лепки мышцы рук и ног, боковые мышцы ясно говорят о занятиях греблей, а брюшной пресс — об уйме упражнений. Хорошо уравновешенная фигура, приятная для глаза после радикализма других женщин. Взять, например, Розу. Верхней частью тела она — незрелый подросток, а нижней — цирковой атлет. Или Габриэлу, у которой мощные грудные мышцы, по-старомодному большие груди, мальчишеские бедра и длинные стройные ноги. Общим им вполне подходят эти оригинальные формы, обе они жутко привлекательны — каждая по-своему, но все-таки умеренность, стандартные пропорции, доведенные до совершенства — это кое-что.

Вирджиния возвращается в бассейн, их с Джимом притискивают друг к другу. Нижнюю часть тел застилают поднимающиеся из воды пузырьки. Джим передает Вирджинии глазную пипетку, их пальцы соприкасаются — и словно замыкается какая-то электрическая цепь. Скользящие вокруг тела напоминают дельфинов. У противоположного края бассейна Анджела, гормональная подпитка придала ее ангелическому телу пышность, далеко превосходящую стандарт, но кому же от этого плохо. Она стоит, широко расставив ноги, запрокинув вверх лицо, высоко поднятые руки держат пипетку. Образ...

В руку Джима тычется грудь.

— Я живу на северной стороне СКП, — неожиданно говорит Вирджиния, за общим гвалтом ее голос еле слышен. — Не хочешь зайти?

— Ты буквально выкручиваешь мне руки, — говорит, как всегда, остроумный Джим.

Глава 6

Легкий бриз носит вокруг гаража бумажные лохмотья, холодит мокрые волосы. Двухминутная поездка на северную сторону Саут-Кост Пласа, где располагаются дома примерно

того же класса, что жилище Сэнди с Анджелой. Лифт наверх, входная дверь, и сразу — бегом, с хохотом, в спальню.

Вирджиния зажигает все лампы, включает видеосистему. Установленные под потолком камеры — восемь штук — отслеживают их инфракрасными датчиками, два набора больших экранов, на боковых стенах комнаты, показывают раздевающуюся Вирджинию, спереди и сзади. Джима эти изображения возбуждают, и очень; брюки летят в сторону, и теперь на половине экранов он сам, со стоящим, как кол, членом. Вирджиния хохочет, хватает Джима за природную рукоятку и затаскивает в постель. Они принимают только те позы, при которых могут вместе смотреть на экраны. Изображения Вирджинии...

Плавная кривая бедра, оно провело уйму времени на велосипедных тренажерах.

Светло-желтый поток волос сверху.

Черные лобковые волосы внизу, подбритые в форме стрелки, указующей вниз — и внутрь.

Мигание! Мигание!

Раскачивающиеся груди (изображение).

Боковые мышцы, рельефно выделяющиеся на грудной клетке.

...пронзают Джима. Вирджиния оседлала его. Вот оно — живительное соединение. Она сверху, она шутивно удерживает его за запястья, бицепсы ее напряженно вздуваются, а лицо, глядящее влево, на экраны, рисуется тонким, прекрасным профилем. Ее груди... они почти отвлекают Джима от экранов. Но на стене, куда он смотрит, имеется и вид, снимаемый из-за его головы, так что он видит там эти груди, свисающие с крепких, напряженных грудных мышц, в то время как соседний экран показывает сцену в обратном ракурсе, демонстрирует непристойное, порнографическое, почти невозможное анатомически изображение — его собственный член, внедряющийся в нее и выходящий наружу, то скрытый ее ягодичными мышцами, то освобожденный, розовый и влажный, то скрытый...

Экраны мигнули и поблекли. Остекленевшее, серо-зеленое ничто.

Вирджиния соскочила с Джима.

— Какого хрена! — Она яростно тычет в кнопки управляющего пульта. — Ведь все включено! — Но экраны не горят,

а камеры не следуют за ее метаниями по спальне. — Вот черт! — Побагровевшая от усилий и разочарования, она начинает остервенело молотить по кнопкам. — Эта хреновина снова сломалась! — Что-то в ее голосе заставляет принадлежность Джима обмякнуть и уныло обвиснуть, несмотря (смотря?) на всю соблазнительность стоящей посреди комнаты девушки. — Ты можешь это починить? — спрашивает она.

— Ну-у... — Джим неохотно скатывается с кровати и подходит к пульту. Там вроде все в порядке... Он смотрит на камеры. Провода, ведущие к ним, на месте. — Не думаю, чтобы...

— Вот черт! — Вирджиния садится.

— Но... — Джим указывает на кровать. — Главная часть оборудования в порядке.

На лице Вирджинии появляется раздраженная гримаска. Она поднимает голову, протягивает руку и шлепает обвислым членом Джима по его ноге.

— Да неужели?

И резко смеется. Нужно заметить, что приличная видеосистема для спальни Джиму не по карману, а маленький дешевый комплект поминутно ломается, так что выходить из таких вот пикантных ситуаций ему не в новинку. Всегда можно сообразить что-нибудь экспромтом. Джим заглядывает в ванную.

— А-га!

В огромной, с верхним светом ванной стоит высокое, в полный рост, зеркало; со вновь вспыхнувшей надеждой Джим волочет его в спальню. Раскинувшаяся на кровати Вирджиния напоминает сейчас вкладку из какого-нибудь мужского журнала — «Мисс Июнь», или там «Мисс Декабрь»; она шарит в ящике прикроватного столика, пытаясь найти пипетку.

— Вот оно! — гордо заявляет Джим. — Ранний вариант видеосистемы.

Вирджиния смеется и начинает руководить установкой зеркала.

— Чуть-чуть пониже. Вот так, в самый раз.

Они возвращаются к прерванному занятию, на этот раз — поперек кровати, чтобы иметь возможность глядеть в сторону, на зеркало, где напропалую трахаются их близнецы. Несколько неловко, что эти близнецы, в свою очередь, глядят на них, но тут тоже есть свой интерес; не в силах удержаться, Джим ухмыляется и похабно подмигивает своему двойнику. Изображения тоже не такие, как всегда — мягкость и глубина

видеосистемы сменилась жесткой, поблескивающей материальностью, словно это не зеркало, а окно, сквозь которое они подглядывают за парочкой, занимающейся своими делами в ином, более глянцево, чем наш, мире.

— Ве-есьма при-коль-но, — провозглашает Джим по завершении работы. И хохочет.

Но Вирджинии совсем не смешно.

— Теперь придется звать ремонтников, а как я это дело ненавижу. Всегда одна и та же песня: «Простите, мэм, только нужно бы провести что-нибудь вроде испытания, проверить, работает ли система».

— А ты скажи им, — смеется Джим, — да долбитесь вы конем. И пусть это будет такое испытание.

— А они возьмут да так и сделают, — продолжает хмуриться Вирджиния. — Извращенцы.

Ну ладно, все вышло путем. Теперь, по окончании, Вирджиния начинает проявлять беспокойство. Ей, оказывается, хочется вернуться на тусовку. Ладно, соглашается Джим, сейчас он готов на все, чего бы ни пожелала эта его новая и очаровательная подружка. Да ему и самому там нравится. Через несколько минут Вирджиния и Джим уже встали, оделись и готовы вернуться к Сэнди.

Глава 7

У лифта они сталкиваются с Артуром Бастанчери, который тоже возвращается к Сэнди, почему-то с большой сумкой через плечо. Джим чувствует себя неловко — как-никак он только что побывал в постели с экс-союзницей Артура, а кто там знает, какие у них отношения. Но ни Вирджиния, ни Артур и глазом не моргнули, а затем все они вместе прошли в видеокомнату и начали обсуждать происходящее на экранах, и тогда Джим тоже немного расслабился. В конце концов, напомнил он себе, мы же в постмодерновом мире, и каждый человек — суверенная сущность и свободен делать все, что ни пожелает, и никакие союзы не должны этому препятствовать. Так что нечего тут особо смущаться.

Появились Сэнди и Анджела, Таши и Эрика, только что, по-видимому, вылезшие из воды — от тел, обернутых большими толстыми белыми полотенцами, еще шел пар. Они сразу прошли на кухню сообразить какую-нибудь еду. Артур поставил сумку на пол и начал что-то в ней перебирать.

— Вы идете со мной? — крикнул он в направлении кухни.

— Не сегодня, — откликнулся Сэнди. — Я совсем как тряпка.

Остальное население кухни безмолствовало. Артур поморщился.

— Джинни?

— Вряд ли, Арт, — покачала головой Вирджиния. — Я же говорила тебе, это зряшная трата времени.

Лицо Артура делается совсем уж недовольным, Вирджиния резко встает и выходит на кухню, где компания весело хохочет над чем-то, что Сэнди не то сделал, не то сказал. Артур печально качает головой, ну вот, говорит его лицо, снова мне придется делать все самому, в одиночку.

— А что именно — зряшная трата времени? — интересуется Джим.

— Пытаться изменить этот мир, — с вызовом смотрит на него Артур. — По мнению Вирджинии, пытаться изменить мир — просто зря тратить время. Вот и ты, наверное, так считаешь. Все вы так считаете. Уйма болтовни про то, как все плохо, как мы должны все изменить, но, когда встает вопрос о конкретных действиях, оказывается, все это — одна болтовня.

— Уж так и болтовня!

— Нет? — Голос Артура звучит пренебрежительно, на губах играет саркастическая улыбка, он снова наклоняется к своей сумке. Оскорбленный Джим бросается в бой.

— Конечно, нет! И почему ты не говоришь мне, о чем, собственно, речь?

— У меня тут плакаты. Хочу устроить в этом молле информационный блицкриг. Вот... — Не глядя на Джима, Артур сует ему в руки вытащенный из сумки лист бумаги.

Под одним углом это голограмма ошалевшего от восторга серфера, который катится на идеальной «трубе»*, но, если чуть повернуть, появляется убитый американский солдат. Сфотографирован труп скорее всего в Индонезии, ноги у него оторваны. Под этой жуткой, не на ночь смотреть картиной, крупными буквами идет надпись:

ТЫ ХОЧЕШЬ УМЕРЕТЬ?

К твоим услугам:

Явные войны в Индонезии, Египте, Таиланде и на Бахрейне.

* Волна правильной, закругленной формы, удобная для серфинга.

Тайные войны в Пакистане, Турции, Южной Корее и Бельгии.

В каждой участвуют американские солдаты.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ПОГИБАЕТ
350 АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ.
СНОВА ВВЕДЕН ПРИЗЫВ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.
СЛЕДУЮЩИМ МОЖЕШЬ ОКАЗАТЬСЯ ТЫ.

Джим нерешительно трет подбородок.

— Ну так что? — смеется Артур. — Пойдешь со мной расклеивать эти штуки?

— Ясное дело, — говорит Джим. Говорит с единственной целью: потушить этот пренебрежительный взгляд. — Почему бы и нет?

— За это можно угодить в камеру, вот почему.

— У нас же вроде есть свобода слова, или как?

— Они умеют извернуться, пришить совсем другое обвинение. Загрязнение. Осквернение. Эти бумажки только лазером и сдерешь, у них на обороте молекулярно-керамические связи.

— Хм-м. Ну и что? Ты же не планируешь попадаться?

— Нет, — хохочет Артур.

Он разглядывает Джима с откровенным любопытством. Несмотря на все сегодняшние события — пинг-понговую победу Джима и последующие его постельные кувыркания с Вирджинией... а может, каким-то странным образом, как раз из-за этих событий... Артур вроде как находится на недостигаемой высоте, беседует с Джимом сверху вниз. Джим не понимает этого — но чувствует.

— Тогда идем. — Артур встает, берет сумку и направляется к двери. Джим плетется следом; проходя через кухню, он ловит на себе хмурый взгляд Вирджинии.

— Давай начнем с севера и будем двигаться сюда, — говорит Артур в лифте. Они опускаются на первый этаж, берут пустую мототележку и катят через пустынный комплекс к Саут-Кост Виллиджу, погребенному под северной оконечностью молла.

— Пожалуй, хватит. Нужно сделать все в темпе, минут так за двадцать. Но поосторожнее, поглядывай на счет полиции молла.

Артур и Джим идут назад, по широкой центральной галерее молла. Слева и справа эскалаторы. Отражаясь в зерка-

лах, они ведут на десятки других этажей — настоящих и зеркальных.

— Плакаты наклеивай, а потом притирай этим стержнем. Он активизирует связи.

Джим приклеивает на витрину пиццерии небольшой плакат. Пенный вал тропического прибоя разбивается о ноги обнаженной девушки. Чуть сдвинуть голову — и девушка сменяется еще одним окровавленным солдатским трупом. Надпись:

НАШЕЙ СТРАНОЙ ЗАПРАВЛЯЕТ МИН. ОБОРОНЫ. —
ПРОТЕСТУЙ.

— Ух ты. Некоторым еда не полезет в горло.

Уже почти четыре часа ночи, хотя внутри молла, безвременного, как казино, этого не заметно. В больших универмагах темно, но все остальное — витрины, зеркала, кафельные стены — сверкает прыгающей, подмигивающей настырностью неона.

Свет! Камера! Начало эпизода!

Длинная центральная галерея, уходящая на пять этажей вверх.

Пластиковые деревья, подсвеченные фонтаны. Отраженные подобия. Игорные залы, закулочные, видеобары — все открыто, все упруго пульсирует.

Эй, знаешь что? Я есть хочу.

Вращается карусель Саут-Коста. На каждом животном — сидок.

Остекленевшее око. Соударение музыкальных сфер. Мигание.

Парни толкуются в уборных, у входов в закрытые магазины.

Теперь в экспресс-бар. Отираться без дела.

Делать покупки.

На Главной улице.

Ты здесь живешь.

Джим и Артур наклеивают плакаты на стены, витрины, двери.

— В этом морге сегодня не протолкнуться, — говорит Артур.

Джим смеется. Он тоже ненавидит моллы, хотя проводит в них не меньше времени, чем любой другой человек.

— А чего вообще обвешивать такое место плакатами? Только молекулярную керамику переводить.

— В основном — да. Но с того времени как опять ввели в действие закон Гинтрича, у призыва прорезались зубки, так что многие ошивающиеся здесь люди сильно рискуют. И ничего об этом не знают, ведь они газету в руки не берут. А если уж быть до конца честным — они вообще ни хрена не знают.

— Как лунатики.

— Вот-вот. — Артур презрительно указал на группку парней, подкуренных до полной неспособности передвигаться. — Именно лунатики. Ну как достучаться до их тупых мозгов? Одно время я издавал газету.

— Знаю. Мне она нравилась.

— Да, но ты ведь читаешь. Ты принадлежишь к крохотному меньшинству. Особенно — в нашем ОкО. Потому-то я и решил перейти на средства информации, доступные большому количеству людей. Мы делаем видеопрограммы, которые очень прилично расходятся. По большей части это секс-комедии. А печатное оборудование перевели на изготовление плакатов.

— Я видел ваши индонезийские плакаты — те, которые у Сэнди. Очень красиво.

— Да при чем тут это, — раздраженно машет Артур. — Все вы, культурстервятники, такие. У вас везде одна сплошная эстетика. Вы же ни во что не верите. Вам нравится то, что усаждает ваш утонченный взор.

Джим не отвечает, он молча идет в «Макдональдс» и наклеивает плакат прямо на меню. С одной стороны, он немного обижен — ведь как-то нечестно так вот набрасываться на него — как раз тогда, когда он рискует своей шеей, расклеивая эти дурацкие плакатики. Но в то же самое время какой-то внутренний голос говорит ему, что Артур, пожалуй, прав. Чего там крутить, это действительно так. Сколько Джим себя помнит, он всегда ненавидел и презирал правящие силы Америки, но при этом ровно ничего не делал, только скулил. Все его усилия уходили на создание эстетически совершенной жизни, жизни, обращенной лицом к прошлому. Король культурстервятников. Да, Артур прав, хотя бы — отчасти.

— А зачем, собственно, ты всем этим занимаешься? — спросил Джим.

— Да ты только посмотри на все это! — взрывается Артур. — Посмотри на всех этих лунатиков, это же прямо зомби какие-то... И не только здесь, вся страна такая! Такая она и есть, от океана до океана, кладбище мозгов. А остальной мир — самое настоящее кладбище. Мир разваливается на куски, а мы заняты тем, чтобы надеть побольше оружия, чтобы захватить побольше этих кусков!

— Я знаю.

— Ну да, конечно, ты знаешь. А что же тогда спрашиваешь?

— Вернее, пожалуй, было бы спросить: неужели ты и вправду думаешь, что такие вот штуки, — Джим качнул висевшую на плече Артура сумку, — могут что-нибудь изменить?

— А откуда мне знать? — пожимает плечами Артур. — Мне хочется хоть что-нибудь сделать. Хотя бы, чтобы лучше себя чувствовать. Но ведь нужно что-то делать. Вот ты, что делаешь ты? Стучишь по клавиатуре для торговцев недвижимостью, обучаешь технократов технопрозе, так ведь?

Джим неохотно кивает. Тут уж спорить трудно.

— И обе эти работы тебе до синей лампочки. Так вот ты и плывешь по течению, заделался королем культурстервятников и предаешься размышлениям о смысле жизни. Да ты хоть во что-нибудь веришь?

— Да! — Жалкое, неубедительное выражение несогласия. Ведь Джим и сам много раз думал, что стоило бы жить более... политически, что ли? Это лучше согласовывалось бы с его ненавистью к ведущимся войнам, к накапливаемым горам оружия (вот-вот, этим-то и занимается отец!), вообще — ко всему положению вещей.

— Я слышал твои разговоры насчет того, каким было прежде ОкО. — Артур смолкает, заметив полицейского. Блюститель порядка наблюдает, как в витрине Лас-Вегаса появляются результаты кено*, зеленые цифры, светящиеся из глубины стекла. Полицейский двигается дальше, и Артур заклеивает цифры очередным мертвым солдатом. — Кое-что из твоих разглагольствований имеет смысл. Все эти попытки организовать в наших местах коллективное существование — Анахейм, Фаунтин-Вэлли, Ланкастер — их обязательно нужно помнить, хотя они и провалились, все до единой. Но большая часть этой цитрусовой утопии — чушь собачья. Ведь

* Игра типа лото.

здесь всегда процветал аграрный бизнес, испанские земли расхватывались такими здоровенными кусками, что Калифорния оказалась идеально приспособленной для корпоративного сельского хозяйства, здесь оно, собственно, и началось. Кто собирал апельсины в этих так жалостливо тобой оплакиваемых рощах и кущах? Рабочие, которые вкалывали, как собаки, а жили хуже самых замордованных средневековых крестьян.

— Да я никогда этого не отрицал, — обижается Джим. — Я и сам об этом знаю.

— А с чего такая ностальгия? — не отступает Артур. — Может, тебе просто хотелось бы быть одним из этих привилегированных землевладельцев, в те самые добрые старые времена? Ты рассуждал, как русские белогвардейцы в Париже.

— Да нет же, — неуверенно возражает Джим.

Они оклеили плакатами стены зала для отдыха и теперь приближаются к «Мэй Компани», расположенной на самой южной оконечности молла.

— В наших местах предпринимались очень серьезные попытки создания сельскохозяйственных коммун, по большей части — как раз на основе апельсиновых рощ. Если мы не будем помнить об этих попытках, получится, что все усилия многих людей пошли впустую.

— Их усилия и так пошли впустую. — Артур нашлепывает очередной плакат. — Надо отсюда сматываться, теперь уже полицейские точно успели ознакомиться с нашей работой. А усилия этих ребят пошли впустую потому, — жесткий палец наставительно ткнул Джима в руку, — что у них не оказалось последователей. И мы с тобой тоже вертимся тут практически впустую, это ведь все равно что проповедовать перед глухими, корчить рожи слепым. Необходимо нечто более активное, какое-нибудь настоящее сопротивление. Ты это понимаешь?

— Пожалуй, да. Понимаю. — Правду говоря, Джиму не совсем ясно, о чем это Артур. Но он уверен, что Артур прав, что бы тот ни имел в виду. Джим вообще очень покладистый парень, друзья всегда могут убедить его в чем угодно. А доводы Артура обладают еще и той дополнительной силой, что выражают в явном виде смутные желания самого Джима. Джим знает лучше любого другого, что в жизни его не хватает чего-то очень важного, какой-то цели. И ему очень хотелось бы схватиться со все и вся обволакивающей

масс-культурой, ведь он-то знает, что жизнь не всегда была такой.

— Ты хочешь сказать, что действительно делаешь что-то более активное?

— Вот именно. — Артур смотрит на Джима таинственно и многозначительно. — Я, и люди, с которыми я работаю.

— Так какого же черта! — восклицает Джим, раздраженный всей этой таинственностью, недоговорками и высокомерием. — Вот я, я хочу сопротивляться, но что я могу сделать? То есть, вполне возможно, я захочу тебе помочь, но откуда мне знать это точно, если ты только и делаешь, что чешешь языком? Чем ты занимаешься?

Артур смотрит ему прямо в глаза долгим и жестким взглядом.

— Мы занимаемся саботажем. Боремся с производителями оружия.

Глава 8

По холмам разбросаны кости китов. Многие миллионы лет здесь была океаническая отмель. В рощах водорослей жили морские твари, а когда эти водоросли и эти твари умирали, их тела опускались на дно, становились сперва слизью, а затем камнем. Мы по ним ходим.

Вверху солнце вставало из-за горизонта, пробегало свой путь, уходило за горизонт, и так сотни миллионов раз. Внизу тектонические плиты плавали в мантии, перемещались, сталкивались — куски головоломки, вечно ищущие свое настоящее место, никогда его не находящие.

Когда две такие плиты трутся краями друг о друга, земля корежится, складывается, вспучивается. Так случилось и здесь, пять миллионов лет тому назад. К небу возносились горы, извергавшие пепел и лаву. Дождь смывал грязь, засыпал этой грязью морское мелководье. В конце концов получилось то, что видим мы сейчас: гряда песчанистых гор, широкая прибрежная равнина, обширный эстуарий, бескрайний песчаный берег.

Сотню тысяч лет назад, когда на континенте не было еще людей, эта земля стала обиталищем фантастических существ. Царственный мамонт, чьи плечи поднимались над землей на пятнадцать футов, почти такого же роста американский мастодонт, гигантский верблюд и гигантский бизон, далекие предки лошади, восемнадцатифутовой высоты ленивцы,

тапиры, медведи, львы, саблезубые тигры, огромные, ужасающие волки, стервятники с размахом крыльев в двенадцать футов. Их кости тоже можно найти в горах и на спускающихся к эстуарию обрывах.

Но время проходило, и эти виды вымирали. Дождь шел все реже и реже. Равнину пересекала река, знакомая нам Санта-Ана; более древняя, чем даже горы, она прорезала эти горы, когда они поднимались, пытались преградить ее течение. Река выходит из гор на эстуарий знакомого нам Нью-порт-Бич.

В ближней окрестности этой соленой топи выживали только устойчивые к соли растения — стрелчатник, морская лаванда, трава-солянка. Выше по течению, куда не доходит прилив, и вода в реке пресная, по берегам росли ватное дерево, ива, платан, бузина, тойон, олений кустарник, а в горах — белая ольха и клен. На равнинах росли самые разные, по большей части многолетние травы, а также полевые цветы, полынь и горчица, в горах — карликовые вечнозеленые дубы и мансанита. Заболоченные низины давали приют осоке, камышу, тростнику, ряске и болиголову, заливные луга, подсыхая, устилались пестрым ковром цветов. Подножие и нижние склоны гор были покрыты дубовыми лесами; между дубов, под их защитой, густая трава мешалась с кофейными бобами, волчьей ягодой, кустарниковым люпином и грецким орехом. Выше преобладали кипарис и калифорнийская сосна. Все эти деревья и травы росли свободно, ограниченные только погодой, соседями и собственными своими генами. Развиваясь и изменяясь, они заполняли каждую эконишу, они росли, и умирали, и снова росли.

У берега, среди мириадов рыб, жили братья наши двоюродные — киты, дельфины, тюлени, коттики, морские львы. Вокруг болот, в тростниках жили братья наши и сестры — койоты, ласки, еноты, барсуки, крысы. На равнинах жили другие наши сестры и братья — олени и лани, лисицы и дикие кошки, и кролики, и мыши. На холмах жили отцы наши и матери — медведи гризли и черные медведи, пумы, волки, горные бараны. Здесь обитало когда-то полторы сотни различных видов млекопитающих, а кроме них еще и змеи, и ящерицы, и насекомые, и пауки — места хватало всем.

Вся эта теплая и сухая полоса прибрежной земли была когда-то — и не так ведь давно! — переполнена жизнью. Она буквально кишела этой жизнью, имела полную, насыщенную экологию. Везде животные — и на травянистых низи-

нах, и в прибрежных лиманах, и на поросших полынью возвышенностях — везде животные. Везде животные! Везде животные. Везде...

А еще птицы! Птицы в небе, всевозможные, какие душе угодно. Чайки, пеликаны, журавли, цапли серые и цапли белые, утки, гуси, скворцы, фазаны, куропатки, перепелки, зяблики, тетерева, рябчики, скворцы, травяные кукушки, сойки, ласточки, голуби, жаворонки, соколы, ястребы, коршуны, орлы. И кондоры — самые большие в мире птицы. Несметное, бесчисленное множество птиц, настолько бесчисленное, что даже в двадцатых годах двадцатого века житель округа Ориндж мог еще сказать: «Их тут тысячи, я даже нахожусь в некоторой нерешительности, сколько их тут, могу сказать только, что мы считаем их не поштучно, а акрами. Осенью вся земля белела от диких гусей».

Могу сказать только, что мы считали их не поштучно, а акрами.

Земля белела от диких гусей.

Глава 9

Эйб Бернард гонит свой аварийно-спасательный фургон по самому быстрому ряду, разгоняет впереди идущие машины мигалками, сиреной и мощным мегафоном.

— Прочь с дороги! — кричит Эйб, его худое, смуглое лицо искажено яростью.

Они с Ксавьером получили вызов какие-то секунды назад, и Эйб все еще на взводе, все еще чувствует первоначальный бросок адреналина. Водитель обгоняемой машины показывает сжатую в кулак левую руку и бьет правой ладонью по ее сгибу.

— А имел я тебя в глаз и в ухо, — гремит Ксавьер.

Эйб коротко смеется. Придурки чертовы, вот разобьются сами, пусть тогда полежат, стиснутые искореженным металлом, и повспоминают, сколько раз они преграждали путь спасателям, сообразят, что в этот самый момент другие такие же придурки задерживают спешащие им на помощь машины... Вот, пожалуйста, еще один упрямый осел; Эйб врубает сирену на полную катушку: прочь с дороги!

По правую руку тянется приморский парк, очень красивый, которое столетие взлетает, на мгновение повисает и падает волейбольный мяч, солнце дробится в воде миллионами сверкающих дротиков; в этом месте, где магистраль на

Лагуну встречается с прибрежной, движение густое и ночью и днем. Они осторожно проталкиваются среди красных задних огней, теперь Эйб не выключает сирены ни на секунду. Сидящий рядом Ксавьер крутит рацию, пытается узнать о несчастном случае побольше, но за беспрестанным воем сирены и треском помех Эйб почти ничего не слышит.

На встречной, ведущей к океану полосе машины выстроились почти без просветов, бампер к бамперу, и тащатся, как черепахи; за местом происшествия все скорее всего еще хуже — каждый водитель переходит на ручное, в обход автомозга, замедляет ход и глазает на встречную полосу. Кроважидное любопытство... Но вверх по каньону ехать еще кое-как можно, пробка, скопившаяся у места аварии, еще впереди.

— Похоже, снова одна из дорожек осталась без присмотра, из-за чего две машины смогли занять одновременно одно и то же место, — с пулеметной скоростью выпаливает Ксавьер, это его обычная манера говорить на работе. — Есть подозрение, виновата система перестройки из ряда в ряд. Господи, а впереди-то что делается!

— Вижу.

Вот и та самая пробка. Впереди — целая симфония мигающих тормозных огней, красныйкрасный, красныйкрасный, красныйкрасный. Все идут на ручном, ни один автомозг не работает, никуда не протолкнешься. С полосой, забитой таким вот образом, не справится никакой компьютер, самое время сводить старинный «шевроле» с дорожки, да, не удивляйтесь, под здоровенным капотом этого суперфургона гнездится двигатель внутреннего сгорания.

— Независимый источник энергии, — кричит Ксавьер, Эйб поворачивает ключ зажигания и запускает мотор, запускает одну тысячу пятьдесят шесть лошадиных сил. Атавистичный, древний, как «Формула Один», всплеск адреналина, а фургон съезжает с магнитной дорожки, втискивается в узкий просвет между столпившимися в быстром ряду машинами и разделителем полос, ревет дрожащей бензиновой мощностью, пусть несчастные придурки вдохнут глоток этой утарной амброзии, ностальгический клочок энергетического смога, напоминание о прошлом веке, а тем временем мясозвозка свистит мимо, чуть не срывая их дверные ручки и зеркала, а что, почему и не ободрать их малость на память, чтобы было что рассказать об этой дорожной пробке, десяти-миллионной за время их жизни в Око? Эйб все еще заметно нервничает, применяя к делу допотопное это искусство,

проскакивая мимо почти неподвижных машин, он на работе почти новичок, года еще не исполнилось. Постепенно он успокаивается, ведет фургон ближе к разделителю и все же едва втискивается в узкую щель, оставленную чудовищным «кадиллаком», стекловолоконный корпус которого точно повторяет обводы модели 1992 года. «Вот так, приятель, это я сижу в машине, это у меня здоровенный долбаный фургон, и я снесу тебе весь твой пластиковый бок, если ты не уберешься с пути».

Они несутся вдоль повторяющей изгибы каньона дороги, мимо намертво засевших машин, мелькают и остаются позади дома, которыми густо усеяны все холмы, и по левую, и по правую руку — эрзац-сооруженья, долженствующие изображать средиземноморские виллы. Вж-жик, вж-жик, вж-жик, мимо парка, слишком маленького для какого-нибудь разумного использования. Если верить Джиму, однажды в пруду этого самого парка уютно обосновался сбегавший из бродячего цирка бегемот, а потом в него всадили стрелу с транквилизаторами, чтобы подцепить краном и увезти, но только бегемот сдох — эти идиоты перестарались с дозой.

Дальше, за этой исторической достопримечательностью, асфальт изжеван, усеян обломками металла и осколками пластика, еще один поворот, и они въехали на МЕНС, место несчастного случая. Здесь уже стоит один ДП-мобиль — машина дорожного происшествия, в стороне от магнитных дорожек, сцену высвечивают вспышки мигалки.

Эйб оставляет мотор на холостых оборотах, врубает электрогенератор, они выскакивают из грузовика и несутся к месту происшествия. Ребята из службы дорожных происшествий — депы — бегают по полосе, занимаясь обычным своим делом, ставят предупредительные сигналы, да и что они еще умеют? В быстром ряду какой-то кошмар. Эйба охватывает тошнотворный ужас и беспомощность. Боже милостивый, не надо, не надо! То же самое почувствовал бы на его месте и любой другой, но у Эйба это ненадолго, он, как всегда, словно проходит сквозь какую-то невидимую мембрану и снова становится профессионалом, аналитиком, пытающимся разобраться в данной структуре и спланировать наилучший способ отделить органические ее составляющие от неорганических... А потрясенный, беспомощный свидетель остается где-то сзади, в каком-то уголке его мозга, откуда смотрит и копит картины ужасов, чтобы увидеть их потом во сне.

На этот раз подвела, похоже, одна из дорожек смены ряда. Это случается — очень редко, но все же случается. При правильной работе управляющий магнитными дорожками компьютер принимает запрос машины, слегка замедляет машину в соседнем ряду, чтобы создать просвет, переводит машину на дорожку смены ряда, а затем, по плавной S-образной кривой — в желаемый ряд, причем машина аккуратнейшим образом вписывается в поток. Здесь нет места для человеческой ошибки, это в тысячи раз безопаснее, чем доверять маневр самому водителю. Но вот снова выпал один из десяти миллионов шансов, и ЧТВК, что-то в кремнии, привело к катастрофе. Машина из среднего ряда вышла в бок другой, двигавшейся по быстрому ряду, сшибла ее с дорожки, бросила на разделитель полос, а сама развернулась поперек и была смята следующей машиной быстрого ряда. Шестьдесят пять миль в час... Затем туда же врзалась еще одна машина, но уже не с такой силой. Ее водитель, спасенный мощными электромагнитными тормозами, стоит рядом с депами и что-то без умолку истерически балабонит. Эйб и Ксавьер бегают вокруг трех разбитых машин. В той, которую бросило на разделитель, был только один человек, его смяло приборной доской, дверью и разделителем. Грудная клетка глубоко вдавлена и облита кровью, шея, по всей видимости, сломана. Теперь к машине, менявшей ряд, на переднем сиденье пара, водитель без сознания, голова в крови, женщина зажата между ним и приборной панелью, сильное кровотечение из шеи, однако она, похоже, в сознании, глаза двигаются. У следующей машины разбито лобовое стекло, двоих, ехавших в ней, уже вытащили наружу, они лежат на земле, у обоих окровавленные головы. Будете в следующий раз пристегиваться.

— Эти двое, в средней, — задыхаясь, говорит Ксавьер.

Они мчатся к своему грузовику.

— Ага, — кивает Эйб.

Тот, на разделителе, ШАМП, то есть смерть на месте происшествия. Ксавьер хватает медицинскую сумку, бежит с ней к машине, а Эйб тем временем подводит туда же фургон, как можно ближе. Затем он снова выскакивает на полотно дороги, вытаскивает из фургона кусачки, тянет за собой силовую кабель. Руки его засунуты в перчатки кусачек, времена уолдиков* уже наступили, и в распоряжении не

* Намек на роман Р. Хайнлайна «Уолдо».

слишком опытного резчика Эйба Бернарда находится вся мощь современной роботехники. Тонкая сталь корпуса режется, словно бумага, безо всякого осязаемого сопротивления. На металл, под лезвия кусачек льется вода, она обливает Ксавьера, копошащегося совсем рядом, втискивающегося во все расширяющееся отверстие, чтобы заняться своей медициной. Ксавьер отрубил на Яве целых два армейских срока, поэтому специалист он — каких поискать. Сейчас им очень пригодился бы еще один человек, а лучше даже двое, но бюджеты везде поджимают, нужно всегда держать наготове уйму спасательных машин, а бюджет поджимает, бюджет поджимает!

Потрясенный свидетель, забившийся в угол Эйбова мозга наблюдает, как Эйб стрижет сталь, быстро и ловко, словно вырезая оригами, смотрит на Ксавьера и пассажирку автомобиля, находящихся в каких-то сантиметрах от угрожающе щелкающих лезвий, и удивляется — неужели Эйб знает, как тут справиться. Однако эта мысль не проникает в ту часть сознания Эйба, которая занята работой. Подходит деп, начинает помогать — одетыми в толстые перчатки руками оттягивает вбок мокрый лист стали; Эйб продолжает резать, и они проделывают в машине новую дверь — приблизительно на том же месте, где была старая, а Ксавьер уже обклеил женщину пластырями и впрыскивает ей различные противошоковые супернаркотики, вливает кровяную плазму. Теперь очередь надувного саморегулирующегося по форме тела корсета. Шея и позвоночник закреплены, и они дружно берутся за женщину. Здесь нужно поосторожнее, еще осторожнее, буквально не дыша, теплая плоть между пальцев, на тыльную сторону кисти капает кровь, они поднимают женщину и начинают вытаскивать, ч-черт, рука застряла, и Эйб отстригает смявшийся угол приборной панели, теперь все в порядке. На носилки и в фургон, где оборудовано нечто вроде травматологической палаты. Затем снова бегом, теперь они извлекают мужчину, который, может, жив, может, и помер, но его тоже на носилки и в фургон, рядом с женщиной.

— Дьявол, надо же еще засвидетельствовать парня из той машины, — вспоминает Эйб, хватая у Ксавьера стетоскоп и бежит назад. Теперь разбить окно, просунуться внутрь и приложить стетоскоп к шее водителя. Прибор ничего не регистрирует, и Эйб снова бежит к фургону. Появляется частная мясовозка, чтобы подобрать тех двоих, из задней

машины. Давайте, ребята, быстро машет санитарам Эйб, а затем возвращает на место кусачки, прыгает на водительское сиденье и, конечно же, застегивает пристегивной ремень — двинули. Да, приемистость у этих древних бензиновых колымаг — что надо.

— В Лагуну? — В окне, соединяющем кабину с медицинским отсеком, появляется голова Ксавьера.

— Нет, по каньону не продерешься, поедem в университетскую больницу, так будет быстрее.

Ксавьер кивает.

— Как они там?

— Мужчина умер, скорее всего он так и был СНАМПИ. Женщина жива, но потеряла уйму крови, и еще плохо с сердцем. Я ее подлатал, переливаю плазму, но пульс все равно слабый. Если бы настоящее искусственное сердце.

Черное лицо Ксавьера блестит от пота, он озабоченно смотрит вперед и просит ехать побыстрее. Эйб жмет сильнее, последний поворот, и они вылетают на трассу к Лагуне, теперь налево, на четыреста пятую выездную эстакаду и по сан-диегской магистрали. Эйб гонит не по полосе, а по обочине, пулей обходит бегущие по своим дорожкам машины, спидометр показывает сто, сто пять, теперь выехать на съезд к университету, дальше по петляющему бульвару, вот где вести машину сложно, не сыграть бы во Фреда Сполдинга — Фред впилил свой спасательный фургон прямо в опору надземного перехода, и всех уложило на месте, кроме пострадавшего, которого везли в больницу. Тот, правда, тоже умер, но только через два дня.

Фары, задние огни, чтобы всем видно, и не думай даже делать передо мной этот левый поворот, времени нет, и визжат покрышки, и он врубает сирену на полную, и весь мир заполняется воем, и от воя этого раскалывается череп, саднит в горле, и вот уже кампус, теперь по Калифорния-авеню, тут плохой поворот налево, а дальше — вверх, вот и проезд, ведущий к отделению «скорой помощи» — все. К тому времени как Эйб выскочил из фургона и обежал вокруг, Ксавьер и санитар «скорой» уже закатывали носилки в приемный покой. Эйб сидит на погрузочной площадке, его слегка колотит. Выходят еще двое санитаров, он встает, помогает им отнести мертвого водителя в морг. И снова на обтянутый толстой резиной край погрузочной площадки.

Выходит Ксавьер, тяжело опускается рядом.

— Работают.

Столько лет при медицине, два срока в Индонезии и прочее, и все равно на Ксавьера это накатывает, накатывает каждый раз. Черные пальцы дрожат, он раскуривает сигарету, глубоко затягивается. Эйб смотрит на него, понимая, что и сам сейчас выглядит ничем не лучше, хотя и старается внушить себе полное безразличие. Только не начинай воображать себя Спасителем, ты просто спасатель! — сказал бы психологический консультант отряда. Эйб смотрит на часы: семь тридцать. Они получили вызов ровно два часа назад. Верится с трудом, кажется, что прошло гораздо больше времени — и гораздо меньше. Словно шесть часов сжались в пятнадцать минут. Такая уж у спасателей работа.

— Слушай, — вспоминает он, — мы же час уже как отдыхаем. Смена давно кончилась.

— Хорошо.

И опять тянется время. Из дверей вываливается врач.

— Сегодня, ребята, не везет, — весело объявляет он. — Очень печально, но оба доставлены мертвыми.

Некоторое время они молчат — неподвижно сидят и молчат.

— Какого хрена. — Ксавьер щелчком отправляет свою сигарету куда-то в темноту. Эйб почти не различает его лица.

— Пойми, Ксав, мы сделали все, что могли.

— Женщина не была ДМ. Ее же взяли в палату!

— В следующий раз, Ксав, повезет больше. В следующий раз.

Ксавьер трясет головой, встает:

— Так что, мы свободны?

— Да.

— Тогда, Эйб, поехали.

Едут они молча. Эйб выруливает на магнитную дорожку, набирает программу, которая выведет фургон на дель-марскую трассу, а затем по ньюпортской до Дайера. Везде пусто и тихо. Они подъезжают к пожарно-спасательной станции, ставят фургон среди нескольких десятков таких же, заходят в дежурку, заполняют отчеты, отбивают время окончания работы, а потом идут на служебную стоянку. Подходя к машине, Эйб чувствует себя выжатым как лимон, опустошенным. Ощущение привычное, оно повторяется каждый раз, когда он после смены лезет в карман за ключами.

— Увидимся, Ксав, — кричит он темному силуэту напарника.

— Уж конечно. Когда наше дежурство?

— В субботу.

— Вот тогда и увидимся.

Ксавьер подает машину назад, разворачивается и уезжает в неведомые глубины нижней Санта-Аны, в свою жизнь, почти недоступную пониманию Эйба: у Ксава там жена, четверо детей, десять тысяч близких и дальних родственников... Жизнь, которой жило дедовское поколение, мелодраматичная, что твой телевизионный сериал. И Ксав, которому приходится содержать всю эту команду, дошел, похоже, до предела. Ведь точно сломается, думает Эйб. А ведь сколько держался.

И снова ньюпортская магистраль, главный кровеносный сосуд ОкО. Машину подхватывает река красных хвостовых огней, красных кровавых шариков. Эйб набирает южную оконечность Саут-Кост Пласа, откидывается на спинку. Ставит на проигрыватель диск, что-нибудь сейчас такое — погромче, побыстрее и поагрессивнее. «Три Чайника и Глупый Гусь» запиливают классический свой альбом «Съябывай с этого пляжа».

Что сказал бы автомозг, владей он языком?

Залезай в машину? Мотай пешком?

(Ты автомозг,

Ты твердо держишь ряд,

Ты согласен со всем,

Что тебе говорят.)

Сейчас твоя машина

Расшибется в хлам!

Смешается органика

С металлом пополам!

(Жаль, что автомозг не владеет языком.

Жаль, что ты не пошел пешком.)

Подпевая во всю глотку, Эйб влетает в СКП, находит место для стоянки, считай, у самого дома Сэнди, поднимается на лифте, вваливается в квартиру. Яркий свет, оглушительная музыка — «Тастинская трагедия» выдает «Счастливые денечки». Индонезийского стиля аккомпанемент прошит строчками пулеметных очередей. Самое оно, думает Эйб, то, что доктор прописал.

— Тебя искал Таши, — клюет его в щеку Эрика.

Вот и прекрасно. Откуда-то вылезает Сэнди.

— Авраам, ну ты совсем как увядшая фиалка, только что с работы, да? — Широкая ухмылка Сэнди, в руке Эйба появляется пипетка, теперь закинуть голову, раскрыть глаза

пошире, кап-кап-кап. Эйб хочет вернуть пипетку. — Приканчивай, есть еще.

Кап-кап-кап. Неожиданно по спинному мозгу бежит электричество, его много, оно рвется наружу. Эйб переходит в соседнюю комнату, там танцуют, а он чувствует, как сгустки энергии поднимаются по позвоночнику, стекают с кончиков пальцев, и тоже начинает танцевать — резко подпрыгивая чуть не к самому потолку, стряхивая эту энергию. Теперь все в порядке, теперь все хорошо. Эйб закидывает голову и громко воет:

— У-у-у! У-у-у! У-у-у-у!

Время койота, традиционный апогей собирающихся у Сэнди тусовок, остальная компах подхватывает этот вой, ребятки воют изо всех сил, их слышно, наверное, до самого Хантингтон-Бич. Все отлично.

Эйб выходит на балкон, теперь он чувствует себя прекрасно. Таша нет как нет, хотя балкон — то самое место, где его и искать: Таш не любит находиться в помещении без крайней к тому необходимости. Он даже живет на крыше, поставил там палатку — и живет. Эйбу это нравится. Таш, ближайший его друг, чем-то похож на холодную, соленую волну Тихого океана.

Таша нет, зато есть Джим. Джим — тоже друг и хороший парень, и это точно, только вот иногда... Уж больно он серьезный, какой-то не от мира сего. Эйбу нужно иметь вполне определенный настрой, чтобы врубаться в Джимово глубокомыслие. А может, и не глубокомыслие это, а что другое, только какая разница — сейчас такого настроения нет.

— Эй, слышь, привет, — говорит Эйб. — Как оно? — Не многовато ли было в той пипетке?

— Прекрасно. А ты ведь сейчас со смены, да? У вас-то там как?

Вот об этом-то сейчас и не хочется.

— Лучше некуда. — Джим спрашивает, значит, ему не по фигу, и это великолепно, только Эйбу хотелось бы немного отвлечься, желательно с Ташем или кем-нибудь из девиц. Потрепаться малость — и домой.

Таша все нет и нет, зато, к полному изумлению Эйба, на балкон выходит Лилиан Кейлбахер.

— Привет, Лилиан! Даже и не думал, что ты знаешь Сэнди.

— А я до сегодня и не знала. — Она, похоже, в полном отпаде, что была представлена такой знаменитости, и это забавно, ведь Сэнди знаком буквально со всеми.

Лилиан лет восемнадцать, а может, и того нет, белокурый, загорелый ребенок со свежим, хорошеньким личиком и живым, невинным интересом ко всему окружающему. Ее мать — как и матери Джима и Эйба — твердая, непреклонная прихожанка крохотной церквушки, в которую они ходили еще детьми. Матери так и сохранили свое богомольство, Эйб и Джим, подобно всей остальной цивилизации, отпали от Бога, а Лилиан... она, возможно, в каком-то промежуточном состоянии, правда, кто там про нее знает. Вот же черт, виновато думает Эйб, и что она забыла на такой тусовке, нечего ей здесь делать. И сразу — почти смеется. А сам-то он — кто такой, что так рассуждает? Он замечает, что непроизвольно спрятал пипетку, и думает, что даже оскорбляет Лилиан, глядя на ее молодость и неопытность сверху вниз. Да и вообще, сейчас уже второклашки закапывают в глаз. Он предлагает ей пипетку.

— Нет, спасибо, — качает головой Лилиан. — У меня от этого голова кружится, а больше ничего.

— Рад за тебя, — смеется Эйб. Он какает по разу в каждый глаз и снова смеется. — А чего ты тут делаешь? Последний раз, как я тебя видел, тебе было лет тринадцать, кажется.

— Возможно. Но ведь это проходит.

— Да, — хохочет Эйб. — Проходит, это уж точно.

— И я, возможно, понимаю значительно больше, чем ты думаешь.

Лилиан подвигается к Эйбу, в широко раскрытых глазах прямо светится призыв к непосредственным действиям — такой детский и откровенный, что у Эйба даже мелькает мысль, а не опытная ли это соблазнительница, умело притворяющаяся ребенком. Эйб хохочет и видит, насколько Лилиан обижена, она мгновенно съеживается, уходит в себя, словно морской анемон, когда его тронешь пальцем. Ну, с этой все ясно, она понимает не больше, чем он думал, а, пожалуй, еще и меньше. Малявка, одним словом.

— Тебе не нужно сюда ходить.

— Обо мне можешь не беспокоиться, — презрительно фыркает Лилиан. — И мы с моей подругой Маршей все равно скоро уходим, сегодня я ночую у нее.

Господи ты Боже.

— Ну, вот и хорошо. А как твои родители?

— У них все в порядке.

— Передавай привет.

Сказав, что передаст, Лириан удаляется к своим подружкам, одарив Эйба напоследок очаровательнейшей из улыбок. Эйб вспоминает, какой заход делало на него это дитё, и разражается хохотом. Возможно, она вознамерилась получить от своего симпатичного, потрясного старого знакомого первый в жизни поцелуй. А ведь и правда хорошая девочка, у Сэнди ей совсем не место; Эйб чувствует большое облегчение, когда Лириан вместе со своими — такими же зелеными — подружками хихикающей стайкой направляются к двери. Отважное знакомство с вертепом разврата закончилось вполне благополучно.

Еще большую радость чувствует он через полчаса, когда из бассейна притаскивают Таша — голого, мокрого и в полном отрубе. Подружки Анджелы, которым Сэнди дал коллективное прозвание Шустрые Шлюшки, отвели Таша к имитаторной серфинговой доске и уговорили его, непрерывно хихикая, покататься по проецируемым на видеоэкран волнам, что Таш и выполнил — с идеальной, несмотря на весь свой отруб, грацией.

— Э-гей! — кричит он, явно не замечая ничего, кроме своей волны — великолепной, двенадцатифутовой высоты «трубы». Эрика, союзница Таша, смотрит на него весьма неодобрительно.

— Слышь, люди, — неожиданно оживился Джим, — вот так, с раскинутыми руками, он точно как статуя Посейдона из Афинского музея, я сейчас, подождите секунду.

Подойдя к видеопульту, он пощелкал на клавиатуре, и волна сменилась неподвижным изображением статуи: покрытая патиной бронза, бородатый мужчина, готовящийся метнуть дротик, вместо глаз — пустые ямы; Таш взглянул на Посейдона и мгновенно принял ту же позу. Потолок чуть не обрушился.

— Да он же и вправду копия, — крикнул кто-то, перекрывая общий гвалт.

— Даже глаза точно такие, — со смехом добавил Джим. Таш отозвался негодующим рычанием, но позы не изменил.

Привлеченные оглушительным хохотом Эйба, к нему подошли две Шустрые Шлюшки, давние члены клуба поклонниц Эйба Бернарда; гибкие тела Инес и Мэри плотно прижались к нему с обеих сторон, их пальцы начали перебирать его волосы. Да, блаженство не стесненной никаким союзом свободы...

Эйб положил руку на талию Инес, но тут же почему-то — может быть, виной оказалась податливость теплой плоти? — перед его глазами встала сегодняшняя раненая женщина. Только что вытащенная из сплетения искореженного металла, неестественно согнутая, залепленная пластырем, засунутая в корсет, окровавленная... Хрен с ним со всем. Тут же — резкие спазмы в желудке. Эйб изо всех сил обнял Инес, зажмурился и кое-как придал своему лицу нормальное выражение.

— А где тут моя пипетка?

Глава 10

Деннису Макферсону предстояло лететь в штат Нью-Мексико, в Уайт-Сэндс, на испытания системы ДУМ, получившей теперь кодовое название «Оса», так что этим утром он забежал в свой кабинет с единственной целью — прихватить последнюю почту. И нашел на столе записку с приказанием явиться к Лемону.

Чем выше поднимался лифт, тем чаще колотилось его сердце. Со времени последнего скандала прошла всего одна неделя, в тот раз Лемон налился кровью, стучал кулаком по столу и орал, орал, орал...

— Вы слишком медлительны для этой работы! Столько времени гробится попусту, на вылавливание блох, безупречности он, видите ли, добивается! Мне не нужны копуши и бездельники! Это тоже война, и здесь все — как на войне! Первая же возможность активных действий — и вперед, не останавливаясь, до упора! Разработка по «Осе» нужна мне ко вчераше!

И так далее, и тому подобное. Конечно же, всем, работающим на Лемона, хорошо известна привычка босса время от времени отключать все сдерживающие центры, только это совсем не значит, что Макферсон должен быть в восторге от таких сцен. Лемон давным-давно отошел от конструкторской работы, такие мелочи, как вес, напряжение, надежность работы, превратились для него в звук пустой. Подобной ерундой могут заниматься и другие, для него важны себестоимость, отдача, график, упорная работа отдела, внешний вид сотрудников. Он — бесстрашный вождь отдела, карликовый фюрер карликового рейха. Поручи Лемону разработку вечного двигателя, он и тогда будет орать про смету, график, связи с общественностью.

Сегодня начальник — само очарование, лично распахнул перед Макферсоном дверь кабинета, снова называет его Маком, непринужденно пристроился на краешке стола. Он что, не понимает, что такие вот сеансы очарования — когда они перемежаются безобразными сценами, — не значат ровно ничего? Хуже, чем ничего — подобное поведение избличает в нем скользкого лицемера, маниакально-депрессивного психа, шута балаганного. Уж оставался бы все время орущим деспотом, и то было бы легче.

— Ну и как там, Мак, наша «Оса»?

— Мы изготовили экспериментальный образец системы, укладываемый в поставленные Фелдकिром ограничения. Лабораторные испытания прошли хорошо, и мы послали изделие на натурные. Его установили на одном из ДУМов, первый полет состоится в Уайт-Сэндс, как раз сегодня. Если все пройдет успешно, мы можем либо прогнать изделие через серию испытаний в гермокамере, либо отдать его ВВС, чтобы те занялись проверкой сами.

— Отдадим ВВС, и чем скорее, тем лучше. — Ну конечно же, подумал про себя Макферсон. — Им ведь все равно придется проводить эти испытания.

Оно, конечно, так, но было бы гораздо безопаснее узнать обо всех огрехах системы самим, а теперь их выявят вояки. Макферсон этого не говорит, хотя и надо бы. С него снимают дальнейшую ответственность за систему, его лишают возможности заботиться о ее судьбе, тут есть от чего прийти в бешенство, но только как надоели все эти сцены.

Лемон ведет себя так, словно вопрос решен окончательно. Обычная для всех суперчерных программ беда, контрактор проводит слишком мало испытаний; с белой программой, при конкуренции, на такое не решится никто. И зачем, спрашивается, такая никому не нужная спешка, ведь ни о каком крайнем сроке даже и речи не шло. Фелдкирк просто сказал: будет все готово — приезжайте. Так что нет у этой гонки никаких причин, кроме обычной мании Лемона; он ослабляет позиции ЛСР, подвергает риску всю программу из-за своего совершенно иррационального ощущения, что нужно обязательно спешить, спешить, спешить...

— Мы работаем со всей возможной скоростью, — только и позволяет себе сказать Макферсон. Даже и это — риск нарваться на очередной скандал, ну да черт с ним.

— О, я знаю, я это прекрасно знаю. — В глазах Лемона появляется опасный блеск, он явно намерен углубиться в

вопрос, что именно он знает, и насколько хорошо он это знает. Ведь он же босс, он всем командует, он все знает. Вот оно, началось. Однако Макферсону удается сохранить на протяжении начальственного монолога серьезное, вдумчивое лицо, так что все сошло вполне благополучно. Добавив несколько приличествующих фюреру вдохновляющих напутствий, Лемон закругляется.

— Ладно, поезжай в Уайт-Сэндс, — и складывает губы во вполне удовлетворительную имитацию улыбки; Макферсон даже не пытается ответить тем же.

Он едет на машине в Сан-Клементе, а там садится на сверхпроводниковый поезд, идущий до Эль-Пасо. Ощущение — словно ты снаряд в стволе электромагнитной пушки.

Этому испытанию предшествовали два очень трудных месяца. Каждый Божий день он появлялся в своем кабинете к шести утра, составлял список сегодняшних дел — порою в сорок пунктов, — а дальше занимался всеми этими делами, иногда до позднего вечера. Вначале приходилось разбираться со всеми проблемами, возникавшими при конструировании системы «Оса» — беседовать с инженерами и программистами, вносить предложения, отдавать указания, координировать работу, принимать решения. Это — самая приятная стадия, тебе брошен вызов, и ты отвечаешь на него, решая возникающие технические проблемы. К тому же у него подобрался отличные сотрудники — способные, упорные, каждый со своим бзиком, приходится координировать усилия таких разных и интересных людей, и это тоже интересно.

Затем подошло время изготовления и проверки блоков, вылавливания «клопов», время самое неприятное для Макферсона, самое раздражающее. Ему не хватало специальных знаний, чтобы сделать на этой стадии что-нибудь существенное и конкретное, оставалось только руководить испытаниями и следить, чтобы все были при деле, — роль, больше похожая на роль Лемона, правда, исполнял ее Макферсон в совершенно ином ключе.

Далее подошли испытания больших частей системы, а теперь вот система испытывается в целом.

Поезд прибыл в Эль-Пасо менее чем через час после отправления; вертолет фирмы забрал его прямо с вокзала и доставил на ракетный полигон в Уайт-Сэндс — испытательную площадку, арендованную у правительства консорциумом оборонных компаний.

Вылезая из вертолета, Макферсон привычно сунул руку в карман и вытащил темные очки. Песок тут и вправду до странности белый* — какая-то удивительная причуда геологии. По этому случаю здесь, рядом с полигоном, организован небольшой заповедник, который никто, похоже, и никогда не посещает.

Макферсона отвезли в корпус, принадлежащий ЛСР, там его ждали приехавшие раньше инженеры.

— Все готово, — сообщил Билл Гамильтон, постоянный представитель ЛСР на полигоне. — Нам выделили взлетную полосу А с полудня до часа. ДУМ заправлен горячим и подготовлен к взлету.

— Великолепно. — Макферсон взглянул на часы. — Это еще полчаса?

— Да.

Они зашли в кафе, взяли кофе с булочками, а затем поднялись на крышу — там, на высоте шестого этажа, располагается наблюдательный пункт. Все подробности полета будут зафиксированы камерами и компьютерами, однако каждому хотелось посмотреть на долгожданное событие собственными глазами. Со всех сторон широкой бетонной площадки волнами дыбятся абсолютно белые барханы, они уходят за горизонт, напоминая океан, который мгновенно замерз, а затем выгорел на солнце так, что не осталось ничего, кроме чистой соли. Станный пейзаж, противоестественный — Макферсону он чем-то нравится.

На севере видны взлетные дорожки, совместно используемые компаниями, дорожки пересекаются, образуя нечто вроде «Х», наложенного на «Н»; на фоне окружающей близны испещренный пятнами бетон выглядит неопрятно и даже грязно. Словно кубики какого-то малолетнего великана, по дюнам раскиданы компоненты изделий «Хьюза», «Аэродайна», «Локхида», «Уильямса», «Райтеона», «Парнелла», других компаний. На востоке столб дыма, он поднимается к небу тысяч на тридцать футов; чье-то испытание то ли удалось, то ли провалилось, в точности сказать трудно, однако вид этого столба наводит скорее на мысли о неудаче.

— «Локхид» испытывал на бомбардировщике «Стелс» новую систему управления бреющим полетом, — пояснил Гамильтон. — Говорят, система не заметила одного маленького холмика.

* Уайт сэнд — «белый песок» в переводе с английского.

— Жаль.

— Автоматика катапультировала пилота примерно за секунду до взрыва, так что он выжил. Переломал ноги и ребра, а так — ничего.

— Хорошо.

— Все будущее за ДУМами, тут уж никаких сомнений. Теперешние самолеты летают слишком быстро, чтобы человек мог с ними справиться. Машина, на которой может лететь человек, стоит раз в десять дороже автоматической. Пилоты сидят в этих машинах, рискуют своими шеями — и все совершенно попусту, они ведь ничего не могут сделать.

— До тех пор, пока автоматика работает безотказно. — Макферсон сощурился, высматривая что-то на белом песке.

— Подобно нашей, ты хочешь сказать, — засмеялся Гамильтон. — Впрочем, это мы скоро узнаем. Танки там, — его рука махнула на запад, — у горизонта. Все сделано, как ты хотел — они снабжены советскими противовоздушными системами «Бэйджер» и окружены установками зенитных ракет «Армадилло». Все эти штуки не позволят самолету особенно задерживаться над целью.

Макферсон кивает. На западе, у самого горизонта, шесть дистанционно управляемых танков — маленькие черные лягушки — косым строем двигаются к югу, в воздух поднимаются сахарные облака песка.

— Испытание честное.

Ожидание затягивается, и они продолжают рассказывать друг другу вещи, прекрасно известные обоим. Это нормально, ведь любой занервничает, когда подходит время проверки — а не пошли ли все твои старания прахом? Будет ли в действительности все так же, как на бумаге, в расчетах? Разговор помогает успокоиться.

Из интеркома раздается треск, это их подключили к диспетчерской. Раскрываются ворота ангара, и оттуда выкатывается длинный черный самолет с узким фюзеляжем.

Под фюзеляжем два обтекателя.

Один из них белый, другой черный, большие, как сам фюзеляж.

Сенсоры. Можешь зажмуриться, это ничего не изменит.

Под каждым треугольным крылом, по бокам двигателей, ряды маленьких стреловидных снарядов.

Впереди фюзеляж сужается, превращаясь в длинный тонкий бивень, как у нарвала.

Сзади он переходит в стабилизаторы, почти такие же большие, как крылья.

Под фюзеляжем маленький цилиндр стартового ускорителя.

Пойми: он уже не похож на самолет.

И эти стоп-сигналы, мигающие в аксонах...

В целом этот странный, противоестественный аппарат выглядит слепым, как крот, и плохо приспособленным к полету. Есть что-то жутковатое в том, как он выкатывается на конец взлетной полосы, разворачивается, включает двигатели, мгновенно пробегает полосу и стрелой уходит в темно-синее небо. Кто остался в лавке? Макферсон видит улыбку на лице Гамильтона, чувствует, что улыбается и сам. В этой шутке есть что-то такое страшно... изобретательное, что ли? хитроумное? Птичка, одним словом, будь здоров.

Все это время из интеркома сыпались стартовые параметры и прочее в этом роде. Теперь, когда включили ускоритель и ДУМ исчез из виду, превратился в огненную точку, стоявшие на крыше прислушались:

— Экспериментальный аппарат три-три-пять приближается к высоте семьдесят тысяч. Три-три-пятый начнет работать по программе испытаний в момент «Т» минус десять секунд. Программа запущена.

Собравшиеся на наблюдательной площадке — там человек десять—двенадцать — пускают хронометры. Бинокли, висящие на шее у некоторых, пригодятся позже, после удара, сейчас ни одно пятнышко не нарушает безукоризненной чистоты темно-синего — в Око оно никогда не бывает настолько темным — неба. У Макферсона сбилось дыхание, он с трудом его восстанавливает. Вон, примерно там ДУМ исчез из виду, вполне возможно, он появится в совершенно другом месте, ну-ка, присмотримся получше... У Макферсона великолепное зрение, он перестает фокусировать внимание в одной точке, осматривает одновременно весь синий купол и наконец видит далеко-далеко на севере крошечную точку, изъян в этой безукоризненной синеве.

— Смотрите, — указывает он рукой. Сперва видна только огненная полоска, а затем со скоростью, за которой не проследить глазом, что-то черное валится с неба, проносится — бум! — над белыми барханами, и все танки распускаются оранжевыми бутонами огня, а черный призрак снова уносится в стратосферу. Семь звуковых скоростей — за

таким и вправду не уследишь глазом, — вся атака заняла меньше трех секунд. Теперь над танками взвились черные клубы дыма. Бум-бум-Б-Б-Б-У-У-У-М! Это докатился наконец грохот взрывов. Пустое синее небо, только теперь вдали, у горизонта, над белыми дюнами поднимается шесть столбов грязного, маслянистого дыма. Танков больше нет.

В тот момент когда до площадки долетел звук, все собравшиеся на ней уже дружно галдели, смеялись, пожимали друг другу руки. И неважно, в скольких испытаниях участвовал каждый из них прежде, потрясающая скорость этой машины, сила взрывов неизбежно производили впечатление. С одной стороны, они получили сенсорный, чисто физический шок, с другой — преисполнились гордостью за свою работу, свои вычисления, которые создали такую вызывающую благоговение мощь.

Гамильтон счастливо улыбается:

— Все эти «Бэйджеры» и «Армадиллы» не успели даже заметить, что что-то происходит, готов спорить. Посмотрим записи телеметрии и убедимся.

— Сенсорная система тоже не подвела, — заметил Макферсон.

Сегодня проверялось основное, способность системы находить и отслеживать цели; раз все это работает, значит, условия технического задания выполнены. Тот факт, что лучшие советские противовоздушные системы недостаточно быстры, чтобы остановить «Осу», — всего лишь повод для дополнительной радости, подтверждение того, что ВВС попросили сконструировать именно то, что нужно. Система работает — вот это самое главное.

Несколько часов ушло на предварительное изучение полученных данных. Все выглядело очень и очень прилично. Была открыта бутылка шампанского, все чокнулись пластиковыми чашками, а затем Макферсон собрал распечатки и отправился вертолетом на вокзал.

Подталкиваемый магнитным полем, поезд неся в вакууме надземного туннеля совершенно бесшумно, без малейшей вибрации. Сидя в этой тишине, Макферсон ощущал спокойную, умиротворенную гордость за успешно выполненное задание. Не обращая внимания на разложенные по коленям бумаги, он оглядывал роскошный интерьер. Лица сидящих в широких креслах бизнесменов укрыты за газетами, чаще всего — за «Уолл-стрит джорнел». Без окон, без шума и вибрации, трудно поверить, что поезд мчится с

двойной звуковой скоростью. Мир стал совершенно невероятным местом.

Теперь предстоит долгое, кропотливое занятие, нужно описать систему в форме предложения. Объем составит несколько сотен страниц, не так, конечно же, много, как если бы предложение выставлялось на конкурс, но все равно именно Макферсону нужно будет просмотреть и отредактировать чудовищное количество описаний, таблиц, диаграмм и всего прочего. Удовольствие, прямо скажем, маленькое.

И все же. Сам факт, что наступила эта стадия, означает очень многое, он означает, что создана работоспособная система, укладывающаяся в заданные ограничения по размерам и потребляемой мощности. А этим могут похвалиться далеко не все разрабатываемые в ЛСР программы. Макферсон на мгновение вспоминает «Шаровую молнию», но тут же отбрасывает мысль. Это один из редких случаев, когда руководитель программы может сказать: «Работа закончена, и закончена успешно». Макферсон слышал такие слова далеко не часто, что само по себе уже говорит о многом.

Перед глазами снова встает полигон. Неправдоподобно стремительное пикирование, атака, исчезновение; быстрое, точное и полное уничтожение шести неуклюже ковылявших танков. Все это до крайности необычно, и с физической, и с интеллектуальной стороны.

Вспоминая ход испытаний, Макферсон неожиданно начинает видеть картину шире, постигает истинное значение случившегося сегодня. Он словно отодвинулся от телевизионного экрана, потратив перед этим целый месяц на изучение каждой точки по отдельности. Теперь он видит, что именно изображено на экране. Вся эта система — ДУМ с его скоростью, радарной невидимостью, дешевизной, отсутствием пилота, за жизнь которого нужно бояться, в сочетании с глазами «Осы» и «умными» снарядами — эта система как раз и есть то хирургически точное оружие, которое может совершенно изменить весь характер войны. Если русские двинут на Западную Европу несметные полчища своего Варшавского Договора — более того, если вообще какая-либо армия куда-либо вторгнется, — с неба свалятся эти беспилотные мстители. Прежде чем оборонительные системы заметят их и соберутся отреагировать, они уже отстреляются, и после каждого захода у агрессора будет на полдюжины танков, либо других машин, меньше. Не успеешь и опомниться, как от сил вторжения не останется ровно ничего.

А конечный результат всего этого, если принять во внимание, что никакой особо сложной технологии тут не требуется — ведь ЛСР совсем не является какой-то там сверхизобретательной фирмой, таких фирм просто нет, — конечный результат состоит в том, что такими системами смогут обзавестись все страны, и тогда никто не сможет вторгаться в чужую страну. Это станет попросту невозможным.

Нет, воевать, конечно же, будут — не такой он идеалист, чтобы думать, будто сверхточные системы вооружения покончат с войнами как таковыми, — но любые крупные силы, решившиеся вторгнуться к соседу, обречены на быстрое хирургическое уничтожение. Поэтому ни о каком крупномасштабном вторжении не сможет идти и речи, что крайне ограничит размах возможных войн.

И для всего этого не потребуется угрозы ядерного возмездия. В течение чуть ли не сотни лет НАТО использует свое ядерное оружие как щит на пути агрессии стран Варшавского Договора. Артиллерия с атомными снарядами, атомные подводные лодки на Балтике и в Средиземном море, противоречащие международным договорам снаряды среднего радиуса действия с малым временем полета, припрятанные в Западной Германии и готовые появиться на свет Божий, как только двинутся танки... Ситуация предельно опасная, ведь никто не может сказать заранее, что будет после того, как взорвется хотя бы одна ядерная головка, на чем остановятся боевые действия. Скорее всего и вообще не остановятся, пока не будут перебиты все. А если даже и остановятся, европейские города будут к этому моменту уже уничтожены. И все это — с единственной целью: сдержать танки!

Но теперь, теперь, когда есть «Оса»... Теперь появится возможность вывести из Европы все ядерное оружие, сохранив при этом стопроцентно надежную защиту против любой неядерной агрессии. И не нужно будет, чтобы вместе с захватчиками гибли города и их население, не потребуется ничего, кроме точного, ограниченного, можно даже сказать, гуманного ответного удара. Если вы к нам вторглись, вас быстренько перещелкают роботизированные снайперы, от которых нет никакой защиты. Быстрое, хирургически чистое уничтожение вторгнувшихся войск — и войне конец. Войны — во всяком случае, крупные войны, связанные с вторжением, — станут невозможны. Господи, ведь действительно, какая идея! Оружие, которое заставит антагонистов вести переговоры, — даже без ужасающей угрозы обеспе-

ченного взаимного уничтожения. Имея подобное оружие, есть, если разобраться, прямой смысл ликвидировать весь этот мегатоннаж, избавиться от ядерного кошмара... Неужели такое может быть? Неужели история подошла к такой точке, за которой техника сделает войну пережитком прошлого, сделает ядерное оружие ненужным?

Да, это похоже на истину. Он сам видел залог этой истины, видел черный силуэт, на скорости в семь звуковых метнувшийся к белым барханам пустыни, видел периферийным зрением, на какой-то краткий миг, но видел, и не далее чем сегодня. Похоже, его работа, пот лица его, и впрямь поможет избавить мир от длящегося целый век кошмара — угрозы ядерного уничтожения. Или даже от длящейся тысячу лет угрозы развязывания большой, катастрофической войны. Такой... ну что там крутить, такой работой и вправду можно гордиться.

И в этот момент, несясь над песчаной пустыней, Макферсон неожиданно ощущает гордость, какой он не испытывал никогда прежде, эта гордость была похожа на радужное сияние, на солнце, вспыхнувшее в груди. Да, это действительно кое-что.

Глава 11

Во сне Джим пробирается по усеянному развалинами склону холма. У подножия холма поблескивает черное озеро. От бывших здесь когда-то строений не осталось ничего, кроме низких стен; все вокруг тихо и пустынно. Джим бродит среди этих стен, он что-то ищет, но, как всегда в таких снах, не может толком вспомнить, что именно. Он натывается на осколок фиолетового стекла от витража, но ему было нужно что-то другое, это он знает точно. На вершине холма начинает пузырем вздуваться нечто призрачное, вот теперь-то он все узнает...

Он просыпается в Футхилле, в своей собственной маленькой квартире, сквозь окно льется яркий солнечный свет. Он глухо стонет и скатывается на пол. Как трещит голова! Что же это такое мы вчера запускали в глаз? Он с трудом поднимается на ноги и осматривается. В комнате полный кавардак, повсюду разбросаны скомканная одежда и постельные принадлежности.

Три стены покрыты большими, издания братьев Томас, картами округа Ориндж: одна — еще тысяча девятьсот тридцатых

годов (дороги едва намечаются), одна — тысяча девятьсот девяностого (северная часть покрыта сеткой дорог и соприкасающимися друг с другом городами) и совсем недавняя (весь округ превратился в сплошную густую сеть). Все равно как, в очередной раз думает Джим, повесить себе в спальню рентгеновские снимки стадий развития раковой опухоли. Сюрреалистическая опухоль.

Теперь, пошатываясь и спотыкаясь, в ванную. Стоя перед унитазом, Джим таращится на большую, плохо окантованную этикетку, такие когда-то наклеивались на ящики с апельсинами. Этими этикетками увешены все стены в ванной.

Три монаха пробуют апельсины, рядом с белой обителью. За ними зеленеет роща, вдали вздымаются синие, со снежными вершинами горы.

Два павлина перед диснейлендовским замком: «Калифорнийская мечта».

Маленький домик, вокруг аккуратные ряды цветущих апельсиновых деревьев.

Очаровательная мексиканка с корзиной апельсинов в руках. За ней зеленеет роща, вдали вздымаются синие, со снежными вершинами горы.

Ты никогда здесь не жил.

Эти этикетки относятся к первой половине двадцатого века, они — работа печатника Макса Шмидта и художников Арчи Васкеса и Отелло Мичетти. И прочих. Богатые, насыщенные цвета — плод полиграфического процесса, именовавшегося цинкографией. Собранные вместе, эти этикетки составляют, как кажется Джиму, первую и единственную утопию округа Ориндж, коллективное видение средиземноморской теплоты и легкости, потрясающее своей — в стиле ардеко* — живостью. Ах, что за жизнь! Джим пытается представить себе, как это было, — великая депрессия, пыльные бури, температура ниже нуля, бедный фермер со Среднего Запада приходит в лавку — и вдруг, среди всяких тебе товаров первой необходимости, упакованных в тусклые, унылые банки и картонки, эти ярко-оранжевые, синие, зеленые, белые сны! Чего же тут удивляться, что в ОКО перенаселенность. Вот эти самые этикетки приказывали фермерам —

* Стиль в искусстве начала XX века. От art deco — букв. декоративное искусство (*фр.*).

иди на Запад. В те времена они и вправду могли найти страну, схожую с той, что на этикетках. А вот для Джима это невозможно. Он живет здесь — и все же бесконечно удален от этой страны.

Утопии прошлого всегда немного печальны. Джим натягивает штаны, рубашку, шлепает через всю квартиру к входной двери и выглядывает наружу.

Солнечный день. Над головой тяжело нависла трасса, большая такая бетонная хреновина, застывшая в небе, пересекающая его из края в край. Опоры скромно расставлены на задворках, иногда — посреди уличных перекрестков. Вообще-то футхиллская трасса — далеко не новая штука, она появилась еще в конце того века. Все участки, по которым она должна была пройти, были плотно застроены, и домовладельцы ни в какую не соглашались продать свои жилища на снос. Ну и что же придумали? Придать новой магистрали форму виадукса, сделать ее частью вознесенной над землей сети дорог, которая прокладывалась в наиболее плотно заселенных частях Ньюпорта и Санта-Аны. Стоимость домов под этой вечно ревущей бетонной полосой, конечно же, разом упала, но ведь их же никто и пальцем не тронул, верно?

Теперь эти дома поделили на квартиры, и они стали идеальным пристанищем для небогатых людей «умственного» труда, вроде Джима. Машины перестали быть такими шумными, как прежде, а что касается тени от дороги, то, как неизменно отмечают торговцы недвижимостью, жарким летом она представляет собой скорее преимущество, чем недостаток.

Джим возвращается в комнату, состояние у него — полный облом. Голова раскалывается, мысли в ней идут как-то наперекосяк. Тоскливо ковыряясь в обычных своих утренних овсяных хлопьях с молоком, он думает об Артуре Бастанчери. Хорошая старая баскская фамилия, пошла она от пастухов, пришедших в Око еще тогда, когда Джеймс Ирвин использовал свою землю под пастбище. Во внешности Артура сохранилось что-то баскское — смуглое лицо, светлые глаза, квадратный подбородок. А у этих ребят давняя традиция активного сопротивления — там, у себя, в Испании. Они и терроризмом не брезгают. Джим не имеет ни малейшего желания заниматься террором, а вот если можно сделать что-либо каким-нибудь другим способом... Он

вздыхает, снова берется за ложку, тупо таращится на свою гостиную. Гостиная таращится на него.

Книги повсюду. Историки ОкО — Фриз, Медоуз, Старр и др. Поэзия. Романы. Кипы и кипы — здесь все что угодно. Рядом с окном — уголок дзен: циновка, палочки благово-ний, свеча.

Компакт-диски разбросаны по древнему проигрывателю, по выстроенным из кирпичей и досок книжным полкам.

Письменный стол завален бумагами. Потрепанная, из бамбука и винила, койка.

Бумага повсюду. Газеты, письма, какие-то записи.

Стихотворение на счете из бакалеи.

Мы питаемся культурой, ни дня без культуры.

Ну и как она на вкус?

Эва! А ведь кто-то забыл помыть посуду.

А что пыль не вытерта — так и пусть ее.

— Мы считаем, что невероятное количество денег и человеческих усилий (не забывай, что деньги — концентрированное выражение этих самых усилий), вкладываемое в гонку вооружений, является величайшей опасностью нашего времени. — Так сказал Джиму Артур в ночь того плакатного блицкрига. — Ни одна из наших легальных попыток хоть немного притормозить военно-промышленный комплекс не дала ровно ничего. Они — главная в этой стране сила, и ничто их не остановит. Мы не хотели прибегать к насилию, однако постепенно стало ясно, что нужно действовать, нужно выйти за рамки политики. Неожиданно выяснилось, что есть техника, способная уничтожить продукцию, не трогая производителей, и мы решили воспользоваться таким удачно подвернувшимся случаем.

— А откуда может быть у вас уверенность, что никто не пострадает? — От этого разговора Джиму становилось несколько не по себе. — То есть я хотел сказать, ведь с этого всегда и начинается, верно? Сперва не хочешь никакого насилия, затем разочаровываешься, а может, просто забываешь, чего там хотел или не хотел вначале, и вдруг как-то само собой получается, что ты занимаешься террором. С такими делами я не хочу иметь ничего общего.

— Это совершенно разные вещи, террор и саботаж, — вскинулся Артур. — Наши методы приводят в полную негодность пластики, программное обеспечение, различные

композитные материалы, не подвергая при этом людей ни малейшей опасности. Мы выбираем наиболее, по нашему мнению, дестабилизирующие военные программы и устраиваем им веселую жизнь. Я не могу сейчас об этом подробнее. И мы очень терпеливы, мы не спешим и не считаем, что отсутствие быстрых конкретных результатов — достаточная причина для перехода к более решительным действиям. Сколько лет потребуется, столько и потребуется, пусть двадцать, пусть хоть сорок. И мы всегда обеспечиваем стопроцентную гарантию, что ни один человек не пострадает. Это — один из самых важных для нас принципов. Отбросив его, мы превратимся в одну из частей все той же машины войны.

Джим кивнул. Рассуждения Артура звучали вполне разумно. А вот сейчас, за завтраком, разумность не казалась такой уж очевидной. В тот раз он сказал Артуру, что хотел бы помочь. А Артур ответил, что поговорим лучше потом. Когда же все это было-то? Неделю назад? Две недели? Трудно сказать. Будет ночной разговор продолжен или не будет — неизвестно, но возможность такого продолжения очень Джима тревожила.

Вконец расстроившись от всех этих воспоминаний, он решил помедитировать — сел на свою дзенскую циновку и поджег палочку для воскурений. Теперь — подготовка к дзэ-дзен, нужно очистить мозг. Никаких мыслей, полная открытость и опустошенность. Струйки сладковатого дыма поднимаются к потолку, извиваются в солнечных лучах, следи за ними и ни о чем не думай.

Ни о чем не думать трудно, очень трудно. Сосредоточься на дыхании. Вдох, выдох, вдох, выдох, вдох, выдох, вот, вот, уже получается! Черт. Снова все испортил. Начнем сначала. А ведь сумел все-таки отключиться, секунд на пять, а то и десять. Тоже вполне прилично. Заткнись! Попробуй еще раз. Вдох, выдох, вдох, выдох, вдох, выдох, интересно, с кем играют сегодня «Доджерс», ч-черт, вдох, выдох, вдох, выдох, какой завиток дыма красивый, тс-с-с! вдох, а что это там такое? Вот дьявол! Не думай, не думай, хорошо, я не думаю, я не думаю, я не думаю, видишь, я же совсем не думаю!.. Да-а... Ну ладно. Так что там было, вдох? выдох?

Без толку это все. Джим Макферсон — самый уторчавшийся дзен-буддист в истории дзен-буддизма. Ну как это так — перестать думать? Это же невозможно. Этого даже во сне не бывает.

Ну, секунд на пятнадцать-то все-таки получилось. Бывало и хуже. Джим поднимается с циновки. Полный депресняк. Утром у него всегда так, то ли сахара в крови не хватает, то ли тех разнообразных наркотиков, которыми он накачивается в течение дня. Но сегодняшний депресняк какой-то особенно черный. Джим в полной растерянности и тоске.

Тогда попробуем плыть по течению. Джим ставит лично своего изготовления «Супертрагическую симфонию», коллаж из четырех наиболее печальных — по его же, конечно, мнению — эпизодов симфонической музыки. Вначале идет похоронный марш из Третьей симфонии Бетховена, величественный и зовущий бороться с ударами судьбы, полный активной печали, как и приличествует первой части. Вторая часть «Супертрагической» — это вторая же часть Седьмой Бетховена, торжественная мелодия превращается, как это обнаружил Бруно Вальтер, в похоронный марш — если плюнуть на указания Бетховена играть ее аллегretto и перейти на адажио. Тяжелая, величественная, ритмичная, полная глубокой печали.

Третья часть — опять же третья часть, но на этот раз Третьей Брамса, лирическая и меланхоличная, квинтэссенция октября, вся осенняя грусть всех веков, собранная в прозрачную мелодию, структура которой многим обязана предыдущей части Седьмой Бетховена. Джиму нравится этот факт — во-первых, он открыл его сам, а во-вторых, такая связь подтверждает право «Супертрагической симфонии» на существование.

Ну а финал — последняя часть «Патетической» Чайковского, тут уж ни о какой сдержанности нет и речи, все стоп-краны сорваны, рыдай себе захлеб и никого не стесняйся. Тоска, отчаяние, боль утраты, все страдания царской России плюс личные проблемы Чайковского — все сконцентрировано в одном жутком предсмертном стане. Полный отпад.

Симфония — пальчики оближешь. Возникали, конечно, заморочки с переходом из тональности в тональность, но только Джиму на все это плевать. Зато появляется возможность выплеснуть наружу свою тоску и пришибленность, пропеть их, дирижировать ими, попутно слоняясь по квартире якобы с целью хоть немного в ней прибраться, падая обессиленно то в одно, то в другое кресло, размахивая воображаемой палочкой и погружаясь при этом во все более

черные глубины отчаяния. Да, вот это я понимаю — депрессуха! Понемногу Джим начинает любоваться своей депрессией, ловить от нее нечто вроде кайфа. К последним аккордам он чувствует себя совсем опустошенным. Наступил желанный катарсис, и мир стал как-то привлекательнее.

Появилось даже настроение что-нибудь написать. Джим — поэт. Да, он поэт, поэт, поэт, поэт.

Правда, занятие это весьма тяжелое — ведь наваленные на полках, кипами громоздящиеся на захламленном письменном столе книги содержат пугающее количество шедевров. На каждое тыканье пальцем в клавиатуру старенького компьютера эти тома отзываются издевательским хохотом. Шекспир, Шелли, Стивенс, Снайдер — тьфу! В наши дни, в наш век писать стихи просто невозможно. Джим презрительно смеется над самыми лучшими, знаменитыми поэтами двадцать первого века — и в то же самое время рабски подражает им в собственных своих опусах. Заплесневевший постмодернизм, переваливший уже за пенсионный возраст, — что он, собственно, такое? Пустое, никчемное фиглярство. Нужно создать нечто новое, но ничего нового уже не создашь, все создали другие, раньше тебя. Положение весьма затруднительное. Джим выходит из него, сочиняя постмодернистские стихи в надежде сделать их пост-постмодернистскими, для чего компьютер тасует строчки случайным образом. К сожалению, постмодернистские стихи и сами по себе выглядят так, словно строчки их перетасовывали случайным образом, поэтому все ультрарадикальные эксперименты Джима не приводят ни к каким ощутимым результатам.

Как бы там ни было, самое время попробовать еще раз. Полчаса Джим таращится на пустой экран, полчаса печатает, а затем перечитывает, что же там такое получилось?

Сними себе квартиру.

Сквозь пол пробиваются апельсиновые деревья.

Две комнаты и ванная, окна и дверь.

Твоя крыша — трасса. Манящая тень.

Моторизованный ландшафт: аутопия, ездить одно удовольствие.

Магнитное поле невидимо, но верим же мы в него.

Взберись по освещенной вечерним солнцем опоре.

Теперь ложись на медь магнитных дорожек, позагорай.

Все наши пляжи насыпают привозным песком.

Ты умеешь плавать? Нет. Тогда просто полежи.
Съешь апельсин. Почитай.
Переезжающие через тебя мельком взглянут.

Порядок. Теперь прогоним через рандомайзерную программу, лучше всего через ту, удачную, у которой такое хорошее чувство ритма. Так, каков результат?

Твоя крыша — трасса. Манящая тень.
Съешь апельсин. Почитай.
Моторизованный ландшафт: аутопия, ездить одно удовольствие.
Сними себе квартиру.
Теперь ложись на медь магнитных дорожек, позагорай.
Две комнаты и ванная, окна и дверь.
Магнитное поле невидимо, но верим же мы в него.
Все наши пляжи насыпают привозным песком.
Переезжающие через тебя мельком взглянут.
Ты умеешь плавать? Нет. Тогда просто полежи.
Сквозь пол пробиваются апельсиновые деревья.
Взберись по освещенной вечерним солнцем опоре.

А что, совсем неплохо, верно ведь? Джим читает новый вариант вслух. Ну, в общем-то... Он прогоняет стихотворение через компьютер еще раз, и вдруг все три варианта кажутся ему предельно глупыми. Из головы не идет высказанное кем-то мнение: если после перестановки строчек стихотворение стало лучше, значит, в этом стихотворении с самого начала что-то было не так. Например, последовательность строк. Джим думает о шекспировских сонетах, о «Юлиане и Маддало» Шелли. А точно ли он занимается тем же самым родом деятельности, что и они когда-то? «Сними себе квартиру»?

Чушь это все. Жалкие и смешные потуги. Правду говорил Артур, нет у него никакой осмысленной работы! А к тому же — он почти уже опаздывает на работу бессмысленную, ту, за которую платят деньги. Это плохо. Джим мгновенно обувается, наскоро чистит зубы, наскоро причесывается, бежит к своей машине и набирает адрес Первой Американской Компании Титульного Страхования и Торговли Недвижимостью, каковая компания расположена в Санта-Ане, на Пятой Восточной. Старейшая во всем округе Ориндж титульная компания все еще крутится, как молоденькая, так

что, добравшись до своего рабочего места, Джим обнаруживает всегдашний неподъемный завал документов, которые нужно отпечатать и обработать. Извещения, передаточные записи, акты оценки, вся эта бесконечная юридическая мутовень, без которой землю не купишь и не продашь. Джим — служащий самого низшего ранга, нечто вроде внештатной машинистки; сколько он ни старается сегодня работать на автопилоте, думать исключительно о недавнем своем разговоре с Артуром, все равно трехчасовая смена тянется убийственно долго, выжимает последние силы. Каждый из сидящих в комнате уткнулся в свой экран и шелкает по своей клавиатуре, каждый настолько поглощен своей работой, что не замечает ничего и никого вокруг. Ни одного знакомого лица — у фирмы так много внештатников, а рабочий день Джима так краток, что он успел запомнить очень немногих — товарищей по несчастью, что ли? Сегодня никого из них не видно.

Становится так тоскливо, что он идет поговорить с Хэмфри, который тут вроде как босс — в том смысле, что Хэмфри пользуется услугами машинописного бюро, где работает Джим. Хэмфри — восходящая звезда торговли недвижимостью, в глазах Джима это просто омерзительно, но разве скажешь такое другу?

— Привет, Хэмф. Как оно?

— Отлично, а у тебя?

— Порядок. А чего у тебя такого отличного?

— Ты ведь слышал, как я исхитрился зацапать на правительственной распродаже один из последних кливлендских участков.

— Как же, слышал.

Про себя Джим считает это одним из самых жутких событий за последние двадцать лет: под непрерывным давлением южнокалифорнийского риэлторского лобби и Наблюдательного совета ОКО федеральное правительство согласилось распродать Кливлендский национальный лесной заповедник, расположенный на границе округов Ориндж и Риверсайд, — распродать частным владельцам, кусками. А что тут, собственно, такого? Надо же с чего-то платить проценты по гаргантюански распухшему государственному долгу, да и леса там никакого давно нет и в помине, одни голые холмы, окруженные поселками, которым земля эта нужна позарез, верно ведь? Верно. Таким вот образом, с одобрения министра охраны окружающей среды (в прошлом — владельца крупной строительной фирмы), Конгресс принял закон, почти

незаметный в большом пакете других, принимавшихся одновременно, в результате чего последнюю в ОкО пустую землю поделили на пять сотен участков и загнали с аукциона. За очень хорошие деньги. Отличный, с точки зрения политики, шаг. Вызвавший всеобщее одобрение.

— Так вот, — продолжал Хэмфри, — мы хотим поставить там административный корпус. Были, правда, трудности с финансированием, но сейчас это уже в прошлом. Проектом заинтересовался Амбанк, если они не остынут, все будет в порядке.

— Послушай, Хэмфри, — изумился Джим. — Ведь административные здания Сантьяго и так заполнены хорошо если на тридцать процентов. Ты же не мог найти ни одного дурака, согласного выложить деньги на строительство нового комплекса.

— Верно, но я получил уйму письменных заверений, что люди переедут в новое здание, когда оно будет построено. Тем более что мы обещаем на первые пять лет освободить их от платы за помещение. Эти записки убедили инвесторов, что проект жизнеспособен.

— Но ведь это все липа! И ты сам знаешь, что это липа! Ты построишь там еще одну сорокаэтажную махину, и она будет стоять пустая!

— Не-а, — упрямо покачал головой Хэмфри. — Главное построить, а за съемщиками дело не станет. Просто потребуется какое-то время. Ты пойми, Джим, если удалось получить одновременно и землю, и деньги, — значит, нужно строить. И не волноваться насчет заселения — как-нибудь уж все утрясется. Вот только нам позарез необходимо окончательное согласие Амбанка, и поскорее, пока другие инвесторы не разбежались, а эти ребята все тянут резину.

— Так ведь если вы постройте здание и никто не захочет туда вселиться, именно Амбанку и придется платить за все эти игры. Вот они и чешут в затылке.

О таком Хэмфри не хочет и думать. Кроме того, через полчаса у него встреча с президентом компании, поэтому он выпроваживает Джима из кабинета.

Джим возвращается к столу, берет телефон и звонит Артуру.

— Слушай, я ведь и вправду заинтересовался — ну, тем, о чем мы тогда говорили. Я бы хотел...

— Давай не будем сейчас об этом, — быстро обрывает его Артур. — Лучше потом, при встрече, а то по телефону

разговор какой-то не такой. Но это хорошо. Это очень хорошо.

И снова тыкать в клавиатуру, проклиная и Хэмфри, и эту идиотскую работу, и жадных тупых политиканов, всех подряд — местный наблюдательный совет, Конгресс, вконец прогнившее федеральное правительство. Ну вот, смена окончилась, еще три часа жизни возложены на алтарь великого бога денег. Джим выключает компьютер и собирается уходить. Сегодня по расписанию ужин у родителей...

Ну что б его! Совсем забыл про дядю Тома! Не навестив дядю Тома, к мамочке лучше и на глаза не показываться. Господи, что же это за день такой получается! Времени-то сколько, четыре? Вот как раз сейчас-то и пускают посетителей. Мама обязательно спросит, и никак из этого дела не выкрутишься. Самое лучшее — съездить туда побыстрее, забежать на минутку к дяде Тому, а потом уж — к маме, ужинать. Да что же это за напасть такая!

Глава 12

Как ни верти, а приходится ехать в «Подыхай на здоровье». Когда «вольво» вывернул на четыреста пятый, Джим включил радио; «Раздолбай» заканчивали свой последний хит, он врубил звук на полную катушку, на все сто двадцать децибел, и начал подпевать — тоже во все горло:

В околоплодные воды любви
Я без раздумья нырял.
Живчик свою яйцеклетку нашел —
Выиграл я, или я проиграл?

«Подыхай на здоровье» раскинулся на Лагуна-Хиллз, от Эль-Торо до Мишн Вьехо: Россмурский центр «Отдыхай на здоровье», целый город, в прошлом доступный только самым богатым из стариков. Теперь тут есть и свои роскошные кварталы, и свои трущобы, и свои психушки — точно так же, как и в любом другом «городе» ОкО, и перенаселен этот «Подыхай» будьте нате, ведь сейчас гораздо больше стариков, чем когда-либо в прошлом, огромный процент населения перевалил за семьдесят лет, то ли два, то ли три процента — даже за сто, а ведь надо же им всем куда-то деться, верно? Вот и набилось здесь добрых полмиллиона человек.

Джим находит место для парковки, вылезает из машины. Да-а, местечко. Вот уж где депрессия, так депрессия. Джим

страстно ненавидит этот отдыхательно-поддыхательный поселок. И дядя Том тоже его ненавидит, Джим не сомневается. Но с эмфиземой легких, да еще когда единственный твой доход — федеральная пенсия по старости, особенно не выбираешь. Здешние квартиры содержатся на государственную дотацию, они до смешного дешевые и предоставляются исключительно старикам. Если так посмотреть, дом, в котором живет дядя Том, похож на любой другой — разве что все в нем какое-то тесное, унылое, одним словом — занюханное. Тут уж никакого тебе показного форса, никаких тебе липовых средиземноморских фасадов, скрывающих многоквартирную тоску. Это — дом для престарелых.

Более того, психическое отделение дома для престарелых. Вообще-то, по большей части дядя Том сохраняет достаточно здравый рассудок — лежит себе спокойно в кровати, старается дышать ровно. Но время от времени он срывается и лезет в драку — с санитарями, с кем угодно; тогда за ним нужно наблюдать.

Это происходит уже давно, во всяком случае — не меньше десяти лет. Дяде Тому за сто.

Думать о дяде Томе, о его жизни — нестерпимо, и, когда подобные мысли все же приходят Джиму в голову, он сразу их выбрасывает. Но во время нечастых посещений заведения для престарелых такого не сделаешь — тут уж все прямо перед глазами.

По пандусу — здесь сплошные пандусы, это для инвалидов колясок — наверх, к столу дежурной.

— Время для посещений заканчивается через сорок пять минут.

Ну почему, спрашивается, у нее такая недовольная, постоянно кислая морда и сучий голос?

Не беспокойся.

Полутемный коридор пахнет аптекой. Кресла-каталки стучаются в стены, словно аттракционные автомобили на ярмарке; в креслах старые развалины, по большей части накачаннные какими-то наркотическими препаратами — по подбородкам струится слюна, глаза пустые, остекленевшие. Совсем молоденькая нянечка толкает кресло и часто-часто моргает, явно готовая заплакать. Вот-вот, в детском саду — нянечки, здесь — опять нянечки («Выиграл я, или я проиграл?»)

Крохотная комната дяди Тома едва вмещает кровать, зато окно выходит на юг. Джим постучал и открыл дверь. Ну да,

дядя Том, как всегда, смотрит в любимое свое окно — лежит, словно в трансе, и смотрит на клочок голубого неба.

Мятая фланелевая пижама в клеточку.

На подбородке трехдневная седая щетина.

Так это здесь ты живешь?

Прозрачная пластиковая трубка от ноздрей к стоящему под кроватью баллону. Кислород.

Лысая, веснушками усыпанная репа. Десять тысяч морщин. Голова черепахи.

Она медленно поворачивается, на Джима устремляются тусклые карие глаза, глаза быстро моргают, постепенно фокусируются; глядящий сквозь эти подслеповатые окошки разум неохотно возвращается в комнату — из неизвестно уж каких там своих далей. Том сглатывает слюну, как и всегда, он чувствует себя неловко.

— Привет, дядя Том.

Дядя Том смеется — словно кто-то комкает кусок бумаги.

— Не называй меня дядя Том, а то мне кажется, что сейчас придет Симон Легре. И отхлещет меня кнутом. — Снова смех; похоже, дядя Том окончательно проснулся. Он слегка приподнялся, секунду назад тусклые, глаза его приобрели знакомый Джиму острый, сардонический блеск. — Или сделаем так. Ты называй меня дядя Том, а я буду звать тебя негр Джим. Получится разговор двух рабов.

Джим заставляет себя улыбнуться.

— А что, хорошо.

— Хорошо, думаешь? Так что же тебя сюда занесло? Люси на этой неделе не придет?

— Понимаешь...

— Ничего, ничего. Будь моя воля, я бы и сам ни в жизнь сюда не пришел. — И опять комкается бумага. — Лучше расскажи, чем ты там занимаешься. Как твоё преподавание?

— Прекрасно. Дело в том, что... понимаешь, это трудно, учить людей писать. Они и читают-то не слишком много, так что почти не имеют представления, как нужно писать.

— Ничего нового, так было всегда.

— Готов поспорить, сейчас все еще хуже.

— Спорь с кем-нибудь другим, я не стану.

Дядя Том смотрит на Джима, смотрит пристально, изучающе. Неожиданно Джим вспоминает свою археологическую экспедицию.

— Слушай, я ведь откопал кусок эль-моденской начальной школы. Черт, жаль, не захватил с собой, а то бы показал.

Он рассказывает дяде Тому о ночных приключениях, дядя Том отзывается все тем же болезненным смехом.

— Наверное, это просто деревяшка, оставшаяся после строительства пышечной. Но мысль отличная. Эль-моденская начальная школа. Могучая мысль, иначе не скажешь. Даже тогда, когда в ней учился я, она была очень старой. Ее закрыли вскоре после окончания строительства Ла Веты. Два длинных деревянных здания, двухэтажные, с подвалами. В одном еще, помню, был большой колокол. Колокол потом получила средняя школа, и директора тоже, того самого, который был раньше директором начальной. У него еще случился нервный припадок в день начала занятий, на построении. Вздрыгнул прямо у нас на глазах. А между зданиями был большой двор. Здания деревянные, случись пожар, так и не выберешься, поэтому нам чуть не каждый день устраивали учебную пожарную тревогу. В этом самом дворе мы играли в бейсбол. Раз я вышел на первую, потом подал и вышел на вторую, ребята перекинули, и я взял, вышел на третью, снова перекинули, и я в доме. Я в безопасности, ребята построили на мне всю эту игру, а тут мистер Бичем меня позвал. Вроде по делу, а в действительности ему просто не нравилось, что у меня так шустро получается. Ублюдок он был. А еще мы соскакивали с качелей наверху, на самом большом размахе, и летели. Сейчас не верится даже, что мы не ломали руки-ноги каждый день, но ведь и вправду не ломали.

Дядя Том вздыхает и смотрит в окно, словно через него открывается вид на предыдущее столетие. Он описывает свое прошлое с какой-то лихорадочной горечью, словно в обиде, что оно ушло так далеко и невозвратно. Слушать его интересно, но в то же время и как-то тоскливо.

— Были две девочки, они всегда держались вместе, и все над ними издевались. Дразнили их. Лупоглазая и Гургона — это, наверное, значило Горгона. Удивительно, правда, что хоть один из наших мальчишек знал такое умное слово. Они, понимаешь, были умственно отсталые, и на вид тоже страшенькие. Лупоглазая — вся какая-то сморщенная, усохшая, а Гургона — большая и уродливая. Дебилки. Мальчишки ловили их на перемене, тыкали в них пальцами и смеялись. — Дядя Том печально покачал головой и снова взглянул в окно. — А у меня была своя забава, я вроде как играл в прятки с учительницей, которая следила за порядком на

переменах. Какая уж там игра, скорее — психологическая война. Пробирался подвалами с одной стороны двора на другую, выскакивал и пугал ее. Она видит меня сперва здесь, а потом вдруг там, чуть с ума не сходила. Один раз я бежал вот так по подвалу и вдруг вижу Лупоглазую и Гургону, они там, значит, прячутся. Прижались друг к другу...

Глаза дяди Тома заморгали, как у той нянечки в коридоре.

— Дети жестокие, — умудренно заявил Джим.

— И ничуть не меняются с возрастом! Ничуть не меняются. — В голосе дяди Тома слышится медная горечь. — Здешние санитарки делят нас на «О» и «Q». «О» — это те, у которых все время раскрыт рот, а «Q» — у которых еще и язык изо рта свешивается. Смешно, правда? — Он снова покачал головой. — Люди жестоки.

Джим слегка скрипнул зубами.

— Может, потому ты и стал судебным адвокатом?

Увидеть двух умственно отсталых детей, испуганно забившихся в подвал, — неужели такое может определить всю дальнейшую жизнь?

— Может, и так. — Свет в маленькой комнатке становится медно-красным, воздух приобретает медный вкус. — Может, и так.

— А на что это было похоже — работать судебным адвокатом?

— На что похоже? Это работа, от которой разрывается сердце. Бедняк совершает преступление, его арестовывают. Большая часть преступлений совершается очень бедными людьми, они ведь находятся в отчаянном положении. Это очень понятно, трудно бы ожидать чего-нибудь другого. Он имеет право на защиту, но адвокат ему не по карману. Тогда судья назначает защитником одного из нас. Огромная нагрузка, бесконечное количество дел — самых разнообразных, хотя, конечно, многое повторяется из раза в раз. Хорошая, конечно, тренировка, но... Не знаю. Во всяком случае, должен же кто-то этим заниматься. Наше общество несправедливо, и такая работа — сопротивление, активная борьба с несправедливостью.

Джим молча кивает, он поражен, насколько созвучны эти слова его собственным недавним мыслям. Так, значит, старик пытался бороться!

— Но потом, через какое-то время, все это теряет значение. Большинство клиентов тебя ненавидит — ведь ты часть той самой системы, которая взяла их за горло. И судят их чаще всего действительно за дело. А нагрузка... — Снова

хриплый смех, на этот раз кажется, что в легких дяди Тома действительно что-то рвется. — В конце концов тебя охватывает безразличие. Все, что сделал ты, сделал бы и кто-нибудь другой. Сделал бы, обязательно, и ничем не хуже тебя. Нужно было мне пойти в юристы по налогообложению, в консультанты по инвестициям. Тогда у меня были бы сейчас деньги, вилла в каком-нибудь приличном месте. Личная сестра для ухода, секретарь...

Джим зябко поежился. Да, дядя Том прекрасно понимает, где и в каких условиях он живет. А кому же еще и понимать? Только отчаяние заставляет всех этих обитателей психического отделения, всех этих «О» и «Q»...

— Но ведь ты сумел сделать что-то хорошее, конечно же, сумел! — И уже с сомнением: — Ты спасал людей от тюрьмы, и они были тебе за это благодарны...

— Может, и так. — И опять этот треск. — Вот помню... Мне дали этого русского иммигранта, который двух слов не мог связать по-английски. Приехал в Штаты что-то за месяц до того или за два. Истосковался, видно, в одиночестве и забрел в один из порнотеатриков Санта-Аны. А в то время полиция как раз пыталась прикрыть подобные заведения. Они сделали облаву и похватили всех, кто не сумел смыться, в том числе и моего русского. Предъявили ему обвинение в публичном нарушении приличий — будто бы этот несчастный сукин сын там мастурбировал. Не больше и не меньше. Когда я увидел его впервые, парень был перепуган до смерти, ведь он привык к советской системе, а там если уж тебя арестовали, то не выкрутишься. Суд подтвердит самое дикое обвинение. Кроме того, он не очень-то и понимал, в чем именно состоит обвинение, а оттого дрожал еще пуще. Так что я вынес дело на судебное заседание и разнес помощника окружного прокурора вместе с его обвинением в капусту. Да это обвинение и с самого начала было дерьмом собачьим — ну каким, спрашивается, образом можно доказать такую штуку? Судья прекратил дело за отсутствием факта, и ты бы посмотрел на лицо этого русского, когда его освобождали из-под стражи... — сухой треск. — Да, в этом болоте стоило, пожалуй, побарахтаться — несколько дней. Но и только.

— А что... — Джима больше всего волнуют собственные проблемы, собственный выбор. — А что бы ты сделал сегодня? То есть, дядя Том, если бы ты снова хотел бороться с несправедливостью, с людьми, которые всем заправляют, — что бы ты тогда делал?

— Не знаю. Я не вижу никакого осмысленного пути. Преподавал бы, наверное. Только ведь и это бесполезно. А может, стал бы писать. Или занимался той же юриспруденцией, но на более высоком уровне. Чтобы каким-нибудь образом влиять на сами законы. Ведь все дело, Джим, именно в этом, в пирамиде привилегий и эксплуатации, которая опирается на законы нашей страны. Именно ее нужно перестраивать.

— Но как? Ты смог бы заняться активной борьбой? Ну, вроде как... выйти ночью и взорвать оружейный завод, или еще что-нибудь такое?

Живые, блестящие глаза дяди Тома снова смотрят в окно, на небо. Как и обычно, вспоминая прошлые свои горечи и обиды, он взбодрился, даже помолодел.

— Конечно, если бы имел уверенность, что никто при этом не пострадает. Никто, — рвущаяся бумага, — включая и меня самого! Вечные либеральные предрассудки, они, пожалуй, и были главной моей бедой. Но вообще говоря — да. Одной-двумя такими акциями, конечно же, не обойдешься, их потребовалось бы очень много. Но ведь нужно каким-то образом остановить этих идиотов. Они же вытягивают из мира последние соки — и все для продолжения своих игр.

Джим молча кивает. Разговор переходит на родителей Джима, ассоциация вполне прозрачная, хотя никто не упоминал о характере работы Денниса. Потом Джим немного рассказывает о своей работе, о друзьях; постепенно глаза дяди Тома начинают тускнеть. Он заметно устал — весь обмяк, обвис, говорит хрипло, с трудом. В который раз Джим осознает, что этот разум, этот острый живой разум заперт в ветхом, на глазах расползающемся теле, которое держится исключительно на кислороде и лекарствах. В теле, которое время от времени отравляет разум, притупляет его остроту... Костлявые руки цепляются за простыню, ползут по ней, словно два краба; коричневая, пятнистая кожа, пальцы, навечно скрюченные распухшими суставами... Как же ему больно! И эта боль не утихает ни на секунду, стала частью его жизни!

Подобные вещи Джим представляет себе весьма умоизнурительно, так что мысль о страданиях дяди Тома задерживается в его голове недолго. Да и вообще пора идти.

— Дядя Том, расскажи мне еще что-нибудь об округе Ориндж, а потом я пойду.

Дядя Том смотрит на него невидящими, не узнающими глазами; Джим зябко ежится. Глаза снова фокусируются. Дядя Том поворачивается к окну.

— У мыса Дана, там где потом построили пристань, под обрывом был прекрасный пляж. Туда мало кто ходил. С обрыва спускалась старая, разболтанная деревянная лестница, другой дороги на пляж не было. Многие ступеньки повываливались, с каждым годом лазать по этой лестнице становилось опаснее и опаснее. И все-таки мы по ней лазали. Идти нужно было сразу после сильного шторма. Волны обдирали с пляжа песок, промывали его и швыряли обратно. И в этом песке попадались крохотные кусочки цветных камней. Мы называли его «самоцветный песок». Не знаю уж, действительно ли это были осколки сапфиров, рубинов, изумрудов, но выглядели они похоже, и мы их так называли. И не подумай, что стекляшки, — самые настоящие камни. Нужно было идти по пляжу очень медленно и всматриваться, а потом вдруг видишь цветную вспышку, зеленую, красную, голубую — яркую, отчетливо различимую на фоне мокрого песка. За день удавалось набрать крохотную горсточку, а если потом положить их в банку с водой... У меня была такая банка. Интересно, что с ней случилось потом. А что случается потом со всеми твоими вещами? Со всеми людьми, которых ты знал? Но я точно знаю, что сам бы ее никогда не выкинул...

Дядя Том впадает в задумчивость, а затем в сон, очень беспокойный — так вздрагивает и мечется, что кислородная трубка чуть не передавливает ему горло. Джим, слушавший историю про самоцветный песок далеко не в первый раз, передвигает трубку в сторону, расправляет, сколько может, простыни и уходит в настроении еще более тоскливом, чем раньше. Какое же тут было когда-то место! А человек, отдельная, ни на какую другую не похожая личность, целая жизнь. Бессмысленно цепляющийся теперь за жалкие остатки этой жизни. И какое тут кошмарное заведение — тюрьма для стариков, настоящий концлагерь! Все это просто ужасно. Нужно приходить сюда почаще, дяде Тому нужна компания. К тому же он — источник исторической информации, без всяких шуток, самый настоящий источник.

Но, выезжая на пятый, он начисто все это забывает. Дело в том, что визиты к дяде Тому неизменно действуют на Джима угнетающе, поэтому он каждый раз спешит выки-

нуть неприятные мысли из головы и приходит сюда только при самой уж крайней необходимости.

Теперь — к родителям, ужинать. А потом еще этих учить. Да уж, денек получается — врагу не пожелаешь.

Глава 13

Джим ушел, а дядя Том продолжил свой рассказ — мысленно, сам себе, но вроде как и Джиму.

Ребенком я играл в апельсиновых рощах. Когда живешь на улице, концом своим упирающейся в огромную, почти бесконечную апельсиновую рощу, гулять тебе позволяют сколько угодно и когда угодно. Лучшее время было после полудня, но не совсем еще вечером, когда жарко и весь мир словно пропитан сонной одурью. Почему-то всегда было солнечно, я совсем не помню пасмурных дней.

Землю между деревьями расчищали — тщательно, не оставляя ни единой травинки. Вокруг каждого дерева была кольцевая ирригационная канава поперечником футов, наверное, в тридцать, отчего рощи выглядели немного странно. И симметричная планировка — она тоже производила странное впечатление. Каждое дерево занимало точно ему определенное место в ряду и в шеренге, и в двух диагоналях — насколько хватал глаз, все эти линии оставались безукоризненно прямыми. Симметричными были и сами деревья, формой похожие на оливы и состоящие из маленьких зеленых листиков и маленьких перекрученных веток.

Апельсины там были почти всегда — деревья цвели и приносили урожай два раза в год, и большая часть года приходилась на вызревание. Поначалу маленькие и зеленые, апельсины становились постепенно желто-зелеными, желтыми и приобретали наконец оранжевый цвет, по мере созревания темневший; затем апельсины, если никто их до этого не сорвал, темнели до коричневатого-оранжевого оттенка, потом становились совсем коричневыми и сухими, маленькими и твердыми, затем — серовато-коричневыми и наконец обращались в землю, из которой вышли. Но по большей части их собирали.

Мы кидались апельсинами друг в друга — вроде как снежками, заранее слепленными и готовыми к употреблению. Мягкие, перезревшие расшибались при ударе в ошметки, и пахло от них плохо, а когда в тебя попадали зелеными, твердыми, было немного больно. Мы устраивали целые

войны, швырялись апельсинами и уворачивались, и это было немного похоже на немецкую игру, в которую мы играли в школе и в которой тебе стараются запятнать мячиком. И никто особенно не боялся, что в него попадут, — разве что последующих объяснений с матерью по поводу пятна на рубашке или синяка. Очень веселая получалась война и немного странная. Иногда я думаю — а не попал ли кто-нибудь из наших мальчишек потом во Вьетнам? Если да, они были плохо подготовлены к той войне.

А еще мы ходили в те самые рощи с луками, пытались стрелять кроликов. Их там была целая пропасть, и как же здорово они бегали. Нам никогда не удавалось подобраться к кроликам достаточно близко для хорошего выстрела — и слава Богу, как я теперь думаю, — так что приходилось довольствоваться стрельбой по апельсинам. Идеальные мишени — попасть очень трудно, но зато сколько радости, когда это получается. Апельсин раскалывался и отлетал в сторону, а иногда так и оставался висеть на ветке с торчащей в нем стрелой, и это было здорово.

А когда мы ели апельсины, то выбирали исключительно самые лучшие. Едкий, зеленоватый сок, выступающий на коже, когда ее снимаешь, белые мягкие лохмотья с оборота этой кожуры, резкий, ароматный запах, дольки — идеально закругленные, серповидные дольки... странно это все. Их вкус всегда казался мне каким-то не совсем реальным.

Я проводил в рощах уйму времени — брал лук и стрелы и слонялся в пыльной, жаркой тишине. И говорил сам с собой. Это был мой, ни с кем не разделенный мир.

Потом рощи начали сводить и, как ни странно, я не помню, чтобы нас это особенно волновало. Ведь никому и в голову не могло прийти, что сведут все рощи. Мы играли в ямах и среди штабелей срубленных деревьев, это было необычно и потому интересно. А на строительных площадках — среди только что поставленных фундаментов и за какие-то часы возведенных каркасов — играть было вообще великолепно. Мы качались на балках, проверяли, размягчается ли свежеуложенный бетон, если к нему поднести пламя свечки, прыгали с крыш в кучи песка, а один раз Роберт Келлер наступил на торчащий из доски гвоздь. Сплошное, одним словом, веселье.

А потом, когда все здания были построены, когда поставили заборы и провели дороги, тогда... ну, тогда место стало совсем другим, и тут уж веселья особого не было.

Но и мы к тому времени не были уже детьми, и нам было почти все равно.

Глава 14

Услышав новость — прямо из Нью-Йорка, от президента ЛСР Дональда Херефорда, — Стюарт Лемон не поверил своим ушам. Сбылись худшие его предчувствия, и сбылись они самым ужасным образом. Разговаривая по телефону, он был вынужден держаться спокойно — не выказывая особого негодования, заверил Херефорда, что все находится под контролем, что контракт практически обеспечен. Но в действительности резкий, ледяной голос, задававший неприятные вопросы, вызвал у Лемона ужас; повесив трубку и оставшись в полном одиночестве, он дал выход и своему ужасу и своей ярости — заперся в кабинете, отключил все коммуникационные системы и впал в бешенство. Он пинал стол и стулья, швырял чем попало в стены, лупил кулаками по мягкой обшивке своего вращающегося кресла; в конце концов страх и ярость немного притупились.

Тяжело дыша, Лемон осмотрел кабинет, а затем со всей возможной тщательностью привел его в порядок. Ярость оставалась, но прошло хотя бы физическое ощущение, что он сейчас взорвется — самым буквальным образом. Нет, думал он, все-таки нагрузки, связанные с этой работой, не по моему здоровью, тут или язву получишь, или инфаркт, вопрос только один — что скорее. Лемон проглотил таблетку тагамета, таблетку минипресса, затем включил интерком и спросил — самым спокойным голосом:

— Узнай, пожалуйста, вернулся ли Макферсон.

— Сейчас, сейчас, я проверю... — Конечно же, Рамоне прекрасно известно: такой вот мертвенно-спокойный голос шефа — верное свидетельство крайней его ярости. Тем лучше, Лемон этому даже рад. — Да, он только что вошел.

— Пусть сию же секунду придет ко мне.

В действительности Макферсон явился минут через пятнадцать, или даже двадцать. Инженер явно оскорблен и проявляет это в обычной своей сверхсдержанной манере: плотно сжатые губы, злые, в упор глядящие глаза. Это он злится? Лемон встает, в нем опять все кипит.

— Я ведь просил вас поторопиться с программой «Оса», — почти кричит он. — А вам, видите ли, было непонятно, с

чего это такая страшная спешка, ведь крайнего срока никто не ставил, а вот теперь я объясню вам, зачем была нужна такая страшная спешка.

От неожиданности Макферсон вздрогнул, болезненно сморщился, но тут же его лицо окаменело, утратило всякое выражение. Ну да, обычная твоя реакция, с ненавистью думал Лемон. В раковину спрятался? Ничего, мы ее быстро расколем.

— Вы хоть знаете, что эту самую вашу сверхчерную программу сделали белой? Если бы мы послали предложение тогда, когда я хотел, Пентагон не смог бы отколоть такого номера. Так нет же, вам обязательно нужно было тянуть резину. В результате программа стала белой, объявили конкурс, в котором сможет участвовать каждый встречный и поперечный.

Да, вот это его сразу достало — вон как побледнел.

— Когда вы узнали? — Макферсон говорит с видимым трудом, едва ворочая челюстью.

— Только что! Я все-таки шевелюсь на работе, в отличие от некоторых. Только что был звонок из Нью-Йорка, звонил сам Херефорд.

— Но... Что же случилось? Почему? — Ну, этот красавец точно в шоке, иначе не снизошел бы до таких вопросов.

— Почему? Вы хотите знать почему? Да потому, что вы испоганили все своей долбаной медлительностью, вот почему! — Кулак Лемона с грохотом опустился на стол. — С вашего соизволения, Макферсон, я попытаюсь еще раз объяснить вам, что такое военно-воздушные силы. Эти генералы и полковники любят деловой подход, результаты. Терпения у них — круглый ноль, и если они просят о чем-то, так ты хоть в лепешку расшибись, а вынь да положь. Иначе они поищут в каком-нибудь другом месте. А вы заставили их ждать. Господи Боже, да ведь прошло уже четыре месяца, целых четыре месяца! А каков итог? В пятницу на страницах «Коммершиал бизнес дейли» появится запрос на предложения по контракту «Оса», после чего мы станем рядовыми участниками конкурса. Имей Пентагон наше предложение вовремя, он скорее всего принял бы его, и ничего подобного просто не могло бы случиться. Ну а теперь нас поставили раком! — Кулак снова громыхнул по столу. — Мы оказались там же, где были в самом начале!

Лемон намеренно доводил себя до иступления — с целью, пожалуй, терапевтического характера. Нужно же как-то

снять невыносимое напряжение. Но и Макферсон тоже утратил все свое знаменитое спокойствие. Гляди, как парень взъярился, он бы поосторожнее зубы стискивал, ведь так и поломать их не долго. Будь он нормальным человеком — покричали бы друг на друга, отлегло бы немного, а там, глядишь, и успокоились бы, выпили на пару, придумали бы какой-нибудь способ выбраться из этой задницы. И напроочь забыли бы все нехорошее, сказанное сгоряча. Да разве с Макферсоном такое получится? Нет, ему же обязательно нужно копить все внутри, чтобы накопленная злоба превращалась в ненависть, ненависть ко мне.

Лемону кажется, что он прямо видит эту ненависть, видит так же отчетливо, как лицо Макферсона, — и приходит в еще большее бешенство. Он ненавидит это высокомерное молчание — добро бы дело касалось его самого, но ведь тут страдают интересы фирмы.

— Убирайтесь отсюда, — с отвращением говорит Лемон, показывая рукой на дверь. — Смотреть я на вас не могу.

— Насколько я понимаю, мы участвуем в этом конкурсе?

— Да! Господи Иисусе, неужели же вы думаете, что я позволю, чтобы такая большая работа пошла псу под хвост? Приведите материалы в пристойный вид, составьте предложение — и сделайте это быстро! Вы понимаете, что такое быстро? Как прошло испытание, успешно?

— Да.

— Прекрасно. Ваше предложение поступит в конкурсную комиссию первым. При том заделе, который у нас есть, наше предложение должно оказаться значительно лучше остальных.

— Пожалуй.

— Не пожалуй, а обязательно. Послушайте, Макферсон, ведь сейчас на кону стоит собственная ваша задница. После всех этих последних историй я бы очень советовал вам выиграть конкурс по «Осе». Очень бы советовал.

Инженера буквально вынесло из кабинета. Вон как прощается, робот проклятый, едва головой кивнул. Странно, думает Лемон, и чего это я терплю эту куклу надутую. Это же совсем не в моем стиле, я не могу работать с подобными типами. Ладно, это — последний шанс Макферсона, мы слишком долго смотрели сквозь пальцы на его дилетантскую страсть вылизывать всякие несуществующие мелочи, а история с «Осой» не лезет уже ни в какие ворота. Мстительно ухмыльнувшись, он стукнул по клавише интеркома.

— Рамона, свяжись с Деннисом Макферсоном. Передай ему, что кроме руководства работами по программе «Оса»... нет, руководства составлением предложения по программе «Оса», на него возлагается совместное с Дэном Хьюстоном руководство программой «Шаровая молния». Скажи Макферсону, что он должен оказывать Хьюстону всю необходимую помощь, но главным в программе так и остается Дэн.

Вот теперь этот улюлюдок почешется.

Глава 15

Дорога, по которой ехал Джим, начала взбираться на Ред-Хиллз; первая возвышенность на краю обширной равнины, занимающей большую часть округа, этот холмик казался передовым дозорным, которого выслали столпившиеся позади него горы. Джим читал в книгах, что когда-то, еще в двадцатые годы прошлого века, здесь была шахта, ртутная шахта Ред-Хиллз; шахту закрыли, но отвалы пустой породы сохранились на многие десятилетия. А красноватый цвет покрывающей холм почвы объясняется высоким содержанием киновари.

Дома все, как всегда. Деннис вернулся с работы и сразу пошел в гараж — копаться в моторе, который, как и вся его машина, и так находится в идеальном, словно только что из магазина, состоянии. Поздоровавшись с отцом и не получив никакого ответа, Джим поплелся на кухню, где Люси готовила ужин. Очень скоро он оказался в курсе последних церковных событий: священник все еще не пришел в себя после недавней смерти жены, новый vikarий продолжает допекать старых, заслуженных прихожан, Люси так и занимается канцелярскими делами прихода, а последнее время ей помогает в этом Лилиан Кейлбахер.

Затем он услышал, как живут подруги Люси, а чуть позже — о работе Денниса. Никаких иных способов узнать об отцовских делах у Джима нет, Деннис считает его — и вполне справедливо считает — псевдорадикальным пацифистом, сентиментально осуждающим производство оружия. Но и сама Люси — по сходным, очевидно, причинам — знает весьма немного; сбивчивый рассказ, который выслушивает Джим, состоит по большей части из ее собственных догадок и предположений, основанных на обрывках фраз Денниса; с работы отец приходит злой и неразговорчивый — вот, собственно, и вся реальная информация.

— Он ненавидит своего начальника Лемона, — огорченно говорит Люси. Это ей не нравится, это не по-христиански, это вредит здоровью Денниса, это вредит его карьере. — Он даже не пытается его понять, а нужно бы. Ведь этот человек — совсем не какой-нибудь там дьявол во плоти или еще что. У него, наверное, тоже есть какие-нибудь свои неприятности.

— Не знаю, — качает головой Джим. — Бывают люди, с которыми просто невозможно иметь дело.

— Все дело в том, как ты сам к этому относишься, — огорченно вздыхает Люси. — Деннису стоило бы придумать себе какое-нибудь хобби, что-нибудь такое, что отвлекало бы его мысли от работы.

— Так у него есть машина, верно? Вот тебе и хобби.

— Да, конечно, только ведь это почти то же самое, что и на работе. Там он заставляет работать один механизм, а тут другой.

Едва Джим приступил к изложению хроники собственной своей жизни за прошедшую неделю (с большими, естественно, цензурными изъятиями), как из гаража вернулся отец. Когда Деннис умылся, Люси подала салат и запеканку; все сели за стол, и она прочитала молитву. Деннис быстро, молча поел, встал и снова пошел в гараж.

— Как там Шейла? — спросила Люси, направляясь к раковине со стопкой тарелок.

— Ну, понимаешь... — Джим почувствовал себя виноватым, он не только не видел за это время Шейлу, но даже почти о ней не вспоминал. — Мы сейчас как-то редко встречаемся.

Люси неодобрительно поцокала языком; у нее ко всей этой истории двойственное отношение. Шейла — не христианка. Хорошо бы Джиму остановить свой выбор на какой-нибудь порядочной христианской девушке, может быть — даже жениться; среди прихожанок церкви есть вполне подходящие кандидатки. С другой стороны, Люси видела Шейлу. Шейла ей понравилась, а реальное — оно всегда значит больше, чем любые теории и мечтания.

— А что у вас такое?

— Да как тебе сказать... Мы вроде как не в одной колее, — повторяет Джим одну из любимых фраз матери.

— Шейла хорошая девушка, — качает головой Люси. — Мне она нравится. Тебе нужно зайти к ней и поговорить. Вы должны общаться.

Святой принцип Люси — беседой можно исправить все что угодно. Будь Деннис поразговорчивее, думает Джим, она быстро бы отказалась от этого принципа, поняла бы, как далек он от реальности.

— Да, я к ней забегу. — Ведь и правда нужно забежать. Нужно сказать Шейле, что он, как бы это выразиться, встречается с другими людьми. Трудный получится разговорчик, это еще мягко говоря. Поэтому мозг Джима сию же секунду деловито принимается забывать отважное решение. Шейла и сама все поймет. — Обязательно забегу.

— А к Тому ты ходил?

— Да.

— И как он там?

— Примерно, как и раньше.

— Лучше бы ему жить с нами, — вздыхает Люси.

— Ну и куда бы вы его положили? — с сомнением спрашивает Джим. — И кто бы за ним ухаживал?

— Я это все понимаю. — Подбородок Люси начинает чуть подрагивать, и Джим неожиданно осознает, насколько она расстроена. Вот только чем? — Понимаю, но все равно это неправильно, плохо.

Может, и неправильно.

— Я постараюсь ходить к нему почаще. — Это обещание начинает забываться с такой же скоростью, как и предыдущее.

— На этой неделе Деннис снова летит в Вашингтон.

— Что-то он в этом году туда зачастил.

— Да.

Люси все еще не может успокоиться после разговора о дяде Томе, она закидывает тарелки в посудомойку почти не глядя. Джиму не хочется спрашивать, в чем дело, обязательно ведь мать расплатится, а потом ее успокаивай. Он делает вид, что ничего не замечает, и с преувеличенной жизнерадостностью рассказывает, как прошла неделя, какие книги читал, что рассказывал учащимся на уроках, и видит, что Люси понемногу берет себя в руки. Что она, с Деннисом, что ли, поссорилась? Ну, в отношения родителей лучше не лезть. Джим почти ничего об этих отношениях не знает и ровно ничего в них не понимает. Да, собственно, и не хочет знать и понимать — так спокойнее.

С посудой покончено, разговор тем временем становится обрывочным, бессвязным.

— Что ты сказала? — переспрашивает Джим, задумавшийся о своих делах.

— Джим, ты меня не слушаешь. — Смертный грех по понятиям этого дома. Смертный и — увы — в этом же доме весьма распространенный.

— Прости, пожалуйста, — пробормотал Джим, но тут же на глаза ему попал крупный газетный заголовок. — Просто невероятно, в Индии снова голод.

— Да? А что там пишут?

— Все то же самое. Третий большой голод в Азии за один этот год, еще миллион умерших. А вот это, ты на это посмотри! Столкновение в Мозамбике, убито сто человек! — Из кухонного окна открывается вид на базу морской пехоты. Эль-Торо, большая база. Два огромных ангара, около них, словно пчелы вокруг улья, кружат вертолеты, некоторые садятся, вместо них взлетают другие.

— Им нужно научиться говорить.

Джим молча кивает, все его внимание поглощено второй заметкой. Затем он откладывает газету и встает.

— Ну, я пошел. А то еще опоздаю на урок.

— Иди. Только не забывай, пожалуйста, почаще ходить к Тому. — Люси говорит очень серьезно, настойчиво, даже укоризненно. Да что же это с ней такое? Никак не успокоится.

— Не забуду, но ведь я был у него сегодня. Теперь съезжу в следующий четверг.

— Лучше бы во вторник.

Джим плетется в гараж. За весь вечер он так и не заметил ничего особенного в напряженном, взрывном молчании Денниса. Молчит себе и молчит. Джим давно привык к неразговорчивости отца.

— Кхе-кхе. — Деннис оставляет разноцветные провода, опутывающие двигательный блок машины, и глядит на неловко переминающегося сына. — Э-э, папа, у моей машины что-то непонятное с подачей энергии.

Деннис сдвинул очки на лоб и меряет Джима тяжелым взглядом.

— А как она берет с места? — спрашивает он после долгой паузы.

— Да тоже не слишком хорошо.

— Когда ты чистил контакты энергоприемника?

— Ну-у...

Не скрывая раздражения, Деннис хватает инструменты и ветошь, выходит из гаража и направляется к машине Джима. В ярком свете уличного фонаря старенький «вольво» выглядит особенно грязным, неухоженным. Деннис молча открывает капот и лезет в двигательный отсек, чтобы поднять держатель контактных щеток. И как же мне обрыдло возиться с твоей машиной, красноречиво говорит его согнутая спина.

— Вот, посмотри! Они же буквально заросли дерьмом! — Щетки, забирающие энергию из медной путевой дорожки, сплошь покрыты черной маслянистой пленкой. — Давай приводи их в порядок.

Джим берется за дело, он неумело возится с отверткой, отвертка соскакивает и пропахивает на поверхности одной из щеток блестящую бороздку; совсем рядом с левым глазом Денниса пролетает увесистый комок липкой грязи.

— Да осторожнее, ты же их изуродуешь. — Деннис отодвигает сына в сторону. — Посмотри, как я это делаю.

Джим смотрит, впадая во все большую тоску. Руки Денниса работают быстро, уверенно, экономно; через несколько минут каждая щетка сияет тусклой медью.

— Только ты ведь опять запустишь все это к чертовой матери, — Деннис безнадежно машет в сторону раскрытого капота.

— Нет, папа, — слабо протестует Джим. Он знает, что после стольких лет неумелого и наплевательского обращения с машиной вряд ли удастся убедить Денниса в своей искренности и заинтересованности. Все это, конечно же, интересно — в чисто теоретическом плане. Силы энтропии, сопротивление неуклонному ее натиску, великолепная метафора для описания социума и т. д. Но только закрыт капот, и уже через десять секунд все физические подробности бледнеют, куда-то испаряются, описывающие их слова звучат непонятной тарабарщиной, и Джим возвращается к обычному своему состоянию полной технической неграмотности, так ничего и не почерпнув из урока. «Странно, ведь память у меня хорошая, может, все это мне и вправду не интересно?»

— Так ты ищешь себе другую работу? — с той же безнадежностью спрашивает Деннис.

— Да, конечно, все время ищу.

По лицу Денниса скользит гримаса отвращения.

— А ты знаешь, что я так и плачу страховку за эту машину? — спрашивает он, собирая инструменты. — Это ты знаешь?

— Да, знаю! — Джим болезненно морщится, факт действительно постыдный. В таком возрасте сидеть на шее у родителей. Не уметь даже заработать себе на жизнь. Но раскаяние раскаянием, а презрение, горящее в глазах отца, заставляет Джима ошестиниться: — Очень тебе благодарен, но дальше я буду платить сам, начиная со следующего взноса.

А кто мешал ему платить раньше? Вот это уже доводит Денниса до белого каления.

— Ничего ты не будешь. — Слова звучат резко, почти оскорбительно. — По закону каждый водитель обязан иметь страховку, а тебе ее не потянуть. Если я понадеюсь на тебя, а ты пропустишь взнос и вляпаешься в аварию, кто тогда будет платить по счетам, ты, что ли?

— Ничего бы я не пропустил! — хмурится Джим; он искренне возмущен, что отец мог даже предположить такое.

— А вот я в этом не уверен.

Джим поворачивается, идет прочь, делает круг и возвращается. Ему стыдно, ему очень обидно, он в полной ярости. Но сказать-то ему нечего. А если он к тому же не выдержит и разревется...

— Я никогда такого не делаю! — кричит он. — Я выполняю все свои обязательства!

— Черта с два ты выполняешь, — машет рукой Деннис. — Ты и себя-то прокормить не можешь. А это что, не входит в твои обязанности? Почему ты не найдешь такую работу, которая позволила бы тебе платить по всем своим счетам? Или хотя бы не научишься соизмерять свои расходы с доходами? Ведь ты же не станешь утверждать, что не тратишь ничего из своего заработка на развлечения?

— Не стану!

— Вот так и получается, что я вынужден платить по счетам двадцатисемилетнего оболтуса!

— А мне и не надо, чтобы ты по ним платил! Обрыдло мне это!

— Надо же — тебе обрыдло! Прекрасно, больше я не буду, на том и порешим. Но тогда тебе тем более нужна приличная работа.

— Да я же ищу! И обе мои работы тоже приличные!

Какую-то секунду кажется, что отец его ударит, Деннис даже перекладывает инструменты в левую руку — мгновенно,

не раздумывая... Но тут же застывает, хмурится, резко поворачивается и уходит в дом. Джим прыгает в машину и уезжает, ничего не видя вокруг и дико, отчаянно ругаясь.

Глава 16

Смех один, думает Деннис; он слышит, как машина Джима щелкнула контактами, выходя на дорожку, и с тихим, благопристойным гудением удалилась. Ну прямо курам на смех. Вот как уезжал бы от родительского порога такой вот сыночек, поцапавшись со своим папашей, раньше, когда-то? Семь тысяч оборотов, покрышки горят, рев — ушам больно. А теперь — такой вот жалкий писк, ни на что большее они не способны.

— Это что, Джим? — спросила Люси. — А почему он не попрощался?

Иди ты к черту со своими вопросами. Деннис молча садится и включает видеостену.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы с ним не ссорились, — Люси говорит негромко, но решительно. — Ты же знаешь, как сейчас трудно найти место. Половина парней его возраста вообще не имеет работы.

— Ничего подобного. — Деннис приходит в еще большую, чем прежде, ярость. Вот теперь и Люси расстроилась. Мне самому, что ли, нравится лаяться со своим сыночком, и чтобы он потом срывался и уезжал, да еще и с обидой и чуть ли не с ненавистью. Кому же это понравится? А что я мог поделать? После такого денечка, как сегодняшний... Вспомнив о работе, Деннис впадает в еще большую тоску. Великолепное, на редкость удачное испытание, и тут же все идет наперекосяк. Вместо верного, обеспеченного контракта — снова неопределенность открытого конкурса... Да еще этот Лемон скандал устроил... Кошмарный день. — И я не хочу об этом говорить.

Через некоторое время Деннис встает и выключает стену; собственно говоря, он даже не знает, что там показывали, вроде бы следил глазами за изображением, но ничего не видел. Он подходит к стеклянной двери и смотрит сквозь свое отражение на горящие окна домов, облепивших Сайтрес-Хейтс, на переброшенный через равнину виадук футхиллской трассы, на фары и задние огни бегущих по нему машин. Везде люди, люди. Хорошо бы выйти на воздух, посидеть в маленьком заднем дворики, но дворик этот, вме-

сте со второй половиной дома, принадлежит семье Аурелиано. Им бы, конечно, все равно, но не все равно самому Деннису.

Он начинает думать о своем участке — в Северной Калифорнии, на побережье, рядом с Эврикой. Причудливые, искривленные ветром сосны, скалистый склон, уходящий прямо в море. Десять лет назад они купили эти пять акров, как капиталовложение, а потом Деннис даже решил, что построит когда-нибудь здесь дом и в нем поселится.

— Иногда мне хочется послать все к чертовой матери, — говорит он вслух, — и переехать на участок. А работа, в таких местах тоже найдется какая-нибудь работа.

Строить своими собственными руками, делать нечто осязаемое, видеть, как день ото дня твое творение все больше обретает форму... Да, хорошо бы заняться такой работой, работой, разительно отличающейся от абстрактных, раздробленных на мелкие кусочки задач, которые он решает для ЛСР.

— Да, — осторожно поддерживает его Люси.

Знакомые интонации, именно так она говорит, когда не согласна с Деннисом, но не хочет вступать в препирательства. Давно уже выяснено, что Люси ни в какую не желает переезжать на север, ведь тогда ей придется бросить и всех своих подружек, и церковь, и работу... Деннис хмурится. Да он, собственно, и сам знает, что это все пустые мечты.

— А как ты думаешь, — спрашивает Люси, — выросли там деревья?

Не успели Макферсоны купить землю, как в окрестностях Эврики случился лесной пожар; выгорело несколько сотен акров, в том числе и весь их участок. Во время отпуска они съездили посмотреть, земля была черная, без единой травинки. Вид ужасный, но местные объяснили, что за несколько лет все придет в норму.

— Не знаю, — раздраженно отмахивается Деннис. У него есть подозрение, что пожар интересует Люси с одной-единственной стороны: из-за него все возможности переезда отодвигаются в неопределенное будущее. — Хотя, если подумать, почти наверняка выросли. Конечно же, деревья еще низенькие, но это не страшно. После таких историй земля оправляется быстро, они — часть естественного цикла.

— Естественного, если не считать, что пожар этот устроили какие-то ребята, ведь так говорили местные?

Деннис молчит. Через несколько минут он вздохнул и ответил наконец на единственный — как ему кажется — волнующий Люси вопрос:

— Что там говорить, все равно мы не можем сейчас пере-
ехать.

Его мрачное настроение тяжелым комом оседает где-то в нижней части желудка. Скотина Лемон. Макферсону мутно, он понимает, что сорвал часть вызванной Лемоном зло-
сти на сыне; ясное дело, этот идиот вполне заслужил выво-
лочку, но все равно... И какое у него было лицо...

Господи, да что же это за день такой.

— А что сказал Джим, он ищет работу?

— Я не хочу говорить об этом.

Глава 17

Таши Накамура пришел тик-в-тик к началу урока. Инте-
рес Таши к писательскому мастерству минимален, но сохра-
нение курса, который читает Джим, в программе колледжа
зависит от числа слушателей, а в начале семестра создалось
впечатление, что слушателей этих не хватит. Вот Таши и
записался. Типичный для него поступок; есть в Таши какая-
то широта, щедрость, хотя мало кто об этом догадывается
из-за его застенчивости и бедности.

Десять минут как должен был начаться урок, а препода-
вателя нет. В тот самый момент, когда уставшие ждать сту-
денты решили разойтись, появляется Джим — весь крас-
ный, с плотно сжатым ртом, явно чем-то расстроенный. Он
бросает свою папку на стол и некоторое время молчит.

Взяв наконец себя в руки и обреченно вздохнув, он начи-
нает монотонно бубнить правила использования запятой.
Джим и так далеко не блестящий лектор, а уж сегодня его
объяснения бьют все рекорды сбивчивости и невразуми-
тельности. Неожиданно Джим оставляет грамматику и пере-
ходит к одному из своих любимых исторических экскурсов.

— Вот так и вышло, что ранчо Ирвина, бывшее перво-
начально в нашем округе главным бастионом борьбы за
сохранение окружающей среды, оказалось в руках корпора-
ции, которая распродала всю землю застройщикам, кото-
рые, в свою очередь, превратили его в точную копию север-
ной части Оринджа. Не испытывая к земле и тени уважения,
ничему не наученные печальными уроками прошлого, они
сровняли все холмы, сделали местность плоской, как стол.

И все это происходило в то самое время, когда на орбиту выводились станции противоракетной защиты, поэтому находившаяся на невиданном подъеме оружейная промышленность наложила свою лапу на значительную часть этой земли, усилила свое влияние в нашем округе — влияние, которое и прежде было доминирующим.

В недоуменно моргающих глазах учеников — ни малейшей искорки интереса, более того — аудитория, похоже, готова взбунтоваться. Почти все присутствующие записались на этот курс, чтобы хоть как-нибудь осилить письменный тест по английскому языку, без которого не получить аттестат об окончании Трабуко, поэтому их раздражают вечные отступления Джима от темы. Он что, не соображает, что ли, как это трудно учиться писать, даже и без этих заморочек?

— Послушайте, мистер Макферсон, — прерывает Джима один из слушателей. — Я так и не имею ни малейшего представления, когда нужно писать «какой», а когда «который», и что там такое делается с запятыми. — Парень настроен агрессивно.

Растерянный и явно озабоченный какими-то своими — Таш и не пробует угадать, какими именно, — проблемами, Джим пытается продолжить прерванное объяснение и превращает его в полную уже неразбериху. В аудитории зреет открытый мятеж. Четкие правила и определения — далеко не самое сильное место Джима, он скорее способен передать смысл, общий дух вопроса, но этим ребятам хочется, чтобы все было разложено по полочкам.

Чувствуя настроение учеников, Джим беспомощно замолкает; всеобщее негодование близится к критической отметке.

Зловещую тишину нарушает Таши.

— Я вас тогда спрашивал, и вы сказали, что вопросительное местоимение «какой» имеет качественный характер, а вопросительное местоимение «который» — количественный. Полагается говорить и писать «который раз ты сюда пришел?», а не «какой раз» и, наоборот, «какой цвет тебе нравится?», а не «который цвет». А еще вы сказали, что в роли относительного местоимения оба эти слова подчиняют придаточные предложения, но относительное местоимение «который» вдобавок заменяет в придаточном предложении слово, находящееся в главном. И привели примеры: с одной стороны — «Не знаю уж, какую книгу тебе дать», а с другой — «Книга, которую ты мне дал, куда-то потерялась». А запятые

тут используются для выделения придаточного предложения.

Назревавший бунт благополучно угас, ученики удовлетворенно кивают, Джим облегченно вздохнул, начал писать на доске — и тут же сломал мел пополам. Господи, да что же это с ним такое? Ну точно он не в себе.

— Вот так вы мне тогда и объяснили, — добавляет для верности Таши и начинает переписывать примеры с доски в тетрадку.

Урок окончен. Не успел Таши встать из-за стола, как Джим подхватил свои манатки и пулей вылетел из класса. Так расстроен, что не хочет даже и разговаривать! А вот это уже необычно до крайности.

Покидая железобетонную нелепицу, нависшую над аройо* Трабуко и теснящимися в нем домами, Таши сокрушенно качает головой. Жаль, что не поговорили. Ладно, может быть, потом, когда Джим придет в себя, что-нибудь выяснится. А сейчас есть другие дела, на сегодня намечен серфинг.

Да, не удивляйтесь, уже начало одиннадцатого, а Таши Накамура хочет съездить в Ньюпорт-Бич и покататься на волнах — зайдя предварительно домой, чтобы перекусить и что-то там наладить в автомозге. Это новейшая его идея — ведь днем все волны усеяны ордами серферов, так что, здраво рассудив, если не хочешь кататься в этой орущей толпе, катайся ночью.

Все его друзья чуть животики себе не надорвали. Это, считай, фирменный знак Таши — доводить решение любой проблемы до абсолютно логичного — и абсолютно бредового конца. Таши, говорит Джим, просто не верит в *reductio ad absurdum***. И они снова смеются до колик. А-ха-ха-ха-ха.

Хоть попробовали бы сперва. Да нет, люди всегда так — судят о новых идеях, даже не испытав их в деле, а потому так и остаются в наезженной колее, так и остаются винтиками огромного механизма. Ну и Бога ради, Таши ничуть не против — ведь это обозначает, кроме всего прочего, что ночные волны находятся в единоличном его распоряжении.

Самое подходящее время — полнолуние, вроде как сегодня. Около половины четвертого ночи Таши паркуется в Ньюпорт-Бич; на улице, по которой он идет с доской под мышкой, темно и пусто. Даже забавно, чего это почти все

* Пересохшее речное русло (*исп.*).

** Сведение к абсурду (*лат.*).

люди ведут дневной образ жизни. Теперь пошли фешенебельные прибрежные дома, выходящие на море фасады — сплошное темное стекло. Свернуть между ними, и вот, наконец, широкая полоса молочно-белого в лунном свете песка, вдоль которой расставлены тотемные столбы неведомого племени — наблюдательные вышки спасателей.

Через каждые четыре квартала в море уходят невысокие каменные барьеры, они помогают удержать на пляже завезенный песок. Чуть подальше оконечностей этих барьеров — еле заметная в темноте белизна барашков, именно там начинают вспениваться набегающие волны. Один из секретов ночного серфинга — нужно найти хорошо обозначенное внешними ориентирами место, где гребни регулярно вспениваются. При накате с юга, а сегодня валы идут именно с юга, точки вспенивания располагаются чуть левее стенок, вон они, отлично различимы. Идеальное место.

Таши натирает свою доску и ступает в воду. Пока он бредет по мелководью и привязывает поводок доски к щиколотке, вспененный океан обдаёт ноги, обжигает их знакомым холодом. Бр-р-р! И все-таки — какая отличная стимуляция. Таши толкает доску навстречу очередному вспененному гребню, с размаху на нее ложится, гребет в открытое море; холодная вода попадает за шиворот гидрокостюма, и Таши отфыркивается, словно морж. Провал между волнами, здесь вода тянет вперед, теперь подъем на гребень, холодный шлепок в лицо, чистый, соленый вкус океана. Таши набирает полный рот воды, полощет ею нёбо, гортань, пока вкус этот не пропитывает его насквозь. Он вернулся в Морскую Стихию, в первоначальную среду, на эволюционную родину далеких своих предков и, вероятно, поэтому переполнен нерассуждающим, экстатическим ликованием, идущим, кажется, откуда-то из спинного мозга. Э-гей!

Ну вот началась глубина, здесь валы катятся ровно, гладко, без единого клочка пены; теперь больших усилий не нужно, достаточно грести спокойными, неторопливыми взмахами рук. Примерно напротив Сорок четвертой улицы, любимое место. Ньюпорт-Бич превратился в длинную узкую полоску белого песка, позади которой расставлены сотни черных игрушечных домиков. Ветра нет (еще одно преимущество ночи), и поверхность воды идеально гладкая, словно стекло, но только гораздо лучше. Какая-то жидкость, гуще и тяжелее воды.

Волну нужно увидеть. Тут, конечно, возникает небольшая проблема, но дальние гребни отчетливо вырисовываются миллионами дробящихся отражений луны, а черную стену близкой волны просто трудно проворонить. Сегодня накат идет слева, время от времени вздымающиеся гребни перегибаются вперед, падают, и тогда слышен резкий, отчетливый плеск, словно хлопают огромные ладони.

Таши притапливает доску, энергично гребет, чтобы уравнять свою скорость со скоростью готовой перехлестнуться волны, и встает — одним текучим, почти инстинктивным движением. Теперь усилий никаких не надо, волна несет его сама, остается только балансировать, удерживаться чуть впереди гребня. Этот полет преисполняет Таши чем-то вроде религиозного экстаза: раз все окружающее — только сплетение разнообразных волновых движений, то, оседлав эту конкретную волну, он словно включается в общий ритм мироздания. Его несут вперед те же гравитационные эффекты, которые определяют движение светил. Гудение камертона, по которому щелкнул палец Бога.

Перекат волны, незамеченный Таши, сшибает его с ног, несколько секунд нереального, похожего на обрывок сна, барахтанья во мраке холодной подводной нуль-гравитации, а теперь вверх, к матовой, беспокойно колышущейся поверхности, где расстанутся с жизнью миллионы пузырьков, еле слышно шипя и наполняя воздух мельчайшей водяной пылью. Дернуть за поводок, поймать доску, лечь на нее, дальше — грести изо всех сил, надо успеть подняться по склону следующей волны раньше, чем ее гребень переплеснется вперед. Кое-как получилось, но этой волны хватает ненадолго, так что снова в открытое море, к той, заранее присмотренной точке. Попробуем следующую.

Похоже на па-де-де, причем партнера Таши, Мать Стихий, ведет себя как расшалившаяся девчонка. Таши быстро улавливает ритм, воспринимает промежуток между волнами скорее всем телом, чем глазами, иногда он отправляется в очередной полет на волне, так ни разу на нее и не взглянув. Интересно, а доступен ли серфинг слепым? Скорее всего — да.

Волны, конечно же, бывают самые различные, в этом их сходство со снежинками, среди которых не встретишь двух одинаковых. В темноте от них можно ожидать любого сюрприза — Таша сшибают с ног то неожиданный переплеск гребня волны, то яма, то рябь на поверхности, но ведь от

этого только интереснее, есть с чем бороться. А самое приятное — в то самое время, когда он начал уже уставать от всех этих ежесекундных неожиданностей, звезды на востоке начали тускнеть, краешек неба, только что бывший угольно-черным, приобрел заметный синеватый отлив. Вода быстро впитала в себя цвет неба, и вскоре Таш уже скользил по синему бархату того же самого оттенка, что небо на апельсиновых этикетках Джима, — чистого, богатого, сверкающего, синего-синего. Да-а. И теперь гораздо лучше видна поверхность волн; она настолько похожа на стекло, что, глядя на очередную, готовую накрыть его волну, Таш решает, что надо бы постричься — из глубины ему ухмыляется лохматый парень, этаким японский Нептун. Как знать, может, это и вправду был Нептун.

Самое лучшее время суток. Раз за разом повторяющееся чудо, не теряющее от этих повторений и капли своей чудесности: удивительная способность океана сопротивляться человеку. Здесь же одно из наиболее густонаселенных мест мира, и вот всего-то и надо, что отплыть на сотню ярдов от берега, и ты в пустыне, а город — всего лишь своеобразный, но не очень интересный задник декорации. Заповедник, и он, Таши — то самое существо, для которого устроен этот заповедник, которое в этом заповеднике сберегают.

К тому же сейчас отлив, и гребни волн все чаще переплещивают далеко вперед, все чаще и чаще образуются маленькие четырехфутовые «трубы». Они существуют недолго, какие-то секунды, но и этого достаточно, чтобы забраться внутрь и лететь внутри синего вращающегося цилиндра, открытый конец которого увешан кружевной бахромой водопада. Потрясающее ощущение, словно попал в другое измерение. Да, ребята, «труба» — это вещь.

Увы, прекрасные минуты подобны этим самым пенным «трубам» — приходят и тут же исчезают без следа. Теперь, когда света достаточно, кататься может кто угодно, еще полчасика или около того — и в море не продохнуть от серферов.

Плотные кучки ярких гидрокостюмов напротив каждой стенки.

Россыпь одиноких серферов между кучками — эти надеются на аномальную волну.

Спектральные полосы, красные, зеленые, оранжевые, желтые, фиолетовые, розовые.

Одноцветные и полосатые: костюмы и доски.

Вздываются и падают.

Концепция игры то ли буржуазна, то ли примитивна, но кому какое дело?

Словно детское пластиковое ожерелье, брошенное на воду.

Гладкая, как стекло, синяя вода, волны.

Все бы и ничего, только почти все обладатели этих ярких гидрокостюмов — засранцы. Хамством своим эти мелкие пакостники (в среднем им лет по тринадцать) заткнут за пояс любого взрослого. Теснота около хороших начальных точек невыносимая. Чтобы выбраться из этого затруднения, юные серфнацисты стартуют целыми шайками одновременно. Если на одну и ту же волну претендуют две шайки, начинается война, дело доходит до мордобоя. По их мнению, именно в этом и состоит высший класс серфинга.

Таш словно не видит галдящую толпу, с ним эта публика особенно не задирается, ограничиваясь отдельными угрожающими выкриками. Серфнацисты считают его чем-то вроде помеси Брюса Ли с Джерри Лопесом, таким корифеем боевого кун-фу, с которым лучше не связываться. Однако сегодня один из наиболее агрессивных недомерков намеренно занимает позицию прямо перед носом Таша, орет: «Съябывай, дедуся!» — и пытается оттеснить его назад, в гребень. Таш делает вполне нормальный разворот и, к величайшему своему удивлению, сшибает мальчонку с волны.

Когда Таш гребет назад, сбоку появляется знакомый персонаж, сопляк выкрикивает угрозы и созывает дружков — набить морду наглому захватчику жизненного пространства. Таш садится на доску и пронзает его гипнотизирующим взглядом. Ругаться тут совершенно бесполезно, несчастные мазохисты даже любят, когда их обзывают нехорошими словами, это у них считается чем-то вроде комплимента. «Слышь, говнюк! Ну ты даешь, прямо по-фашистски», — в таких вот примерно выражениях приветствуют они своего дружка, удачно прокатившегося на волне.

Поэтому Таш просто смотрит на подгребающего к нему героя. Остальная шайка явно не рвется в бой. Таш позволяет себе небольшую театральность.

— Не подрезай меня больше, мальчик мой, — произносит он леденящим шепотом. — Это очень опасно для здоровья.

Юный нацист в полной ярости — и в полном ужасе, а Таш, посмеиваясь, гребет к стартовой точке.

Но что за радость посмеиваться над запуганным недоумком, если всего час назад он улыбался темному, прекрасному лицу самой Природы, находился в ее объятиях? А теперь здесь что-то вроде часа пик в молле, серфинг, смахивающий на видеоигру. Таш прокатился еще несколько раз, никто к нему особенно не привязывался, но все настроение пропало.

Поэтому он подплывает к берегу, отходит чуть подальше и садится на песок, отдохнуть и погреться.

Смотрит, как в ямку, проделанную большим пальцем его ноги, скатываются песчинки.

Солнце поднимается все выше и выше, людей на пляже все больше и больше. Когда Таш идет на выход, ему приходится пробираться между сотнями раскинувшихся на полотенцах тел.

Проведем день на пляже!

Разговоры. Запах крема для загара — попробуй этот, коcosовый.

Я разотру тебя — кокосовый крем моден в этом месяце.

В прокаленном, дрожащем воздухе сталкиваются тридцать мелодий.

Спасатели уже дежурят на вышках, там вывешены зеленые флаги.

У спасателей красные плавки, обгорелые носы — симпатичные ребята, правда?

Пастельные тона старых прибрежных домов. А сверху — неоновая радуга.

Ты не знаешь, как делается книга.

Прилетевший с моря бриз полощет флаги.

Белый песок, разноцветные полотенца. Смотри!

Девушки с темной, блестящей кожей, лежащие на песке.

Узкие трусики, яркие полосы на теле.

Цветовая гамма та же, что у гидрокостюмов.

Натертые кремом ноги, руки и груди.

Позвоночник, плавно поднимающийся к округлым ягодицам.

Кожа, обтягивающая острые лопатки.

Светлые, шелковистые волосы на внутренней стороне бедер, завитки, пропитанные маслом.

Эротический пляж. Прекрасные животные.

Таш оглядывает загорающих с некой божественной отрешенностью — вполне естественной после утра, отданного

серфингу. А для чего, в конце концов, существует весь космос? Если правда, что экстатическое слияние со Вселенной — наилучший ответ на ее существование, тогда серфинг — идеальный путь этого слияния. Ничто другое не обеспечивает такой трепещущей близости с космосом, такого проникновения в его ритм и равновесие. Мало удивительного, что потом появляется несколько высокомерная отрешенность. А так вот раздеться и валяться на пляже — занятие более чем посредственное. У них же у всех мозги отключены либо заняты тривиальной чушью (их собственными проблемами). Насколько большего изящества, углубленности, внимания требует серфинг.

Во всяком случае — иногда. Таш вспоминает серфнацистов. Все зависит от того, как ты сам к этому относишься. Может быть, некоторые из лежащих на песке концентрируют сейчас все свои усилия на глубокой созерцательной медитации, может быть, они — солнцепоклонники.

...Да нет, где там. Лежат себе и треплются в полной отключке от всего окружающего. Для них сейчас нет ни земли, ни времени года, ни животных, ни работы, ни религии, ни искусства, ни общества, ни дома, ни мира... Да-а, ничего себе списочек. А как же иначе, эротический пляж, веселая карусель союзов. Все, что у них осталось.

Да ладно, ничего тут не поделаешь. И вообще пора домой.

Дом его представляет собой палатку, воздвигнутую на крыше одного из высотных домов в центральной части Ньюпорт-Тауна. Раньше на крыше был патио, но потом его закрыли — слишком низкий парапет, какая-то женщина свалилась и, естественно, расшиблась насмерть. Вскоре после этого управляющий зданием нарвался в Вестминстерском молле на крупный мордобой, что могло кончиться весьма печально, не окажись рядом Таша. Тем же вечером, за выпивкой, управляющий рассказал Ташу о патио, а затем позволил ему на этом патио поселиться — с тем неременным условием, что Таш и сам никуда падать не будет и никому другому не позволит. Таш сшил огромную трехкомнатную палатку, каковая и стала его жилищем. На верху дома, рядом с лифтом, есть маленькая умывальная комната, так что все получилось отлично.

Друзья подхихикивают над подобной организацией жизни, но Таша это ничуть не задевает. Такой дом великолепно согласуется с основной его теорией, которую можно изло-

жить буквально в одной фразе: чем меньше ты связан с машиной, тем меньше ее власть над тобой. Одна из сильнейших связей — деньги; чтобы иметь деньги, нужно иметь работу. А так как почти любая работа — часть все той же машины, нужно жить, обходясь без денег; если не совсем (это вряд ли осуществимо), то хотя бы в каком-то приближении. Крыша — великолепное решение главной денежной проблемы, более того, она частично разрешает и другую крупную проблему: у Таша есть длинные ящики с землей, и он выращивает в них овощи. Поставлены эти ящики вдоль парапета, в несколько рядов, что обеспечивает полосу безопасности и, соответственно, помогает выполнять данное управляющему обещание. Все одно к одному. И Таши всегда на воздухе, имеет вид на огромную синюю равнину океана и на вечно изменчивое небо. Отличный дом, что и говорить.

Таш прополоскал гидрокостюм и принял душ; он как раз заканчивал эти занятия, когда открылась дверь лифта и в патио появился Сэнди, сопровождаемый Эрикой Палме, союзницей Таша.

— Я здесь, — крикнул Таш из умывалки.

Сэнди и Эрика, направившиеся было в палатку, оглянулись.

— Мы захватили с собой поесть, — сообщила Эрика.

— Вот и хорошо.

— А-ха-ха-ха-ха, — хохочет Сэнди. — Таши? Что это ты делаешь?

— Как что? — Он намеревается почистить зубы, и это совершенно очевидно. — Зубы чищу.

— А зачем ты порвал тюбик?

— Понимаешь, паста почти кончилась. Вот я и выковыриваю остатки.

— Так ты разорвал тюбик, чтобы добыть оттуда остатки зубной пасты?

— Ну да. Ты посмотри, как много там оставалось.

Сэнди посмотрел.

— А-га. Да, и верно. Тут вполне хватит на два зуба. А то и на три.

— Фше тшичать тфа! — гордо заявляет Таши, надраивая зубы.

Сэнди хватается за живот, Эрика волочет его — и принесенные из гамбургерной пакеты — в палатку.

Таши кончает есть значительно раньше остальных и тут же берется за испорченный автомозг — он покупает эти штуки по

дешевке, чинит их и продает подпольным ремонтным мастерским. Еще один элемент теневой экономики Око. Уже этого заработка хватило бы на оплату его счетов, но Таши занимается и многим другим, намеренно не останавливаясь на какой-нибудь одной деятельности.

Эрика молча наблюдает за работой, физиономия у нее довольно кислая, и Ташу становится несколько неудобно. Вице-президент администрации Хьюз-молла, она никогда не придавала значения нищете Таша, но в последнее время что-то стало меняться. Почему? Этого Таши не знает.

Сэнди видит и взгляд Эрики, и то, как ежится под этим взглядом Таши.

— На той неделе, — нарушает он тяжелую тишину, — я был в Сан-Габриэле, встречался с поставщиком. Взял три галлона МДМА, положил на переднее сиденье, еду себе домой и вдруг нарываюсь на патруль дорожной полиции.

— Господи, Сэнди! — вскрикивает Эрика и тут же поджимает губы — ей не нравятся такие истории.

— Понимаю, понимаю. Обычный технический осмотр, им, видите ли, захотелось проверить контактную группу, каковая у меня в полном порядке. Но потом один из них заглянул зачем-то в машину, увидел эту посудину и спрашивает: «А это у тебя что?»

— Сэнди! — Эрика явно возмущена, что Сэнди позволил себе попасть в такую ситуацию.

— Ну и что же мне было делать? Я сказал ему, что это оливковое масло.

— Врешь!

— Нет, правда. Я сказал, что работаю в греческом ресторане, в Лагуне, а там потребляют чертову уйму оливкового масла. Полицейскому и в голову не пришло, что в такой здоровенной посудине может быть что-нибудь незаконное, так что он просто кивнул мне и отстал.

— Вот я слушаю тебя, Сэнди, и порой ушам своим не верю.

— Да, — соглашается Таши, — ты все-таки поосторожнее. А если бы он захотел попробовать на вкус?

Сэнди и Эрика ушли, каждый на свою работу; Таши осматривает печатную плату, вспоминает рассказ о дорожной проверке и качает головой. Последнее время операции Сэнди становятся какими-то совсем уж сумасшедшими. Когда-то он распространялся, как зарабатывает хорошие деньги, вложит их куда-нибудь и отойдет от дел. Так бы оно,

может, и случилось, но тут у его отца отказала печень — не выдержала многолетнего над собой издевательства. С того самого времени Сэнди оплачивает курсы регенерации, проводимые в лечебницах Далласа, Торонто, Майами-Бич... Дико дорогое удовольствие, в результате чего уже целый скоро год Сэнди вкалывает как проклятый, от такого плотного графика он скоро сломается либо свихнется. И знают об этом только ближайшие его друзья, все остальные считают, что Сэнди просто маньяк, к тому же излишне налегающий на ту же дурь, которой снабжает окружающих, и тем усугубляющий природную свою психованность. И ведь тоже, отчасти, правда. Трудное положение.

Сэнди, Джим, да и Эйб. Таши печально вздыхает. Каждый, буквально каждый из них — винтик машины. И даже отказываясь быть таким винтиком, ты — винтик.

Глава 18

Утро ушло на работу по церкви, но и потом Люси Макферсон не смогла поехать прямо домой, а свернула вместо этого под ньюпортскую трассу и углубилась в дебри Санта-Аны. Несчастный город. Большая часть его оказалась под треугольником магистралей, после чего произошло неизбежное — наземный уровень, накрытый бетонным небосводом, быстро превратился в трущобы. Эти полутемные, замусоренные улицы вызывают у Люси нервную озабоченность, она не слишком доверяет живущим здесь людям.

И уж во всяком случае она не одобряет поведения этой женщины. Сегодня Люси должна помочь Анастасии, двадцатилетней мексикано-американке, уже успевшей при всей своей молодости обзавестись двумя внебрачными детьми. Живет Анастасия в старом, запущенном доме на углу Тас-тинской и Четвертой улиц.

К двери здания, покрытого обшарпанной бежевой штукатуркой, ведет узкая дорожка; по обеим сторонам дорожки, прямо на грязном, неухоженном газоне сидят какие-то неопрятные, подозрительные личности. Люси сжимает зубы, покидает относительно безопасное убежище машины и решительно идет — изо всех сил стараясь не смотреть на парней, — к двери. В полутемном, выкрашенном грязно-зеленой краской коридоре стоит неприятный и, по-видимому, неистребимый запах. С трудом найдя нужную квартиру, Люси стучит.

— Привет, Анастасия! — Люси прямо лучится сочувственным дружелюбием, хотя не может не заметить раковину, полную грязной посуды, и целые горы нестираного белья. Волосы у Анастасии жирные и нечесанные, на щеке — свежая царапина, дитяtko, наверное, приласкало мамочку.

— Какое счастье, Люси, что ты пришла. Мне нужно сходить в магазин, что-нибудь купить, а то мы умираем с голода! Маленькая спит, а Ральф смотрит телевизор. Я буквально на несколько минут.

— Иди, — кивает Люси, но тут же твердо добавляет: — Мне абсолютно необходимо уйти не позже одиннадцати, важное дело, которое никак нельзя пропустить.

— Да, конечно. Уж к одиннадцати-то я точно вернусь. — С этими словами Анастасия выпархивает из комнаты, так и не дав себе труда причесться.

Остается только надеяться, что она придет вовремя; однажды Люси застряла в этой самой квартире на целый день, что не увеличивает ее веру в обещания Анастасии. Люси намеренно утаила, куда именно она спешит — вдруг эта свистулька посчитает, что встреча с преподобным Стронгом не такое уж и важное дело. Она глубоко вздыхает. К сожалению, добрые дела бывают иногда до крайности неприятными.

Посуда вымыта, кой-какое белье постирано в раковине и развешано на просушку — ни одной, если верить Анастасии, автоматической прачечной в радиусе двух миль, — и Люси приступила к занятиям с Ральфом. Она учит этого вялого, инертного шестилетнего мальчишку читать, используя в качестве азбуки единственную в доме книгу — «Повести для детей в кратком изложении», старое приложение к «Ридерз дайджест». Некоторое время Ральф спотыкается на первом предложении, а затем переворачивает страницу, ему гораздо интереснее пластинки «поскреби и понюхай», которые иллюстрируют — или как это лучше сказать? — рассказ запахами. Все кончается, как обычно: Люси читает, а Ральф слушает. А каким, собственно, образом учат детей читать? Люси читает слова и показывает их в книжке. Затем они проходят весь алфавит, букву за буквой. Ральф впадает в тоску и кричит, чтобы ему включили видеостенку. Люси не соглашается — она уже тоже на взводе, — и Ральф орет во весь голос.

Стара я для этого, думает Люси. И можно ли считать такое вот сидение с детьми благим, Божьим делом? Вот

Анастасия, сама-то она как считает? Ведь многие из таких вот молодых девиц становятся прихожанками церкви с единственной целью получить дармовую помощь, так, во всяком случае, считают некоторые из подруг Люси. Ну и что ж, думает Люси, даже если это и правда, все равно появляется какая-то возможность повлиять на этих несчастных, изменить образ их мыслей, если даже не сразу, то хоть когда-нибудь в будущем. А если и нет... ну что ж... Какое семя даст всход, а какое нет — об этом позаботится сам Господь, нам же он велел сеять эти семена.

Нужно будет поговорить с Анастасией, записалась бы она на библейские курсы. И где это она, кстати, столько шляется — ведь уже половина двенадцатого. В Люси поднимается раздражение, к двенадцати часам это раздражение переходит в самую настоящую ярость.

Анастасия прибегает в двенадцать двадцать, когда Люси почти уже смирилась, что день пошел псу под хвост. С трудом себя сдерживая, Люси напоминает про обещание вернуться к одиннадцати, после чего Анастасия, и так, видимо, расстроенная какими-то своими делами, начинает плакать. Они помещают жалкие покупки — лепешки, гамбургер с соевым «мясом», бобы и кока-колу — в грязный холодильник. Памперсы, это в ванную. У Анастасии совсем нет денег, а счет за коммунальные услуги давно просрочен, к тому же Ральф вырос из своих ботинок... Одним словом, Люси вытаскивает пятьдесят долларов, а затем они рыдают хором.

Слава Богу, что машину ведет автоматика, ибо обратную дорогу Люси почти не различает. Из нее никогда не получится социальный работник. У нее отсутствует необходимая для этого ментальность, она не умеет смотреть на окружающее со стороны. Она помогает людям, и эти люди становятся ей родными, а ведь как больно и страшно смотреть, насколько жалкое существование влечат некоторые из них — и это в наше-то время. Будь эти люди христианами, они имели бы опору и поддержку в своей вере, но как же мало среди них христиан. Преподобный Стронг вырезал газетную заметку, где говорится, что только два процента жителей округа Ориндж ходят в церковь, и повесил ее в церковной канцелярии, на доску объявлений, вроде как вызов. Теперь сколько Люси сидит за своим рабочим столом, столько торчит у нее перед глазами эта заметка, а если учесть еще все

остальное, с чем ей приходится сталкиваться, есть от чего упасть в чернейшую меланхолию.

Преподобный Стронг как раз кончает обедать, он сразу понимает, почему Люси опоздала.

— Я так и думал, что это Анастасия. — Смех его звучит немного цинично, а Люси еще не настолько отошла, чтобы находить в этой истории хоть что-нибудь смешное. Они идут в канцелярию и обсуждают церковные дела.

Преподобный Стронг — бывший миссионер, его жена погибла при взрыве бомбы панамских террористов. По убеждению Люси, именно эта трагедия привила священнику — человеку вполне милому во всех прочих отношениях — стойкую неприязнь к бедным. Он изо всех сил скрывает столь неподобающее сану чувство, не дает ему воли, но кое-что прорывается. Например, удивительный, даже шокирующий цинизм, с которым Стронг относится к большинству благотворительных программ. Кроме того, его проповеди зачастую превращаются в путаные, полные каких-то намеков филиппики против лени, амбициозности и политической борьбы. По большей своей части слушатели приходят в полное недоумение, но Люси все понимает — так ей, во всяком случае, кажется. Понятны, в частности, постоянные возвращения преподобного Стронга к притче о талантах. Некоторым людям отпущен всего один талант, и вот, вместо того чтобы работать с тем, что у них есть, они рвутся ограбить человека, у которого десять талантов... Правду говоря, чем больше преподобный распространяется на эту тему, тем сильнее сомневается Люси — а не ошибся ли немного Господь в притче о талантах. Как бы там ни было, Стронг с большим скрипом санкционирует даже самую необходимую благотворительную деятельность в беднейших кварталах.

Последнее время появилась новая отговорка — его, видите ли, очень беспокоят богословские вопросы, поднятые на доктринальных переговорах с католиками, — эти переговоры проходят в Ватикане и тянутся уже целый год. Преподобный Стронг не желает вникать ни в какие практические проблемы общины, ему нужно думать, всю его ментальную энергию поглощает абстрактная теология. Именно это он и рассказывает Люси за припозднившимся обедом.

В конце концов Люси выдвигает несколько предложений по наиболее насущной их проблеме, по сбору пожертвований, и священник рассеянно соглашается. Ну вот, сердито

думает Люси, теперь предстоит еще один никчемный, жалкий благотворительный базар... Ведь кому какое дело, что нам не хватает денег на помощь бедным своим собратьям? Как же, ведь они того и не заслуживают! Им же был отпущен всего один талант...

День уходит на то, чтобы помочь Хелен обзвонить местные газеты с объявлением о благотворительном базаре, разнести благотворительные наборы по четырем эль-моденским семьям, ну и поучить немного Лилиан Кейлбахер ведению канторских дел. На этой последней части программы можно отдохнуть и расслабиться. Восемнадцатилетняя Лилиан — дочка Эммы, одной из подруг Люси, с недавнего времени она — внештатный делопроизводитель церкви, то есть зарабатывает деньги более серьезным и трудным путем, чем большинство теперешних молодых людей. Люси приятно в компании этой девушки, особенно после утренней встречи с Анастасией.

— Люси, я просто нажала управляющую клавишу, чтобы вывести список адресов рассылки, а тут все вдруг исчезло.

— У-гу. — Экран монитора упрямо остается чистым, что они ни пробуют. — А ты твердо уверена, что нажала только управляющую клавишу?

— Мне так казалось, но, наверное, я сделала еще что-нибудь. — Лицо Лилиан искажено ужасом, но тут компьютер коротко гудит, чтобы привлечь к себе внимание, после чего на экране появляются яркие разноцветные диаграммы и цифры.

— Ой! — Они громко, облегченно смеются. — Как вы думаете, — спрашивает Лилиан, — это диск испорчен?

— Надеюсь. Иначе объяснение одно — в компьютер вселился злой дух.

— Может, попросить преподобного Стронга, чтобы он как бы вылечил его.

— Конечно. Пускай изгоняет дьявола.

Одним словом — одно удовольствие. Хорошая девушка, говорит себе Люси, когда за Лилиан закрывается дверь, — у нее это высшая похвала.

Канцелярия в полном порядке и заперта, теперь — домой, готовить обед. Люси болтает по телефону со своей подружкой Валери и одновременно режет картошку для запеканки. Сегодня попробуем новый способ, в микроволновке.

Неожиданно заходит Джим. Выглядит он жутко — усталый, неопрятный.

— Надеюсь, ты не собираешься давать урок в таком виде?

— В каком это таком? — обижается Джим.

— Какая у тебя одежда, Джим! Сейчас ты похож на пьянчужку из нижней Санта-Аны.

— У тебя, мама, слишком много предрассудков.

— У меня нет предрассудков. — Словно она какая-нибудь ханжа и затворница. Интересно, сам-то он бывает в нижней Санта-Ане? Просто возмутительно. И ведь ровно ничего не понимает, вон как снисходительно смотрит. Такой взгляд бывает и у Денниса, да и вообще они, Джим и Деннис, бывают иногда похожи до удивления. Почти всегда не вовремя. Люси пренебрежительно фыркает, берет себя в руки и возвращается к прерванной на секунду готовке. — Как бы там ни было, тебе стоило бы следить за своим внешним видом. Преподаватель обязан быть аккуратным.

— Какой я есть, такой у меня и вид.

— Ерунда, ты вполне способен позаботиться о своей внешности. Кроме того, одежда говорит, подает сигналы о том, что ты думаешь о людях, с которыми общаешься и, конечно же, что ты думаешь о себе самом.

— Семиотикой одежды увлекаешься, мамочка?

— Как ты сказал, семиотика? Не знаю такого слова.

— То самое, что ты тут говорила про сигналы.

— Тогда — да. А ты бы пошел, посмотрел на себя в зеркало.

— Сию секунду.

— Ты останешься обедать?

— Нет, я только забежал проверить, нет ли мне каких писем.

Вот это как у них делается.

— Нет, ничего не было.

Джим торопливо удаляется — не хочет, видимо, нарваться на Денниса. Вот это тревожит Люси больше всего, эта все расширяющаяся трещина между отцом и сыном. Не трудно понять, насколько тяжело это для обоих. Каждому из них нужно ощущать уважение другого, это в порядке вещей. А сейчас, когда и у Джима, и у Денниса великое множество неприятностей, эта потребность становится еще более настоятельной. Поддержка, взаимопомощь в трудную минуту... Люси берет телефон и звонит Джиму в машину.

— Слушай, Джим, а ты не зайдешь к нам завтра вечером? Последнее время мы почти тебя не видим. — Не почти, а совсем, с того самого времени как Джим и Деннис разругались; ведь прошло уже больше недели, и Люси отчетливо

чувствует, как все больше и больше обижается Деннис — да и Джим, наверное, тоже.

— Даже и не знаю, мама.

Люси разрывается между желанием сказать сыночку пару ласковых слов и тревогой за него.

— И не заявляйся сюда, как сегодня, — посмотрел, нет ли писем, и до свидания, — резко говорит она. — У нас тут не почта. Ты просто обязан зайти к нам в ближайшее время и нормально, спокойно пообедать с отцом и матерью, ты это понимаешь?

— Хорошо. — Голос из трубки тоже звучит резко. — Только не завтра. Но ничего хорошего из этого не получится — он еще решит, что я опять хочу жить за его счет. — И Джим положил трубку.

Буквально через пару минут приходит Деннис, злой и недовольный. Желая отвлечь его мысли от работы, Люси начинает рассказывать про Анастасию и Лилиан — занятие довольно рискованное, можно нарваться на окрик: «Да отстань ты от меня!» Но Деннис ограничивается нечленораздельным хмыканьем. После обеда Люси решает использовать другую тактику. Пусть он выговорится, не нужно копить это все внутри.

— А что у тебя сегодня на работе?

— С Лемоном общался.

Ну, тогда понятно. Все-таки этот Лемон — очень неприятный тип, хотя Люси весьма трудно такое представить, на вечеринках ЛСР она видела совершенно обворожительного мужчину.

— И о чем?

Но Деннис не желает ничего рассказывать, он уходит в видеокомнату, вытаскивает из портфеля бумаги и погружается в работу. Люси прибирает со стола и садится. Хочется, чтобы ноги отдохнули. Завтра у нее урок на библейских курсах, нужно будет объяснять им Послание к Галатам, очень трудный текст. Павел вообще пишет весьма неоднозначно, в глаза это, может, и не бросается, но если читать повнимательнее... В нем чувствуется борьба различных желаний, полной самоотдачи и чего-то — эгоцентричного, что ли? В результате иногда получается нечто смутное, неопределенное. Люси перечитывает педагогическое пособие и задумывается о своих учениках. И начинает клевать носом. Пора ложиться, и чего это вечер всегда такой короткий? Деннис так там и сидит, наклонил голову чуть набок и

смотрит куда-то в пустоту. Думает, наверное, об участке около Эврики, мечтает бросить все и уехать. Люси зябко ежится, ей совсем не по душе безлюдие и заброшенность этого побережья. И тем более — почти полный разрыв с друзьями, с работой, да со всем миром. Она даже задумывалась, несколько виновато, а не был ли пожар, который выжег там землю, чем-то вроде непрошеного ответа на ее молитвы. Не удовлетворил ли Господь самое недостойное из ее желаний, в порядке некоего урока или предостережения...

Они ложатся. Вот и еще один день прожит. Сонные молитвы. Нужно притащить сюда Джима. Подумаем об этом завтра. Это важно. После урока. Или после Лилиан. Или...

Глава 19

В субботу утром все та же вечная тусовка начинается с развлечений в спортзале — и вдруг Сэнди чувствует, что его от всего этого тошнит. Снаружи — яркое солнце, и зал с его зеркалами, растениями, яркими стенами, громко клацающими тренажерами, спортивными шортами, трико и сладковатым запахом пота попросту тесен для такого великолепного дня.

— А-а-а-а-а! Ску-у-у-ушно! — Сэнди отпускает штангу тренажера, и грузы с грохотом валятся вниз; он пулей вылетает из зала, чтобы через несколько минут вернуться с купленным в молле мячом, битами и перчатками.

— Пошли, пошли! Поиграем в мя-чик! — Он быстро выгоняет компанию на улицу.

Потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, где же здесь поблизости можно сыграть в софтбол*, но в конце концов Эйб вспоминает, и они едут на юг, а потом — на восток, в Ортегу. Большая поросшая травой площадка, совершенно пустая и обсаженная по краям эвкалиптами, как раз то, что доктор прописал. Есть даже сетка вокруг, чтобы мяч не улетал. Они разбиваются на команды, далее все идет по порядку: сперва глазные пипетки, затем — игра.

Никто из компании не играл после окончания школы, а то и дольше, поэтому первые подачи проходят совершенно хаотически. Сэнди стоит шортстоппером и довольно хорошо берет низкие подачи, но потом неудачно отскочивший

* Разновидность бейсбола, при которой играют на площадке с уменьшенными размерами более крупным мячом.

от земли мяч попадает ему прямо в голову. Сэнди все-таки ловит его и успевает выбить делающего перебежку Эйба. На лбу Сэнди появляется ярко-красное пятно, украшенное отчетливым рисунком шнуровки мяча. Услышав, что он теперь похож на франкенштейновского монстра, подвергнутого трепанации черепа, Сэнди входит в роль, что далеко не помогает его игре.

Таши, по всей видимости, запустил себе дозу «Восприятия прекрасного», он смотрит на все окружающее с оцепенелым восхищением четырехлетнего ребенка; когда бита попадает к нему в руки, он так же оцепенело смотрит на первые два мяча, поданные Артуром. Он забыл, что там делают с этой палкой, — восхищенно разинул рот и глазет, как красиво летит мячик. Подбегавший Сэнди напоминает Таши, для чего он здесь стоит, взмахивает руками, изображая удар.

— Я знаю, — понимающе кивает Таши. — Я просто рассматривал траекторию.

Со следующей подачи он бьет налево, так высоко и далеко, что, к тому моменту как Хэмфри добежал до мяча, Таши успел пересечь всю площадку и сидит уже на земле в «доме», с видом еще более ошалелым, чем прежде.

— Зачетная пробежка, да? Вот здорово.

Смена подачи, Джим занимает левое поле, из него прямо брызжет восторг.

— Я люблю софтбол!

— Джим, да ты же никогда в него не играл!

— Верно, но я все равно его люблю.

На этом чистом зеленом прямоугольнике словно исчезают все взрослые беды и заботы, Джим чувствует себя первокласником.

К сожалению всей своей команды, играет он тоже как первокласник. Бита у Артура, и тот подает Джиму верховой мяч. Сразу после удара Джим бросается вперед — а как же иначе, ведь мяч там, впереди, верно ведь? Однако на бегу Джим начинает прикидывать траекторию, соображает, что она проходит очень высоко, пытается дать задний ход и, конечно же, приземляется на пятую точку; мгновенно вскочив, он видит приближающийся мячик и отчаянно несется назад, оглядываясь через плечо — а через какое плечо оглядываться? Через левое? Через правое? Решить очень трудно. Теперь мяч снижается с каким-то неестественно большим ускорением; несущийся во весь опор Джим подпрыгивает, мяч стучается о кончик перчатки, отскакивает, уходит в

сторону — нет вы подумайте, еще бы один дюйм кожи, и это был бы совершенно невероятный захват! Джим падает, вскакивает, хватается мяч, бросает его куда-то мимо стоящего на перехвате Сэнди и смотрит, как Анджела подбирает катящийся мяч с земли и пытается запятнать уже почти окончившего пробежку Артура. Вот же черт! Вирджиния — теперь с битой она — покатывается от хохота. Джим в сердцах швыряет перчатку на землю и в ответ на ухмылки товарищей по команде скорбно пожимает плечами.

— Бей опять сюда!

— Попытаюсь, — откликается Вирджиния.

Дальше все так же, новые подачи, новые грубые ошибки, отчаянная, неуклюжая гонка за мячом, дикие, куда попало броски. Все, одним словом, сто четыре удовольствия.

Бита опять у Таши, теперь он бьет еще дальше, чем в первый раз. Снова зачетная пробежка. В ожидании следующих его ударов противники отодвигаются как можно дальше, чуть не к окружающим площадку эвкалиптам.

— Да мне ж так далеко не выбить, — валится от хохота Таши.

— Выбьешь, выбьешь. Не болтай, а работай.

Когда полевые игроки отошли на такое расстояние, между ними, конечно же, образовались широченные промежутки; после пушечного удара Таши мяч летит, кажется, по прямой — две сотни футов на постоянной высоте в восемь футов, затем он касается травы и долго-долго катится. Еще одна зачетная. В следующий раз происходит в точности то же самое. Четыре удара — четыре зачетные пробежки. Таш стоит в «доме», на лице его прежнее изумление.

— Четыре зачетные, точно? Или три? Четыре, да? Вот здорово.

Когда Таши приходится играть в поле, результат получается совершенно иной. Стоя центровым, он ловит не очень сильно поданный мяч и видит, как Дебби пытается перебежать с третьей в «дом». Отличный случай выбить ее, так что Таши широко размахивается и вкладывает в бросок всю свою силушку немереную. К сожалению, он выпускает мяч из руки чуть-чуть рановато, тот пролетает в сорока футах над ограждением и уходит куда-то за деревья, в кусты. Никто не успел заметить, куда именно. Таш стоит посреди поля и серьезно, с некоторым недоумением рассматривает свою правую руку. Остальные обессиленно хватаются за животы. Мячик так и не обнаруживается, Сэнди объявляет игру за-

конченной, и все садятся на траву — погреться на солнце, подкрепиться гамбургерами и кока-колой.

— А может, он вышел на орбиту?

— Мощная игра.

Джим сидит на траве рядом с Розой и Габриэлой, которые удостоили его на сегодняшний день своего внимания. Эти девушки выбирают себе исключительно тех ребят, которые наверняка не воспримут их заигрывания всерьез, с которыми им хорошо и спокойно. Джим, конечно же, гордится высоким доверием, но не может и отказать себе в удовольствии пофантазировать — а вдруг сегодня они серьезно? Да, ночка получилась бы будь здоров, это что же такое продемонстрировали бы экраны!

Джим даже толком и не заметил, что с другой стороны от него сидит Вирджиния, чем-то вдобавок раздраженная — при первой же попытке обнять ее она рывкает на Джима и бьет его по руке.

— Что это с тобой? — Джим обижен, а еще больше удивлен.

Вирджиния молчит. Она хмурится, ни за что не признается, какая это муха ее укусила, чем и доводит Джима до полного иступления. Он ровно ничего не понимает. Ему приходится терпеть негромкие, но весьма болезненные подкалывания ее острого язычка — в то время как перед всеми окружающими оба они притворяются веселыми и жизнерадостными. Джим ненавидит такие штучки, Вирджиния прекрасно это знает — и старается еще пуще.

В конце концов Джиму надоедает, он зовет Вирджинию прогуляться, и они уединяются среди эвкалиптов.

— Слушай, чем это ты так расстроена?

— Кто расстроен?

— Да кончай ты, я что, не вижу? Какой смысл изводить меня, если я даже не знаю — за что?

— Ну да, не знаешь, конечно же, ты не знаешь.

— Не знаю!

— Очень на тебя похоже. Витаешь в каких-то своих облаках и даже внимания не обращаешь, что делается вокруг. Тебе на всех наплевать. Я могу умереть, а ты даже не заметишь и опять ничего не будешь знать.

— Умереть? Как это — умереть?

Вирджиния изображает на лице полное презрение и поворачивается, намереваясь уйти. Джим хватается за руку и тащит назад.

— Оставь меня в покое! — яростно кричит Вирджиния, вырываясь. — Ты даже не знаешь, в чем дело!

— Правильно, не знаю! Я только знаю, что терплю тебя по свободному своему выбору, ничто меня к этому не обязывает. И если все будет и дальше так продолжаться...

— Оставь меня в покое! — Вирджиния убегает, оставив Джима в полном одиночестве — и в полном недоумении.

Ну что ж. Вот тебе, значит, и союз. Джим не понимает, почему этот союз разорвался, не понимает даже, почему он образовался, однако... Ладно, черт с ним. Злой, расстроенный, с полным сумбуром в голове, он возвращается на поле. Неподалеку от рассеявшейся на траве компании — Вирджиния и Артур, они о чем-то разговаривают; затем, к величайшему облегчению Джима, Вирджиния подзывает Инес, они садятся в машину и удаляются.

А вот паршивое настроение, порожденное ссорой, остается, в утреннее блаженство Джима грубо вторгся реальный мир, гамбургер лежит в желудке тяжелым, неприятным комком. Суммируя с другими, более серьезными неприятностями последних дней, закидоны Вирджинии образуют жгучую, взрывчатую смесь, вызывают желание драться, сопротивляться...

А вот и Артур встал, тоже, наверное, уходит.

— Артур, — подходит к нему Джим. — Вот ты там говорил про настоящее, активное сопротивление. Нечто более серьезное, чем расклеивание плакатов.

Артур останавливается, поворачивается, внимательно смотрит.

— Да. А вчера ты позвонил. Я давно думал, будет у нашего разговора продолжение или нет.

— Понятно, — кивает Джим. — Мне нужно было хорошенько подумать. Но теперь я хочу что-нибудь сделать. Я хочу вам помогать.

— У нас тут и вправду кое-что намечается, — доверительно сообщает Артур. — Планы серьезные, очень серьезные.

— То, о чем ты говорил? Вредительство на оружейном заводе?

Артур смотрит на него и долго — еще дольше, чем минуту назад, — молчит.

— Да.

— На каком?

— Я бы предпочел не говорить этого заранее, — прищуривается Артур. Все понятно и без слов. Джим должен под-

писаться на участие в диверсиях на любой из многочисленных военных компаний ОкО, в том числе и «Лагуна спейсрисерч». Где работает его отец.

— Хорошо, — кивает Джим. — Но там никто не пострадает?

— Никто из работников завода. Вот мы — мы можем пострадать, сейчас такие места очень сильно охраняются. Операция опасная, я хочу, чтобы ты знал.

— Лишь бы на заводе все остались целы.

— Только так и может быть, для нас это — вопрос этики. При любом другом образе действий мы просто превратимся в еще одну деталь военной машины.

Джим снова кивает:

— А когда?

Артур оглядывается, но все спокойно, рядом с ними нет никого.

— Сегодня.

Гамбургер, мирно лежавший в желудке Джима, выделяет кульбит.

Но ведь это — тот самый шанс, шанс придать своей жизни хоть какое-то значение, шанс нанести ответный удар... кому? А всем и всему. В том числе и конкретным личностям — отцу, Вирджинии, Хэмфри, придурочным ученикам — но Джим об этом не думает, это гнездится где-то в его подсознании. Думает он о другом — о гибельном курсе, которым столько лет двигается его страна, несмотря на все его протесты, несмотря на опущенные им избирательные бюллетени, в противоречии с глубочайшими его убеждениями. Игнорируя нужды остального мира — да и своих собственных жителей тоже. Наживаясь на нищете и убожестве этого мира, вздувая страх, чтобы продать побольше оружия, открыть побольше банковских счетов, владеть все большей частью мира, делать все больше денег... да такой он и есть в действительности, этот американский образ жизни. Поэтому не остается никакой альтернативы, кроме действия, здесь и сейчас, кроме реального, весомого сопротивления.

— Хорошо, — говорит Джим.

Глава 20

Как следствие этой беседы, вечером того же самого дня Джим сидит в машине Артура, и машина эта пробирается сквозь путаницу маленьких улочек района Гарден-Гроув, к

востоку от городского молла. Теперь машина едет по Льюист-стрит, это даже не улица, а скорее туннель в подземном уровне города; слева и справа тянутся склады, сейчас уже поздно, так что все они закрыты. Между двух складов открывается маленькая, мест на десять, автостоянка; сворачивая туда, Артур трижды мигает фарами. Большую часть этого закутка занимает автофургон, рядом с ним стоят четверо парней — негр, белый и двое латинос. Джим ухмыляется — трудно не вспомнить лимерик про теорию Менделя, героиня которого родила от негра четверняшек — одного младенца черного, одного белого и двоих цвета хаки. Заметив условный сигнал, парни бросаются к задней двери фургона, выволакивают несколько небольших, но, по всей видимости, увесистых ящиков и торопливо переправляют их на заднее сиденье остановившейся машины Артура. Несколько негромких слов, взмах руки, и Артур с Джимом снова в проулке, но на этот раз они направляются к трассе.

— Обычный способ, — довольно равнодушно пояснил Артур. — Идея в том, чтобы это хозяйство ни у кого не задерживалось больше чем на пару часов, вот его и перепасовывают все время с места на место.

А еще через час Джим ползет по пересохшему руслу реки Санта-Ана, волочит свое брюхо по песку, щебенке, камням, огрызкам пенопласта, металлическим осколкам и грязным лужам. Он облачен с головы до ног в полный комплект десантного обмундирования, оказавшийся в одном из четырех ящиков. Обмундирование это обеспечивает, как объяснил Артур, полную скрытность. Во-первых, оно не пропускает наружу тепло, выделяемое телом, а потому невидимо в инфракрасном диапазоне. Для изготовления одного из слоев комбинезона применен последний писк технологии стелс, изобретенный фирмами «Доу кемикл» и «Плесси», — филабой-37; этот материал — сотовая структура из некоей синтетической смолы, чьи неправильной формы молекулы не только искажают, но и поглощают волны радара. Кроме всего прочего, тусклый, унылый цвет, в который окрашено обмундирование (называется этот цвет «хамелеон»), весьма трудно различим на любой местности.

Смотрит Джим через окуляры прибора ночного видения, который дает довольно отчетливое изображение окружающего мира в низкочастотной области спектра — правда, цветовая гамма этого изображения, с преобладанием зеленого

и фиолетового оттенков, сильно смахивает на кошмарную наркотическую галлюцинацию. Артура не видно, наглядная — если можно так выразиться — демонстрация преимуществ десантного комбинезона. Столь же очевиден и главный недостаток этого чуда технологии — душно в нем, словно в парилке, так что Джим мгновенно взмок. Теперь начинается подъем на восточный берег русла. Ведь так и свариться недолго, думает Джим. Мир словно затоплен мутной зелено-фиолетовой водой. «Они переправились через огненное озеро...» Странно все как-то, странно и жутко.

Здесь, со стороны Ньюпорт-Бич, располагается завод корпорации «Парнелл эрспейс»; когда-то из этого участка качали нефть — и всю давно выкачали. Завод ярко освещен (в диковатой картинке, которую наблюдает Джим, каждый из прожекторов кажется ослепительным зеленовато-белым магниевым огнем) и окружен высоким забором. Забор под напряжением, это настолько очевидно, что протянутая по верхнему его краю колючая проволока — всего лишь украшение, а может — дань прошлому, старый фирменный знак на ультрасовременной бойне.

Джим натывается на Артура, становится на четвереньки и сваливает рядом с собой ящик, который он попеременно то тащил на спине, то толкал перед собой. Тяжелый ящичек. Ярдах в трехстах—четырехстах — корпуса парнелловского завода, темные громады на дальнем краю зеленого бетонного поля, уставленного лавандового цвета автомобилями.

Артур подползает к ограде и осторожно вешает на нее нечто вроде теннисной ракетки без ручки. Рамка ракетки прилипает к сетке, ограниченные ею куски проволоки падают на землю. Теперь эта рамка обманывает охранные датчики, убеждает их, что никакой дыры нет и в помине — так говорил Артур, когда они с Джимом готовились к вылазке.

— И где вы все это берете? — поинтересовался тогда Джим.

— Да есть у нас поставщики, — неопределенно ответил Артур. — А вот это — самый важный элемент, растворяющий снаряд...

Артур возвращается к Джиму, и они быстро разворачивают пусковую установку, снаряд заложен в нее заранее. Станину установки надежно закрепляют на грунте. Снаряд снабжен скрытно действующим лазерным прицелом, является новейшим образцом микровооружения. По стартовому сигналу он проскочит сквозь свежепрорубленную в заборе дырку, а затем, следуя невидимому лазерному лучу, полетит к

воротам одного из корпусов, пробьет их и выпустит свое содержимое — газ, состоящий из разрушающих ферментов и химических растворителей, в основном — из «Стикса-90», очень мощной отравы производства все той же «Доу кемикл». Ну а дальше весь пластик, филабой, армированный углерод, графит, эпоксидные смолы и кевлар, до которых сумеет добраться этот газ, обратятся в пыль либо будут изувечены каким-либо иным, менее зрелищным образом. И «Парнелл», главный строитель третьего этажа сложного здания антиракетной защиты, пытающийся в настоящее время сделать космические зеркала, направляющие излучение боевых лазеров, невидимыми, или хотя бы почти невидимыми, получит вместо своего наземного оборудования пыль, да некоторое количество огрызков покрупнее.

Наводить такую систему на цель — занятие простое, но несколько рискованное: необходимо на мгновение включить лазер, а это могут обнаружить. Операцию проводит Артур, затем они проползают вдоль забора пятьдесят футов, устанавливают второй снаряд и нацеливают его на ворота другого корпуса.

Теперь предстоит самое трудное. У каждого из снарядов есть ручной стартовый прибор, маленькая коробочка с кнопкой, на всякий случай, ведь радиосигналы можно заглушить, кроме того, такие сигналы могут вызвать на себя огонь. Артур решил, что оба эти варианта вполне возможны, поэтому надежнее будет воспользоваться ручными стартерами. В коробочке стартера — сто ярдов провода, конец которого присоединен к пусковой установке. Джим отползает назад, сквозь заросли полыни и кучи какого-то хлама, на всю эту длину. Артур пополз к первому снаряду, там он сделает то же самое. Двигаются они чуть под углом, чтобы сойтись примерно посередине, однако Джим Артура не находит — десантные комбинезоны делают их обоих невидимками.

К счастью, Артур предусмотрел и эту трудность; уползая, он дал Джиму конец самого обыкновенного шпагата, и сейчас Джим чувствует три отчетливых рывка. Значит, все готово. Еще три рывка, на этот раз посильнее. Джим нажимает кнопку, бросает стартер, выпускает из руки шпагат и бежит что есть мочи.

И ведь до чего же все просто.

Легкий нажим кнопки словно включил все охранные системы мира разом — бешено взвыли сирены, вспомогательные прожекторы залили поле ослепительно ярким светом.

Какой именно вред причинен заводам «Парнелла» — дело пока темное, с такого расстояния и взрывы-то не были слышны, однако что-то там произошло, иначе с чего бы вся эта суета.

Джим несется по сухому руслу Санта-Аны, низко пригнувшись, чуть не расшибая себе нос коленками, и далеко опережает Артура. Машина была припаркована на стоянке приморского пляжа. Вот она, теперь — в Ньюпорт-Бич. Торопливо содрать с себя и скомкать десантные комбинезоны. Вывернув на трассу, Артур занимает самый медленный, крайний ряд. Вот и Бальбоа Марина. Стекло правой дверцы машины опущено, и комбинезоны летят в воду. После моста Артур сворачивает с трассы, теперь остается проехать немного по воде, и они опять нормальные законопослушные граждане, даже и не подозревающие, что в каких-то там построенных на выработанном нефтяном поле корпусах куча оружия превратилась в кучу мусора.

Запах пота умопомрачительный, почище, чем в спортзале; попытка вытереться специально для этого прихваченными полотенцами не дает особых результатов — полотенца промокли уже насквозь, хоть выжимай, а все равно приходится натягивать одежду на влажное, липкое тело. У Джима трясутся руки, он с трудом попадает пуговицами в петли. К тому же его чуть подташнивает.

— Ну, вот и готово, — смеется Артур. — По данным разведки там было космического оружия примерно на девяносто миллионов. Пусковые установки ровно ничего им не скажут. — Переполненный все еще кипящей в нем энергией, Артур высовывает голову в окно машины и кричит: — Пусть небо будет чистым!

Джим тоже смеется — дико, взхлеб, его кровь все еще насыщена одним из самых сильных наркотиков, какие он когда-либо пробовал, — адреналином, выделившимся за время недавнего кросса по сухому руслу Санта-Аны. Лучший в мире стимулятор.

— Слушай, а ведь это было здорово. Здорово. Я ведь и вправду что-то сделал. — Джим замолкает, несколько секунд думает. — И ведь действительно сделал. Знаешь... — Он неловко мнетя, все это звучит несколько глупо. — Мне кажется, что сегодня — первый случай в моей жизни, когда я что-то сделал.

— Понимаю, — кивает Артур и внимательно смотрит на Джима. — Я понимаю, что ты хочешь сказать. Сегодня ты

ощутил вкус борьбы; более того, ты понял, как много может она дать тебе самому. Ты всегда ощущал себя рабом системы, непомерно огромной и окопавшейся настолько плотно, что свернуть ее невозможно. Ничто, сделанное тобой в одиночку, не изменит ее ни на йоту. Но, пребывая в такой уверенности и ничего не делая, ты сам создаешь условия, обеспечивающие неуязвимость системы.

Нужно только сделать первый шаг! — Он снова хохочет. — Сделай первый шаг, хоть самый маленький, покажи системе, что ты сопротивляешься, покажи самому себе — и сразу твое восприятие изменится. Изменится сама действительность, которую ты воспринимаешь. Ты увидишь, что ничего тут нет невозможного. Время — времени может потребоваться много, но все равно... — Артур хохочет. — Все можно сделать! Давай отпразднуем твой первый шаг. — Он бьет кулаком по приборной доске. — Да здравствует сопротивление! — Да здравствует сопротивление!

Глава 21

Они жили здесь больше семи тысяч лет, и единственное свидетельство этой жизни — груды ракушек на берегах Ньюпортского залива.

Вот все, что мы знаем о них, точнее — думаем, что знаем.

Они пришли с равнин, из-за Сьерра-Невады, кочевники из шошонской группы племен; они раскидывали свои стоянки, собирали пищу, торговали и шли все дальше и дальше. Достигнув океана, они остановились и снова раскинули стоянку — теперь уже надолго.

Они говорили на многих языках.

По нашей терминологии они были охотниками-собираателями, они не обрабатывали землю, у них не было домашних животных. Мужчины мастерили оружие и охотились — с луком и стрелами. Женщины собирали ягоды и съедобные корни, варили кашу из крапивы, но по большей части эти люди питались желудями и семенами из сосновых шишек. Им приходилось вымачивать из желудевой муки танин, для чего использовалась довольно сложная система соединений между собой ям. Я иногда задумываюсь, кто изобрел такой метод и что они думали, превращая белый порошок из горькой отравы в хлеб своей насущный. Без всякого сомнения, это было священнодействием. Да и все, что они делали, было священнодействием.

Селились они маленькими общинами, жилища свои ставили обязательно по окружности. Климат был мягкий, теплый, так что спали они под открытым небом — если только не шел дождь. Во время дождя они спали в примитивных шалашах, состоявших из ивового каркаса, оплетенного тростником. Женщины ходили в сшитых из кроличьих шкурок юбках, мужчины носили накидки, тоже из шкурок, а дети — вообще ничего. Зимой, для тепла, все одевались в меховые шубы.

Они торговали со многими племенами. У жителей пустыни они получали обсидиан и соль. Кораллы поступали из Баха*, а шкуры морских животных — от островитян, которые приплывали к ним в своих каноэ, по десять человек в каждом.

Они курили табак, вырезали каменные фигурки птиц, китов и рыб.

Политическая система выглядела следующим образом: большая часть жителей деревни принадлежала к одной и той же семье. Вождь руководил деревней со всеобщего согласия и одобрения. Время от времени вождя меняли.

Иногда они воевали, но по большей части жили мирно.

Они плели чуть не лучшие в Америке корзинки, украшали их замысловатыми символическими узорами.

Каждый день они проводили некоторое время в парильном доме — обливали горячие угли водой и вдыхали пар.

В центре деревни неизменно располагалась круглая постройка из ивы, тростника и прутьев. Северные племена называли эту священную парилку йоба, а южные — уанкеч.

Здесь они проводили главную свою религиозную церемонию, ритуал толоач, во время которого юноши пили отвар из листьев дурмана, впадали в галлюцинаторный транс и получали инициацию — становились полноправными взрослыми мужчинами. В каждом таком святилище стояло изображение самого главного бога, Чинигчинича, того, кто дал вещам имена. С убитого койота или рыси аккуратно снимали шкуру, затем ее набивали стрелами, перьями, рогами ланей, зубами пум, клювами и когтями ястребов и зашивали; чучело очень напоминало бы живого зверя, если бы не юбочка из перьев и торчащие изо рта стрелы. Именно через

* Баха Калифорния, Нижняя Калифорния (*исп.*). Так называется штат Мексики, расположенный на территории Калифорнийского полуострова.

это изображение Чинигчинич обращался к участникам толоача, сообщал им тайные имена, раскрывающие внутреннюю сущность вещей и дающие людям над этими вещами власть. Узнав тайные имена, юноши становились взрослыми.

Вот почти и все, что мы знаем об их жизни; кроме того, нам известно, что такое существование продолжалось год за годом, поколение за поколением, они жили в мирном равновесии со своей землей, пользуясь всеми ее ресурсами, рассматривая каждый камень и дерево, и животное как священное существо — семь тысяч лет. Семь тысяч лет!

Постарайся — может быть, у тебя это получится — увидеть, как они живут на кишащей жизнью прибрежной полосе. Как они занимаются повседневными своими трудами. Как они навещают соседнее селение. Как юноши ухаживают за девушками. Как в сумерках население деревни собирается вокруг костра. Постарайся увидеть.

А затем откуда-то появилась шайка людей, похожих на крабов, только люди эти, в отличие от крабов, могли снимать свои панцири. А еще они могли убивать издалека, при помощи громкого шума. Эти люди не знали ни одного из языков, зато у них был свой собственный язык. Началась история.

Солдаты ушли, оставив после себя францисканцев. После того как испанский миссионер Хуниперо Серра основал в 1776 году часовню святого Хуана и отправился по «Тропе Истины» организовывать остальные миссии, задача обращения туземцев в христианство легла на плечи брата Жеронимо Боскана. Новообращенные из окрестностей этой миссии именовались хуаненьос, а жившие севернее — габриэлинос, по миссии Сан-Габриэль. «Я отношусь к этим индейцам с их заблуждениями, как к детям», — писал брат Боскана.

Он приспособил индейцев к добрым христианским делам, они строили миссию и обрабатывали землю. Через пятьдесят лет ни одного из них не осталось в живых. И все это почти позабыто.

Глава 22

Для Эйба, как и для большинства людей, недели пролетают в тумане каких-то путаных лихорадочных действий. Отрывая в начале месяца лист календаря, он неизменно удивляется: этот-то куда девался? Рабочие смены сливаются в одно неопределенное пятно, тем более что он намеренно

старается их забывать. Сейчас он не сумел бы рассказать о той бешеной гонке в университетскую больницу почти ничего: выжили тогда пострадавшие или умерли? С кем он тогда работал, с Ксавьером или с кем другим? И когда все это было — месяц назад? Или два? Сказать просто невозможно, никто больше не оперирует такими огромными промежутками времени. Вспомнить бы, что было позавчера.

Где-то внутри, в глубине, хранится, конечно же, все — каждый выезд, каждая авария, каждая мимолетная гримаса на лице Ксава, отчаянно работающего над очередным полутрупом. Но механизм воспоминания надежно отключен. В часы бодрствования Эйб искренне уверен, что этого механизма и вовсе больше нет. Два месяца назад? Было, да сплыло! Для Эйба существует только настоящее время, его реальность — здесь и сейчас, вот в этот самый, единственный в мире момент. Возможно, поэтому у него крайне редко бывает союзница. Союз? Это с кем там было, с Инес? Нет, вроде с Дебби. Ничего, пойдем сегодня к Сэнди и во всем разберемся.

Сегодня Эйб опять с Ксавьером. Иногда — и даже довольно часто — то один из них, то другой меняется с кем-нибудь дежурством, чтобы продлить себе выходные, но обычно они работают на пару. Постоянная команда. Это нравится и Эйбу, и Ксавьеру — работа обретает хоть какую-то непрерывность, становится хоть немного похожей на нормальную службу.

Треск рации.

— Мы на связи, всевидящий-один, — откликается Ксав.

Вызов принят. «Девятый», что значит — куча мала из машин количеством от пяти до девяти, место аварии — футхиллская трасса, чуть западнее восточной, на виадук. Диспетчер отловил их в Тастине, на трассе к Санта-Ане, теперь они гонят по восточной, затем сворачивают на футхиллскую. Все ряды забиты под завязку, так что Эйб выворачивает на отвратительно узкую обочину виадука и гонит к целому созвездию красных и синих мигалок — кроме трех ДП-мобилей там уже стоит один аварийный фургон. Аварийщики, приехавшие раньше, разбираются с передним концом кучи малы, Эйбу и Ксавьеру предоставляется задний.

— Ксав, — говорит Эйб, оценив обстановку, — ты там свяжись, пусть пришлют еще фургон, а лучше — два.

Третья машина сплющена в блин, водитель и пассажирка все еще внутри, оба — без сознания. Эйб яростно выхватывает

из фургона кусачки и начинает работать со стороны пассажирского сиденья. Пассажирка, довольно пожилая женщина, явно СНАМП.

— Вот уж очевидный случай СНАМП, — бормочет Ксав, переползая через нее, чтобы подобраться к водителю. — Всмятку. — Неожиданно водитель — мужчина тоже немолодой — начинает метаться. Эйб перебегает на его сторону, а тем временем Ксав нашлепывает лечебные пластыри и пытается оценить тяжесть повреждений. — Эйб, проруби дырку с той стороны, а то отсюда трудно. — Скрежет разрезаемого металла, вооруженный уолдиками супермен поднимает крышу, и Ксав проскальзывает внутрь. Выругав сквозь зубы острую заусеницу, разорвавшую штаны, он ползет по переднему сиденью, подбирается к водителю. Щелк, щелк, щелк — Эйб все больше расширяет проход, депы направили на них галогенный прожектор, и все становится как на отпечатке с недодержанного негатива. Все ближе вой сирены подъезжающих машин, они воют очень громко, но Эйб не слышит, он только видит упрямый, неподдающийся металл. Отхватив напрочь всю боковую стенку, он поднимает голову, мимо проезжают сотни машин, они едут медленно, в каждом окне — глаза, глаза вампиров, упивающихся зрелищем.

— Эйб! Эйб! — Ксав копается где-то внизу, под рулевым колесом. Эйб наклоняется. — Вот, смотри, его тут зажало. Стенка коробки передач лопнула и раздавила ему правую лодыжку.

— Да, вижу.

— Ты можешь там разрезать?

Эйб беретса за работу.

— Не так близко!

— Какого хрена, а как же я потом отверну этот лист?

— Стриги повыше, вокруг, и побыстрее, этот мужик скоро загнется от потери крови. Долбаная нога, никак не залезть ее со всех сторон.

Щелк. Хр-рр. Хр-рр. Щелк.

— На эту стенку давят сразу и дифференциал, и мотор, без крана их не сдернуть.

— Некогда! Ладно, я уже наложил турникет на голень. Ступня все равно почти оторвана, а если мы будем долго валандаться, мужику конец. Так что бери, Эйб, свои кусачки и отрезай ему ступню.

— Что?!

— Ты слышал что. Ампутируй ее прямо здесь, а потом я оттащу его в фургон.

Эйб прикладывает лезвие кусачек к окровавленному черному носку и с трудом подавляет желание отвернуться. Все же совсем просто, вроде как щелкнуть ножницами.

— Вот-вот, именно в этом месте.

Эйб осторожно сжимает управляющие рукоятки.

— Да быстрее ты.

Сопротивления почти нет, только легкий хруст, когда лезвия перерезают кость. Лишившийся ступни водитель глубоко вздыхает. Ксав нашлепывает на культяпку кровоостанавливающий пластырь, его руки летают, дыхание вырывается из груди со свистом; стараясь приподнять водителя, он буквально извивается в этой тесноте, затем они с Эйбом высвобождают обмякшее тело из-под приборной доски, вытаскивают наружу и кладут на каталку.

— Не забудь вытащить ступню. — Ксав уже бежит с каталкой к фургону. — Может, еще пригодится.

— Вот же мать твою. — Эйб атакует мотор спереди, прикладывает к нему кусачки, жмет изо всех сил. Этих сил, а точнее — силы уолдика, едва хватает, чтобы располовинить ведущий вал, но после этого все проще — можно засунуть кусачки прямо в мотор и чуть оттянуть его, пользуясь силой привода непосредственно, без этих манипуляторных рукояток. Теперь можно подцепить стенку коробки передач, операция не такая легкая, как сперва казалось, но в конце концов он с ней справляется, отгибает стенку внутрь моторного отсека, оставляет кусачки, бежит к проделанной в машине дыре, нагибается — да, вот оно. В его руке хлюпающий от крови ботинок с торчащей из него костью, он сбрасывает ботинок на землю и бежит, зажав в руке ступню, к фургону. Часть его мозга так и не может поверить в происходящее. Ступня падает на койку, рядом со своим хозяином. Склонившийся над пострадавшим Ксав поднимает голову.

— Нужно поскорее в больницу, а то мужик не выдержит.

Через минуту Эйб уже на водительском месте, пояс застегнут, он резко рвет с места. У Мишн Вьехо есть маленькая больница с приличной травматологией, к ним привозят уйму пострадавших на воде, сейчас, конечно же, никаких этих магнитных дорожек — полный газ и вперед.

— Состояние вроде стабилизировалось, — сообщает из окошка мокрая от пота физиономия Ксава. — Выглядит он вполне прилично.

— А смогут они пришить ему ступню?

— Само собой, ведь разрез хороший, чистый. В наше время можно голову отрезать и пришить на место. Жаль, — смеется Ксав, — ты не видел своей морды, когда швырял мне эту штуку.

— Иди ты, знаешь куда?

— Ха-ха! Это еще что, мелочи. На Яве я как-то тащил целую ногу, бедром вниз, а она все порывалась дать мне пинка, вот с места не сойти.

— Да пошел ты!

— А ты не чувствовал, чтобы там что-нибудь дергалось? Может, пальцы шевелились? Ха-ха.

— Ксав, Бога ради.

Эйб влетает в Ла-Пас, крутит по извилистым улочкам, которые, как считается, придают старинному Мишн Вьехо неповторимый колорит. К больнице, к подъезду травматологии, закатить парня и его ступню в приемный покой. Все. Они садятся на край площадки.

Потом Ксав поднимается, идет в свою походную амбулаторию, возвращается с двумя полотенцами и бутылкой воды. Они вытираются, пьют воду. Эйба начинает колотить. Руки снова чувствуют, как лезвия чуть задерживаются, а затем с хрустом перекусывают кость.

— Ох, Господи, — говорит он.

Ксав негромко смеется.

— Грр! Грр! Аварийная пять-двадцать две, код шесть, лобовое столкновение двух машин в Капистрано-Бич, на соединении прибрежной трассы с пятым съездом...

Ну вот, снова вызов. Они вскакивают, Ксавьер что-то кричит больничным санитарам, Эйб запускает мотор. Ксав прыгает в машину, захлопывает дверцу. Не забыть пристегнуться.

— Да сколько же это их сегодня.

— Сколько есть, все наши. Гони, милый, гони.

Глава 23

Узнав из утренних телевизионных новостей о диверсии у «Парнелла», Деннис Макферсон тяжело вздохнул. Худое дело. Далеко не первое за последние месяцы нападение на фирму, разрабатывающую вооружение, и очень трудно понять, кто же все это организует. Тут что-то покрупнее, чем обычные разборки конкурирующих компаний. Служба без-

опасности любого концерна — и ЛСР тут не исключение — всегда замешана в крайне сомнительных делишках, чаще всего связанных с раздобыванием секретных военных документов либо рабочих материалов других компаний, это Макферсон знает не хуже любого другого. В отдельных случаях излишне усердная или попавшая в отчаянное положение служба безопасности может сорваться с цепи и причинить соперникам прямой вред. Да, такое бывало и прежде, а уж в последнее время, когда бюджет Пентагона пошел на спад, конкуренция становится все более жесткой и неразборчивой в средствах. Но все равно никто не выходит за рамки шпионажа и мелкого вредительства. Эта крупномасштабная диверсия — нечто совершенно новое. Скорее всего тут приложили руку русские. Или — какая-нибудь держава третьего мира. Или доморощенные отказники от военной службы.

Прочитав, что использованный при нападении на завод «Парнелла» композитный растворитель состоял в основном из «Стикса-90», продукции «Доу кемикл», Деннис невесело смеется. «Парнелл» принадлежит той же самой «Доу». И снова смеется, подумав, что эти компании, взвалившие на себя задачу защитить Америку от межконтинентальных баллистических ракет, и себя-то толком не могут защитить от крохотных тактических снарядиков. Ну кто же после этого поверит, что Америка — неприступная крепость?

Уж во всяком случае не охранники, проверявшие у ворот ЛСР, является ли Макферсон — Макферсоном, или кем-либо другим. Выглядели эти ребята до крайности тоскливо — их же нанимали защищать объект от промышленного шпионажа, а совсем не от диверсантов. На них свалилась непосильная задача.

А на тех людей, что работают внутри?

Последние недели Макферсон придавал неофициальному предложению по «Осе» официальную, стандартную форму. Перекрашивал ее из сверхчерного в белое. У белой программы тоже есть свои, очень понятные Макферсону, преимущества. Все карты — на столе; техническое задание и ограничительные факторы опубликованы, теперь можно не бояться, что какого-нибудь придурка из ВВС осенит блестящая мысль и он все напрочь изменит. Кроме того, жесткая конкуренция заставила бригаду ЛСР провести тщательнейшую работу, в том числе — серию испытаний, продолжавшихся до тех пор, пока каждый элемент системы не доказал, что он будет работать при любых обстоятельствах. И это

очень хорошо, во всяком случае — по мнению Макферсона. За последний месяц он ездил в Уайт-Сэндс на испытания семь раз и обнаружил, например, что при плотной группировке танков лазерный распознаватель целей склонен замечать только те из них, которые расположены по периметру, не обращая внимания на середину занимаемого ими пространства. Небольшая работа программистов, и этот сбой исчез, ну а не всплыви он вовремя? Да, именно так предпочитает работать Макферсон. «Не нужно на этом останавливаться, — чуть не ежедневно говорит он своим сотрудникам. — Разумнее добиться максимальной стабильности». Ему даже дали кличку РДМС, по аббревиатуре последней фразы; произносилось это как «Рэдэмэс», поэтому, если кто-нибудь начинал насвистывать марш из «Аиды», все знали — приближается шеф.

Придя в свой кабинет, Макферсон первым делом просматривает составленный еще вчера список «Что Нужно Сделать». Он добавляет к нему еще несколько пунктов, пришедших в голову вечером и по пути на работу.

- 9.00: поговорить с Доном Ф. насчет печати предложений по «Осе»;
встретиться с Лонни насчет лазера на угл. газе;
написать введение к предл. по «Осе».
- 1.30: собрать программистов по системе наведения;
позвонить Далвину по вопросу энергопитания «Осы»;
работать над предл. по «Осе».
- 4.00: встретиться с Дэном Хьюстоном по «Шаровой молнии».

Макферсон поднимает трубку и вызывает Дона Фрейбурга. Рабочий день начался.

Превращение программы из сверхчерной в белую означает, что отныне предложение по «Осе» есть элемент основного потока военных поставок. Процесс этот неописуемо сложен и многогранен, содержит сотни переменных, так что очень немногие понимают его полностью, вернее сказать — никто не понимает. И уж во всяком случае — Деннис Макферсон. Ему, как и большинству остальных, знакома только та часть этих хитросплетений, которая связана с его работой. Он отлично разбирается в организации

работ по аэрокосмической технике для ВВС, не зная при этом почти, или даже совсем, ничего обо всем остальном.

Все начинается в недрах самих военно-воздушных сил таким примерно образом: одно из оперативных командований, скажем, Группа первой фазы стратегической обороны (ГПФСО) представляет Главному командованию военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки (ГК ВВС США) Заявку об оперативной необходимости (ЗОН) с указанием Элемента системы, нуждающегося в анализе (ЭСНА). Если в ГК ВВС США решат, что ЗОН связана с осуществлением крупной программы, они составляют Обоснование начала разработки крупной системы (ОНРКС), каковое идет на рассмотрение Группы анализа заявок (ГАЗ). Материалы этого рассмотрения подаются командующему ВВС (КВВС); если КВВС решит, что ОНРКС вполне оправдывает организацию новой Программы закупок военно-воздушных сил (ПЗ ВВС), он одобряет ОНРКС, каковое приобретает теперь статус ОНРКС ВВС. Затем КВВС представляет ОНРКС ВВС министру обороны (МО) в качестве части общего Меморандума о целях программы ВВС (МЦП). Если МО одобряет МЦП, а вместе с ним и ОНРКС ВВС, ГК ВВС США разрабатывает и издает Директиву по руководству программой (ДРП), в результате чего создается Система планирования и финансирования (СПФ). Начался Этап исследования концепции (ЭИК). На этом этапе исследуются различные Предварительные концепции действия системы (ПКДС), результаты этих исследований сводятся в Обзор предварительного этапа (ОПЭ). Затем ГК ВВС США готовит по материалам ОПЭ Памятную записку о концепции системы (ПЗКС), которая вновь подается в ГАЗ, а заодно и в Закупочную комиссию военно-воздушных сил (ЗК ВВС); после анализа ПЗКС попадает к КВВС. Если КВВС одобрит ПЗКС, она рассматривается Закупочной комиссией министерства обороны (ЗК Миноб) и, при одобрении, идет к МО. Если МО одобряет ПЗКС (это одобрение — первый верстовой столб на долгом пути), тогда ГК ВВС издает новую ДРП и начинается Этап подтверждения и демонстрации (ЭПД).

Ну как, все ясно? Так вот, вы, вероятно, заметили, что до этого момента о частной промышленности не было и речи, но дальше без нее уже не обойтись. Если КВВС и МО решат, что разработку нужно держать в полном секрете, программе присваивается статус суперчерной, после чего представители

ВВС в Пентагоне прямо привлекают к ней одного-двух подрядчиков. Возможны, конечно, некоторые вариации, но, как правило, все делается именно так. Существуют и обычные черные программы — эти тоже раздаются подрядчикам напрямую, отличаясь от суперчерных лишь тем, что о них сообщают некоторым конгрессменам — пускай считают себя посвященными во все страшные тайны Пентагона.

Но подавляющее большинство программ относятся к так называемым белым, и с ними все значительно сложнее. ГК ВВС США на стадии ЭПД составляет черновые наброски Заявки на предложения (ЗНП) и Запроса об информации (ЗОИ), распространяет их среди оборонных подрядчиков, занимающихся подходящей тематикой, и просит дать комментарии. Заинтересованные компании присылают свои технические предложения, основанные на ЗНП, и эти предложения становятся частью Процесса принятия координированного решения (ППКР). В конечном итоге ГК ВВС США составляет окончательный вариант ЗНП и публикует его — обычно в «Коммерс бизнес дейли». Уже к этому моменту между заинтересованными подрядчиками развернулась тактическая борьба, каждый из них прилагает все усилия, чтобы в ЗНП были записаны такие требования к системе, выполнить которые под силу ему одному.

Обычный срок подачи предложений — девяносто дней, направляются они Руководителю программы (РП), полковнику, иногда — бригадному генералу ВВС. После подачи начинается процесс оценки предложений. Часть этой оценки проводится Испытательно-аналитическим центром ВВС (ИАЦ ВВС), который входит в состав Командования систем ВВС (КС ВВС), находящегося на базе ВВС «Эндрюс», другая — под непосредственным руководством РП. Из представителей этих и некоторых других подразделений создается Комиссия по выбору поставщика (КВП) под руководством Ответственного за выбор поставщика (ОВП); обычно, но далеко не всегда, эту роль играет все тот же РП. Каждого из конкурсантов вызывают и допрашивают с пристрастием о всех деталях их предложений; по окончании этого шестинедельного процесса КВП выдает свои оценки, ОВП их резюмирует, принимает окончательное решение и использует резюме для оправдания этого решения в глазах вышестоящего начальства. Таким образом, решение поручить программу одному из конкурсантов (или двоим для параллель-

ной конкурентной разработки, или двоим же, но в так называемой связке «лидер-ведомый») принимает ОВП, но он почти всегда следует рекомендациям КВП, кроме того, ему необходимо заручиться одобрением вышестоящих лиц, вплоть до КВВС, или даже МО.

Ну так как, все ясно?

Но это все потом, а в настоящий момент у Денниса Макферсона болит голова, как бы составить предложение, которое выдержит техническую проверку и будет совместимо с финансовыми ограничениями — ведь нет никаких сомнений, что КВП поставит такие ограничения. Крайний срок подачи предложения неумолимо приближается, работы еще уйма, а времени всего ничего, потому мало удивительного, что встреча с Дэном Хьюстоном переносится с четырех часов на половину шестого; это будет первая их беседа о «Шаровой молнии», мстительный Лемон поручил Макферсону работать над этой программой в «свободные от предложения по “Осе” часы».

А ведь сам фактически напросился, Макферсон отлично помнит, с чего все началось. Они с Артом Вонгом как раз входили в служебную столовую ЛСР, Арт что-то рассказывал, а тут Деннис возьми и брякни, не подумав и, главное, не посмотрев по сторонам:

— Вот уж счастье, что не мне досталась эта ваша работа. Да и вообще вся антиракетная программа — просто бездонный колодец, куда бухают уйму денег и усилий.

А потом повернулся — и вот вам, пожалуйста, Стюарт Лемон собственной персоной, стоит и таращится.

Теперь и навалили на него эту шаровую с пупырышками молнию, Лемон — он злопамятный.

Дэн уже закругляется, сегодня он и несколько ребят из его команды решили зайти после работы в «Эль-Торито», это буквально в двух шагах от ЛСР. Они зовут с собой Макферсона — ничего такого крупного, примем по маргарите-другой, да и только. Макферсон внутренне кипит, но соглашается. По пути он звонит из машины домой и сообщает Люси, что задержится, а затем по внешним лестницам комплекса направляется в расположенный на самом верхнем этаже ресторан. Отличный вид на Мадди-Каньон и в противоположном направлении — на океан.

Дэн, Арт Вонг и Джерри Хеймат уже успели занять столик у окна и даже заказали кувшин маргариты; Макферсон присаживается и начинает молча изучать тарелку с чипсами. Команда Дэна обменивается служебными сплетнями. Администраторов «Груммана» и «Теледайна» недавно обвинили в получении взяток от субподрядчиков. «Потому, наверное, и называется их снаряд “Ловчила”», — смеется Дэн. Разговор переходит на ракеты, а с прибытием и быстрым опустошением кувшина, — на то, как они показали себя в индонезийской войне. Противотанковая ракета «Дженерал Дайнемикс» получила ехидное прозвище «Бумеранг» из-за каких-то заморочек то ли с программой наведения, то ли с управляющими плоскостями — точно никто не знает. Как бы там ни было, эти штуки так и норовят куда-нибудь свернуть, и никакой силой их от этого не отучить — история, прямо скажем, довольно загадочная. Никто не желает пользоваться такими непредсказуемыми снарядами, однако приходится — есть приказ сверху, и других все равно не дают. Причина очень простая: морская пехота закупила их в совершенно диком количестве, и теперь начальство не желает признавать, что брак далеко превосходит допустимую норму. И вот хитрые солдатики навострились запускать снаряды под прямым углом к направлению на цель — во всяком случае, так говорят. Вранье, конечно, но «Дженерал Дайнемикс» никто не любит, так что вранье — не вранье, а послушать приятно.

— А вы слышали про Джонсона из «Лорал»? — спрашивает Арт. — Он руководит программой четвертого слоя антиракетной защиты, это который должен отстреливать последние боеголовки, случайно просочившиеся через первые три. И вот получает он как-то новую директиву от командования стратегической обороны, а там черным по белому — исходите из предположения, что вашей системе приходится иметь дело с количеством целей 1,2 от максимальной оценки полномасштабного первого удара. — Все смеются. — У него последние на голове волосики дыбом встали, таблетки начал глотать, ведь это чуть не на два порядка больше, чем то, на что рассчитывалась система, и тут уж никаким его программам не справиться, компьютеры просто захлебнутся. У него уже сердце отказывает, успел кое-как позвонить в Пентагон, спросить, что за хрень такая, и оказалось, что некий дуболом умудрился напечатать 1,2 вместо 0,2.

— Оно, конечно, лучше, — говорит Дэн, когда все отсмеялись, — но тоже радости мало. У них ведь вероятность попадания не больше пятидесяти процентов, даже по единичным целям, так что теперь придется наращивать количество «хитрых камешков»* по крайней мере в два раза, а Пентагон и так грозит прикрыть эту программу. — Это напоминает Дэну о неприятностях с «Шаровой молнией»; он замолкает, мрачно улыбается и заглатывает все, что осталось в стакане.

Подчиненные Дэна прекрасно знают обстановку и сразу чувствуют, как изменилось настроение шефа. Кроме того, здесь планировалась приватная беседа двух руководителей; поболтав еще немного, Арт и Джерри откланиваются, оставляя Дэна и Денниса один на один.

— Так, значит, — все так же невесело улыбается Дэн, — Лемон навесил-таки на тебя нашу «Шаровую молнию»?

— Навесил.

— Тем хуже для тебя. — Дэн подзывает пробегающую мимо официантку и просит принести еще один кувшин. — Он же ополоумел от страха, это я точно знаю. Херефорд названивает из Нью-Йорка, давит изо всех сил, а Лемон дрожит — ведь ему хорошо известно, в какой мы дыре. — Хьюстон потерянно качает головой. — Глубже некуда.

— Расскажи мне поподробнее.

Дэн вынимает ручку и рисует на желтой бумажной скатерти круг.

— Главная проблема, — он опять печально улыбается, — в том, что на первый слой возложена непосильная задача. Командование стратегической обороны требует, чтобы семьдесят процентов всех советских межконтинентальных ракет, запущенных при полномасштабном ударе, было уничтожено на стадии ускорения. Мы получили контракт на разработку системы, согласившись с такой предпосылкой. Но это невозможно.

— Невозможно, говоришь? — У Макферсона есть подозрение, что Дэн попросту придумывает отговорки, пытается объяснить провал программы объективными обстоятельствами. — А почему?

Хьюстон морщится.

— Слишком велико необходимое время облучения, слишком оно, Мак, велико. — Он вздыхает. — Это всегда было

* Антиракетные снаряды, уничтожающие цель без боеголовки, прямым встречным ударом.

самым слабым местом архитектуры системы. Русские уменьшили время работы двигателей до шестидесяти секунд; так что большая часть их МБР будет находиться в стадии ускорения одну-единственную минуту, и половину этого времени они проведут в атмосфере, где от лазеров толку мало. Так что нам остается окно в тридцать секунд.

Разговаривая, он царапает на скатерти цифры — нервно, даже не глядя на ручку, словно эти цифры — то ли его подпись, то ли какой-то иной, еще более глубоко засевший в сознании знак. $t_y = 30$.

— Так вот, первым делом мы должны обнаружить запуск, отследить ракеты и сориентировать все зеркала нужным образом — чтобы они направляли лучи лазеров куда следует, то есть осуществить наведение. Бригада Арта довела потребное на это время до десяти секунд — невероятное, кстати, техническое достижение. — Он кивает, словно соглашаясь с правотой собственных слов, и пишет: $t_n = 10$.

— Ну а затем остается время облучения, время, за которое пучок способен уничтожить ракету. — Он пишет $t_0 =$, медлит и оставляет правую часть равенства незаконченной.

— Вы сказали воякам, что сумеете обеспечить очень энергичный импульс, так ведь? — спрашивает Макферсон. — Настолько энергичный, что возникающая ударная волна разрушит корпус ракеты.

— Да, — печально кивает Дэн.

— Тогда необходимое время облучения должно быть совсем малым.

— Верно, верно. Время облучения должно быть порядка двух секунд. И тогда каждый лазер сможет уничтожить N снарядов, где, — он снова пишет:

$$N = \frac{t_y}{t_0 + t_n}.$$

— Однако, — продолжает Дэн, глядя на простенькое уравнение, — в действительности необходимое время облучения зависит от прочности мишени, расстояния до нее, мощности лазерного луча и угла падения луча на мишень. Он все так же рассеянно, почти не глядя на скатерть, пишет новое уравнение:

$$t_0 = \frac{4\vartheta^2 HR^2}{\pi PD^2 \cos\Theta}.$$

— Нам задают прочность порядка сорока килоджоулей на квадратный сантиметр. Наши лазеры посылают в десятиметровое зеркало двадцать пять мегаватт мощности при длине волны 2,7 нанометров, так что даже при наилучшем угле падения необходимое время облучения будет равно — он аккуратно выписывает цифры — пятидесяти трем секундам*.

— Как это? — недоумевает Макферсон. — А куда же делась ваша любимая ударная волна?

— Ничего не выходит, — обреченно качает головой Дэн. — Слишком уж они крепкие, эти ракеты. Их нужно попросту сжигать, как я и говорил с самого начала — до того, как мы получили контракт на разработку. Зеркала уже подняты и вырасти они не могут, энергетический импульс и так невероятно велик, особенно если учесть, что нужно запитывать полтораста лазерных установок одновременно, а менять длину волны — значит полностью менять всю систему. Такие вот пироги.

— Но ведь тогда получается, что необходимое время превышает время ускорения.

— Вот именно. Каждый лазер может сбить примерно восемьдесят процентов одной ракеты. А ракет этих — десять тысяч, при полутора сотнях лазеров.

Макферсон совершенно ошарашен, он отбирает у Хьюстона ручку, что-то подсчитывает на скатерти, недоверчиво перепроверяет результат, откладывает ручку и берется за стакан.

— А каким же тогда, спрашивается, образом мы получили этот контракт?

Дэн отрешенно качает головой. Теперь он смотрит не на стол, а в окно, на море.

— Мы получили контракт на основе наземных испытаний. Доказали, что можем разрушить ударной волной достаточно прочную неподвижную мишень. Одновременно тот же самый контракт был заключен с «Боингом» на соревновательной основе. По истечении трех лет каждая фирма должна показать, что способна уничтожить ракету на старте, показать в натурных испытаниях. И эти испытания уже на носу. Победитель получит двадцатимиллиардный заказ — и это еще только для затравки, — а проигравший потеряет несколько сотен миллионов, истраченных на предварительные

* Приведенные выше формулы и расчеты неточны.

разработки. Возможно — получит субподряд от победителя, крошки с барского стола.

— Что-то я не все понимаю, — нетерпеливо прерывает его Макферсон. — Наземные испытания прошли удачно, в чем же тогда дело?

Дэн приканчивает очередной стакан.

— Возьмем еще кувшин?

— Нет.

Дэн на секунду задумывается, а потом вытряхивает себе в стакан последние капли маргариты вместе с ледяной крошкой.

— Дело тут в том, — неохотно говорит он, — что испытания было не совсем настоящее. Проволочная хлопушка.

— Что?! — пораженно вскидывается Макферсон; его колени задевают крышку стола, и стаканы с грохотом подскакивают. — Как это?

Вопрос бессмысленный, он отлично понимает — как это. Испытания не дали результата, заявленного ЛСР.

— Зачем вы это сделали?

— Со временем было туго, — пожимает плечами Дэн. — А нам казалось, что проблема фактически решена. Мы были уверены, что сумеем послать пучок такой плотности, что он создаст ударную волну, достаточную для разрушения самой прочной оболочки. По расчетам выходило: добавить еще немного мощности, и дело будет в шляпе. Поэтому мы смоделировали то, что получится в конечном итоге, намереваясь подтвердить результат постфактум, после получения контракта. Но все настоящие испытания провалились.

Он боится смотреть Макферсону в глаза.

— Господи, — шепчет Деннис. Он все еще не может переварить неожиданную новость.

— Будто никто этого никогда не делал, — неуверенно оправдывается Дэн.

— М-м-да.

Им обоим известно, что программа стратегической обороны изобилует такими липовыми испытаниями, милая эта традиция идет от самых первых руководителей научно-исследовательских разработок. Они взрывали лучом лазера снаряды «Сайдуиндер», которые сами наводятся на источник излучения, а потому прямо бросались на сжигающий их луч. Пропускали электронные пучки сквозь разреженный газ и заявляли потом, что и на практике будут те же эффекты, хоть тебе в вакууме, хоть в атмосфере. Отражали лазер-

ный сигнал от космических целей и объявляли это огромным достижением — в то время как астрономы уже не первое десятилетие пользовались лазерными дальномерами. Ну и, конечно, проводили знаменитые испытания с «проволочными хлопушками» — устанавливали на земле ракеты, закрепляли их растяжками, напряженными до такой степени, что ракеты эти едва не разваливались, затем не очень значительный нагрев лазером — и мишень эффектно разлетается на куски. Да, долгая история показухи в испытаниях восходит к самым истокам концепции стратегической обороны. Правду говоря, на этой показухе была основана вся система противоракетной защиты.

Но это раньше, а теперь совсем другое дело. Ведь система уже изготовлена, продана государству и развернута. Подсовывать в действующую систему элемент, изготовленный по результатам липовых испытаний, значит напрашиваться на крупные неприятности, к частным фирмам Пентагон относится значительно суровее, чем к своим собственным работчикам. Возникает даже риск прямого судебного преследования, хотя обычно до этого дело не доходит. Зачем такие скандалы, ведь уничтожить компанию можно сотней других способов?

Да, ничего себе подарочек! Макферсон прекрасно понимал, что Лемон взвалил на него «Шаровую молнию» по злобе, чтобы несколько усложнить работу над основной задачей, над «Осой», но такое выходит уже за все допустимые рамки!

— А Лемон знает?

— ...Н-нет.

Врет ведь Дэн, вон как в сторону смотрит. Покрывает своего дружка-приятеля. Потрясающе. И ведь никак его в этом вранье не уличишь, по крайней мере — сейчас.

— О Господи. — Макферсон подзывает официантку и просит принести еще один кувшин.

До возвращения официантки они молчат.

— И что же нам теперь делать? — неуверенно спрашивает Дэн, разливая маргариту. На его лице чуть не полное отчаяние, и пьет он тоже, как отчаявшийся человек — быстро, стакан за стаканом.

— Откуда, черт возьми, я знаю! — взрывается Деннис. — А ты поручил, — добавляет он уже чуть спокойнее, — командам Арта и Джерри работать над импульсным вариантом?

— Да. Но пока ничего интересного.

Макферсон глубоко вздыхает.

— А если увеличить мощность, это поможет?

— Конечно, только где же ее взять?

— Не знаю. Но мне кажется... — Похоже, он говорит уже сам с собой. — Пожалуй, самое лучшее — впихнуть всю доступную нам мощность в как можно более короткий импульс. И сфокусировать его по возможности в малом объеме.

Макферсон снова вздыхает, берет ручку и начинает покрывать скатерть формулами.

Глава 24

— Х-р-р-р... Сохраняется остаточная радиоактивность. Что касается заморских фронтов, на бирманском мы пока что ведем в счете, а Бельгия — не хочется мне что-то о Бельгии, и вообще, бросим эту тему, ладно? А теперь прослушайте новейший хит любимой вашей группы. «Раздолбаи» поют «Почему моя Ява красно-бело-зеленая»...

Сэнди Чапмэн выключает приемник. И негромко стонет. Он чувствует себя старой развалиной — суставы отчаянно ноют, руки-ноги ни согнуть, ни разогнуть. Сквозь стеклянную стену льются потоки солнечного света, в заставленной растениями спальне жарко и влажно, словно в оранжерее. Кряхтя и поскуливая, Сэнди придает себе сидячее положение. Анджела давно ушла, она работает в физиотерапевтическом отделении больницы святого Иосифа.

А вот листья любимых ее цветочков расплываются смутными зелеными кляксами, да и вообще все как в тумане. Слишком много вчера закапал, после этого всегда такой вот суровый отходняк, словно «слезой» кто в морду прыснул или обработал твой хрусталик пескоструйкой. Дело обычное и привычное. Сэнди кое-как встает и ковыляет в ванную, смотрит в зеркало. Да-а, лучше бы уж не смотреть. Физиономия — краше в гроб кладут: мертвенно-бледные запекшиеся губы, трехдневная щетина, под налитыми кровью глазами — темные круги, длинная рыжая грива не увязана в аккуратный хвост, а всклокочена и перепутана. Ну точно как с электрического стула. Одним словом — обычный утренний вид. Ик.

Пройдя на кухню, Сэнди запускает кофеварку, садится и тупо глядит в окно на сан-диегскую трассу. Ну вот, сварился наконец, слава Богу. Он возвращается в спальню и усажива-

ется среди растений, прямо на пол. Пару капель «Восприятия прекрасного»... Вроде полегчало. Да хоть бы и от одной смазки под пересохшими веками. Сэнди отхлебывает из чашки, расслабляется, старается ни о чем не думать, думать ни о чем. Никаких бед и беспокойств, никаких планов, только запах кофе, влажной земли, душный аромат тропических растений.

— Хей! Вот почему моя Ява красно-бело-зеленая, — поет он. — Красная кровь в зеленых джунглях, белый дым... — Это единственные мирные мгновения его дня. Восковой блеск зеленых листьев, пылинки, пляшущие в солнечных лучах, все вокруг яркое и отчетливое, мир полон красок и света...

Хорошо бы еще чашку. Мысль ускользает, но через пятнадцать минут возвращается, и он встает. Бр-р, не надо было так быстро. На кухню, по усеивающим пол теплым солнечным бликам. Нет, ведь точно полегчало. Блаженное ощущение теплого кафеля под босыми ступнями, вкус кофе, постепенно прочищающий образовавшуюся во рту конюшню, на кухонных видеозэкранах раздевается Андже́ла, съемка свеженькая, вчерашняя. Пора и за дела, заботиться о хлебе насущном.

Но сперва позвонить в Майами-Бич, отцу — он проходит там очередной курс лечения. Беседа по видеофону продолжается минут двадцать; несмотря на некоторую бледность и набрякшие мешки под глазами, Джордж выглядит вполне прилично и даже жизнерадостно. Сэнди успокаивается, во всяком случае — отчасти.

Через несколько минут он уже одет и бодро шагает на работу — словно самый заправдашний бизнесмен.

Сэнди ни от кого не зависит и никому не должен отдавать отчет, но все равно он начинает свой трудовой день без малейшего опоздания и твердо придерживается заранее составленного расписания. Он едет в трущобный район подземного уровня Санта-Аны, расположенный примерно в миле к северу от Саут-Кост Пласа; там, в арендованном им складе организована лаборатория.

Прежде чем отпереть дверь, Сэнди выключает все охранные системы. Сегодня предстоит проверка на цитотоксичность, одна из самых важных составляющих его работы. Стряпать наркотики может каждый, это дело нехитрое, главное — узнать, утробят они потребителя или нет. Пробовать на себе как-то не хочется, для этого используют крыс, но

Сэнди и крыс убивать не любит. Поэтому он любит проверки на цитотоксичность.

Первое место, по которому лупит наркотик, это слизистая роговицы, так что первый анализ проводится именно на клетках эпителия. Пару дней назад Сэнди затесался в толпу лаборантов-биохимиков и приобрел на бойне пакет коровьих глаз; теперь он вынимает их из холодильника, берет устройство, именуемое «резиновый полицейский», и соскребает клетки эпителия с подстилающей их мембраны. Теперь поместить образец в чашку Петри, вместе с питательным раствором и тщательно отмеренной дозой проверяемого наркотика — сегодня это новый вариант 3,4,5-триметоксиамфетамина, заранее получивший название «Мистический», — и эти клетки либо начнут размножаться, либо погибнут, либо будут кое-как колупаться, серединка на половинку. Оставить чашку на неделю, потом окрасить препарат, и все станет ясно.

Далее наступает очередь более сложного анализа. Наркотик попадает в кровь, поэтому необходимо проверить, как к нему относятся лимфоциты, и сделать это можно путем пробы на свободный хром. Сэнди вводит в препарат лимфоцитов хром-51 и помещает жидкость в центрифугу, чтобы отделить клетки. Теперь весь оставшийся хром находится внутри этих клеток. Потом добавляется «Мистический» в широком диапазоне концентраций — от фемтомолярных через пикомолярные и наномолярные до микромолярных — и все образцы помещаются в питательную среду, где лимфоциты должны расти и процветать. Это — в нормальной обстановке, а с наркотиком — бабка еще надвое сказала. Как бы там ни было, мертвые или умирающие клетки высвобождают хром, и количество хрома, отделенного повторным центрифугированием, станет хорошим показателем токсичности наркотика.

Необходимо проделать и ряд других проверок на клетках различных органов, в частности — на клетках костного мозга, и по окончании всей серии опытов, после многих часов, проведенных за лабораторным столом, Сэнди получит вполне приличное представление о токсичности «Мистического». Все будет проделано чисто и аккуратно. Ну а что касается отдаленных отрицательных последствий употребления этого наркотика — тут, по правде говоря, полной ясности нет. Фирма ничего не гарантирует. Сэнди не любит задумываться на эту тему, да и никто другой не любит. В смысле

дальних перспектив ни один из этих новых наркотиков толком не изучен. Но если какие-либо проблемы и появятся, люди скорее всего что-нибудь придумают, справятся как-нибудь — удалось же им совладать, считай, со всеми смертельными вирусами. Превратят тело в некое подобие поля сражения и одержат на этом поле блистательную победу. Ведь мозг, он же в конце концов поумнее вирусов и всякой там химии.

Так что насчет долговременных физиологических последствий можно особенно не беспокоиться. Вот с воздействием новых наркотиков на мозг дело обстоит сложнее, но у Сэнди есть целый паучий зоопарк, где пауки плетут свои паутины, находясь под воздействием новых наркотиков. Невероятно, но факт: проведенный компьютером уиттовский анализ структуры паутины способен отчасти предсказать изменение сознания, производимое данным наркотиком. Для получения более точного представления необходимы прямые опыты на людях, но добровольцев у Сэнди — хоть отбавляй.

Правду говоря, Сэнди покупает наркотики в виде полуфабрикатов, очень близких к конечному продукту, так что в молекулярной инженерии, при помощи которой он получает свои знаменитые изделия, нет ничего такого уж сложного, однако репутация гения никому еще не вредила, и нет никакого смысла разочаровывать восторженных почитателей. К тому же у Сэнди и вправду есть талант в фармакометрии — покупая у промышленных компаний базовые препараты, он с помощью программы, описывающей связь структура-активность (программа разработана Апджоном и пиратски переписана), угадывает, какие изменения химической структуры способны сдвинуть психоактивные свойства наркотика в интересную сторону. Фармакометрия и по сию пору остается скорее искусством, чем наукой, и это несмотря на неоценимую помощь программы: связи структура-активность представляют столь огромную и сложную область познания, что никто не знаком с ней полностью. Так что Сэнди — нечто вроде художника.

Второй час работы. Бывший склад переполнен оборудованием, на многочисленных стеллажах — бутылки и колбы с эндоморфинами, алкалоидами и прочими реактивами, большой книжный шкаф переполнен справочной литературой, громоздятся подержанные, купленные по дешевке центрифуги, резонансный масс-спектрограф... Есть чем пустить пыль в глаза немногим доверенным посетителям. Сэнди который

раз пытается подойти к проблеме взаимодействия морфолида-15 и энкефалина при одновременном их попадании в мозг; очень интересная задачка по психокинетике и очень, для сегодняшнего утра — даже чересчур, сложная. Проще будет вернуться к воздействию 5-ННАА на серотонинэргические нейроны, в котором он почти уже разобрался. Хороший должен получиться галлюциноген.

Лабораторная работа всегда доставляет ему удовлетворение, однако сегодня придется ограничиться парой часов — в полдень нужно встретиться с Чарльзом, это один из поставщиков. Взглянув на часы, Сэнди обнаруживает, что пора бы и поторопиться. И действительно, хотя Чарльз живет совсем недалеко, в той же Санта-Ане, добраться до его квартиры удастся только к пяти минутам первого. Ерундовое опоздание, верно?

Однако с этого только начинается неизбежный процесс выпадания из графика. Чарльз предлагает запустить по паре в глаз, далее следует подробное обсуждение жизненных неурядиц Сэнди. В конечном итоге элементарное дело — а всего-то и нужно было, что получить литр сандозовского ДМТ, — растягивается до половины второго.

Теперь нужно объехать распространителей. В первом месте, на Гарден-Гроув, никого нет дома. Двадцать минут ожидания, ребята появляются и — снова та же самая история. Передать два десятка глазных пипеток, получить деньги и сделать ручкой — сколько на это нужно времени? Минут пять, верно? Черта с два. Сэнди вынужден закапать еще одну пипетку «Социальной гармонии», запалить косяк и общаться. Такое уж занятие — торговля, тут работаешь не с банками-склянками, а с людьми. И мало кто из этих людей понимает, насколько плотно забит у Сэнди график доставки, а сам он, конечно же, предпочитает не очень об этом распространяться. Высокое дипломатическое искусство помогает вырваться из гостеприимной квартиры меньше чем через час, могло быть и хуже, но все равно уже почти три. Сэнди едет в Стэнтон, где ждет свою партию Джун, затем в Ла-Пальму, к Сидни, затем выезжает на трассу и мчится на регулярное еженедельное собрание розничных торговцев наркотиками района Тастина и Тюнавилла, затем в Коста-Месу, к Арни Калишу, затем снова в Гарден-Гроув, повидаться с вьетнамскими ребятами из Литтл-Сайгона. Все больше и больше он выбивается из графика, уже сейчас задержка

выросла до трех часов, а ведь нужно встретиться еще с добрым десятком людей. Полный облом.

К счастью, такое случается каждый день, и клиенты уже привыкли, что Сэнди всегда опаздывает. Рассказы о том, как он приходит на обед, когда время подходит уже к ужину, либо на ужин — в полночь, давно стали частью фольклора ОкО. Сэнди, пришедший вовремя, — это была бы потрясающая, невероятная шутка. Но ведь я же, думает он, совсем не виноват!

Он мечется по всей округе как бешеный, и ни одна из этих пипеточных сделок не проходит быстро, по-деловому, везде нужно задержаться. А ведь тяжело поддерживать сложившийся в общественном сознании образ Сэнди Чапмэна, особенно когда ты устал и не в настроении. Все ожидают, что он ворвется в квартиру очередного клиента-друга, кипя маниакальной энергией, со своей знаменитой психованной улыбочкой на лице, что он гальванизирует подкисшую тусовку, обсудит последние события в области музыки, спорта, фильмов, да и вообще чего угодно, и все это — с неожиданными сдвигами тональности от утонченного культурстервятничества к тупому невежеству придурка, для которого вся жизнь ограничена моллом, — и обратно. Вытащит очередную пипетку «Гармонии», или «Щекотки», или «Калифорнийского зноя», или «Звонка», или чего там еще, что покажется наиболее соответствующим моменту, и закинет голову, и выпучит сверкающие маниакальным весельем глаза, и скорчит рожу, прежде чем капнуть. Но даже уторчавшись в дупель, Сэнди действует вполне рационально, никуда не денешься — пришлось научиться. Кайф ему почти не мешает, стал привычным элементом трудовых будней. Устойчивость Сэнди к наркотикам настолько велика, что он фактически чувствует только первые, утренние капли «Восприятия прекрасного». Поэтому, появляясь на очередной тусовке, он запускает в глаз ту же самую свою продукцию, что и остальные, курит то же, что и они, нюхает то же, что и они, хихикает вместе со всеми, когда окружающие начинают ловить кайф, наполняет их духом безудержного веселья — ведь это веселье и есть, если подумать, главный его товар. С точки зрения стороннего наблюдателя — роскошный спектакль, с точки зрения самого Сэнди — рутинная деловая методика.

Последнюю доставку Сэнди делает чуть не за полночь, с опозданием на пять часов. По пути домой он покупает миллионный, наверное, гамбургер и съедает его, запивая кока-

колой, прямо в машине — благо та сама едет, куда сказано. В своей квартире тоже не очень отдохнешь — тусовка пребывает в полудремотном состоянии, и Сэнди, не раздумывая, рефлекторно, принимается ее заводить. Через полчаса, когда все кипит и булькает — в спальню, проверить, кто сегодня звонил.

Лента автоответчика едва вмещает оставленные ему послания, так что Сэнди присаживается на кровать, включает видеостену и начинает их прослушивать, все подряд. Вот, кажется, что-то интересное, он останавливает механизм и повторяет последнюю запись сначала:

— Привет, Сэнди, это Томпкинс. У нас тут сегодня небольшое собрание, в моей берлоге, так ты бы забежал, если можешь, будем очень рады. Познакомим тебя с одним парнем с Гавайев, у него интересное предложение. Рано мы не разбежимся, так что приходи, когда хочешь. Надеюсь, ты получишь это сообщение вовремя...

Сэнди выключает автоответчик и идет в комнату для игр. Джим сосредоточенно развешивает экраны. Коллаж какой-то.

— Что это у тебя будет?

— Лучший «Гамлет» за всю историю телевидения. — Джим машет рукой в сторону черно-белого изображения, мерцающего на одном из экранов. В роли принца датского — Кристофер Пламмер, лента Би-би-си, снималась прямо в Эльсиноре.

— Мне-то больше нравится старый русский «Гамлет», дух отца ростом в десять этажей — это ж надо такое отчубучить.

— Да, неплохой момент, — вяло соглашается Джим. Какой-то он сегодня поникший, из-за Вирджинии, что ли? Зайдя в квартиру, Сэнди застал эту парочку за громким, чуть не на крик переходящим разговором, видно, опять поцапались. Не самый гармоничный союз на свете, к тому же что один, что другая все время заявляют, что расходятся насовсем — вот только очень уж долго они так расходятся.

— А ты не мог бы оторваться от старика Шекспира и съездить в Ла-Холью к моим богатеньким друзьям? Они нас приглашают.

— Поехали. А «Гамлет» этот у меня и дома есть.

Сэнди собирает Артура, Эйба и Таша.

— А не подвезет ли нас Хэмфри? — На его лице расплывается ехидная улыбка.

Все хохочут; Хэмфри старается ездить как можно меньше, экономит на электричестве. Он знает все кратчайшие

пути и может посоветовать самый дешевый маршрут, связывающий две любые точки ОкО, быстрее любого автомозга.

— Хэмфри, — вкрадчиво мурлычет Сэнди, — у тебя такая большая, отличная машина, так не подвез бы ты нас, — он указывает на остальную компанию, — в Ла-Холью. Там такая тусовка — год вспоминать будешь.

— А что, разве тут плохо? Разве можно желать чего-нибудь еще?

— Можно, конечно, можно! Давай, Хэмфри... — В руке у Сэнди появляется пипетка «Звонка», он знает, что перед этой отравой Хэмфри не устоять.

— Да нельзя же уходить с собственной тусовки... — начал было Хэмфри, но тут же смолк; Сэнди выпроваживает его в дверь, чуть задержавшись по пути, чтобы чмокнуть Анджелу и в паре слов объяснить ей происходящее. Вспомнив про Джима и Вирджинию, он поворачивается назад, чмокает ее еще раз, говорит: — Я тебя люблю, — и снова бежит к двери. Они спускаются не лифтом, а по редко используемой лестнице, впереди идут Сэнди с Хэмфри, а за ними, хихикая и толкаясь, Артур, Эйб, Таши и Джим.

— А как вы думаете, — шепотом спрашивает Эйб, — прорезал Хэмфри в дверях своей машины щелки для монет?

— Нет, — уверенно качает головой Таши, — скорее уж поставил счетчик, как на такси. Доход и больше и вернее.

— И снаружи не заметно, — добавляет Артур.

— Слушай, — доносится снизу голос Хэмфри, — а может, мы оплатим пробег все поровну? — Эйб, Артур, Таши и Джим зажимают себе рты, но, когда Сэнди самым серьезным голосом заявляет: «Само собой, Хэмфри, да еще износ покрывок — его тоже стоило бы учесть», — они не выдерживают и буквально взрываются. Лестница гудит от хохота, Таши обессиленно повисает на перилах, а Эйб, Артур и Джим падают на лестничную площадку и следующий пролет преодолевают на четвереньках. Хэмфри и Сэнди останавливаются, оборачиваются и наблюдают за этим необычным способом передвижения по лестнице, на лице Хэмфри — недоумение и озабоченность, на лице Сэнди — всегдашняя его психованная улыбочка.

— Ну вы, ребята, и уторчались.

Вот тут они окончательно рушатся, не помогают и четыре точки опоры. А может — и вправду уторчались? Кое-как собрав себя с пола, они выкатываются наружу и залезают в

машину, тщательно обследуя при этом ее дверцы и приборную доску.

— Ребята, вы чего там высматриваете? — недоумевает Хэмфри.

— Ничего, ничего, совсем ничего. Так что, поехали? Разве мы еще не едем?

И они поехали. В Сан-Диего.

Глава 25

Они едут по четыреста пятому и разговаривают — все, кроме Сэнди, который обмяк на переднем сиденье и только улыбается; похоже, он в полной отключке, пытается хоть немного отдохнуть в пути.

Хэмфри рассказывает, как он, Сэнди и какие-то еще ребята ездили в Диснейленд.

— Мы стояли в очереди на Страшное путешествие мистера Гада, стояли минут уже сорок пять, и тут Чапмэн вдруг сбрендил. Вы бы только посмотрели — мы все стояли там, ну, ждали, двигались потихоньку вперед, а тут у него глаза вдруг выпучились, и на лице радостная эта ухмылка, ну, знаете, как всегда у него, когда мысль появляется. — Все хохочут, они знают знаменитую ухмылку Сэнди. — Эй, Сэнди, покажи нам, как ты это делаешь! — Полусонный Сэнди послушно изображает свою ухмылку. — И говорит, очень так медленно, по одному слову: «Знаете, ребята, а ведь эта поездка продолжается меньше двух минут. Ну, может, ровно две минуты. А в очереди мы стоим целый час. Получается отношение тридцать к одному. Да и все это путешествие — просто машина едет в темноте, среди голограмм. Вот я и подумал... как вы думаете... неужели это самое плохое отношение во всем Диснейленде?» И снова у него эта сумасшедшая морда, и он продолжает: «И я думаю, мне интересно... кто из нас сумеет найти самое-самое плохое отношение?» И тут мы сразу уесли, что он придумал новую игру, соревнование такое, и весь день стал совсем другим, а то это был до упора тоскливый день, ведь там, в Диснейленде, толпа, что не протолкнешься, а тут — такой бредовый конкурс, ведь интересно, правда? Мы назвали это «Отрицательный Диснейленд» и договорились, как начислять очки за самые дурацкие аттракционы и самые плохие отношения.

Четверо, занимающие два задних сиденья, не могут повесить.

— Да брешешь ты все, не может быть.

— Да нет, не вру! Туда только так и можно ходить! Ведь теперь, когда Сэнди это придумал, мы больше не боролись с обстановкой, мы же, как раз наоборот, носились всюду, выискивая очередь подлиннее, а потом очередь эта была для нас все равно как тот аттракцион, и мы все время смотрели на часы, и каждый раз, когда мы поворачивали за угол, впереди оказывался Сэнди — торчит над детишками, как колокольня, и глаза выпучены, и ухмылка, и ловит кайф от этих чудовищных хвостов, которые нужно выстоять, чтобы ознакомиться со Слоном Дамбо, Сказочным каналом, Кейси-младшим, Подводной лодкой...

Сэнди блаженно улыбается.

— Гениальная мысль, — бормочет он с закрытыми глазами. — Теперь я туда только так и хожу.

— А кто выиграл? — интересуется Джим.

— Сэнди, кто же еще. Набрал в сумме пять с половиной часов ожидания на восемнадцать минут поездок.

— А чего тут такого, — вступает Таши, — я запросто наберу больше. Чего там наберу, я уже набрал больше, гуляя по самому обычному, положительному Диснейленду!

Встрепенувшийся Сэнди высказывает недоверие, окончательное решение вопроса откладывается до следующей поездки в Диснейленд.

Они пересекают границу округа Ориндж и попадают в Сан-Онофре, теперь по обеим сторонам трассы мелькают здания атомной электростанции, восемнадцати огромным бетонным сферам тесно в узкой долине, они распирают ее, как чумные бубоны — подмышку. Ровными колоннами уходят за горизонт стальные опоры высоковольтных линий, и все это — и чудовищные сферы, и опоры, и вспомогательные здания — усыпано галогенными, ксеноновыми, ртутными лампами, залито их слепящим, безжалостным светом.

— Кэмп Пендлтон, — объявляет Джим, и все хором подхватывают:

— Защищает сокровища природных ресурсов Калифорнии!

Во всяком случае — так гласит неоновая надпись. Это, собственно, шутка — в добавление к атомной электростанции базирующаяся здесь морская пехота заключила с городами южной части ОкО контракт на переработку бытовых и промышленных стоков; построенное для этой цели предприятие раскинулось к югу от Сан-Онофре, на холмах. Бе-

тонные бункеры и резервуары похожи на нефтеперегонный завод и размерами своими не уступают чудовищным яйцам Сан-Онофре. Еще южнее расположена опреснительная установка, построенная на земле, взятой в аренду у тех же морских пехотинцев и снабжающая водой большую часть ОкО, — огромный комплекс опутанных трубами зданий, почти неотличимый от атомной электростанции, и многие километры пляжа, изуродованного горами соли и какими-то цистернами.

Потом дорога пересекает необозримых размеров лагерь, где морская пехота тренирует своих новобранцев, потом — Ошенсайд, и сокровища природных ресурсов остаются позади. За Ошенсайдом все совсем как в округе Ориндж — те же самые многоквартирные дома, те же самые моллы, та же решетка аутопии, разве что дорога все время идет то вниз, то вверх, с холма на холм, и в самых глубоких низинах виднеются маленькие мертвые болотца. Да, и Сан-Диего, и Риверсайд, и Лос-Анджелес, и Вентура, и Санта-Барбара — только продолжения ОкО, не больше...

Вот и Ла-Холья; они сворачивают на городской проезд, едут по нему на запад и останавливаются перед охраняемыми воротами. Вот так, значит, оформлен въезд на Фермерскую дорогу. Сэнди звонит своим друзьям, и ворота распахиваются. Помещичья дорога, такое название подошло бы гораздо больше — они медленно катят мимо целой уймы многомиллионных особняков. Эйб живет на Седельной горе, в пристройке родительского дома, так что на него вся эта роскошь не производит особого впечатления, но остальные выпучивают глаза. Хэмфри впадает в риэлторский экстаз и начинает благоговейно бормотать приблизительные цены и залоговые стоимости.

Знакомые Сэнди живут в конце проезда, с океанской стороны, то есть дом их стоит чуть не на самом краю обрыва Торри-Пайнс. С трудом подобрав место, куда бы приткнуть машину, новоприбывшая компания стучит в дверь. Проходит некоторое время, появляется Боб Томпкинс, тот самый дружок Сэнди, и только тогда их впускают. Бобу лет сорок с хвостиком, у него загорелое лицо, золотистые волосы и дорогой костюм. Он жмет им руки, всем по очереди, а затем проводит в комнату и представляет гостей Реймонду, своему партнеру. Трудно себе такое представить, но Реймонд выглядит еще великолепнее; прямым, острым краем его подбородка можно, наверное, палки строгать. Не исключено, что начинали карьеру они натурщиками для рекламы.

Но теперь они руководят мощной сетью распространителей мягких наркотиков, и сегодняшняя тусовка — нечто вроде вызова полевых командиров к начальству на доклад. Сэнди видит вокруг уйму знакомых лиц, он начинает метаться от одного парня к другому, а тем временем приехавшие с ним друзья прихватывают по стакану и выходят наружу, в сад, и не в какой-нибудь, а разбитый у самого края четырехсотфутового обрыва, трехуровневой террасой. Отсюда открывается великолепный вид на круто спускающиеся к океану холмы Ла-Хольи, на сверкающие огнями высотные отели и их отражения в темной воде, а дальше — на сливающийся в сплошную пульсирующую массу света изгиб калифорнийского побережья. Картинка — хоть куда.

Тусовка тоже хоть куда, по высшему классу. Среди бродящего по террасе народа много знакомых лагунатиков, и десантная бригада ОкО мгновенно подключается к привычным занятиям — пьют, танцуют, чешут языками.

Тем временем Артур втихую выбирается на деревянную лестницу, ведущую к пляжу, и не один, а — с Реймондом, что ли? Для завязанного социалиста, с такой едкостью отзывавшегося о здешних особняках, компаньон, мягко скажем, неожиданный.

Джим загорается любопытством. Все время, прошедшее после ночного налета на «Парнелл», он непрерывно осаждал Артура вопросами, но так и не добился никакого вразумительного ответа. В твоих же, говорит этот великий конспиратор, интересах знать как можно меньше. Джим знаком с тактикой малых революционных групп, ничего друг о друге не знающих, но не знать даже названия организации, на которую работаешь, — это уже малость чересчур. Борьба идет за правое дело, оно конечно, но все равно... А Артур — вот чего, спрашивается, он сюда приехал? Это же совсем не в его обычаях. Он как-то говорил, что получает свое оборудование «с юга»... А не может ли быть, что Реймонд использует контрабанду наркотиков как прикрытие для... Бред, конечно, но, с другой стороны...

Любопытство Джима не утихает; он направляется к лестнице и начинает спускаться во тьму.

Пролеты деревянных ступенек ведут вдоль крутого песчаникового склона от одной площадки к другой: из каменной стены торчат телефонные столбы, к ним намертво прикреплены болтами основательные брусья, устланные сверху толстыми досками. Вся эта конструкция окрашена в какой-то

яркий цвет — то ли желтый, то ли оранжевый, а может, и розовый, ночью не разберешь. Чистый, небось, спектральный цвет. В попытке, видимо, приостановить эрозию, по обеим сторонам лестницы высадили какие-то невысокие кустистые деревья, очередной пролет пересекает целую купу таких деревьев; сквозь аккуратный проделанный в густой листве туннель Джим видит две темные фигуры, прислонившиеся к ограждению следующей площадки. Наверху врубленные на полную катушку динамики заглушают ровный рокот прибора царственным финалом сюиты из «Жар-птицы».

Все так же снедаемый любопытством, Джим переходит с лестницы на склон. Черт, тут гораздо круче, чем казалось! Однако опоры для ног находятся, и он начинает медленно и осторожно пробираться между деревьев. Негромкие звуки шагов далеко перекрываются плеском волн и гремющей сверху музыкой, теперь это уже не «Жар-птица», а «Сибирские кшатрии», ночь раскаляется от гитарных запилов и сумасшедшего рокота контрабаса. Фантастика. Последняя кучка деревьев почти нависает над площадкой, вот и славно, Джим ужом проскальзывает среди ветвей, теряет равновесие, съезжает по травянистому откосу и удачно тормозит в развилке двух толстых сучьев. Хм-м, зажало так, что не охнуть, не вздохнуть. Выдираться из таких тисков — это тоже будет отдельное занятие. Но зато теперь он оказался прямо над площадкой, и до двух фигур, сидящих на ограждении лицом к черно-белому кружеву прибоя, буквально рукой подать. А главное — теперь слышны голоса. Подходить ближе, пожалуй, и не стоит. Джим прекращает осторожные попытки высвободиться из деревянных клещей и вслушивается.

Артур вроде бы отчитывается перед Реймондом, хотя слышно далеко не все, мешает шум прибоя.

— В результате получается... операция идет уже своим ходом... снабдить оборудованием и предоставить... короткие, ночные... более масштабная операция, чем она есть на самом деле.

— А как ты думаешь, кто-нибудь из твоих х-р-р-ШЛЕП-х-р-р-ШЛЕП, — интересуется Реймонд.

— ...предполагать все, что им заблагорассудится. Но знать они не знают ничего.

— Это ты так считаешь.

— Не считаю, а уверен.

— И по твоему мнению, операция может привлечь к себе внимание тех людей, которых мы пытаемся найти?

— Было бы вполне естественно. Ведь они х-р-р-ШЛЕП-х-р-р-ШЛЕП.

— Возможно, возможно.

Реймонд спрыгивает с перил и начинает нервно расхаживать по площадке, поглядывая почему-то на ту самую кучку деревьев, посреди которой застрял Джим.

— Даже если и получится, убедиться в этом будет очень трудно. Ведь нужна полная уверенность.

Артур повернулся к Джиму спиной, и теперь его голос совсем не слышен, зато хорошо слышен ответ Реймонда.

— Можно, конечно, и так. Только это будет довольно опасно, некоторые из вас могут попросту исчезнуть.

Джим непроизвольно сглатывает комок. Исчезнуть?

Его охватывает ужас, граничащий с манией преследования. Прежде Джим считал, что понимает смысл ночного нападения на завод «Парнелла», но теперь это понимание куда-то ускользает, почва уходит у него из-под ног, он оказывается в положении — ну да, в положении человека на крутом обрыве, застрявшего в развилке сучьев. Ребра протестуют все громче и громче, но Джим и думать не смеет, чтобы пошевелиться до ухода Артура и Реймонда.

Спасение для ребер — и разочарование для все возрастающего любопытства Джима — появляется в форме компании, возвращающейся с пляжа. Реймонд весело приветствует любителей ночного купания и направляется вместе с ними вверх, Артур — тоже. Через минуту на обрыве Торри-Пайнс остается только Джим, застрявший в своем дереве. Он бы с радостью обдумал услышанное и попробовал в нем разобраться, обдумал прямо сейчас, спокойно и не торопясь, но ребра с такой идеей не соглашаются, так что нужно вытаскивать себя на свободу. Значит, так, поднимем руки вверх, ухватимся за сучья, теперь оттолкнемся и по сильнее. Свобода приходит на удивление легко и — как это часто бывает — в довольно неудобном варианте. Джим валится на поросший травой склон, его руки чуть не выворачиваются из суставов, так что сучья приходится отпустить. Он начинает скользить вниз, все быстрее и быстрее, какая-то ветка ободрала ухо, но это ерунда, главное — задержаться. Нужно цепляться за траву и упираться ногами, зарывать их в землю. Остановился, слава тебе, Господи. Теперь посмотрим вниз... ой-ой, да там же еще круче, почти вертикальная стена. В ушах Джима словно воет сирена тревоги, он с трудом уговаривает свою руку выпустить судорожно сжатый пучок

травы, переместиться на фут ближе к лестнице. С ногами еще сложнее, для опоры нужен какой-нибудь выступ, или кочка — поросший травой склон кажется дико скользким, словно кто его маслом намазал. Да нет, Джим, конечно, не жалуется на траву, без нее он бы уже валялся внизу на обломках песчаника, пролетев предварительно пару сотен футов. Далее следует десяток осторожных перемещений, сперва руки, потом ноги, руки... ноги... и при каждом движении сердце сжимается от ужаса. Вот и лестница; Джим вцепляется в нее — отчаянно, намертво, — секунду отдыхает, а затем подтягивается и переваливается через перила, в какой-то момент на него натыкается очередная компания, спускающаяся на пляж.

— Ты что, сверзился, что ли? — хохочут ребята, ни на секунду не сомневаясь, что Джим свалился с лестницы спьяну. — Пошли вниз, выкупаешься, в голове прояснится.

— А стоит ли пускать его в воду — в таком-то состоянии?

— Можно, можно, ничего ему не будет, кроме пользы.

Джим соглашается, стараясь говорить по возможности спокойно, без дрожи в голосе. Ведь и правда, стоило бы хоть немного отмыть перепачканные руки и морду. Они спускаются вниз, раздеваются, идут к океану. Белая, почти фосфоресцирующая пена прибоя омывает ступни и лодыжки. Приятное ощущение. Вода холодная, но совсем не настолько, как можно было ожидать. Джим забегает подальше и ныряет в соленые, прохладные волны. Великое вечное движение освежает и очищает, валы швыряют, бьют в лицо пеной — и нет никакого желания им сопротивляться. А что, может, Таши прав с этой идеей ночного серфинга. Джим пробует — без особых, правда, успехов — прокатиться на прибрежной волне.

В процессе этих героических попыток он натыкается на какую-то юную особу, та громко визжит и прижимается к нему всем телом, невероятно теплым после холодной воды. Его поясницу обвивают длинные ноги, шею — руки, быстрый поцелуй, — и тут же очередная волна отрывает их друг от друга. Девушка исчезает в темноте, и Джим не может больше ее найти.

Он плавает еще некоторое время, но затем, убедившись в том, что поиски бесплодны, а заодно и насквозь промерзнув, — выбирается на берег. Это прямо удивительно, до чего же теплый воздух. Интересно все-таки получается: залез в воду — хорошо, освежает, вылез из нее — опять хорошо. Из

пены прибоя возникают очаровательные создания, абсолютно нагие, они подходят к Джиму, снабжают его полотенцем, вытираются сами. Дриады? Или, как их там, nereиды?

Случайная встреча в океане возбудила в Джиме что-то не совсем понятное — нет, не плотское желание, а нечто другое, малознакомое. Все одеваются, он тоже, теперь — вверх по лестнице, к народу. Разбираться в своих чувствах некогда, но какой-то частью мозга Джим все запомнил.

Народ танцует в трех комнатах одновременно. Таши и Эйб выдают Пляжную Трясучку — танец, состоящий из высоких, как на пружинах, подскоков, производимых по спирали.

— Купался? — Эйб уже устал, ему не хватает воздуха.

— Да. Плюс небольшая загадочная встреча. — Плюс большая загадочная беседа. Джим включается во всеобщее веселье. «Пеннорожденные венерики» выдают последний свой хит. «Пляши, пока ноги не сносятся до задницы». То, что надо.

Так вот тусовка и разворачивается, обычным для тусовок манером. Джим пытается определить, которая из танцующих девушек — океаническая его любовь, но ничего из этого не выходит. Часам к трем он устает — и не чувствует ни малейшего желания взбадривать себя химически. Он опускается в кожаное кресло, стоящее прямо напротив входной двери (кожа-то, кожа-то какая). Одни люди входят, другие выходят. Появляются Хэмфри и Таш, садятся рядом и начинают обсуждать достоинства Сан-Диего. Хэмфри там нравится, в первую очередь — из-за удачных покупок, которые можно сделать в Тихуане*.

— Еще бы! — Незаметно подошедший Эйб усаживается прямо на пол. — Вы бы только полюбовались, что это такое — Хэмфри в Тихуане. Да он же обдирает тамошних торговцев, как не знаю что. «Двести песо? Ты, наверное, просто шутишь. Даю тебе десятку».

Все хохочут — Эйб очень точно скопировал интонации Хэмфри, почти искреннее его возмущение и самодовольство.

— Во-во, — кивает, улыбаясь, Хэмфри.

— Да ведь когда эти бедолаги открывают субботним утром свои лавки и первым делом видят приближающегося

* Сан-Диего — город на юге Калифорнии, у самой мексиканской границы. Тихуана — уже мексиканский город, в полусотне километров от Сан-Диего.

Хэмфри, это для них полная катастрофа, стихийное бедствие. Они сразу понимают, что выхода нет, придется отдать добрую половину своего товара за жалкую горсточку песо.

— Уж лучше повстречаться с вооруженным грабителем, — добавляет Таши.

— Ну да, дешевле обойдется...

— И не так болезненно...

— Гораздо безопаснее...

А вот и Артур. Они сидят и ждут Сэнди. Джим исподтишка разглядывает Артура, но тот вроде такой же, как всегда. Никаких тебе ключей к великой загадке.

Глава 26

А Сэнди только-только начал свои переговоры с Бобом Томпкинсом. Прихватив с собой еще одного парня, которого Сэнди прежде не встречал, они уединяются в спальне Боба и рассаживаются на круглой, невероятных размеров кровати.

Восемь видеокамер.

Две стены сплошь увешаны экранами, на экранах — они сами, снимаемые с восьми различных точек.

Как в калейдоскопе: которая из этих физиономий — ты?

Зеленого шелка покрывало. Золотой рисунок обоев. Сербристо-серый ковер.

Дубовые комоды, на них — коллекция длинных, резьбой изукрашенных кальянов и трубок.

Из шести динамиков льется тихая лютневая музыка.

Стихотворение — это перечень «Что Нужно Сделать».

Ты все уже сделал?

— Это Манфред, — обращается к Сэнди Боб. — Манфред, это Сэнди.

Манфред кивает, его глаза ярко блестят, зрачки неестественно сужены — превратились в черные точки.

— Очень рад познакомиться. — Они жмут друг другу руки.

— Так вот, — говорит Боб, — у Манфреда есть интересное предложение, но сперва попробуем одну штуку. Мне лично нравится. — Он водружает посреди кровати круглое деревянное блюдо, берет небольшой кальян и наполняет часть его многокамерной чашечки какой-то черной, смолистой массой. От шарообразного керамического основания

кальяна расходятся три длинные трубки; Манфред и Сэнди глубоко затягиваются, Боб делает то же самое и одновременно подносит к чашечке пламя зажигалки. Сэнди сразу сгибается от кашля, Манфред и Боб тоже кашляют, разве что самую малость послабее. На стенных экранах все это похоже на последствия взрыва гранаты со слезоточивым газом в переполненном салоне борделя.

— Ты посмотри, — с трудом выговаривает Сэнди. — Мощно.

Боб и Манфред хохочут, точнее — наполовину хохочут, наполовину кашляют.

— Ты подожди пару минут, — многозначительно советует Боб; они с Манфредом снова затягиваются, Сэнди тоже, правда, его попытка мгновенно прерывается очередным приступом кашля. Но хватило и этого: вполне, в общем-то, обыкновенная, хотя и роскошная, спальня на глазах изменяется, становится неизъяснимо прекрасной. Неяркий свет стоящей на комоду лампы дробится в тускло-золотом рисунке обоев, и каждый из бесчисленных отблесков преисполнен своего отдельного, глубокого и таинственного смысла.

— Великое всепонимание в маленькой комнатухе, — бормочет Сэнди, зажимая пальцем мундштук; Боб и Манфред затягиваются снова и снова. Вот, значит, кто вы такие. Продвинутые курильщики опиума. Примитивная все-таки дурь, этот самый опиум. Уйма побочных эффектов, лупит по всему организму, как кувалдой. В лаборатории, думает Сэнди, можно состряпать курево в сотню раз лучше. С другой стороны, если относиться к происходящему, как к некоему историческому эксперименту... Вот Джим, тот бы точно ухватился за идею обеими руками, ведь те китайские кули, чьими руками строились все калифорнийские железные дороги, они ведь как раз опиум и курили, верно? Мало удивительного, что железных дорог больше не строят.

С курением покончено, теперь Манфреда и Боба охватывает безудержная болтливость, разговор непрерывно пере скакивает с одной темы на другую и перемежается приступами визгливого хохота.

В конце концов Манфред излагает гостю свое предложение.

— Мы получаем из Гонконга очень крутую дурь, через Гуам и Гавайи. Поставки довольно крупные, и наркоагенты прихлопнули наш источник, так что нужно организовывать новый канал.

— Что это за дурь?

— Называется она «Носорог». Сексуальное возбуждение — штука хитрая, тут требуется стимуляция и релаксация одновременно и в правильном соотношении. Нужно воздействовать сразу на две системы и делать это очень точно, аккуратно. Поэтому мы пользуемся двумя компонентами, один из которых — модифицированный имитант эндоморфина. Их молекулы соединяются прямо в организме, в периферийных органах.

— Афродизиак? — несколько тупо уточняет Сэнди.

— Во-во. Самый настоящий афродизиак. Я пробовал, и ты не поверишь... — Манфред хихикает. — Ладно, не стоит об этом. Он действует, и это главное.

— Сильны вы, ребята.

— Поставки будут идти морем, с Гавайев, это и есть новый маршрут. Нужна маленькая лодка, которая будет выходить из Ньюпорта, встречать груз за островом Сан-Клементе и доставлять его на материк. Я понимаю, какой это риск, но если ты согласишься, риск будет хорошо оплачен — и деньгами, и частью товара.

Сэнди кивает — не то чтобы утвердительно, а так, неопределенно.

— Хорошо — это сколько?

— Ну, скажем, двадцать тысяч и шесть литров.

Сэнди задумывается. А найдутся ли потребители на целых шесть литров нового, незнакомого афродизиака? Найдутся, еще как найдутся. Особенно если он эффективен. С руками рвать будут.

И все же этот план идет вразрез с основными принципами Сэнди — работать малыми количествами трудоемких препаратов и, главное, не высовываться.

— А какая это будет часть от общего количества?

Сэнди и Манфред начинают торговаться. Разговор благоразумный, неторопливый — нечто вроде сугубо теоретического обсуждения, а сколько стоила бы подобная работа, возьмись за нее некий посторонний человек. Боб все время вставляет шуточки, Манфред и Сэнди охотно смеются. В этом и состоит главная, сердцевинная особенность наркотической сделки. Необходимо взаимное доверие, оно значит ничуть не меньше, чем согласие по финансовым вопросам. И Сэнди, и Манфред должны проникнуться этим доверием, ведь результаты переговоров не будут закреплены никаким документом, и, если один из них нарушит устное соглаше-

ние, другой не сможет обратиться в суд. В каком-то смысле торговцы наркотиками обязаны быть честнее, чем добропорядочные бизнесмены и адвокаты, опирающиеся на письменные контракты и правоохранительную систему государства. У наркодельцов всего этого нет, поэтому каждому из них крайне важно иметь уверенность, что партнер не изменит своему слову. И это — в среде, включающей небольшое, но вполне ощутимое количество мошенников, доводящих до высокой степени совершенства искусство вызывать незаслуженное доверие. Суровая необходимость учит различать настоящую честность от напускной — и интуитивно, и посредством взаимного прощупывания в процессе такой вот, как сейчас, непринужденной болтовни: резкий, неожиданный вопрос, дружелюбный жест, прямой, даже грубый вызов — и непрерывное, напряженное наблюдение за реакцией собеседника, выискивание в ней мельчайших черточек, вызывающих сомнение в правдивости. В чужую голову не залезешь, о самой глубинной природе человека приходится судить по внешним признакам.

Трудно себе представить, что такие деликатные переговоры ведутся под мощным опиумным кайфом, однако и Манфред, и Сэнди — люди привычные, вполне способные справиться с этим осложняющим обстоятельством. Мало-помалу Сэнди проникается уверенностью, что беседует с отличным парнем, не затевающим никакого жульничества; к такому же убеждению приходит, судя по всему, и Манфред, так что оба они удовлетворены, и деланное, механическое дружелюбие сменяется настоящим, искренним.

И все же основная природа обсуждаемой сделки Сэнди не по душе, так что окончательной договоренности не получается.

— Не знаю, Манфред, — разводит он руками. — Боб говорил тебе, наверное, что обычно я таким не занимаюсь. Не то у меня положение, чтобы идти на большой риск.

— Не рискуя, много не заработаешь, — улыбается Манфред. — Так что ты подумай. — Он встает и направляется в ванную.

— А как Реймонд? — спрашивает Сэнди Боба. — Он-то почему за это не берется?

Им обоим хорошо известно, что Реймонд уже занимался контрабандой наркотиков, в больших масштабах и с большим, если верить его словам, удовольствием.

— Сейчас Реймонд крупно увяз совсем в других делах, — морщится Боб. — Ты же знаешь его заморочки. Вечный идеалист, хотя это совсем не мешает ему сшибать зеленые. Не знаю, слышал ты или нет, но с год назад Реймонд лишился нескольких своих друзей, их убила венесуэльская наркополиция, и не как-нибудь, а с помощью дистанционно управляемых аппаратов, купленных у нашей же драгоценной армии. Это были настоящие его друзья, не какие-нибудь там шапочные знакомые, ну и Реймонд совсем взбесился. С армией США не больно повоюешь, вот он и придумал пойти крестовым походом на тех людей, которые производят эти автоматические самолеты. Конечно же, — хохотнул Боб, — не забывая при этом и о прибыли.

Он опять смеется, потом замолкает и внимательно смотрит на Сэнди.

— Только ты не трепись никому, ладно?

Сэнди молча кивает, они знакомы с Бобом много лет и провели вместе уйму операций; и продолжительность и, можно сказать, продуктивность их знакомства в значительной мере объясняется обоюдной уверенностью, что все сказанное с глазу на глаз — и серьезная информация, и даже сплетни — никуда дальше не пойдет. Особенно ценит это Боб, очень любящий посплетничать, сплетничает он обо всех, даже — скорее не «даже», а «особенно» — о своем союзнике Реймонде.

— Он занят тем, что провозит миниатюрные огневые системы, идеально подходящие для нападений на оружейные заводы.

— А, вот оно что, — с деланным безразличием говорит Сэнди. — Я где-то читал о результате такого налета.

— Вот-вот. Но Реймонд занимается этим не только ради идеи. Он ищет людей, которым такие операции нужны еще больше, чем ему самому.

Сэнди делает гримасу — все эти опасные игры вызывают у него крайнее сомнение.

— Да понимаю я, понимаю! — восклицает Боб. — Дело очень каверзное. Пока что все путем; покупатели есть, нужно только уметь их найти. Но это — мутная водичка, почти такая же мутная, как наркотики. А тут еще Реймонду показалось, что его заметила другая группа, занимающаяся теми же самыми вещами.

— Ну-ну.

— Понимаю, прекрасно понимаю. И теперь он погряз в этом деле без остатка, все пытается выяснить, кто это такие и нельзя ли как-нибудь с ними договориться.

— Опасно это, — качает головой Сэнди.

Боб пожимает плечами:

— А что бывает безопасное? Как бы то ни было, теперь ты знаешь, почему Реймонд не заинтересовался контрабандой «Носорога». Он занят совсем другим.

— Это уж точно.

Возвращается Манфред, они снова глотают едкий черный дым, снова разговаривают. Манфред давит на Сэнди, хочет, чтобы тот со всей определенностью взялся за контрабанду афродизиака, но Сэнди отказывается брать на себя какие-либо определенные обязательства — вежливо, дипломатично, но отказывается. Ему и сразу не хотелось, а теперь еще эта история с Реймондом...

— Мне нужно хорошенько подумать. Понимаешь, Манфред, я как-то никогда таким не занимался.

Манфред воспринимает отказ вполне спокойно.

— Я все-таки надеюсь, что ты согласишься. Подумай, конечно, а потом свяжись со мной, неделя еще есть.

Сэнди смотрит на часы, поднимается.

— Завтра у меня трудный день, вставать придется в четыре, так что пора домой. — Попрощавшись с Бобом и Манфредом, он возвращается в гостиную. Таши, Джим, Эйб и Артур сидят в углу, треплются с народом. — Поехали.

Глава 27

На обратном пути Джим дремлет. Он устроился на среднем сиденье, справа, рядом с Артуром; Сэнди снова впереди, а Эйб и Таши — сзади. Сейчас Джиму как-то неловко обмениваться с Артуром шуточками, гораздо легче закрыть глаза. Засыпая, он нередко переживает наново что-нибудь из последних событий, то же самое и сейчас — перед глазами появляется темный, крутой склон, земля уходит из-под ног, колючие ветки царапают лицо... «Ой!» Сна как не бывало.

Артур и Реймонд на прилепленной к обрыву площадке. Обрывки разговора. Холод морской воды — и теплое, гибкое тело. Странная ночь.

За окном машины — единственный все еще незастроенный клочок южнокалифорнийского побережья, территория лагеря морской пехоты США «Джозеф Г. Пендлтон». Темные

холмы, узкая прибрежная полоса, изрезанная сухими лощинами, поросшая тусклым, жестким кустарником. Трава, в лунном свете она кажется серой. Тихо, пустынно, какая-то во всем этом чистота, нетронутость... Господи, думает Джим. Земля. И снова — острая боль утраты: ведь эта земля, на которой они живут, земля, закованная теперь в панцирь из бетона, стали и света, — она же была когда-то прекрасной. И пути назад нет.

Нетронутые строительными компаниями холмы кончаются, дорога отворачивает от берега, впереди показываются жутко разросшиеся раковые опухоли опреснительной установки, завода по переработке сточных вод и атомной электростанции, но Джим уже успел представить себе некий катаклизм, который уничтожит эту сверх всякой меры освещенную Америку, оставит только землю, землю, землю... и, возможно — только возможно — горсточку уцелевших людей, которые станут обживать молодые дикие леса молодого, холодного и сурового мира, будут жить в крохотных поселках, жить подобно лисам, подобно оленям, как и должны жить настоящие люди...

Трасса тянется между холмами Сан-Клементе, здесь уже нет ни клочка свободной земли, сплошной человеческий муравейник. Абсурдность этого бетонного ландшафта, его грубость, его невероятность вгоняют Джима в еще большую тоску. Дороги назад нет — просто потому, что дороги назад нет. История — улица с односторонним движением. По ней можно двигаться только вперед, к катастрофе, или к такому вот бетонно-ксеноновому аду, или... или к полному небытию. Небытие — как ни странно, Джим вполне способен его представить. Но все это не имеет никакого значения, главное — пути назад нет.

По пустынной в такое время трассе Хэмфри подкатывает к дому Сэнди, все выходят и направляются к своим машинам.

— Послушайте, — останавливает их Хэмфри, — счетчик показывает примерно сто сорок миль. Поделим это на нас шестерых, и получится совсем дешево...

— Совсем дешево, — хором откликаются Таши и Эйб.

— Ну да. Давайте я прямо сейчас и прикину, тогда можно будет сейчас же рассчитаться, а то вы, ребята, еще забудете...

— Ты прикинь и запиши все на меня, — говорит Сэнди, направляясь к лифту; видно, что сегодняшняя ночь укутала даже его. — Мы компенсируем тебе все, полностью. — Ар-

тур удаляется молча, даже не попрощавшись, а Таши и Эйб выворачивают свои карманы, протягивают Хэмфри горстки мелочи.

— Слышь, Хэмф, этого же хватит за износ тормозных колодок, верно, да?

— И не забудь про масло, Цюрихский Гном*, ведь эта твоя здоровенная калоша, она же жрет масло прямо литрами.

— Точно, литрами.

— Конечно, ребята, конечно. — Хэмфри с самым серьезным видом берет мелочь и опускает ее в карман. — Я учел это при подсчете. — И он уезжает, так и не заподозрив в словах Таша с Эйбом насмешки. Джим хохочет — да, такого разве проймешь, ведь тут издевались над главной чертой характера Хэмфри, а тому — хоть бы что!

Мысль прочно засела в мозгу; а вдруг, думает Джим по пути домой, то же самое и с каждым из нас? Вдруг никто не понимает главной черты своего характера, не видит ее — ведь крупный предмет вблизи не рассмотришь. Да, так оно, наверное, и есть. А если так — какую черту своего характера не видит он сам, Джим? Над какой чертой его характера хихикают потихоньку Таши с Эйбом — и даже не потихоньку, а прямо ему в лицо — ведь он даже не подозревает, что эта черта есть, что смеются именно над ней.

И мгновенное озарение: у него нет чувства юмора!

Хм-м. Верно, что ли? Ну, как сказать, во всяком случае остроумия у него не больше, чем у холодильника. Автомозг и то сумел бы быстрее парировать чужие шуточки, приделай только к нему какую-нибудь говорилку. Да, точно. Джим никогда об этом не задумывался, но ведь сколько раз бывало, что вспоминает он какой-нибудь общий треп, и как Эйб, и Сэнди, и Таши выдают такое, что животики надорвешь, и тут вдруг в голову приходит великолепная и точно к месту хохма — только приходит с опозданием. С небольшим таким опозданием, в неделю или около того.

И конечно же, ребята прекрасно это знают. Перед Джимом встает обычная картина: все треплются и хохочут до колик, и тут вдруг у Сэнди появляется в глазах странный такой блеск, и он поворачивается к Джиму и спрашивает: «А вот что скажешь об этом ты, Джимбо?» И Джим, только что стонавший от хохота, кое-как затихает и начинает

* Ироничное название швейцарских банкиров.

думать, думать так напряженно, что чуть предохранители в думалке не перегорают, а все — чтобы придумать хоть одну из тех хохм, которые сыплются из его друзей, как горох, и скажет в конечном итоге что-нибудь вроде «Ну-у... ясное дело!» И все трое его друзей прямо валятся на пол от хохота. А Джим только дурацки улыбается, смутно понимая, что в такой вот компании хохмачей тупой тугодум ценнее любого остроумца.

А вот было бы здорово, все треплются, а тут вдруг и ты кидаешь пару слов — мгновенно, с пинг-понговой реакцией, и все хватаются за животы и хохочут так, что слезы из глаз... Только нет, никогда у Джима такого не получалось и никогда не получится. Вот самому смеяться до упаду — это он всегда пожалуйста, известный смехач, идеальная мини-аудитория для чужих шуток. Разойдясь, ребята могут уложить его на пол не в переносном, а в самом буквальном смысле. В таких случаях Джим прямо задыхается от смеха, кашляет, стонет, лупит кулаками по полу, у него сводит мышцы живота — а Сэнди, Эйб и Таш стоят над ним, хихикают и отпускают одну шуточку за другой, стараются пуще прежнего. А потом Сэнди спрашивает: «Ну как, добьем его, или пусть поживет немножко? Он ведь и вправду концы отдает».

Джим печально вздохнул. Долгая получилась ночь. Иногда тусовка превращается чуть ли не в тяжелую работу, а сегодня ко всему добавилась непонятная эта история с подслушанным разговором.

Скоро и солнце встанет. В тусклом свете начинающегося утра маленькая квартирка Джима выглядит грязно, неопрятно, да и вообще как-то по-дурацки. Еще один вздох. Пойду-ка я, пожалуй, спать.

Глава 28

Однако поспать Джиму не удалось, вскоре его разбудил звук открывающейся двери.

— Ты что, спишь еще? — несколько ехидно интересуется Вирджиния.

— Ага.

Как же это получается, она же вернула ему ключ от квартиры, вернула на той еще неделе, и не просто вернула, а швырнула в него этим ключом.

— Господи, ну и помойку же ты тут развел. Бывают же такие лентяи.

Вирджиния садится на край кровати и перекатывает Джима лицом кверху.

— Привет, — сонно бормочет перекатываемый.

— Здравствуй, милый.

Вирджиния наклоняется, целует его в лоб, а затем включает видеосистему и ложится на мягкую, кое-как застеленную простыню. Теперь Джим проснулся окончательно: выпучив глаза, он смотрит на экраны, на разворачивающиеся там события.

Ну все, дальше смотреть не интересно.

— Хочешь, я приготовлю завтрак? — спрашивает Вирджиния.

— Давай.

Джим ложится на спину и начинает размышлять, чего это она, собственно, пришла. Та достопамятная игра в софтбол знаменовала разрыв союза, однако они продолжают встречаться, и довольно часто. А зачем, спрашивается? Ну, разве что ради легкого, доступного секса, да еще чтобы малость полаяться, это ведь тоже бывает неплохим стимулятором... Так ничего и не придумав, он встает и шествует в ванную.

— Неужели нельзя хоть иногда прибираться кухню? У тебя тут просто ужас какой-то. — Вирджиния говорит громко, ведь надо перекричать плеск воды и шум пробегающих по трассе машин. — Так где же это ты был прошлой ночью? — добавляет она после небольшой паузы.

— В Сан-Диего.

— Знаю. Я только не знаю, почему ты не позвал меня.

— Ну... — неуверенно объясняет Джим, — я искал тебя у Сэнди, но чего-то не сумел...

— Не вешай мне лапшу, милый, я все время там была, захотел бы — нашел. — Вирджиния появляется в двери ванной, правая рука ее стиснута в кулак, кухонная рукавица опасно напоминает боксерскую перчатку. Успевший уже вытереться Джим торопливо натягивает шорты.

— К сожалению, — трагически заявляет Вирджиния, — тебе лучше без меня, чем со мной.

Джим обреченно вздыхает:

— Да брось ты, Вирджиния, не говори глупостей. Просто я не успел даже толком проснуться.

— Ублюдок ты ленивый, вот ты кто.

Джим снова вздыхает. От нежности к жалобам, от жалоб — к скандалу, все в самых лучших традициях.

— Дай мне хоть вздохнуть спокойно.

— Да? После того как ты вчера улизнал от меня потихоньку?

— Я просто поехал с ребятами на другую тусовку. Мы с тобой на вчера ни о чем не договаривались.

— А кто в этом виноват?

— Уж во всяком случае не я.

— Не ты? Ты был просто в восторге от возможности смыться со своими драгоценными друзьями-приятелями. Сэнди, Таши, Эйб, да ты охотнее будешь делать с ними что угодно, чем со мной что бы то ни было.

— Да кончай ты.

— Кончать? Что я должна кончать? Ведь совершенно ясно, что ты и эти парни...

— Мы друзья. Ты понимаешь такое слово — дружба?

— Друзья. Ты прямо молишься на этих своих друзей, лучше них никого уж и нет.

— Не говори глупостей.

Правду говоря, так оно и есть. Джим действительно восхищается своими друзьями, каждым из них — по особой, отдельной причине.

— И вообще, что тут плохого — любить своих друзей?

— Если бы дело только тем и ограничивалось, но ты ведь, Джим, прямо на них с ума спятил. Ты их боготворишь, ты пытаешься жить по-ихнему, хотя совершенно к этому не приспособлен. Ни у одного из вас нет даже работы.

Джим давно уже смирился со странной логикой Вирджинии, но последние ее слова явно противоречат фактам.

— Эйб работает. Да и все мы работаем.

— Взрослый вроде парень, а рассуждает, как ребенок. Слушай, Джим, я уже начинаю сомневаться, повзрослеешь ты когда-нибудь по-настоящему или нет.

— Я не понимаю...

— Ты никогда ничего не понимаешь!

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать, — вот что я хотел сказать. И позволь мне, пожалуйста, закончить.

— Так ты уже закончил?

— Да, закончил.

Глубоко возмущенный полной бессмысленностью этого спора, Джим выходит на кухню; яичница на сковородке давно уже почернела и обуглилась.

— Вот дьявол!

— Видишь, что из-за тебя получилось! — Вирджиния бросается к плите, хватает сковородку и сует ее в раковину, под струю.

— Из-за меня? Ты что, с ума сошла?

— Я очень даже не сошла с ума, Джим Макферсон. У тебя нет настоящей работы, а потому нет никакого настоящего будущего. Все эти твои приработки — нечто неопределенное. Ты целый день слоняешься из угла в угол и пишешь свои дурацкие стихи, а я тем временем работаю и зарабатываю те самые деньги, на которые мы с тобой иногда куда-нибудь выходим, иногда — это когда удастся отцепить тебя от твоих драгоценных дружков!

Ну и прекрасно, думает одна часть Джима, раз ты так считаешь, так отвяжись, пожалуйста, и не приходи сюда больше. Ведь решили же мы вроде, что с этим союзом покончено! Но другая его часть не может забыть всего, что было у них хорошего, и в компании друзей, и один на один, и в постели, и просто так, во время прогулок или разговоров. И этой, другой части очень больно.

Джим печально кивает головой:

— Давай я сам приготовлю завтрак.

Ну чего, спрашивается, ходит сюда, если так ко всему относится? Сваливала бы совсем — и мне бы легче, и ей самой. Ему не хватает смелости сказать Вирджинии, чтобы та уходила, тут уж пойдут такие жалобы и обвинения — и какой он жестокий и бесчувственный, и что он с ней сделал — туши лампу. К тому же Джим далеко не уверен, хочет ли он этого сам. Вирджиния — умная, красивая, обеспеченная, идеальная, одним словом, союзница, во всяком случае — теоретически. Когда она вылезает из бассейна, и все на нее смотрят, а она садится к нему на колени, — в такие моменты начинает казаться, что это стоит всех ссор и руготни. Ведь и вправду стоит.

Остается только вздохнуть. Так что же, значит, еще один веселый денек в компании Вирджинии Новелло? И сколько это уже продолжается? Месяц, два? А может, уже три? И ведь такая обстановка с самого начала, буквально с самого первого дня. Он даже успел научиться готовить, есть, ругаться с Вирджинией и одновременно обдумывать, что бы стоило прочитать, прежде чем браться за очередное стихотворение. А почему бы, собственно, и нет? Теперь почти каждый умеет делать несколько дел одновременно.

Но сегодня Джим срывается. Какого, собственно, черта, они же больше не союзники, они бывшие союзники, так что он совсем не обязан терпеть все ее штучки! Объяснив, а точнее — проорав это Вирджинии, он высказывает из квартиры.

Вот те на! Он оказывается на до боли, как говорится, знакомой улице. Выскочил, значит, из своего собственного дома. Ошибочка небольшая вышла — показалось на секунду, что это не Вирджиния у него в квартире, а он у нее. Положение, прямо скажем, малость дурацкое. Что же теперь делать-то?

Джим садится в машину, объезжает вокруг квартала, осторожно заглядывает в собственное окно. Да, ушла. Слава тебе, Господи. Нужно все-таки поотчетливее соображать, где именно ты находишься.

Ну да ладно, выбросим все это из головы. Можно начинать день.

Преисполненный благородного намерения предаться литературному труду, Джим садится за стол, однако его не оставляет ощущение какого-то неприятного кома в желудке. Один за другим он представляет себе варианты недавнего спора, повергающие Вирджинию в полное раскаяние, а затем — в кровать. Или по-другому: она совершенно раздавлена и понуро уходит, чтобы не вернуться уже никогда. По не очень понятной причине все эти выигрышные для Джима сценарии повергают его в такую же тоску, как и то, что произошло на самом деле. Он встает из-за стола, так и не написав ни единого слова, а все, что он пытается читать, оказывается невыносимо скучным.

Тогда он включает видео и прокручивает запись утренних постельных развлечений. Зрелище и возбуждает его, и преисполняет отвращением, в пропорции примерно пятьдесят на пятьдесят.

Джиму уже двадцать семь лет, но он так ничему еще и не научился.

Глава 29

Сегодня Стюарт Лемон просыпается очень рано и сразу же идет на кухню; живет он в Лагуна-Бич, неподалеку от берега, и окна кухни выходят на заливное солнцем море. Изучив содержимое хлебницы, стоящей на оранжевой керамической крышке кухонного стола, Лемон приходит к ре-

шению, что дрожжевой хлеб зачерствел уже вполне достаточно для приготовления французских гренков. Он ставит сковородку на плиту, а затем взбивает яйцо с молоком. Корицы — чуть побольше, чем обычно. Теперь порезать хлеб, обмакнуть каждый ломтик и — на сковородку. Поджариваемый хлеб громко шкворчит, кухня наполняется сладковатым ароматом корицы. Через дверь видна висящая в холле картина Кандинского. У Лемона есть и вполне приличный Пикассо, но этот Кандинский нравится ему больше и специально висит так, чтобы видеть его почаще. Очень умиротворяет. И вообще прекрасное утро.

Прекрасное — но все равно Лемон не может избавиться от беспокойства. Дела в ЛСР идут не больно-то ладно, в результате чего президент компании Дональд Херефорд, набирающий все большую и большую силу в «Арго/Блессман», проявляет ничем уже не скрываемое недовольство. С «Шаровой молнией» полный завал, а ведь со дня на день предстоит померяться силами не с кем-нибудь, а с «Боингом», одним из гигантов оборонной промышленности. Вполне достаточное основание для головной боли, а тут еще Херефорд хочет, чтобы они обеспечили ежегодный прирост в несколько процентов; единственная возможность выполнить это требование в текущем году связана со второй завязшей работой, с предложением по «Осе». Какой уж там прирост — если рухнут оба эти проекта, ЛСР закончит год с минусом, станет убыточной для «Арго/Блессмана». И хорошо, если один только этот год. А ведь и Херефорд, и те, которые над ним, не станут долго мириться с подобной ситуацией, не такие они люди. Они могут продать ЛСР, могут прислать новую команду, чтобы она все здесь перешерстила — Лемону грозят крупные неприятности. Карьера — к чертовой матери... И это в такое время, когда все, буквально все остальные военные компании процветают! Есть от чего взбеситься.

Лемон настолько охвачен этими невеселыми размышлениями, что почти не чувствует вкуса французских гренков. Оставив грязную посуду на столе — пусть у Эльзы будет хоть какое-нибудь занятие, — он идет в спальню и одевается.

— Я ушел.

Эльза не просыпается, а только бормочет нечто неразборчивое и переворачивается на спину. Она не говорит с ним уже... сколько же это? Лемон плотно сжимает губы и направляется к двери, стараясь выкинуть все неприятности из головы.

Теперь в «мерседес». Ехать не так-то уж и близко, поставим гобойный концерт Вивальди. В голове — полный кавардак, попеременно всплывают то разметавшаяся во сне Эльза, то предложение по «Осе», то экран видеофона и раздраженно глядящий с него Херефорд. А еще — убитое, обреченное лицо Дэна Хьюстона. И расчеты по «Шаровой молнии». Что поделаешь, на администраторов всегда ложится невыносимая нагрузка, но ведь он к этому подготовлен, он же сам хотел иметь такую работу.

Первым сегодня Деннис Макферсон, нужно проверить, как там у него с «Осой». Срок через неделю, а Макферсон все еще тянет резину, хотя можно бы уже и за ум взяться. Пора принимать окончательное решение относительно стоимости контракта, итоговой суммы, количества долларов. Возможно, именно этот момент и станет ключевым, определит, выиграет ЛСР или проиграет.

— Ну так вот, Мак, — без всяких околичностей начинает Лемон. Сразу же создается обычная для таких бесед обстановка: с одной стороны — властный, саркастичный Лемон, с другой — чопорный, с трудом сдерживающий негодование Макферсон. — Я просмотрел ваши цифры и пришел к убеждению, что конечная сумма непомерно велика. ВВС не желают платить так много за беспилотную систему, они относятся к самолетам без летчиков с большим предубеждением и покупают все это хозяйство против своей воли, их просто вынуждает развитие техники. И нужно с этим считаться, иначе мы рискуем остаться с носом.

— Мы и так урезали все до крайнего минимума, — пожимает плечами Макферсон.

Несколько секунд Лемон смотрит на него и молчит.

— Ну хорошо. Пододвиньте кресло сюда и пройдемся по всей смете, цифра за цифрой.

Микроменеджмент — так, кажется, это называется в учебниках. Лемон скрипнул зубами.

Смета, приготовленная командой Макферсона, представляет собой толстую пачку машинописных листов с подробным, пункт за пунктом, изложением всех расходов по проекту. Раздел первый, разработка и техническое проектирование. Техническое оснащение — сто восемьдесят девять миллионов долларов. Подготовка персонала, ну, здесь все, как обычно, — меньше миллиона. Оборудование для летных испытаний — десять миллионов. Испытания и анализ их результатов — двадцать пять миллионов. Расходы на управ-

ление — шестьдесят три миллиона. Информация — восемнадцать миллионов. Окончательная сумма — триста пять миллионов.

Лемон берется за самую крупную статью расходов, за техническое оснащение. Он просматривает все промежуточные суммы, пристаёт к Макферсону то по одному пункту, то по другому.

— Почему получается так много? Я сделал грубую прикидку с использованием цен на комплектующие, закупаемые у других компаний, выходит никак не больше ста тридцати.

Макферсон вытаскивает подробную роспись, где указаны точные цены всех комплектующих.

— Лазер на углекислом газе нельзя купить прямо так, с прилавка. Для получения характеристик, указанных в ЗНП, его нужно модифицировать. Потом еще сборка, она тоже попадает в эту статью. И вся автоматика, она ведь очень дорогая.

— Все это мне прекрасно известно. Но только зачем, например, покупать микросхемы «Зенита»? «Тексас инструментс» поставяет почти такие же за четверть цены, вот вам сразу девять миллионов.

— Зенитовские микросхемы необходимы для обеспечения стопроцентной надежности всей системы. Они стоят в самых ответственных узлах.

Лемон в некоторой нерешительности. С его точки зрения, микросхемы «Тексас инструментс» никак не хуже, однако промышленность придерживается почему-то иных взглядов.

— Ладно, оставим это на время и посмотрим дальше.

Они переходят к смете подготовки производства. Этот этап наступит после РТП, поэтому здесь цифры менее определенные. Однако ребята Макферсона прикинули все суммы. Каждая категория расходов — они здесь те же, что и в РТП, — сопровождается подробными, на несколько страниц обоснованиями. Итог — сто пятьдесят четыре миллиона. Смета просматривается строчка за строчкой, Лемон оспаривает выбор оборудования, оценки фонда заработной платы, все, к чему можно и нельзя прицепиться. Макферсон упрямо отстаивает каждую цифру, и в Лемоне копится раздражение. Ну не могут быть эти оценки такими уж определенными, Макферсон просто не думает о деньгах, они ничего для него не значат.

Через час наступает очередь расходов на подготовку производства пробной партии оборудования, первых восьми-десяти восьми комплектов. Техническое оснащение — двести пятьдесят один миллион, испытания и анализ результатов испытаний — два миллиона (этот анализ должен показать, что система работает как часы, иначе — конец), расходы на руководство — тридцать миллионов, информация — тридцать миллионов. Итого — триста тринадцать миллионов. Лемон яростно оспаривает оценки расходов на руководство и получение информации. Тут он понимает больше, чем Макферсон, и потому вправе уменьшить цифры. Макферсон пожимает плечами.

Общая предлагаемая стоимость программы — семьсот семьдесят два миллиона долларов.

— Вы должны снизить эту сумму, — приказывает Лемон. — У меня нет точных данных по предложениям «Макдоннелла/Дугласа» и «Парнелла», но кое-какая информация просачивается, и складывается впечатление, что цифры будут порядка семисот с очень небольшим.

— Мы урезали везде, где только можно, — качает головой Макферсон. — Вы же сами только что убедились. — Вид у инженера усталый, эта нелегкая беседа продолжается уже несколько часов. — Если мы рискуем искусственно занижить цифры, вояки просто пройдутся по предложению и увеличат их сами, когда будут писать свои НВС. — Члены КВП делают по каждому из предложений оценку Наиболее вероятной стоимости, и тут все зависит от их дружелюбия, иногда эти оценки бывают совершенно катастрофическими. — Если их цифры окажутся значительно выше наших, мы будем выглядеть, как пойманные за руку жулики.

— Слушайте, Мак, не надо учить меня моей работе, — раздраженно поднимается Лемон.

— Я и не учу. — Устал, наверное. Вон ведь как спокойно говорит. — Вы спросили меня, сколько будет стоить система — я вам ответил. Я же не говорю, какую именно цифру нужно писать в предложении — это решать вам. Вы можете приказывать нам удешевить систему за счет снижения ее качества, а можете просто срезать оценку, сохраняя систему в первоизданном виде — все в ваших руках. Но вы не заставляйте меня сказать, что разработанная нами система стоит меньше, чем здесь написано, этого я никогда не сделаю. Рассчитать, а затем доложить вам, сколько все это стоит, — моя

работа, и ничья больше. Я свою работу выполнил, а что уж там будет дальше — ваше дело.

Выговорился все-таки в конце концов, не выдержал! Но это не приносит Лемону ожидавшегося им удовлетворения, спокойствия — наоборот, он уязвлен, и до такой степени, что забывает даже о всегдашней своей маске.

— Забирайте свое хозяйство и уходите, — с ненавистью говорит он, а затем резко отворачивается, чтобы не показать Макферсону своего лица, и отходит к окну. Нечто — возможно, нечто из сказанного сейчас инженером — перепугало Лемона, перепугало и довело до неконтролируемого уже бешенства.

— Убирайтесь!

Макферсон уходит. Лемон облегченно вздыхает, возвращается к своему столу, садится и постепенно берет себя в руки. Этот наглый сукин кот опять его подставил. Запрашиваемая стоимость слишком высока, система слишком сложна. Но любая попытка что-либо изменить сделает предложение уязвимым с технической точки зрения. Нужно выдерживать верное соотношение стоимости и качества, но пойдя поговори об этом, когда на конструировании стоит такой вот Макферсон. Он же псих какой-то.

Успокоившись окончательно, Лемон звонит в Нью-Йорк.

На экране появляется лицо Херефорда, президент ЛСР сидит за столом, около окна. За его плечом — бесчисленные паруса яхт, бороздящих гладь Гудзона.

Лемон медлит, нерешительно прокашливается. Даже против своей воли он испытывает к Дональду Херефорду нечто похожее на благоговение. И немудрено — ведь всю свою жизнь выкладываешься из последних сил, делаешь в ЛСР быструю, даже очень быструю карьеру — и вот тебе, пожалуйста, человек примерно твоего возраста, а то и на пару лет моложе, занимает весьма высокое положение в сложной управленческой структуре «Арго/Блессмана», одного из крупнейших концернов мира, шестнадцатого в прошлогоднем списке журнала «Форчун». Лемон даже не представляет себе, каким образом можно добиться такого успеха, тем более что Херефорд совсем не какой-нибудь там одержимый, не видящий и не знающий ничего, кроме своей работы. Совсем напротив, он — человек весьма светский и образованный, подробнейшим образом знакомый с культурной средой Манхэттена — самой, вероятно, богатой во всем мире, это отчетливо проявляется при каждой поездке Лемона в Нью-Йорк.

Маленькие художественные галереи, Метрополитен, театры — бродвейские и прочие, Филармонический оркестр, балет... просто восхитительно. Во всяком случае на Лемона это производит глубочайшее впечатление.

Он излагает Херефорду факты — самым деловым и непринужденным тоном, на какой способен в эту минуту. Херефорд задумчиво дергает себя за сухой, костлявый подбородок, скребется в тронутый серебром шевелюре, поправляет пятисотдолларовый галстук. Лицо его остается бесстрастным.

— Так вы говорите, этот самый Макферсон — хороший специалист?

— Да. Однако он несколько перегибает по части вылизывания своих разработок, а что касается искусства составить предложение, найти верное соотношение всех факторов... короче говоря, он так и остался инженером.

— Понимаю, — коротко кивает Херефорд, чуть наморщив свой орлиный нос. — А то я несколько удивлялся: вы говорите, что Макферсон — хороший специалист, и в то же самое время два его предложения провалились, одно за другим.

Да, Лемон давно уже знает, какая цепкая у Херефорда память.

— Я имел в виду — хороший технический специалист, и только это, — пожимает он плечами.

Херефорд молча смотрит в окно.

— Урежьте все на пять процентов, — говорит он наконец, — а управление и информацию — на десять. Больше нельзя, а то возникнут неприятности с НВС, но даже такое уменьшение сметы примерно уравнивает нас с конкурентами, так ведь?

— Думаю, да.

— Вот и прекрасно. А когда срок подачи?

— Ровно через неделю.

— Отправьте бумаги — позвоните мне. А сейчас я должен идти.

И экран потух.

Глава 30

Лобовое столкновение в Бреа было настоящей кровавой кашей; Эйб и Ксавьер отвезли то, что осталось от пострадавших, в Буэно-Парк, и теперь, на обратном пути из больницы,

Эйб отчетливо чувствует, что Ксавьер готов сломаться. Слишком большое напряжение и слишком долгое; все детали на пределе прочности. Эйб буквально слышит скрежет в коробке передач, недвусмысленно предупреждающий, что зубья шестеренок готовы в любую секунду сорваться и пулями брызнуть во все стороны... Да и не только Ксав, оба они перенапряжены, до крайнего предела и даже дальше. Компенсации за лишние выходные, взятые прежде, компенсации за лишние выходные, намеченные на будущее, а тут еще то один товарищ, то другой просит подменить его, а конечный итог — слишком много смен, отработанных в прошлом месяце. Со всеми вытекающими последствиями.

Поэтому сигнал вызова они встречают дружным стоном, после чего несколько секунд сидят совершенно неподвижно, готовые, кажется, разбить проклятую рацию. Опять влипли. В конце концов Ксавьер протягивает руку и медленно, очень медленно нажимает кнопку передачи.

— Что там еще?

Их направляют в Гарден-Гроув, в какой-то проулок между Гарден-Гроув-авеню и Брукхерст-авеню.

— Странно, — удивляется Ксавьер, — в тех местах не больно-то разгонишься, каким же это образом можно там хотя бы бампер погнуть?

— Говорят, звонок был какой-то странный, — произносит из рации голос диспетчера. — Что там случилось — абсолютно непонятно, мы не знаем ни кода, ни чего-либо еще. Есть какой-то адрес, который имеет вроде к этому какое-то отношение, — Эмерсон, тысяча двести сорок шесть.

— Ты точно знаешь, что нужны мы, а не полиция?

— Сказали — спасательную команду.

Ксавьер отключает рацию.

— Ну, эта поездка нас особенно не вымотает. Чушь скорее всего какая-то.

Так что Эйб проезжает сперва по Брукхерст, затем по Гарден-Гроув и не находит ни малейших признаков аварии. Они видят только:

«Прикид со скидкой», магазин уцененной одежды.

«Сиди-слушай», где торгуют компакт-дисками, и видеопрокат «Погляди-ка».

«Розово-голубой видеосалон для взрослых», хозяин — полковник из Кентукки.

Твой замызганный квартал. Ты в нем живешь.

Склад, торгующий мебелью.

Дешевая мастерская, принимающая в ремонт камеры и всякую автоматику.

Два магазина подержанных машин. Пищерия.

И все же монада, она существует, что бы там ни говорили теоретики.

Ведь вот она, верно?

Продуктовый магазинчик-автомат. Танцевальный зал.

Напротив всех этих заведений — автостоянка. Автомобили.

Вывески, дорожные знаки, уличные фонари, светофоры.

Телефонные провода, полосующие прокисшее молоко неба.

И так далее, и так далее — до той самой точки, к которой сходятся магнитные дорожки и две стороны длинного, совершенно прямого бульвара. Одним словом — обычная для ОкО улица, каких здесь многие сотни. И никаких тебе аварий.

— Ну и что же дальше? — спрашивает Эйб.

— Давай попробуем этот адрес.

— Но ведь... — они выезжают на Эмерсон-стрит, идущую параллельно Гарден-Гроув-авеню. — Ведь это пристройка мебельного склада.

— Да, но там наверху могут быть и жилые квартиры. Смотри, по виду — вполне похоже.

Эйб пребывает в сомнении.

— Нет, — качает он головой, — не мы здесь нужны, а скорее уж полиция.

Они выбирают из фургона и поднимаются по бетонным ступеням наружной лестницы. Проулок, в котором стоит дом, заполнен серыми металлическими баками для мусора, завален сплюснутыми, огромного размера картонными коробками. Лестница приводит их к деревянной двери, которую бесчисленное число раз открывали ногой и однажды красили оранжевой краской, давным-давно уже поблекшей до пыльно-желтого колера. Ксавьер поднимает руку, чтобы постучать, но в тот же самый момент из-за двери раздается дикий — словно кто-то на кусочки режет собаку — вопль. Ксавьер и Эйб молча смотрят друг на друга. Затем Ксавьер стучит.

— Не лезь сюда! Ой, Господи... мотай отсюда к долбаной матери!

Голос несомненно женский, только хриплый и какой-то дикий.

— Хм-м, — негромко говорит Ксавьер. А затем кричит: — Спасательный отряд, мэ-м!

— А! Так это вы! Помогите! Помогите!

Ксавьер пожимает плечами и пробует открыть дверь. Дверь заперта.

— У вас дверь заперта!

— Только не надо ее ломать! А то он выгонит меня из квартиры! А-а-а! А-а-а! Помогите!

— Ну тогда откройте ее сами!

— Не могу-у!

— Ну, не знаю.

Ксавьер осматривает дверь, крутит ручку. Никакого результата.

— Да помогите же мне, черт побери!

— Мы пытаемся! Не закройся вы на замок, было бы гораздо легче. — Ксав осматривается. — Слушай, Эйб, кухонное окно совсем близко к перилам, и оно открыто. Узковато, конечно, но ты, пожалуй, протиснешься.

Эйб глядит на крошечное оконце, на его лице — крайнее сомнение.

— Да куда там, оно же совсем маленькое. И свалиться тут недолго.

— Пролезешь, еще как пролезешь. Попробуй, а я буду тебя держать.

Эйб забирается на хлипкие железные перила, сует в окошко руки и голову, ищет за что бы ухватиться. Единственная зацепка — торчащий над кухонной раковиной кран. И окошко действительно чересчур узкое... Ладно, попробуем. Он начинает втискиваться внутрь. Жуткая вонь, по всей видимости — от давно не выносившегося мусорного ведра. Плечи кое-как пролезают, дальше уже все проще, нужно только проползти над раковиной и втянуть ноги. В конечном итоге, после мощного завершающего толчка Ксавьера Эйб оказывается на грязном полу.

— Эй, кто тут?

— Помогите! О-о-о-помогите!

Эйб вскакивает и бежит; на полу крохотной комнатки, примыкающей к кухне, лежит черноволосая женщина в длинной, мокрой от пота мужской рубаше. Судя по горой вздымающемуся животу, она либо чудовищно толстая... да нет,

какое там толстая — эта женщина корчится в родовых схватках. Так вот и рождает — прямо на полу.

— Эй! — кричит женщина. — Я здесь!

— Вижу, вижу.

Эйб отпирает наружную дверь и впускает Ксава. Женщина отдергивается, прижимается боком к старой, зеленого вина кушетке.

— Это еще кто?

— Спасательный отряд. — Ксавьер опускается на колени, берет женщину за запястье, отодвигает ее ладонь, которой та вцепилась в свой живот. — Вам нужно расслабиться...

— Расслабиться! Да ты что, шутки пришел шутить? И почему вы так долго? А-а-а! А-а-а! — По лицу женщины текут струи пота, она непрерывно перекачивает голову то в одну, то в другую сторону. — Я просила «скорую помощь»!

— Вот мы и есть «скорая помощь». Попробуйте, пожалуйста, расслабиться. — Ксавьер быстро ее обследует. — Послушайте, и давно у вас начались схватки?

— Часа, наверное, два.

— Надо же, как у вас все быстро.

— Ты это мне рассказываешь? И вообще, кто вы такие?

— Спасательный отряд.

— Я не хочу, чтобы какой-то черножопый лапал меня в этом месте, да еще в такое время, когда я пытаюсь... а-а-а!.. родить ребенка.

Ксавьер смотрит на нее, наморщив лоб.

— Я попытаюсь воздержаться от грубых приставаний, во всяком случае — пока вы не разрешитесь, договорились? Сейчас там как-то тесновато для изнасилования.

Женщина пытается его ударить, но все ограничивается бессильным взмахом руки.

— Убирайтесь отсюда! Оставьте меня в покое! Ох, Господи!

— Вы никак не поймете, мэм, что мы — спасательный отряд, — пытается объяснить Эйб.

— Да отстань ты от меня со всеми своими «мэм». Мне просто нужна «скорая помощь».

— Ради Бога, — охотно соглашается Ксавьер. — Эйб, сбегай за носилками. Думаю, мы еще успеем отвезти ее в больницу святого Иосифа.

Эйб кубарем скатывается с лестницы, хватает свернутые носилки, бежит с ними наверх. Ксавьер и роженица громко спорят.

— Послушайте, женщина, никто там не станет удерживать вашего ребенка в заложниках. Не сможете заплатить — ну, значит, не сможете заплатить! А сейчас у вас все это идет слишком быстро, почти обязательно будут разрывы. В больнице вам будет гораздо лучше.

Женщина не отвечает, у нее очередная схватка. Однако Эйб видит, что ей хочется ответить, она не сводит с Ксавьера сверкающих ненавистью глаз, трясет головой, наконец, выдавливает:

— Не хочу — никуда — ехать!

— Ничего не поделаешь. Если мы оставим вас здесь, вы умрете от потери крови. Мы не имеем на это права.

Эйб развернул носилки и поставил их на ножки. Когда они с Ксавием начинают поднимать женщину с пола, та выгибается дугой, ни на секунду не переставая стонать от невыносимой, видимо, боли.

— А вы не пробовали тужиться ритмично? — спрашивает Ксавьер. — Вы имеете хоть какое-нибудь представление, как это делается?

— Да иди ты!.. — Женщина снова пытается его ударить. — Долбанные насильники! Да я же даже не знала — а-а-а! Я и про беременность-то свою узнала только два месяца назад.

— Великолечно. Эйб, зайди оттуда и приподними ее плечи. Тужься, женщина, тужься!

— Не-ет! — Однако она продолжает тужиться, прикладывая к этому колоссальные, — судя по вздувшимся на шее венам и жилам, — усилия. Эйб заметно перепуган; ситуация, вообще говоря, самая для санитаров заурядная, но он сталкивается с ней впервые; женщина вертится ужом, почти выскальзывает из рук, тут кому угодно станет не по себе. Он чуть ли не с тоской вспоминает обычных своих коматозных пациентов.

Они собираются уже поднять носилки, но тут следует новая схватка; Ксавьер наклоняется и смотрит.

— Мм-да, головку уже видно. Не успеем, пожалуй. Тужься, женщина, тужься.

— Н-не могу...

— Можешь, можешь. Давай, я нажму тебе на живот. Ноги вверх, руки опусти. Теперь напрягись изо всех сил... вот так... еще немного, теперь расслабься. Немного передохни. А теперь — еще раз.

— Ксав, а ты что, не первый уже раз? — интересуется Эйб.

— Ясное дело.

— Ты будешь делать разрез?

— Ты что, сдурел? Этот ребенок сам великолепно со всем справится.

— Просто восторг! — восклицает женщина, у которой как раз пауза между схватками. — Очень приятно вас послушать. Да что ты, собственно, за врач?

— Армейский. И не отвлекайтесь, пожалуйста, от главного своего занятия.

— Будто я могу... отвлечься.

И еще одно усилие; женщине не хватает воздуха, она дышит широко раскрытым ртом. Вот уж не думал, что это так трудно, проносится в голове Эйба. Он вскакивает, приносит из ванной черное от грязи полотенце, вытирает с ее лица пот. По огромному животу волной бегут судороги, женщина глухо, сквозь стиснутые зубы стонет, она зажмурилась — так крепко, что побелевшие веки ярко выделяются на фоне налившегося кровью лица.

— Вдох, а на выдохе — толчок, — негромко советует Ксавьер. — Тужься, тужься.

— Заткнись, мать твою!

Эйб обращает внимание, что в комнате стало темнее: на пороге теснится целая орава соседей. Женщина сдавленно ругается, она тоже их заметила.

— Эй, там, мотайте отсюда! — кричит Эйб. — Если среди вас есть врач или акушерка — милости просим, а остальные — марш отсюда. И закройте дверь! — Он встает и выгоняет всех из комнаты. По большей части это дети и подростки, с круглыми от любопытства глазами. Труднее всего выгнать мелюзгу, слишком уж они шустрые.

— Тужься! Да, так, правильно, тужься! Вот голова уже и вышла! Теперь — плечи, давай, давай скорее.

Ну, вроде почти все. Эйб смотрит, как черные ладони Ксавьера принимают красное, измазанное кровью и слизью тельце. Невероятное зрелище. Теперь Ксавьер занялся пуповиной. Он переворачивает ребенка на бок, и тот заходится криком.

— Возьми его, Эйб.

Эйб наклоняется и осторожно берет нечто теплое, влажное, липкое. Ребенок почти ничего не весит, его голова легко умещается в ладони.

— А кровотечение все-таки есть, — тревожно хмурится Ксавьер.

— Эй, вы там что, забыли про меня?

— Все в порядке, леди. Поздравляю вас с новорожденным.

— Что? А чего же ты раньше молчал? — Женщина снова бессильно замахивается на Ксавьера. — Да что ты за врач такой! Слышь — мальчик или девочка?

— М-м-м... — Самому Эйбу подобный вопрос как-то не приходил в голову. — Думаю, мальчик.

— Думаешь? — негодует женщина. Они с Ксавьером смеются. — Послушай, черножопый, кто это у тебя такой, студент, что ли?

— Ладно, — отмахивается Ксавьер. — А в больницу все равно надо. Как вам кажется, вы сможете поддержать ребенка, пока мы будем спускать вас во двор?

Женщина кивает и протягивает руки, они пристраивают крохотное существо у нее на груди. Мокрая от пота рубашка, перемазанный ребенок... картинка получается малоопрятная, но тем не менее умилительная.

Лестница узкая, разворачивать носилки трудно, вдобавок приходится разгонять липнувших со всех сторон детей, а тем временем женщина отключается. Она разжимает руки, и ребенок начинает соскальзывать на сторону; Эйбу и Ксавьеру приходится бросить носилки и ловить скользкое тельце, готовое уже перелететь через перила в направлении расставленных внизу мусорных баков. Бух-трах, носилки валятся на Ксавьера, чуть не сшибая его с лестницы; он кое-как удерживается, отделяется ушибленной о ступеньку задницей.

— Да что же это вы, леди, делаете?

— Откуда вы взялись на мою голову? Вы что, убить меня решили? Отдайте моего ребенка!

— Только постарайтесь больше его не ронять. — Ксав возмущен до крайности. — Маленький совет для начинающих мамаш, я даю его вам совершенно бесплатно. Не швыряйте своих детей в мусорные баки, если есть хоть малейшая возможность обойтись без этого.

Дальше все идет без приключений. Носилки засунуты в заднюю дверь фургона, туда же залезает и Ксавьер; Эйб везет их к больнице святого Иосифа.

— Ты бы поскорее, Эйб, — окликает его Ксав из своей амбулатории. — Тут же кровотечение из таких мест, которые не больно-то залепишь пластырем.

— И не пробуй! — Слышит Эйб резкий голос женщины. — Мало того, что подзалетела я с таким вот, вроде тебя, черножопым, так тут еще и ты на мою голову.

— У-гу. Вы бы, мэм, просто полежали спокойно, расслабились. И заткнулись — если, конечно, способны на такой подвиг. А уж я постараюсь сдержать свои низменные страсти.

Из внутреннего окошка высовывается голова Ксава.

— Вот же неблагодарная сука.

— Так ты что, действительно принимал уже роды?

— А разве не видно? Я же работал, как профессиональная повитуха.

— Ясно. А было сегодня что-нибудь из ряда вон выходящее?

— Быстро очень.

— Это тебе кажется, что быстро! — вопит за его спиной женщина.

— Тише, мэм. Поберегите силы.

— Никогда не думал, что это так трудно, — говорит Эйб. — Слышал, конечно, но сам никогда не видел.

— Не думал? Ну, ты совсем салага. Это выжимает их до предела. Вся беда в том, что мозги разрастались у человека куда быстрее, чем щель между ног. Рожать не только трудно, но еще и опасно. Вот тут вроде бы два здоровых человека, а ведь любой из них может помереть, не доехав до больницы. Ты бы, кстати, поторопился.

Они добираются до места, перегружают женщину с ребенком на каталку, волокут их к двери приемного покоя, и тут женщина впадает в чувствительное настроение.

— Я вам очень за все благодарна... — По ее щекам катятся слезы, — ... и я очень боялась. Простите, пожалуйста, что я все это вам наговорила. Вы совсем не черножопый.

— Н-ну... — неопределенно отвечает Ксав и плотно сжимает губы, чтобы не расхохотаться.

— А как вас обоих звать? Эйб? Хорошо. Ксавьер? Ксавьер? А как это пишется — Ксавьер? Хорошо. Вот я и назову его Уильям Ксавьер Эйбрахам Джефферс, точно, вот так вот и назову. Точно, вот так вот и назову.

Женщину укатали. Эйб и Ксавьер идут в туалет, умываются, возвращаются в приемный покой.

Буквально через несколько минут выходит врач, он сообщает, что женщина в полном порядке, ребенок в полном

порядке, никаких проблем не возникает. Ровно никаких проблем.

Если так, можно и уходить. Эйб испытывает какое-то странное чувство, все вокруг кажется не совсем реальным. И он, и Ксав широко улыбаются, словно пара идиотов.

— Так, значит, — говорит Эйб, — Уильям Ксавьер Эйбрахам Джефферс, а?

— Сигары не найдется? — спрашивает Ксавьер.

И они начинают смеяться. Они смеются, жмут друг другу руки, лупят друг друга по спине и смеются.

— Ну ты поверил бы этому тогда, когда весь квартал сбежался туда поглазеть?

— Или когда этот парень полетел прямо в помойку?

— Слушай, а ведь смена, считай, почти что кончилась. Пошли-ка выпьем.

Где отметить столь знаменитое событие? Конечно же, в «Пристани», любимой забегаловке Ксавьера. Это в Нижней Санта-Ане, на Четвертой улице. Они пьют пиво, чертову уйму пива, и Эйб понемногу расслабляется, ему приятно почувствовать себя частью того загадочного мира, в который удаляется Ксав после работы, приятно быть принятым в баре для черных — хотя бы и не надолго, и только на правах друга Ксавьера. Ксавьер рассказывает о сегодняшних событиях, и все заведение буквально ревет от восторга; историю начинают пересказывать, оснащать миллионами вымышленных подробностей. «Вы же совсем не черножопый! Ха-ха-а-а-ха-а...»

Эйб и Ксавьер пьянеют. Эйб смотрит на смеющегося Ксава и чувствует ухмылку на собственном лице. Он не видел Ксавьера таким раскрепощенным, пожалуй, уже... да кой черт, вообще никогда не видел. Эйб зажмуривается, пытаясь удержать этот момент, запах дыма и пота, умиротворенное лицо Ксава, грубые голоса его дружков... Остановись, мгновение.

Глава 31

Нет, не останавливается, конечно же. Хочешь — не хочешь, приходится отводить фургон к диспетчерской, после чего Ксавьер едет домой.

А Эйб направляется к Сэнди. На ту же самую бесконечную тусовку, что и всегда, но только сейчас его ликующий

подъем лучше согласуется со всеобщим настроением. Утренняя «Лос-Анджелес таймс» вышла с шапкой:

**НАРКОАДМИНИСТРАЦИЯ ОБЪЯВИЛА
ОКРУГ ОРИНДЖ
«НАРКОТИЧЕСКОЙ СТОЛИЦЕЙ МИРА»**

По какому случаю Сэнди объявил сегодняшний день праздником местного значения. Они с Анджелой разукрасили свою квартиру воздушными шариками, лентами, серпантинном, конфетти, флажками, хлопушками и бумажными транспарантами, воспроизводящими исторический заголовок во всех цветах спектра. Подаются — и употребляются — все известные науке наркотики. Сэнди на кухне, он подпевает миксеру, взбивающему солидные количества мороженого, шоколадного соуса, молока и... Эйб не совсем уверен в этом «и», но определенные подозрения у него имеются. «Р-н-н, р-н-н, р-н-н, р-н-н, р-н-н, р-н-н, р-н-н, р-н-н, р-н-н!» — поет Сэнди, а затем хватается миксер, разливает холодный молочный коктейль по высоким пластиковым стаканам, сует эти стаканы каждому, кто подходит.

— Выпей вот это! Ты вот эту штуку попробуй! — Зрочки Сэнди расширились чуть не до самых краев радужной оболочки. Увидев Эйба, он протягивает ему стакан. Гладкий, холодный пластик в руке. Сэнди чокается с Эйбом — не стаканом, а прямо миксером. — За труды наши праведные! — и улыбается, сверкает улыбкой яркостью во все бесчисленные мегаватты Сан-Онофре. Ну откуда, спрашивается, знает он, что именно сегодня этот тост вполне уместен? Не вчера, не позавчера, а именно сегодня. Еще одна наркотическая тайна. Эйб пьет, пьет большими глотками и вскоре опустошает стакан. Никакого привкуса, кроме шоколада, только какие-то вроде комочки. Что бы это могло быть? Ничего, скоро узнаем. А пока что, на переходный период, нужно бы запустить в глаз, и побольше.

Многие успели уже уторчаться вусмерть, их глаза наминают круглые, черные скважины, рты широко растянуты, словно в попытке передразнить знаменитую ухмылочку Сэнди. Они поскрипывают зубами, подхихикивают, дико оглядываются по сторонам, словно видят некие фантастические формы, прорастающие из самых заурядных стен и потолков, слышь, а это, что ли, да ну и вправду ведь это, как его,

сталактит там, что ли? Эйбу просто смешно, но Сэнди преисполнен негодования.

— Только чтобы никто тут не вырубался! Вставайте, на ножки, на ножки, сегодня у нас праздник!

Уторчавшиеся смотрят на Сэнди и ничего не понимают. А может, считают, что и он — деформация потолка, вроде как тот сталактит.

— Э-эй, Джим! Джим! Джим! Джим, голуба, поставь что-нибудь вдохновляющее.

В полном восторге от такого предложения, Джим бросается к запасам древних, потертых компакт-дисков. Сэнди и Анджела покупали их ящиками, не имея даже представления, что там, — к полной радости Джима, копающегося сейчас в этих несметных сокровищах. Эйб смеется, запускает себе в глаза по паре капель «Звонка» и чувствует поднимающуюся по позвоночнику энергию. Их величество Джим, король культурстервятников, прыгает, как воробей, от ящика к ящику и непрерывно что-то говорит, поливает пулеметными очередями своего красноречия людей, явно не разбирающих ни одного его слова. И голова тоже, как птичья, — то неподвижная, а то вдруг резко, без всяких промежуточных фаз меняет свое положение, ну прямо как зяблик, а потом Эйб вдруг замечает, что за Джимом тянется хвост задержанного изображения. Это что же, галлюциноген какой-нибудь, что ли? Ну и ради Бога, Эйб не имеет ничего против. Вот же как смешно смотреть на Джима, который проищет теперь подходящий диск до самого утра. Эйбу смешно, но тут появляется Сэнди и хватает Джима за локоть.

— Сейчас, ты понимаешь — сейчас! Музыка нужна именно сейчас!

Джим кивает, на его лице появляется нервная озабоченность. Захотят ли ребята слушать то, что он предложит? Что, если сложная спираль рассуждений заставила его сделать совершенно дурацкий выбор? Откуда знать, что это не так? Эйб видит комически преувеличенную тревогу Джима и раздражается истерическим хохотом. Но Сэнди выхватил уже у Джима диск и направляется к проигрывателю; Джим тащится следом, он передумал, ему нужно еще немного времени, чтобы подумать, но Сэнди не слушает, он отпихивает его одной рукой, другой закидывает диск в проигрыватель, и неожиданно комната оглашается фанфарными звуками. Это еще что такое?

— «Пламя битв и торжество побед»*, — кричит Джим недоуменно нахмурившимся Сэнди и Эйбу. Сэнди ухмыляется, кивает и врубает динамики на полную, теперь эту музыку услышат даже обитатели Каталины. За фанфарным вступлением следует марш, Сэнди церемониальным шагом обходит все комнаты квартиры; обнаружив кого-нибудь, кто все еще не удосужился встать, он наклоняется и дико орет ему в самое ухо. Вскоре все участники тусовки маршируют, они двигаются, словно испорченные, с закороченными мозгами, игрушечные солдатики — постоянно впиливаются в стены, спотыкаются друг о друга и о кадки с растениями. Эйб марширует следом за Джимом, он чувствует необыкновенный подъем, дурацкий старый марш кажется преисполненным царственного величия. Так и продолжая маршировать, народ вывалил на балкон — два десятка тамбур-мажоров, исполнительницы канкана, дружно вскидывающие ноги выше парапета, парадный гусиный шаг с элементами кикбоксинга. Эйб носится как ошалелый, сейчас в его жилах не кровь, а радость Чистого Бытия. Необыкновенное ликование, лицо закинута к небу, погода сегодня ясная, по бархатно-черному куполу искорками ползут крупные спутники — ультракоротковолновые ретрансляторы, солнечные энергетические панели, лазерные зеркала противоракетной обороны — новые, рукотворные созвездия, едва не затмевающие уютное мерцание старых, привычных звезд. А еще самолеты, снижающиеся к джон-уэйновскому аэропорту, словно идущие на посадку космические аппараты, а может — словно эскадрильи светлячков, идущие боевым строем. Потрясающее небо! Эйб еще сильнее, до предела закидывает голову и — воет. Увертюра одинокого койота, но тут же к Эйбу подключается второй голос, третий, еще секунда — и все превращаются в койотов, воющих на мерцающее огнями небо.

Анджела — она, как всегда, первая в таких штуках — срывает с себя кофточку и швыряет ее на балкон, прямо под ноги марширующих. Туда же следует и лифчик. Неужели она сумеет снять джинсы, не прерывая канкана? Ну, не то чтобы совсем, но нечто в этом роде. Разноголосый вой

* Марш английского композитора Э. Элгара (1857—1934). Название марша — цитата из У. Шекспира («Отелло», акт 3, сцена 3, перевод Б. Пастернака).

раскалывает небо, мгновенно образуется целая гора одежды — рубашек, брюк, блузок, шелкового исподнего, шорт. Марширующий строй преобразается, на его месте возникает хоровод голых язычников, отправляющих некий весенний обряд; всех охватывает какая-то первобытная чувственность, не обычное американское глазение на сиськи и задницы, а чистый ликующий восторг — у тебя есть тело, ты можешь танцевать, ты существуешь и Становишься. И розовая кожа, выступающая в ночной темноте — тоже часть этого восторга. Усыпанный веснушками Сэнди швыряет в кучу одежды все диванные подушки, а затем бросается туда и сам, ныряет в эту кучу, плывет в ней. Голый Хэмфри отплясывает с бумажником в руке — уж это-то нельзя закинуть в кучу чужой одежды, верно?

Эйб снова взывает, он хохочет и воет, он вне себя от всеобщей радости, ведь сейчас всем хорошо, какие счастливые у всех лица, вон Джим, ему хорошо, и Сэнди хорошо, и Анджеле хорошо, и Таши с Эрикой хорошо, и Хэмфри хорошо, и все они пляшут хороводом и воют в небо, и Эйб ныряет в плотную массу одежды, людей, подушек, в чистый запах прачечной — он погребен и выныривает, чтобы хватить глоток воздуха, словно из утробы, словно рождается, словно ребенок, которому он помог появиться на свет всего несколько часов назад, — рождается из груды одежды, голый, потрясенный сверкающим многообразием вещей, их чувственной реальностью, их видом, их присутствием там. Второй раз за сегодня Эйб Бернард плотно зажмуривается и желает, чтобы мгновение остановилось, остановилось, когда ему и его друзьям хорошо, когда они счастливы, остановилось, остановилось, остановилось, остановилось, остановилось.

Глава 32

...В девяностые годы восемнадцатого века эти места все еще принадлежали — по большей части — индейцам, звавшимся теперь «габриэлинос». Испанцы не часто удалялись от часовни святого Хуана и Тропы Истины, а окрестностей Ньюпортского залива они и вовсе избегали — тамошние болота не пересечь ни пешему, ни конному.

Зато туда забредали другие посетители. Группа франко-американских поселенцев, направлявшаяся в Орегон по длин-

ному, огибающему мыс Горн маршруту, зашла на своих кораблях в залив и осталась здесь на зимовку. Через год небольшая их часть вернулась из Орегона и поселилась на плоской возвышенности. Они прожили в окрестностях Нью-портского залива около двадцати лет — первые неиндейские обитатели этих мест.

Вот фактически и все достоверные сведения об этих франко-американцах, однако мы можем с достаточно большой уверенностью догадываться, какой они вели образ жизни. Группа двигалась из Квебека, а значит, люди эти были привычны к диким местам и, несомненно, владели необходимыми для выживания ремеслами. Совершенно ясно, что они ловили рыбу. Земледелие? Вполне возможно, но здесь уже нет полной определенности. Неизвестно, умели они читать или нет, но исключать этого нельзя, у них могли быть с собой какие-нибудь книги, в частности — Библия.

Они должны были общаться с жившими в окрестностях залива индейцами — вполне возможно, что именно индейцы показали им, где нужно искать съедобных моллюсков, где устанавливать силки. На той же самой возвышенности располагалось индейское поселение, называвшееся Дженга; почти несомненно, они заходили в эту деревню, обучились основам языка габриэлинос. Испанцы называли Ньюпортский залив «Болса де Дженгара», то есть дженгарский мешок, а как называли его эти французы? Можно бы догадаться — знай мы только, как называли его сами индейцы.

В те времена, в те самые годы, когда французская революция, а затем Наполеон взбаламутили всю Европу, Ньюпортский залив выглядел совершенно иначе, чем сейчас. Река Санта-Ана, которая текла тогда круглый год, не пересыхая летом, вливалась в огромные болота, занимавшие всю верхнюю часть залива; эти болота тянулись до тех мест, где стоят теперь города Санта-Ана и Тастин. Кроме того, верхняя часть Ньюпортского залива сообщалась с океаном. Тогда не было еще полуострова Бальбоа, он образовался в 1861 году, после большого разлива Санта-Аны. А сама река выходила к морю в районе Пятьдесят шестой улицы, как сейчас, только в двадцатые годы двадцатого века, после еще одного большого наводнения.

Океан, эстуарий, болота, луга, горы — многообразная земля, кишевшая жизнью. И маленькая горстка франко-амери-

канцев — сколько их там было? — жила в этих диких местах, бок о бок с индейскими своими друзьями, больше двадцати лет, жила в полном мире.

На что была похожа их жизнь? Они должны были сами делать для себя одежду и обувь, сами мастерить себе лодки и строить жилище. Они рожали и воспитывали детей, самые старшие из этих детей успели стать вполне взрослыми, двадцатилетними людьми. Кто-то из них умирал. Они охотились, ловили рыбу, возделывали землю, исследовали, разговаривали — разговаривали на французском и габриэлино.

Почему они ушли? И куда они отсюда направились? Вернулись ли они в Орегон или Квебек? Или даже во Францию? В Париж? И своими глазами видели окончание наполеоновских войн, стали свидетелями прокладки первых железнодорожных линий? Вспоминали они потом о двадцати годах, проведенных на калифорнийском побережье, в полной изоляции от мира?

А может, никуда они и не уходили. Возможно, они так и остались на первобытных берегах этого залива, крохотный пузырек истории, заключенный между безвременным, похожим на сон, миром индейцев и современным миром, а потом, когда из Мексики нахлынули европейцы, были уничтожены вместе с габриэлинос — убиты людьми, которые не смогли отличить их от индейцев.

Глава 33

«При следующей же встрече с Артуром, — решил Джим, — я потребую у него прямого ответа».

— Намечена еще одна акция, — сказал Артур.

— Послушай, Артур, — твердо начал Джим, — я хотел бы все-таки знать, кто вы такие, точнее — кто мы такие. На кого мы работаем, и в чем состоят наши конечные цели? Ведь сейчас я ничего, ровно ничего не знаю!

Артур молчит. Джим опускает глаза и нервно сглатывает, не слишком ли нагло он выступил? Но тут Артур смеется.

— А это что, имеет какое-нибудь значение? Тебе что, нужно название? Тебе так уж хочется присягнуть на верность какой-то организации?

Джим смущенно пожимает плечами.

— Вроде как не в духе времени, верно? — опять смеется Артур. — Говоря по правде, все это значительно сложнее, чем ты скорее всего думаешь, тут действует далеко не одна так называемая группа. Кроме всего прочего, значительную часть акций мы поддерживаем косвенным образом, не засвечиваясь. В результате приблизительно половина нападений, о которых становится известно, осуществляется другими, не нами. И процесс разрастается, как снежный ком.

— Хорошо, Артур, а вот как обстоит дело с нами? Скажем, ты — на кого ты работаешь? Кто тебя снабжает?

Артур меряет Джима долгим, серьезным взглядом.

— Я не хотел бы называть никаких имен. И если ты, Джим, не согласен работать со мной на таких основаниях, — что ж, не согласен, значит, не согласен. Я был и остаюсь социалистом и пацифистом, хотя, конечно же, активная борьба против военной промышленности сильно изменила мое понимание пацифизма. Ты знаешь, что раньше я придерживался иных методов — говорил с людьми, писал, лоббировал, участвовал в митингах и маршах протеста, — и все по нулям, если не считать кучи знакомств с социалистами самых разнообразных толков. Ты не поверишь, что в Америке все еще сохранились социалисты.

— Я — поверю.

— Ну, возможно, — пожимает плечами Артур. — Как бы там ни было, старая концепция, утверждающая, что такие природные богатства, как земля или вода, должны находиться в общественной собственности, и никто не имеет права извлекать из них прибыль, эта концепция почти утрачена. И все же остались люди, которые верят в нее, работают на нее. Вполне возможен строй, сочетающий в себе лучшие черты обеих систем — демократический социализм, обеспечивающий личности все необходимые свободы, ограничивая при этом возможности для наживы за чужой счет. Каждый человек имеет право на пищу, воду, одежду, жилье! — Лицо Артура исказила гримаса отчаяния, уже знакомая Джиму по тому, давнему плакатному блицкригу. — И нет тут никакой радикальности, экстремизма, все можно обеспечить самым обыкновенным голосованием, реформой законов о земле. Никаких революций, никакого насилия! Однако...

— Однако ничего не получается, — заканчивает фразу Джим.

— Совершенно верно. Ничего не получается. А ты, вот ты, например, знаешь, что нужно делать? Нет. И я не знаю, никто из нас не знает. Но теперь, перепробовав все прочие методы, я убежден, что программа действий обязательно должна включать в себя активную, физическую борьбу, иначе ничего не выйдет. Оборонные компании, они такие же всевластные, как англичане перед революцией, а нас можно сравнить с мелкими землевладельцами Виргинии и Массачусетса, которые преисполнились решимостью взять свою судьбу в собственные руки. В данном случае мы — это группа американцев, твердо решившая сразаться с военно-промышленным комплексом всеми доступными средствами, на всех фронтах. Есть группы вашингтонских лоббистов, есть газеты, видеопрограммы и плакаты, а теперь появилась и боевая организация, посвятившая себя прямой, физической борьбе — борьбе с оружием, и только с ним. Прямые акции привлекают к себе очень много внимания, поэтому необходимо хранить состав и планы этой организации в полном секрете. Ну так вот. Я знаю двоих людей — именно двоих, не больше и не меньше, — которые снабжают меня оборудованием и разведданными, необходимыми для осуществления операций. Вот, собственно, и все, что я знаю. Никакого названия у нас нет. Однако нетрудно предположить, частью чего мы являемся, нужно только следить повнимательнее за публичными заявлениями различных деятелей.

Джим молча кивает.

— Ну так что, — внимательно смотрит на него Артур, — ты удовлетворен?

— Да, — совершенно искренне говорит Джим. — Да, вполне удовлетворен. Меня очень беспокоило, насколько мало я знаю о происходящем, но теперь все понятно.

— А ты считай, — предлагает Артур, — что тут всего два действующих лица, мы с тобой. Такой вот персональный крестовый поход. Да так оно, собственно, и есть. Борется не какая-то там организация с каким-то там названием, а люди, отстаивающие свои убеждения.

— Согласен.

Той же ночью они едут за городской молл, находят в путанице кривых переулков небольшую автостоянку, зажатую

между складами, и трижды сигналият фарами. На стоянке их ждут те же самые разноцветные парни с фургоном, полным ящиков. Парни перегружают ящики, после чего их вожак отводит Артура в сторону для краткой, негромкой беседы.

Затем Артур и Джим едут в Анахейм-Хиллз, сперва нью-портской трассой, а затем — риверсайдской; по дороге они снова, как и в тот раз, переодеваются в комбинезоны-невидимки. Свернув с трассы, они подъезжают к крошечному парку одного из кварталов многоквартирных домов. Они пересекают парк, уставленный поломанными, запущенными качелями, скамейками и детскими горками, и выползают на поросший травой склон каньона Санта-Ана. Внизу тянется лента трассы, а чуть дальше, на небольшом возвышении, за внушительной оградой, которую непрерывно обшаривают лучи прожекторов, раскинулся завод фирмы «Нортроп». И на северо-востоке этого огромного, залитого слепящим ксеноновым светом пространства, в самом углу, расположены три малоприметных, похожих на склады корпуса, где производится оборудование для третьего слоя противоракетной защиты, слоя, обеспечивающего перехват боеголовок в верхней части их траекторий. Попросту говоря, там делают химические лазеры, которые будут потом доставлены на базу «Ванденберг», а оттуда — в космос. Система «Гром небесный».

Несколько минут, и четыре крохотные пусковые установки закреплены на грунте, после чего Артур нацеливает их на четверо ворот этих зданий. Очень опасная операция, приходится на время жертвовать своей невидимостью, и если охранные системы достаточно чувствительны...

У Артура, думает Джим, великолепные источники разведывательной информации — он знает, какие корпуса представляют наибольший интерес, в какие ворота нужно целиться, знает, что в корпусах этих не будет людей, что ночная охрана будет занята какими-то другими объектами... Совершенно секретные сведения, особенно когда дело касается оборонных компаний вроде этого вот «Нортропа», так что без первоклассной шпионской сети здесь не обойтись.

Снаряды установлены и нацелены, дальше Артур и Джим берут ручные стартеры и пересекают парк, разматывая за

собой провода. Провода натянулись, теперь — нажать на кнопки, отбросить стартеры и — бегом к машине. Выезжая на трассу, сорвать с себя комбинезоны и выкинуть их в канализационный люк. Никаких признаков погони. Что там наделали эти снаряды — одному Богу известно, ведь машина сейчас по другую сторону холма, чинно катит по риверсайдской трассе. Более того, на этот раз Артур и Джим даже не слышали сирен, ведь от того крохотного парка до нортроповского завода — миля с лишком. Однако скорее всего снарядики точно попали в свои мишени, высвеченные лазерными лучами, и растворили в этих корпусах все, что только можно. Как-то очень уж просто получается...

Несмотря на всю легкость сегодняшней операции, сердце Джима колотится как бешеное, они с Артуром трясут друг другу руки, лупят кулаками по ни в чем не повинной приборной доске, они охвачены тем же безудержным ликованием, как и после атаки на завод «Парнелла». Джим преисполняется еще большей уверенности, что только в такие вот моменты он живет настоящей жизнью, что эти ночные акции — единственное, что придает его существованию смысл.

— Да здравствует сопротивление! — кричит он те же, что и в прошлый раз, слова.

Вот у него и лозунг появился.

Глава 34

После подачи предложения ЛСР по программе «Оса» прошел месяц, и за этот месяц Деннису Макферсону пришлось четырежды слетать в Дейтон — его вызывал то один, то другой член Комиссии по выбору поставщика. Вояки с въедливой дотошностью ковыряются в самых трудных вопросах, так что каждая такая беседа превращает Макферсона в выжатый лимон. Однако пока все идет нормально. Был, правда, неприятный день, когда обсуждали эффективность лазера при плохих погодных условиях, так называемую проблему слепого отказа, но от всех остальных вопросов удалось вполне успешно отбиться, оправдав одновременно предполагаемую стоимость системы. А что касается слепого отказа — тут уж ничего не поделаешь. В ЗНП записано требование скрытности, так что хочешь — не хочешь, а

выбирай лазер на углекислом газе, неспособный пробивать своим лучом облака. Макферсон старается выкинуть этот тревожный момент из головы — ерунда, просто КВП хочет выяснить, какая из конкурирующих систем лучше справляется с ограничениями.

Вот так вот. Четыре допроса с пристрастием, и каждый раз ставшие уже привычными унижения, постоянные напоминания, что положение контролируют военно-воздушные силы, и только они, что тут — крупнейший в истории покупательский рынок, а посему каждый, питающий хоть какую-то надежду что-нибудь на этом рынке продать, обязан принять позу покорности — завалиться на спину, выставляя на милость сильнейшего живот и глотку, как это принято у собак... Нет, никто не требует, чтобы ты унижался непрерывно, вполне достаточно делать это в ритуальные моменты начала и конца переговоров, да отвечая на оскорбительные, к делу не относящиеся вопросы, да встречая членов комиссии в столовой или на устраиваемой вояками вечеринке. Макферсон проходит через все неизбежные тяготы с мрачной отрешенностью и старается сосредоточиться на самих переговорах, на том, чтобы ясно и с исчерпывающей подробностью ответить на возникающие вопросы. Только каких же нервов все это стоит.

Но время идет, в конце концов КВП должна закругляться и готовить свой отчет, а Ответственный за выбор поставщика — генерал Джек Джеймс, серьезный такой, малообщительный человек, — должен прийти к какому-то определенному решению, затем это решение будет рассмотрено ГК ВВС США, после чего военно-воздушные силы заключат с одной из компаний контракт по «Осе». Скорее всего решение уже принято. Одна компания получит семисотпятидесятимиллионный заказ, а остальные четыре конкурсантки уйдут не солоно хлебавши, хуже того, с убытками в несколько миллионов, потраченных на первоначальную разработку.

Макферсон докладывает, что переговоры идут вполне успешно, к тому же ВВС выделили ЛСР с самого начала, когда «Оса» была еще сверхчерной программой, поэтому у Лемона нет никаких сомнений, кому именно достанется контракт. Все задаваемые в Дейтоне вопросы указывают на интерес к проблемам разворачивания и дальнейшего совершенствования системы — очевидный признак того, что в

предложении не было найдено никаких слабых мест. Пребывающий в Нью-Йорке Дональд Херефорд вполне согласен с доводами Лемона, он дает личные указания, чтобы большая группа сотрудников ЛСР приехала в Кристалл-Сити, на церемонию присуждения контракта. Является туда и сам Херефорд, сопровождаемый кучкой ближайших помощников. За день до объявления результатов, на вечеринке — для нее выбрали ресторан, расположенный в том же самом небоскребе, где и представительство ЛСР, только этажом выше, — царит приподнятое настроение. По всем заинтересованным фирмам уже пронесся слух, что контракт достанется ЛСР, считай, что уже достался.

Макферсон старается выглядеть таким же веселым, как и остальная компания, однако слухи не очень его убеждают, поживем — увидим. Он слишком взволнован, чтобы строить какие бы то ни было догадки. Ведь решается судьба его собственной программы, ну а слухи — далеко не самый надежный источник информации. И все же трудно не заразиться всеобщим ликованием, трудно сдержать все разрастающуюся надежду...

На следующий день в одном из огромных белых залов Пентагона Макферсон буквально не находит себе места от волнения. Зал постепенно заполняется; все пять компаний, принявших участие в конкурсе — «Эриталия», «Фэрчайлд», «Макдоннелл/Дуглас», «Парнелл» и ЛСР, — прислали большие группы сотрудников. Команды эти держатся плотными кучками, обособленно. Макферсон разглядывает своих соперников с любопытством. Он отпускает какие-то шутки, однако напускная эта беззаботность дается ему с трудом и вряд ли выглядит убедительно. Хочется одного — сесть и спокойно посидеть.

Ну, слава Богу, начинается; появившийся в зале полковник ВВС уверенным шагом подходит к украшенной неизбежным флагом трибуне. Телевизионщики включают свое освещение, из динамиков раздается вой — от одного из многочисленных микрофонов, установленных на трибуне. Очередная большая пресс-конференция, коронный номер пентагонской шатии-братии, пользующийся, как ни странно, популярностью у публики. На выступающего нацелено несколько телекамер, кроме того Макферсон замечает в толпе целую уйму журналистов, работающих на военно-технические издания — из «Эвизйшн уик энд Спейс технолоджи»,

«Нэшнл дефенс», «Си-Ди-Ай тудей», «Милитари спейс» и так далее. На значках других репортеров можно прочитать «Уолл-стрит джорнел», «Юнайтед Пресс Интернешнл», «Ассошиэйтед Пресс», «Сайенс», «Тайм», названия многих газет. Предстоящее событие вполне достойно заметного места в ряду новостей, а хитроумные вояки еще и превратили объявление результатов конкурса в настоящий спектакль. Полковник, которому поручена роль церемониймейстера, является, судя по всему, классным специалистом по связям с общественностью. Опытный, наверное, летчик, саркастически улыбается Макферсон, а сейчас ему придется объявить о начале программы, которая сделает летчиков ненужными.

Сперва приходится выслушать длинное, цветистое описание системы «Оса», ее неоценимых достоинств и огромного значения для американской обороны — все это, конечно же, рассказывается сугубо для телекамер и журналистов. Не обходится и без упоминания того, какая это объемная и дорогостоящая программа. Напряжение участников конкурса растет, они с неослабным вниманием выслушивают всю эту пустопорожнюю болтовню. Да кончай ты, сукин сын, чуть не хором думают семьдесят голов, кончай и переходи к делу. Но и речь эта — тоже элемент ритуального унижения, она лишний раз напоминает, кто здесь начальник, а кто — так, проситель...

Эти мысли на какое-то время отвлекают Макферсона, но затем он вздрагивает.

— Мы рады объявить, — вещает полковник, — что контракт по системе «Оса» присужден фирме «Парнелл эвэйшн инкорпорейтед». Суммарная стоимость их проекта составляет шестьсот девяносто девять миллионов долларов. Подробное изложение оснований для принятия этого решения содержится в документе, который будет вам роздан.

Желудок болезненно сжимается, превращается в тесный, горячий комок. А что Лемон? Да одно выражение этой густо побагровевшей физиономии может привести человека в еще большую ярость, чем результат конкурса. Макферсон хватается одну из передаваемых по рукам брошюр и торопливо пробегает первую страницу, содержащую основные параметры. А затем перечитывает ее — медленно и недоуменно, моргая, словно не веря собственным глазам.

Судя по всему, используется лазер на алюмоиттриевом гранате и двухконтейнерная компоновка. И шестьсот девяносто девять миллионов! Но это же невозможно! Все совершенно ясно — «Парнелл» забил в своем предложении невыполнимо низкую стоимость, которая обязательно будет потом превышена. И ВВС не заметили этого жульничества. Точнее — сделали вид, что не заметили. В зале нарастает пораженный, протестующий ропот, за которым не слышно радостной трескотни парнелловской команды, — до всех доходит смысл напечатанного в этой брошюрке. Счастливые победители конкурса попадают в плотное кольцо репортеров, их слепит яркий свет телевизионных софитов — розовые, словно отдаленные от тел лица, радостные улыбки, глаза...

И тут Макферсона словно прорвало.

— Все это сплошное жульничество! — Он захлебывается от негодования. — Наше предложение было лучшим из поданных, а они выбрали до наглости очевидную липу.

Лемон и остальная публика из ЛСР совершенно ошарашены — Деннис никогда в жизни не позволял себе подобных вспышек. У Арта Вонга даже отвисла челюсть.

Элегантный, с легкой сединой в волосах Дональд Херефорд внешне невозмутим.

— Вы считаете, что им трудно будет уложиться в заявленную стоимость проекта? — поворачивается он к Макферсону.

— Не трудно, а абсолютно невозможно! Не представляю себе, каким образом финансовые эксперты пропустили эту чушь собачью. А сам проект — вы только посмотрите, они же наплевали на все ограничения, поставленные ЗНП: два контейнера, АИГ-лазер, одиннадцать и восемь киловатта — да откуда же, спрашивается, самолет возьмет столько энергии для питания этой мутотени? — Лицо Макферсона горит, сердце бешено колотится. — Нас сделали, как маленьких! — Он швыряет глянцевую брошюрку на соседнее кресло.

— Пожалуй, — бесстрастно кивает Херефорд. — Так вы совершенно уверены, что наше предложение лучше?

— Да, — хрипло цедит Макферсон. — Наше предложение — лучшее из поданных.

Губы Херефорда сжимаются, его лицо становится жестким.

— Если мы спустим им с рук сегодня, они будут повторять такие номера снова и снова. Нарушится сам процесс проведения конкурсов.

Секунду он думает, затем поворачивается к Лемону:

— Мы опротестуем решение комиссии.

Вот уж чего Макферсон не ожидал никак. Он совершенно изумлен. Протест?

— Но... — неуверенно начинает Лемон, однако нетерпеливый взмах руки Херефорда заставляет его смолкнуть. Неужели этот непробиваемый нью-йоркский начальник внутренне кипит? Трудно сказать.

— Свяжитесь с нашими юристами — со здешней фирмой, вашингтонской, — и снабдите их всей необходимой информацией. Если в парнелловском предложении имеются несоответствия требованиям ЗНП, мы сможем добиться судебного постановления о приостановке передачи контракта.

Судебное постановление.

Желудок Макферсона начинает постепенно возвращаться в нормальное свое состояние. Так что же, мы, значит, возбуждаем какой-то иск? Темный лес, вся эта юриспруденция, так что пусть ею занимаются те, кто понимает.

Лемон кивнул головой, сглотнул.

— Хорошо. Мы этим займемся. — На его лице полная растерянность.

Чтобы успокоиться, Макферсон несколько раз глубоко вдыхает воздух; в его голове, надоедая, крутится: судебное постановление, судебное постановление. А тем временем в другом углу зала парнелловская команда продолжает ликовать. Жулье, сукины дети. Ведь нельзя же построить систему «Оса» за шестьсот девяносто девять миллионов, нельзя, и они знают это лучше, чем кто-либо другой. Такая низкая цена — просто уловка, чтобы получить контракт, а уж потом начать разговоры о «непредвиденных обстоятельствах», требующих дополнительных вложений. И никаких тут нет ошибок, сознательная, заранее спланированная ложь. Вот и конкурируй с такими жуликами и лжецами. Да еще когда им подыгрывают военно-воздушные силы. Какое там подыгрывают, сами по уши завязли в этом вранье. Более того — играют в нем руководящую роль. Макферсону становится тошно — не в переносном, а в самом буквальном, физиоло-

гическом смысле слова. Он тяжело опускается в кресло, берет брошюрку, тупо, словно на какой-то непонятный и незнакомый предмет, глядит на обложку.

Глава 35

Сэнди Чапмэн в гостях у своего друга и клиента Джона Стермонда; по огромному экрану скользят дельтапланеристы — чемпионат устроили не где-нибудь, а прямо над водопадом Виктория, динамики орут голосами «Моргонавтов», Сэнди и Джон занюхивают серебристый порошок полиморфия и обсуждают коммерческие перспективы некоего мягкого слухового галлюциногена — обычный, одним словом, трудовой день Чапмэна. И тут врывается до предела взбужденная Викки Гейл, союзница Джона.

— Этот подонок нас кинул!

Выясняется следующее: они с Джоном передали одному из своих распространителей около литра «Звонка», а теперь Адам, этот самый распространитель, смылся, исчез из ОкО. Найти его невозможно, послать счет некому, так что Джон и Викки подлетели тысяч на десять. Все равно что выронили из кармана на улице, и тут уж никто не догонит тебя и не спросит: «Простите, это не ваш бумажник?» И в полицию не сунешься. С концами. Так вот расплачиваются за ошибочную оценку надежности партнера.

Викки с ревом падает на диван, Джон вскочил и носится по комнате.

— Мать его в глаз и в ухо! Ведь чувствовал я, что нельзя верить этому ублюдку.

Постепенно в комнате повисает тяжелая мрачная тишина. Глубоко вздохнув, Сэнди лезет в адидасовскую сумку и вытаскивает объемистую пипетку «Калифорнийского зноя».

— Ну что тут скажешь, — еще раз вздыхает он, — при таком крутом напряге остается только одно — удолбаться в полный ушат.

Пипетка идет по кругу.

— Воспринимайте, — мирно мурлычет Сэнди, — все это бесстрастно. Ну произошло такое вот событие. Соприкосновение с внешней реальностью. Ведь разве часто увидишь подобное? Так что вы приобрели неоценимый жизненный опыт. Получили урок, значительно расширивший как сферу познания, так и сферу эмоций.

— Точно, — говорит Викки.

— Въезжаю, — говорит Джон.

— А к тому же это я дал вам литруху, а потом согласился, что вы переправите ее этому динамщику Адаму. Так что половина с меня. Да ладно, задвинем побольше и все вернем.

— Т-точно.

— Ну, это ты по-дружески. Кому сказать — не поверят.

По кругу идет другая пипетка, на этот раз — с «Щекоткой». И сразу становится ясно, какая забавная приключилась история, смех да и только. Только все так размякли, что смеяться нет сил.

— Высокий производственный риск. — Обессиленное хихиканье.

— Такое вот нарушение инвестиционного процесса. — Вконец обессиленное хихиканье.

— Нас поставили раком.

Одним словом, удар судьбы принят с достоинством. Но что касается Сэнди, его веселое благодушие — скорее маска, за которой идет напряженная работа мысли. Он думал получить с Джона и Викки несколько тысяч, Джон и Викки, судя по всему, думали получить эти тысячи с Адама, который в свою очередь подумал, подумал, да и сделал ноги. Так что пишите письма.

Но эти несколько тысяч необходимы позарез, иначе нечем будет расплатиться за очередную партию товара с Чарльзом, который работает сугубо по принципу «деньги на бочку». Возникает и серьезная проблема с текущими расходами, особенно если учесть умопомрачительные счета этого майамского центра регенеративной терапии. Сэнди начинает подбивать свои доходы и расходы прямо в голове — да у него, собственно, и нет другой бухгалтерской книги; это не мешает ему поддерживать беседу с хозяевами дома.

Где-то в процессе разговора Джон сказал нечто очевидным образом интересное; покончив с вычислениями — и получив заранее ожидавшийся безрадостный результат, — Сэнди возвращается к этому моменту.

— Что это ты там только что сказал?

— А? — переспрашивает Джон. — Что?

— Это я спрашиваю — что? Что ты там сказал? Ты можешь повторить?

— Ну, ты слишком многого хочешь. О чем мы вообще говорили?

— Ну... насчет опасной работы, насчет того, какое у нас рискованное занятие, и тут ты вроде упомянул аэрокосмические заводы.

— Да, ну да! Точно. Это мой приятель Ларри, он крутится по части промышленного шпионажа. Заходит в нужную контору, вроде как ремонтник, или уборщик, или еще кто, и прихватывает там, что плохо лежит — документы всякие и дискеты. Его босс — из Сан-Диего. Занятие и так достаточно опасное, а тут вдруг Ларри сообщает, что они перешли на прямые диверсии.

— Да-да, я про такие штуки где-то уже читал, — кивает Сэнди. Вот крутится что-то в голове, а никак не вспомнить... что-то такое; о чем недавно говорили... когда же это было? — А ты знаешь этого типа из Сан-Диего?

— Ларри не называл его имени. Они вроде работают еще на кого-то, на людей, которым все это нужно, и Ларри это в лом. Башли откалываются крутые, но очень уж стремно.

— Так он что, прямо сам и занимается этими диверсиями?

— Отчасти. Ну и есть еще ребята, которые работают уже на него — вроде как и твой дружок Бастанчери.

— Это что, Артур что ли?

Сэнди задумывается. До этого момента он никак не мог сообразить, где же это недавно говорилось о чем-то подобном, но с упоминанием Артура мгновенно оживает та тусовка в Торри-Пайнс, опиум и беседа с Бобом Томпкинсом. Что же это такое Боб тогда говорил? Хрен тут вспомнишь. Привычный ты там или непривычный, устойчивый или неустойчивый, но регулярное употребление лошадиных доз наркотиков не может пройти бесследно. Огромные усилия, предельная концентрация внимания позволяют Сэнди достаточно надежно функционировать в настоящем, но вот прошлое... прошлое, оно словно улетучивается. Есть уйма перепутанных дорожек, тянущихся куда-то туда, к центрам памяти, но программа, которая позволила бы разобраться в этом лабиринте, отсутствует начисто.

Ну ладно, всех подробностей, конечно же, не восстановишь, но основной смысл припоминается достаточно четко. Реймонд вроде бы надумал мстить воякам, смешная, если разобраться, идея. Смешная-то смешная, но последствия могут оказаться более чем серьезными. Очень, очень интересно.

Сэнди хотелось бы узнать о происходящем побольше. С одной стороны, события разворачиваются на его территории, прямо связаны с теневой экономикой Око, а на своей территории нужно знать каждый камешек и бугорок. С другой стороны, Сэнди не отделаться от предчувствия, что все эти заморочки могут неким образом коснуться его друзей. Вот, например, Джим, он же сейчас все время крутится с Артуром и, уж конечно, не подозревает, что тот вляпался в...

Но тут Сэнди отвлекает другое воспоминание. Ведь в ту же самую вроде ночь Манфред, приятель Боба, делал предложение насчет доставляемого с Гавайев афродизиака. Ну точно. Двадцать тысяч долларов и здоровый пузырь этого самого афродизиака, на который будет бешеный спрос. А вся-то работа — доставить на берег небольшую партию контрабанды. Обычно Сэнди с такими делами не связывается, но в теперешней ситуации... да, тут уж не до принципов. А когда же был весь этот разговор? Вроде как неделю назад, или около того, так что ли? Тогда, может, еще и не поздно...

И снова женские слезы. Викки чувствует себя виноватой — ведь именно она познакомила Джона и Сэнди с этим ублюдком Адамом.

— А не пора ли нам добавить? — мрачно предлагает Джон.

Сэнди откладывает свои размышления на потом, вытаскивает очередную пипетку, смотрит, как Викки и Джон примешивают к своим слезам «Калифорнийский зной». «А ведь мы, — неожиданно осознает он, — используем наркотики как оружие. Оружие, убивающее боль, оружие, убивающее скуку». В этой мысли есть что-то неприятное, даже устрашающее, и он быстро ее забывает.

Приободрив их еще разок, Сэнди раскланивается. Он набирает адрес следующего клиента, а затем откидывается на спинку сиденья и смотрит на пробегающие мимо машины.

Десять тысяч долларов. Джон и Викки отдадут свою долю не раньше чем через несколько месяцев — а может, и вообще никогда, так что весь прогар ложится фактически на него одного. И ничего тут не попишешь. Интересно, вся эта сволота — ворюги, жулики, мошенники, — они задумываются когда-нибудь о том, каково их жертвам? Сэнди снова подбивает свою бухгалтерию — с прежним результатом: из такой дыры не больно-то вылезешь.

Он хмуро смотрит на телефон, а затем поднимает трубку:
— Боб? Это Сэнди... Я звоню насчет твоего приятеля Манфреда...

То есть фактически соглашается на их предложение. Боб говорит, что операция состоится через несколько дней. Лодка полностью готова, стоит в гавани Ньюпорта. Ну что ж, прекрасно. Можно и подождать.

Разговаривая с многочисленными своими знакомыми, Сэнди мельком, словно невзначай, поднимает тему диверсий. Выясняется, что в народе ходит уйма слухов насчет акций против оборонной промышленности, будто бы все это — тоже одна из составных частей обширной теневой экономики ОкО. Но слухи постоянно противоречат друг другу. И никто — кроме Джона Стермонда — не упоминает в связи с диверсиями Артура. Ивлин Эванс уверена, что все эти дела — драчка между корпорациями, а стоит за ними не кто иной, как руководитель парнелловской службы безопасности. Но Ивлин — известная поклонница телесериалов о промышленном шпионаже, поэтому полученная от нее информация не вызывает у Сэнди особого доверия. Вот это и есть основная проблема — очень уж трудно выделить из уймы диких слухов немногие реальные факты. Но Сэнди не прекращает своих попыток.

И вот однажды вечером, а точнее — в два часа ночи, к самому концу ежедневной своей тусовки, он выходит на балкон с Оскаром Балдараммой, старым своим знакомым, а заодно — крупным распространителем лабораторного оборудования и клеточных культур, столь необходимых Сэнди в его работе.

— Я слышал, — сообщает Оскар, — что сегодня эти диверсанты врежут по «Аэроджету».

— Что, точно? А откуда ты знаешь?

— Реймонд проболтался, я как раз вчера его видел.

— Хилая какая-то конспирация.

— А все потому, что Реймонд очень любит пустить пыль в глаза.

— Во-во, то же самое и Боб говорил. А неужели Реймонд сам все это и придумал?

— Да, конечно, нет. Он работает за деньги, как и все остальные. Есть уйма людей, которые очень хотят, чтобы у той или иной компании возникли неприятности — и с радостью отвалят за это крупные бабли.

— Да-а.

А ведь сегодня Артур слинял с тусовки необычно рано, предварительно отказавшись — к вящему удивлению Сэнди — от пипетки «Звонка». А куда, кстати, запропастился Джим?

Глава 36

По пути на урок Джим заскакивает в «Бургер Кинг» с благодушным намерением быстренько перехватить гамбургер плюс чипсы плюс кока-колу. Заметив на стойке маленькую, бесплатно распространяемую газетку «Реджистер», он берет ее и бегло проглядывает. Листок состоит по большей части из реклам и объявлений, но есть тут и крошечная колонка новостей — конечно же, местных. «АЭРОКОЖЕТ НОРТ» — НОВАЯ ЖЕРТВА ДИВЕРСАНТОВ, — гласит шапка. Вот, опять наша работа. Джим читает заметку с большим интересом — как и в предыдущих случаях, они не видели результатов своей операции. Согласно заявлению представителя «Аэроджета», на этот раз пострадала разработка программного обеспечения противоракетной защиты. «Фантастический успех», — думает Джим, выкидывая газетку в урну. Он выходит с гордо поднятой головой, ощущая себя одним из актеров, разыгрывающих драму мировой истории.

После этого очень трудно сосредоточиться на проблемах грамматики. Сегодня один из ученичков выдал пенку: «Соединенные Штаты Америки — надежный гранат восстановления мира в Индонезии». Да-а, гранат. А почему не «бомб» или «ракет»? С другой стороны, фразу можно прочитать и метафорически, только чего уж так скромно — гранат? Изумруд, или даже алмаз. Одним словом — перл. Джим приходит в хорошее настроение. Но только эта история лишний раз свидетельствует, что ничего эти сучьи дети не читают. А уж письменное изложение своих мыслей для них и вовсе какое-то экзотическое ремесло, вроде набивки чучел или настройки роялей. И разве возможно научиться языку за один короткий семестр? И они, и он, Джим, поставили перед собой явно непосильную задачу. Так стоит ли тогда и упираться?

Урок окончен. Джим собирает со стола бумаги, засовывает в сумку, тушит свет и выходит в коридор. Дверь соседнего класса открыта, это что-то новенькое. Урок. Молоденькая, черноволосая учительница прямо брызжет энтузиазмом.

Растрепанная грива черных, вьющихся волос.

Крупная девушка — высокая, ширококостная, плотная.

Армейские защитные брюки, поношенный, бесформенный свитер, рукава закатаны выше локтя.

Мужские ботинки.

Что-то рисует на мольберте — а! Художница. Теперь все понятно, да?

Нет. Стоп-сигнал. Стихотворение — это список «Что Нужно Сделать».

Джим заходит сбоку, пытается рассмотреть, что там, на мольберте. Размашистые черные штрихи. Она работает углем с непринужденной уверенностью, иногда — даже не глядя на рисунок. «И вы попробуйте», — приказывает она ученикам. Попробовать рисовать, глядя в другую сторону?

Ученики пробуют, а тем временем она идет к двери.

— Вы заблудились?

— Нет! Я вел урок в соседнем классе, только что кончил. — «А может, я и вправду заблудился...» — Захотелось посмотреть.

— Если хотите посмотреть, заходите в класс.

Джим неуверенно мнется, но девушка уже вернулась к мольберту, и так вот взять и уйти — это будет просто невежливо. Он смущенно проскальзывает в класс и садится за ближайший к двери стол. А чего тут, собственно, такого?

Ученики сидят за столами, за партами, стоят у мольбертов, все они самозабвенно рисуют. На мольберте учительницы набросок пейзажа в китайском, то ли японском стиле. Нагромождение горных вершин, полускрытых облаками. Внизу — крошечные, кривые сосны, спадающий водопадом ручей, чайный домик, группа пузатых монахов, монахи хохочут, глядя на птицу. Настоящая дзеновая картинка. Джим забросил дзен, ведь это — до безнадежности аполитичное учение, но все же в искусстве есть нечто такое, что...

Учительница поднимает голову к настенным часам.

— Мы с вами уже переработали. Пора закругляться.

А когда ученики начинают собирать свои вещи, она добавляет:

— Нужно научиться рисовать, не думая, без участия головы. Это не придет сразу, потребуется много времени, долгая практика. И все это время вы должны учиться смотреть, учиться видеть. Видение и техника. Научитесь использовать свободные, незарисованные пространства. Когда вы освоите пробелы — все остальное будет зависеть исключительно от видения. — Она уже не у своего мольберта, а в центре класса,

среди учеников. — Мы проходим по жизни с закрытыми глазами, как слепые, как лунатики, а так нельзя. Так нельзя. Вы должны поместить свой разум в глаза и наблюдать. — Теперь она берет свою палитру, относит ее в угол, к раковине, у которой толпятся ученики, и начинает мыть кисти. — А когда это станет автоматической привычкой, вы увидите мир как последовательность бесчисленных картин, и тогда техника, которую вы освоите, поможет вам перенести часть этих картин на бумагу. Сегодня, сейчас, когда вы будете выходить из двери класса, думайте о том, что я сказала, и проснитесь. До свидания, увидимся в четверг.

Негромко переговариваясь, ученики расходятся. Джим сидит за столом и смотрит. Девушка кидает свои рисовальные принадлежности в большой портфель — почти чемодан. Защелкивает замок.

— Ну так что? — поворачивается она к Джиму.

— Я учусь смотреть.

— Поосторожнее, — она смешно морщит нос. — А то еще начнете наткаться на мебель.

Джим нерешительно мнется.

— А может, зайдём в кофейню?

Теперь в нерешительности девушка, она опустила глаза. Господи, думает Джим, да какая же она застенчивая, разве поверили бы в это ее ученики?

— Хорошо. — Она хватает портфель и быстро, большими шагами выходит из класса.

Джим идет следом. Они знакомятся. Девушку звать Хана Штеентофт, а живет она в Можеска-Каньоне, совсем неподалеку от колледжа.

— Ты художница? — спрашивает Джим.

— Да. — Вопрос кажется ей смешным. Почему?

Кафе декорировано с жалкими потугами на стиль богемской кофейни: пластиковая имитация деревянных потолочных брусьев, полумрак, на старинных плакатах — какие-то европейские замки, вдоль одной из стен — автоматы, торгующие напитками и едой. Нагляднейшее свидетельство того, что Трабуко — третьеразрядный колледж. Посетителей — нуль. Хана и Джим садятся в углу, подальше от уборщицы, моющей деревянную (тоже имитация) дверь.

— А ты рисуешь в этом самом стиле, который ты сегодня преподавала?

— Нет. Это просто инструмент для становления стиля. Я люблю китайский рисунок, иногда и сама пользуюсь тех-

ником периода минской династии, она идеально подходит для решения некоторых задач, но только... вот ты говоришь, учишь писать? Это как если бы ты вел курс по сочинению сонетов, а я бы спросила тебя, пишешь ли ты сонеты. Скорее всего оказалось бы, что нет, но то, чему научили тебя сонеты, может быть использовано в других стихотворных формах.

Джим кивает:

— А ты продаешь свои картины?

— Конечно. На эту зарплату не больно-то проживешь, — смеется Хана.

Джиму смеяться не хочется.

— А кто у тебя покупает?

— По большей части — индивидуальные покупатели. Из каньонов, из Лагуны. А кроме того — банки. Делаю по их заказам стенные росписи. А что ты пишешь? — меняет она тему разговора.

— Ну... стихи. По большей части. Но преподаю я самый тупой английский.

— Тебе он что, не нравится?

— Да нет, нравится, конечно, нравится. — Джим уже сожалеет о неосторожно сорвавшемся с языка слове.

Кружку пива Хана опустошает чуть ли не залпом. Они беседуют о преподавании. Потом переходят на живопись. Джим знаком с импрессионистами и с обычным для культурстервятника джентльменским набором прочих художников. Им обоим нравится Писарро. Хана рассказывает о Мэри Кассат, а потом о Боннаре, предмете особых ее восторгов.

— Ведь сколько, казалось бы, прошло времени, но даже и сейчас некоторые аспекты его творчества остаются малопонятными. Вот, скажем, колорит — странный, неестественный, но стоит приглядеться к окружающему миру лучше — и вот он, боннаровский колорит, но только не на поверхности, а вроде как в глубине вещей.

— Даже эти белые тени, которые есть на одном из его полотен?

— Cabinet de Toilette?* — смеется Хана. — Ну... не знаю. Думаю, это он в интересах композиции. Честно говоря, я тоже никогда не встречала белых теней. Но как знать, может, Боннар их и видел. А почему бы и нет, ведь он был гений.

* Туалетная комната (фр.).

Гений. Хочешь не хочешь, приходится выяснять, чем эти самые гении отличаются от простых смертных и чему можно у них научиться. Чему — и каким образом. Джим сразу же признается, что не считает себя гениальным поэтом, он и вообще сильно сомневается в своей причастности к высокому искусству поэзии, однако делиться этим сомнением с новой знакомой как-то не очень хочется. Совсем иначе ведет себя Хана — она воздерживается как от заявлений о собственной гениальности, так и от каких-либо самоуничижительных признаний. Разговор становится все более оживленным, Хана и Джим поминутно перебивают друг друга — каждому хочется сказать побольше, уточнить и развить чужую мысль. Джиму очень нравится эта девушка.

— Но разве дело только в том, чтобы уделять больше внимания тому, что видишь? — спрашивает Джим, имея в виду недавние слова Ханы. — Ведь это примерно то же самое, что лучше сфокусировать бинокль или фотоаппарат...

— Нет, — темпераментно машет рукой Хана, — конечно же, нет. Мы видим совсем не так, как видит камера. Именно это и придает фотографии такой интерес. Острота видения совершенно отлична от остроты зрения. Сфокусировать видение — это значит изменить само восприятие окружающего мира, а не просто увидеть вещи отчетливее. Нужно избавиться от эстетической слепоты — а также и от моральной.

— Видение как нравственный поступок.

Хана энергично кивает.

— Вот уж это резко противоречит позиции постмодернистов.

— Совершенно верно. Но ведь сейчас происходит отход от постмодернизма. Да и сам он меняется. Прекрасное время для художника. Можно использовать по своему усмотрению свободное место, оставшееся после смерти постмодернизма и не заполненное еще ничем иным. Принять участие в создании того, что придет на смену. Мне лично это нравится.

— Ну и амбиции же у тебя, — хохочет Джим. — От скромности не умрешь.

— Конечно. — Хана, сидевшая почти все это время, опустив глаза, окидывает Джима коротким взглядом. — Ведь амбиции есть у всех, ты согласен?

— Нет.

— Но вот у тебя самого — у тебя они есть?

— Ну... — смеется, а скорее заставляет себя засмеяться Джим. — Да, пожалуй, есть.

Есть, конечно же, есть! Но само это признание лишний раз подчеркивает неприятную истину: он ничего еще не создал, он ленив и не умеет трудиться. Поэтому Джим предпочел бы говорить на какую-нибудь другую тему.

Хана снова рассматривает стол.

— Амбиции есть у всех, — кивает она. — И если кто-либо в этом не признается, значит, он просто боится или стесняется.

Тоже мне, телепатка. И тут Джим с удивлением слышит свой собственный голос:

— Я и вправду боюсь.

— Конечно. И все-таки ты признал, что они у тебя есть.

— А куда ж тут денешься, — улыбается Джим. — Ты покажешь мне свои работы?

— Конечно. А мне хотелось бы почитать твои.

Ну, только этого и не хватало.

— Это сплошной ужас.

Хана улыбается столу:

— Вот все поэты так говорят. Ого, ты посмотри. Заведение-то закрывается.

— Еще бы, ведь уже одиннадцать!

Только чего она совсем за собой не следит, думает Джим, пропуская Хану в ярко освещенный холл. Вид у нее, мягко говоря, дикий — всклокоченные волосы, мешковатый, сикось-накось связанный свитер... Вот уж кто не похож на модную девушку. Может, оно, конечно, и намеренно, но все-таки...

— Я хотел бы еще с тобой увидеться, — говорит Джим. Хана смотрит в сторону, на землю — заинтересовалась, что ли, тем, как выглядят окаймляющие двор колледжа кусты в свете установленных прямо на земле софитов? И вправду странная картина, тревожная какая-то, нереальная. Ну вот тебе, пожалуйста, и у меня, что ли, глаза прорезались?

— Конечно, увидимся, — равнодушно кивает Хана. — У нас же уроки кончаются одновременно.

Вот и ее машина.

— Так, значит, до четверга?

— Конечно. Или уж когда там выйдет.

— Хорошо. До свидания.

Джим садится в машину и уезжает, прокручивая в голове недавнюю беседу. Так что, у меня действительно есть

амбиции? А если да, то какие? «Ты хочешь изменить порядок вещей, — думает он. — Ты мечтаешь изменить Америку! Своими произведениями, и диверсиями, и преподаванием, и всем, что ты делаешь! Изменить Америку — можно ли представить себе задачу более грандиозную? А в таком случае — просто удивительно, насколько ты ленив, насколько широка пропасть, отделяющая твои мечты от реальных свершений! Обреченный вздох. Но ты только посмотри на цепочку фар, изгибающихся вдоль берега Гадючьего Пруда, как их отражения в черном зеркале воды образуют целую последовательность корчащихся, извивающихся S-образных бликов».

Все дело в видении.

Глава 37

Лемон в полнейшей ярости от всего, связанного с решением по «Осе», в том числе и от им же лично организованного протеста. Удивительного здесь мало. Макферсон психанул, что решение — чистая липа, Херефорд послушал его, послушал и повелел обратиться в суд, а Лемон оказался вроде как ни при чем, вроде как сбоку-припеку в принятии такого жизненно важного для ЛСР решения. И добро бы все это втихую, а то на глазах у целой бригады его же подчиненных. Да, такое спокойно не проглотить. Результат: с не предвещающей ничего доброго ухмылочкой Лемон взваливает на Макферсона обязанность представлять ЛСР в разбирательствах по протесту, в деле долгом и муторном. Он уверен, что Макферсон придет в ужас от такого задания — и ничуть в том не ошибается. Теперь этот красавчик попляшет, ему снова придется разрываться между двумя важными делами: с одной стороны, консультировать адвокатов фирмы, давать показания то одному комитету, то другому, обеспечивать их различными документами и все такое прочее, то есть поминутно мотаться в Вашингтон, а одновременно помогать Дэну Хьюстону в попытках спасти «Шаровую молнию» от неумолимо приближающейся катастрофы. Вот и хорошо, пусть побеждает.

И Макферсон бежит, а точнее — летает в Кристалл-Сити на переговоры с адвокатской фирмой, представляющей здесь интересы ЛСР. «Хант, Стэнфорд и Голдман инкорпорейтед» — одна из наиболее преуспевающих фирм Вашингтона, а этим многое сказано.

Луису Голдману, который взялся за их дело, лет сорок с небольшим; он чуть лысоват, весьма импозантен и питает слабость к броским — для юриста, пожалуй, даже слишком броским — костюмам. Попервости Макферсон, считавший юристов чуть не главными в стране паразитами (две другие группы паразитов — биржевые брокеры и деятели рекламного бизнеса), держался в обществе этого столичного пижона весьма натянуто. Когда же выяснилось, что Голдман наделен быстрым, цепким умом и к работе своей относится со всей ответственностью, Макферсон помягчел, проникся к нему сперва уважением, а затем даже симпатией. А что, собственно, вполне приятный парень, во всяком случае — для адвоката.

Сегодня они обедают в лучшем ресторане Кристалл-Сити — вращающейся такой штуковине, взгроможденной на крышу сорокаэтажного «Хилтона». Прибывающие в аэропорт самолеты заходят на посадку вдоль Потомака, очень странно смотреть на них сверху вниз.

Макферсон переходит к делу почти сразу; его интересует судьба протеста.

— Стартовая точка — публикация военно-воздушными силами ЗНП, вся предыдущая история проекта выпадает. — Голдман начинает рисовать на салфетке схему. — Никто не хочет публично признавать существование сверхчерных программ, да и в любом случае их проведение не обусловлено никакими писаными законами, так что все более ранние события прямо к делу не относятся.

— Понимаю, — кивает Макферсон. — Однако требования опубликованной ЗНП в точности соответствуют спецификациям первоначальной сверхчерной программы, так что любые от них отклонения...

— Конечно. Тут возникают серьезные основания для внесения протеста. Давайте посмотрим, правильно ли я понимаю главные ваши возражения. Военно-воздушные силы поручили вам разработать скрытную навигационную систему для дистанционно управляемого самолета, который будет запускаться с низкой спутниковой орбиты и выходить на бреющий полет. Самолет должен надежно управляться на предельно малых высотах, его задача — обнаруживать вражескую бронетехнику и атаковать ее при помощи ракет «воздух-земля». Атака производится в условиях прямой видимости, требование слепого поиска целей не выдвигалось.

— Совершенно верно, именно это они и заказывали.

— Кроме того, желательное размещение аппаратуры в одном контейнере, а энергопотребление не должно превышать одиннадцати киловатт.

— Правильно. И вот комиссия выбирает систему, размещенную в двух контейнерах и потребляющую, если верить тактико-техническим данным, указанным в предложении, одиннадцать с половиной киловатт. Да и какие там одиннадцать с половиной, вранье это все, наши оценки по парнелловской конструкции дают гораздо большую цифру. Не могу себе представить, чтобы ВВС не заметили такого наглого очковитательства.

Голдман внимательно слушает и делает пометки в блокноте, все эти данные — совсем не для ресторанной салфетки.

— Так вы говорите, они использовали радар?

— Совершенно верно. ЗНП требует, чтобы система была скрытной, не выдавала себя поисковым сигналам — все точно так же, как и в спецификациях сверхчерной программы. «Парнелл» попросту плюет на это требование и ставит радар. Система теряет скрытность, приобретая при этом способность к слепому поиску целей. И вот эту-то способность ВВС записывают в число преимуществ парнелловского предложения, хотя в ЗНП о ней не было ни слова. — На лице Макферсона гримаса отвращения.

— Очень важный момент. А есть еще какие-нибудь несоответствия?

— Я рассказал о самом главном, но есть и другие.

Макферсон начинает подробно перечислять, Голдман слушает и кивает, в его блокноте появляются все новые и новые пункты. ВВС упомянули среди парнелловских преимуществ ускоренный график работ, а потом записали в контракт значительно более мягкие сроки. Удивляет и трогательное согласие оценок наиболее вероятной стоимости работ, сделанных комиссией, с данными, предоставленными «Парнеллом», и это при том, что аналогичные оценки по проекту ЛСР неизменно оказывались выше цифр, предоставленных фирмой. Ну а затем более низкая стоимость парнелловского предложения учитывалась как один из важных его плюсов.

— Из всего этого абсолютно ясно, что ВВС хотели передать контракт «Парнеллу» — вне всякой зависимости от срав-

нительных достоинств предложений, — подытожил Голдман. — У вас есть какие-либо догадки, чем это вызвано?

— Никаких. — Макферсона снова охватывает та же плохо контролируемая злоба, как и тогда, в Пентагоне. — Ровно никаких.

— Хм-м-м. — Голдман задумчиво постучал кончиком карандаша по зубам. — Мне не хотелось бы, чтобы об этом узнал кто-либо посторонний, но наша фирма имеет в Пентагоне своих агентов, и кое-кто из них уже занят вашим делом. Если удастся выяснить, чем же именно вызвано такое, мягко говоря, необычное поведение комиссии, и найти тому доказательства, наши шансы неизмеримо возрастут.

— Да, пожалуй.

Они заказывают коньяк и ждут, пока со стола уберут посуду.

— Так каковы же наши ближайшие действия? — спрашивает Макферсон.

Опять вступает в дело набросанная на салфетке схема.

— Мы использовали два подхода одновременно, вот, видите? Во-первых, ходатайствовали перед федеральным судом первой инстанции о вынесении постановления, приостанавливающего передачу контракта до завершения расследования дела Федеральной счетной палатой. Одновременно мы послали запрос о проведении такого расследования. Результаты пока что пятьдесят на пятьдесят. Начну с обнадеживающего факта. ФСП дала свое согласие. Как вам, вероятно, известно, эта палата принадлежит к структурам Конгресса и хорошо известна своей беспристрастностью. Один из последних честных сторожевых псов. Они проявили большой интерес и, как я думаю, не пожалеют усилий, чтобы докопаться до истины.

Голдман задумчиво посмотрел на свою рюмку, сделал глоток.

— Ну а новости со второго фронта выглядят довольно скверно. Тут возможны крупные неприятности.

— Почему?

«Ну какое до этого дело моему желудку? — тоскливо думает Макферсон. — Ну почему он обязательно должен сжиматься при неприятных известиях?»

— Понимаете, округ Колумбия находится в федеральном подчинении, здесь ходатайство, подобное нашему, поступает

в федеральную судебную систему и передается для рассмотрения в один из четырех апелляционных судов, каждый из которых имеет своего председателя. Это не региональная система, где ты обращаешься с иском в конкретный суд, здесь кто-то берет твои бумаги и решает, куда именно их направить. Как правило, этот процесс происходит случайным образом, но в некоторых случаях... Одним словом, наше ходатайство будет рассматриваться в четвертом суде, которым руководит Эндрю Г. Тобайасон.

Еще один глоток виски. По застарелой адвокатской привычке Голдман делает театральную паузу.

— Ну и что?

— Дело в том, — эти слова произносятся медленно, с расстановкой, — что судья Эндрю Г. Тобайасон — отставной полковник ВВС США.

Своеобразное ощущение, когда твой желудок сжимается в точку.

— Кой черт, — неуверенно протестует Макферсон. — Да разве же так бывает?

— ВВС имеют своих собственных юристов, многие из которых работают именно здесь, в округе Колумбия. Выходя в отставку, некоторые из них получают должности в гражданской судебной системе. Вот так и наш Тобайасон. И я не думаю, чтобы данное ходатайство попало к нему случайно, тут явно приложили свою руку ребята из ВВС. Дело ведь не шибко-то хитрое, пара телефонных звонков, и все готово. Так оно или не так, но Тобайасон отказался вынести нужное нам постановление, он решил, что пока контракт должен идти своим чередом, а уж когда ФСП закончит расследование и представит ему доклад — тогда и будет вынесено окончательное решение. В результате, — криво улыбается Голдман, — нам придется вести это сражение с довольно-таки неудобных исходных позиций. Ну ничего, боеприпасов у нас вроде достаточно, так что... так что мы еще посмотрим.

Новости малоутешительны, и Голдман этого не отрицает. Макферсон допивает коньяк. В центре вращающегося ресторана расположена небольшая сцена; совершенно ужасный певец совместно с просто плохим пианистом терзает уши обедающих песнями, к которым и прилагательного-то враз не подберешь. Сейчас за ближайшим к столику окном —

Вашингтон, безбрежная россыпь огней. Памятник Вашингтону — белый карандаш с красной мигалкой на конце, кукольный домик Капитолия, между ними — темная полоска Молла*. Еще один кукольный домик, поближе, на берегу Потомака. Это мемориал Линкольна... И все это далеко, далеко внизу — Вашингтон сохранил старый закон, ограничивающий максимальную высоту зданий десятью этажами. А не нужно забывать, что связь между высотой и богатством, вернее даже, между высотой и властью почти одна и та же в любом городе, построенном людьми, высота равняется власти. Поэтому обитатели Кристалл-Сити взирают на столицу великой державы, как боги — на обиталище заурядных смертных. «И никакое это не совпадение, — думает Макферсон, — это символ, прекрасно описывающий реальное распределение власти между двумя силовыми центрами — тяжеловесная громада Пентагона и со всех сторон обступившие его роскошные отели, битком набитые бесчисленными лизоблюдами, надменно глядят сверху вниз на избранное народом правительство...»

— ВВС — очень большая сила, — заметил Голдман, словно читая его мысли. — Но в этом городе есть и другие силовые центры. Здесь очень много власти, и она разбросана по самым разным местам. Структура весьма далека от совершенства, но все же в ней есть определенные сдерживающие факторы, одни ее части уравниваются другими. Самые разнообразные взаимоограничения, самые разнообразные балансы сил. Вот их-то мы и должны использовать.

Трудно что-нибудь возразить. За следующий час, который проходит в дружеской, непринужденной болтовне, Макферсон немного успокаивается, но по пути в отель мрачные предчувствия вспыхивают с новой силой. Судья — отставной полковник ВВС! Это надо же такое придумать!

Вместе с ним в лифт заходит хорошо одетая женщина. Духи, яркая губная помада, шелковистые волосы, желтое платье с низко оголенной спиной. И без спутника — в такое-то время. Глаза Макферсона слегка расширяются, ему в голову приходит неожиданная догадка, что эта женщина — одна из многочисленных в Кристалл-Сити проституток,

* В данном случае Молл — парк в Вашингтоне.

направляется куда-то по вызову. Женщина выходит первой, она улыбается Макферсону, и тот тоже изображает нечто вроде улыбки. Ну что ж, обычный военный город.

Глава 38

Теперь Джим с нетерпением ожидает те дни, когда у них с Ханой совпадает расписание, но никогда не уверен, что же получится на этот раз — новая знакомая не проявляет особого желания с ним встречаться. Иногда она распускает свой класс раньше Джима и сразу же уходит. Иногда она занята.

— Ты уж прости меня, пожалуйста, — говорит в таких случаях Хана, глядя в землю, — сегодня никак, очень много работы.

Но бывают такие дни и такие вечера, когда она молча кивает, вскидывает на мгновение глаза, улыбается, и они идут все в то же жалкое кофейное заведение и говорят, говорят, говорят...

— Мне дали мастерскую, — сообщает она однажды, — здесь же, в студенческом городке. Я не совсем еще к ней привыкла, но ты заходи, если хочешь, посмотри.

— Конечно, хочу.

Они идут по темным дорожкам, среди освещенных снизу бетонных корпусов. Иногда в каком-нибудь просвете между зданиями открывается узкая полоска вечернего, усыпанного огнями ОкО. Вокруг ни души — сейчас городок напоминает большую декорацию, фильм снят, все актеры ушли. Даже странно, что в одном из серых, унылых параллелепипедов находится мастерская художника. Они входят, Хана нажимает кнопку, и под потолком вспыхивает свет, смесь неона и ксенона. У стен свалены холсты, их здесь много, очень много. Пока Хана смешивает краски, Джим просматривает одну из груд. Стиль пейзажей вроде бы китайский, но исполнены они в ярко-голубых и зеленых тонах, а крыши пагод, ручьи, сосновые шишки и снежные вершины далеких гор отливают тусклым золотом.

Общее впечатление... ну, скажем, странное. Нет, Джим не остановился как громом пораженный, он не испытал мгновенного сатори и ему не открылись неведомые прежде глубины, эти картины действовали на него совершенно иначе. Сперва потребовалось привыкнуть к их странности, попытаться понять, что же это такое здесь изображено.

А вот и чисто абстрактная картина. Здорово, потрясающе... но тут выясняется, что никакая она не абстрактная, а просто перевернута вверх ногами. М-м-да. Истинный знаток и ценитель искусства. Вниз ногами — опять интересно; теперь Джим начинает видеть на этих полотнах не только горы и леса, реки и луга, но и абстрактные структуры.

— Вот это да. Хана, великолепные у тебя картины. Только... только почему ни на одной из них нет нашего Оринджа?

— Так и знала, что ты об этом спросишь, — смеется Хана. — Посмотри в том углу, вон та стопка, невысокая. — Снова смех. — Ведь это гораздо труднее.

Очень, до крайности интересные полотна — во всяком случае, с точки зрения Джима. Техника та же самая, но соотношение цветов — обратное. Здесь превалирует золото; золото затемненное, высветленное, оставленное в первоизданном виде, и все это — перекрывающимися блоками, квадратами, налезаящими друг на друга, как большие дома. И то здесь, то там разбросаны голубые, или зеленые, или зелено-голубые пятна — деревья, оголенные склоны холмов (с золотыми квадратами строительной техники), парки, пересохшие русла рек, полоска моря с золотым слитком Каталины.

— Здорово!

На одной картине — взгроможденная на опоры трасса, жирная золотая лента, перечеркивающая зеленоватое небо, а чуть сбоку — бронзовая громада молла. Ну точно как там, у него под той трассой.

— Да, Хана.

Еще одна абстрактная структура — ньюпортская гавань, залив — сине-зеленый, а лодки, корабли и полуостров — золото.

— И почему ты это продаешь?

— Вам, мистер учитель, не по карману.

— Я не про себя думал, я про Сэнди. Он наверняка захотел бы что-нибудь такое для своей спальни.

— У-гу.

Джим смотрит, как Хана смешивает в синих плосках золотые, ярким металлом отсвечивающие краски. Спутанные черные волосы упали на лицо, висят над самой посудинной. Вот это бы кто нарисовал. В нем просыпается какое-то странное, трудно определимое ощущение...

Она смешивает краски, а Джим рассказывает про своих друзей. Про Таши, который пишет рассказы о своем серфинге,

рассказы, живостью своей и прозрачностью далеко превосходящие опусы самого Джима.

— А это потому, что он не пытается создать произведение искусства. — Хана улыбается своей плошке. — Очень ценное состояние сознания.

Джим кивает. Он рассказывает о нежелании Таши сотрудничать с миром, о бешеной энергии Сэнди и его деловых подвигах, его в легенду вошедшей привычке всюду опаздывать. И про Эйба тоже. Джим рассказывает, как Эйб приходит после работы на тусовку, и какое у него бывает при этом осунувшееся лицо, и как усилием воли он превращает это лицо в веселую маску. И как он последнее время сторонится Джима, подсмеивается над полным неумением Джима хоть что-нибудь сделать руками, и все время общается с Ташем и Сэнди, а Джим вроде как в стороне, и как иногда все-таки случаются короткие проблески близости, которая была у них прежде.

— Иногда я рассказываю что-нибудь, а Эйб вдруг вскинет на меня глаза, словно выстрелит, а потом закинет голову и хохочет, и я вдруг понимаю, как мало все мы знаем о своих друзьях, кто они такие и что они о нас думают.

Хана кивает, поднимает на него глаза и улыбается, редкий случай.

— Ты любишь своих друзей?

— Что? Да, а то как же, — смеется Джим.

— Ну вот, я начинаю работать. Отойди, пожалуйста, в сторону, не засти. Садись куда-нибудь и делай что хочешь, а хочешь — поезжай домой.

— Я посмотрю другие картины.

Джим смотрит их одну за другой, поглядывая время от времени на Хану. Работает она сидя — сгорбилась над лежащим на столе холстом и орудует крошечными кисточками. Лица не видно, его скрывают упавшие вперед волосы. Тело словно окаменело, двигается только кисть руки — движения еле заметные, но быстрые, уверенные... сколько же часов нужно ей, чтобы закончить одну картину? А сколько их здесь, на полу, штук ведь шестьдесят, не меньше. Да-а.

А потом Джим откладывает картины и смотрит уже только на Хану. Хана этого не замечает. Время от времени она набирает полную грудь воздуха, затем выдыхает и задерживает дыхание. «Вроде чейн-стоксовского дыхания, — думает Джим. — Словно она на большой высоте». В какой-то момент он приходит в себя и осознает, что смотрит

на эту неподвижную фигуру, ни о чем не думая уже... уже неизвестно сколько времени. Вроде медитации, которая никогда ему не удавалась! Правда, сейчас он чуть было не уснул.

— Хана? Я, пожалуй, пойду.

— Хорошо. Увидимся?

— И не сомневайся.

По пути домой Джим буквально слышит зарождающееся стихотворение — даже целую поэму, в которой есть и золотые трассы, и зеленое небо, и громоздка фигура, приткнувшаяся над низеньким столом. Но потом стихотворение куда-то исчезает, дома, у компьютера он не может вспомнить ничего, кроме каких-то перепутанных обрывков и почти невыразимых словами образов. Когда Джиму надоест тарашиться на пустой экран, он ложится и впадает в беспокойное, полудремотное состояние. И снова он идет по усеянному развалинами холму, и снова низкие, обрушившиеся стены, и пустынная до самого горизонта земля... и снова из холма восстает нечто, которое должно ему о чем-то рассказать, только он не понимает — о чем. А потом он поднимает голову и видит золотую трассу, повисшую в зеленом небе.

Глава 39

Таш далеко не горел желанием участвовать в приемке прибывающего с Гавайев контрабандного груза, но Сэнди все-таки его уломал. Подействовали не столько финансовые доводы, сколько настоятельные личные просьбы, Таш он и есть Таш.

Вскоре после этого к Сэнди зашел Боб Томпкинс с последней информацией относительно доставки «Носорога» и с ключами от лодки, стоявшей в ньюпортской гавани. Обговорив дела, они прихватывают по стакану и удаляются на балкон; вскоре туда же выходит и Анджела.

— А как там у Реймонда? — безразлично интересуется Сэнди.

— Да все в порядке.

— Так и продолжает громить оборонную промышленность ОКО?

— Еще как, пуще прежнего.

— И что, набербовал для своего крестового похода местных дурней?

— Вернее сказать — нанял. Ну да, конечно. Ты не думаешь, что он все сам делает?

Сэнди медлит, ему не хочется проявлять повышенного интереса, но тем временем в разговор вмешивается Анджела:

— Мы думаем, что с ним связались некоторые из наших друзей, и боимся, не нарвутся ли они на крупные неприятности.

— Ну... — хмурится Боб, — я не знаю, что тут и сказать. Во всяком случае Реймонд принимает самые строгие меры безопасности. Он божится, что все идет тихо и гладко.

— А слухи уже разносятся, — замечает Сэнди.

— Да? — снова хмурится Боб. — Ладно, я скажу Реймонду. Мне и самому кажется, что пора бы все это кончать, только не знаю, согласится ли он.

Сэнди бросает взгляд на Анджелу, и они переводят беседу на другие темы. Потом, обдумывая услышанное, Сэнди приходит к выводу, что ничего особенно ценного он, собственно говоря, не узнал. Зато удалось послать Реймонду полезную информацию.

Следующим утром Сэнди и Таш идут в гавань. Боб принес все необходимые ключи — от автостоянки, лодочной пристани, от ворот, ведущих к пристани, от клетки, ограждающей лодку, специальный ключ для отключения охранной системы, три ключа, позволяющие проникнуть во внутренние помещения лодки, и один, высвобождающий тайкаж.

Лодка — это не лодка, а скорее уж яхта. Тридцатитрехфутовый катамаран с широким, объемистым корпусом, не отличающийся особой скоростью и гордо именуемый «Гордость Топеки». Надежная тиковая обшивка, борта и палуба — синие, паруса — всех цветов радуги сразу, на корме каждого из полукорпусов — небольшой вспомогательный движок. Они спускают яхту со слипа, включают движки и неспешно, с негромким тархтением двигаются к выходу из гавани.

Мимо пяти тысяч лодок.

Мимо павильона Бальбоа и парома, перевозящего туристов.

Мимо дома, разрезанного пополам двумя насмерть поссорившимися братьями. Это — наша История.

Мимо буйка, отмечающего место, где ставил свою яхту Джон Уэйн.

Мимо поста морских пограничников (нужно выглядеть как можно безобиднее).

Мимо пальм, склонившихся над Пиратским Логовом. Это — твоё детство.

А потом — в узкий канал, зажатый между двух молов. Час пик, и на выходе из самой оживленной гавани мира пробка почище уличной, скорость — пять узлов. Ничем не лучше, чем на трассе. За левым (если двигаться на выход) молом — Корона-дель-Мар, именно там Каханомоко познакомил Калифорнию с серфингом. Справа, за более длинным молом — Клинтон, любимое место бодисерферов.

— Интересно, откуда натащили все эти валуны и булыжники, из которых сложены молы? — лениво спрашивает Сэнди. — Тут поблизости ничего такого нет.

— Спроси у Джима.

— А ты помнишь, мальчишками мы добежали тут до самого конца?

— Да. — В самом конце корона-дель-марского мола — металлическая выпшка, увенчанная мигающим зеленым огоньком. Одна из волшебных целей их детства. — Мы были психами, что носились по этим булыганам.

— Знаю! — смеется Сэнди. — Один раз поскользнуться — и с концами. Сейчас бы я ни за что.

— И я. С возрастом мы стали рассудительнее.

— А-ха-ха, ха-ха-ха. Что сразу же мне напомнило — а не пора ли запустить в глаз?

— Только поднимем сперва паруса, а то еще забудем, как это делается.

Сэнди и Таши поднимают грот, яхта бежит быстрее, они правят к югу.

Двигатели выключены. Сзади — белый пенный след.

Отражение солнца в воде. Ветер сносит к берегу.

Парус вздувается беременным животом.

Сэнди набирает полную грудь воздуха, выдыхает.

— Да, да, да. Наконец свободен*. Самое время отметить это дело.

— Тут куда лучше, чем в городе.

* Слова, выбитые на могильной плите Мартина Лютера Кинга.

Сэнди капает в один глаз, в другой, промаргивается, вздыхает.

— Единственный достойный способ передвижения. Нужно затопить улицы и выдать каждому по катамарану, хотя бы маленькому.

— Мысль.

Намеченная точка randеву расположена милях в шести-десяти от берега, за островом Сан-Клементе. Остров этот — федеральная собственность, и живут там одни козы. ВМС и морская пехота используют его для своих забав — здесь отрабатываются вертолетные атаки, воздушное и морское десантирование, точечное бомбометание и прочие такие штуки.

Торопиться некуда, корабль с Гавайев прибудет только завтра, возможно даже — завтрашней ночью. Сэнди и Таш почти не разговаривают — их долгое знакомство в этом не нуждается.

Но именно в такой умиротворенной, проникнутой дружелюбием тишине и начинают говорить люди, не склонные обычно к откровенным излияниям. Как-то вдруг оказывается, что Таш рассказывает про Эрику. Он обеспокоен. Чем выше поднимается Эрика в администрации хьюзовского молла, тем чаще и резче критикует она своего непутевого союзника и его эксцентричный образ жизни. А все знают, какой у Эрики Палме острый язык, тут уж мало кто с ней сравнится.

— А чего ей надо? — спрашивает Сэнди. — Она что, мечтает о деловом партнере, детях, респектабельной семейной жизни в дорогой квартире южного ОкО?

— Я не знаю, — говорит Таш, сморгнув пару капель из пипетки.

«Знает он, — думает Сэнди. — Знает, но не хочет знать». И если догадки Сэнди верны, Ташу придется изменить в своей жизни то, чего он не хочет изменять, — чтобы удерживать союзницу, которую он хочет удерживать. Классическая проблема.

Вот у самого Сэнди союзница надежнейшая из надежных; он постоянно шутит, что Анджела оптимистична биохимически, в ее жилах словно течет смесь из равных частей «Щекотки», «Восприятия прекрасного», «Звонка» и «Калифорнийского зноя». Научись Сэнди приводить своих клиен-

тов в самое обычное для Анджелы состояние сознания, он давно стал бы богатым человеком. Сэнди очень дорожит Анджелой, их союзу уже почти десять лет — срок по нынешним меркам почти невероятный, — и они все еще любят друг друга. Чудо какое-то. И чем больше Сэнди слушает душевные излияния своих друзей, чем больше он смотрит на их кособокие, непрочные, то разваливающиеся, то кое-как подлатываемые союзы, тем больше он чувствует себя счастливым.

Так что он может только посочувствовать Ташу в его беде, ни о каких мудрых советах, подкрепленных собственным опытом, не может быть и речи. Положение трудное, тут уж и говорить не о чем. Дилемма. И куда ни кинь — неизбежны неприятные последствия. То ли измениться самому и удержать Эрику, то ли ничего не менять и ждать, пока она сделает ручкой. Либо так, либо этак, и решать это нужно ему самому, Ташу.

Темнеет, теперь они перебрасываются словами все реже и реже. И темы разговора становятся совсем нейтральными — случаи из детства, международные новости. А над головой, среди ветхозаветных, мерцающих, расплывчатых светил пробегают быстрые спутники, медленно проплывают антиракетные зеркала, они двигаются и на север, и на юг, и на запад, и на восток, словно звезды, сорвавшиеся с привязи и самовольно отправившиеся путешествовать.

— Звезды смерти.

— Точно.

Сэнди смотрит на блуждающие в небе огоньки и зябко ежится, но это, наверное, от холодного ветра. А потом вытаскивает бутерброды, и они с Ташем ужинают. То ли еда не та, то ли еще что, но Сэнди начинает подташнивать.

— А ведь марихуана вроде снимает тошноту.

— Говорят.

— Самое время проверить.

Результат вроде бы и есть, но какой-то не слишком отчетливый.

По левому борту то поднимается кверху, то падает ОКО.

Берег — сплошная полоса света.

А сзади холмы — застывшие волны света.

Неподвижный свет, светлячки, ползающие с места на место.

Муравейник света, расплюснутый между чернотой неба и чернотой моря.

Живой организм света.

Галактика, вид с ребра.

Первую вахту стоит Таши, Сэнди уходит в каюту, левую, их тут две, по одной на каждой половине катамарана. Проснувшись, он видит серое, предрассветное небо и Таши, дремлющего у румпеля.

— Чего ты меня не разбудил?

— Уснул.

— Их, как я понимаю, еще не было.

— Не было.

— Ну, значит, сегодня. Будем надеяться.

Таши уходит в правую каюту, и Сэнди остается один на один с рассветом. С берега дует слабый, даже нежный бриз. Курс — верный, парус стоит верно, и как это Ташу удалось управлять яхтой во сне? Сзади, чуть к северу, видна Каталина, а на юге из-за горизонта выползает остров Сан-Клементе, до него еще миль десять—пятнадцать.

Звезды и спутники блекнут, потом пропадают. Море и небо обретают цвет. В той стороне, где Сан-Диего, из-за гор поднимается солнце. Рассвет на море. Сэнди вспоминает обычные свои утренние занятия и чувствует неопишное блаженство. Шелест разрезаемой яхтой воды, ласковые шлепки волн. До чего же мирно тут и спокойно. А может, это правда — Джим всегда говорит, — что раньше знали лучший способ жить, спокойнее жили. Не здесь, конечно, не в округе Ориндж. Око появился, что твоя Афина Паллада, при полном параде из головы Зевса — Лос-Анджелеса. Не здесь, но где-то там, в каких-то других местах.

Поближе к полудню выползает Таш, они едят апельсины, делают себе бутерброды с сыром. А потом обходят вокруг всего Сан-Клементе — без нужды, просто так, чтобы сократить время. Странно выглядит этот остров — мелкий, жесткий кустарник, кое-где — лысые промоины и везде, буквально везде разбитые танки, десантные амфибии, вертолеты, бронетранспортеры. А западная, дальняя от материка сторона вся в оспинах бомбовых воронок. У одного из холмов напрочь, словно ножом, срезана верхушка. Другой, соседний, сплошь закован в бетон, из которого высовываются десятки радарных мачт и прочих протуберанцев.

— А ты уверен, что это такая удачная мысль — передавать с рук на руки шестьдесят литров запрещенного афродизиака прямо под носом у нашего славного военно-морского флота? — спрашивает Таш.

— Принцип похищенного письма*. Им в жизнь не догадаться.

— А и догадываться не надо! У них тут такая наблюдательная аппаратура, что она, небось, может измерить молекулярный вес на расстоянии. И слышит наши с тобой разговоры.

— Ну так и не будем об этом говорить.

Инструкция у них простая, лечь в дрейф в четырех милях прямо на запад от южной оконечности острова. Приходится поработать с компасом, а затем — выбрать ориентиры, по которым можно будет держаться на нужном месте после наступления темноты.

На юге острова холмы изрезаны ровными террасами, даже трудно поверить, что это — дело рук самой природы, а не человека. На одной из террас пасутся козы.

— Самые, наверное, параноидальные козы на всем земном шаре, — замечает Таш. — Ты представляешь, что у них за жизнь? Щиплют себе полынь, никого не трогают, а тут вдруг бах-трах, начинается очередной обстрел или бомбежка.

— Жуть! — смеется Сэнди. — А вот ты, ты можешь себе представить, какое у них мировоззрение? Я хочу сказать — как они все это понимают и объясняют друг другу?

— С трудом.

— Мы для богов — как мухи для ребенка**, или как там это.

— Интересно, есть ли у них программа гражданской обороны?

— Есть, наверное, и ничуть не хуже нашей. «Они пришли! Спасайся, кто может! Ноги в руки и — бежать!» — Сэнди и Таш смеются. — Как мухи для ребенка... как же там дальше?

— Вот если бы тут Джим был...

— Да, — кивает Сэнди, — ему бы здесь понравилось, и эти террасы, и все.

— Нужно было взять его, а не меня.

* Имеется в виду знаменитый рассказ Э. По «Похищенное письмо».

** У. Шекспир. «Король Лир», акт 4, сцена 1. Сэнди цитирует неточно.

— У него сегодня урок.

— У меня тоже!

— Да, но без тебя там обойдутся.

— Скорее всего, хотя и не обязательно. — Новый взрыв хохота. — А ты слышал, что он теперь встречается с девицей, которая ведет уроки в соседнем классе?

— Рад за него. Уж верно лучше, чем мучиться с Вирджинией.

— Да уж точно... Интересно, куда девалась Шейла? Вот она мне нравилась.

— Мне тоже. Но только Джим, он же...

— Придунок?

— А-ха-ха, ха-ха-ха. Да нет, нет, ты же понимаешь, что я хочу сказать. Ну ладно, может, хоть с этой учительницей.

— Во-во.

С наступлением ночи остров оживает. Они ужинают — опять бутербродами — и слушают доносящиеся оттуда скрип, рев, лязг, иногда — мягкий рокот боевых вертолетов. И все в полной темноте, только на самой возвышенной точке острова ровно мигает красный маячный огонек. Пару раз Таши замечает на фоне звезд черный силуэт вертолета. Затем — у-у-у-БУМ, и где-то в глубине острова взметнулось оранжевое, грязное от ошметков земли пламя. Вот дьявол!

— Будем надеяться, — смеется Таш, — что нами не заинтересуются ни одна из тепловых прицельных систем.

— Не надо так шутить!

— Они находят цель, которая теплее окружающей среды, высвечивают ее лазером и сбрасывают бомбу, а уж та идет прямиком на лазерную отметку.

У-у-у-БУУМ, соглашается с ним остров.

— Хорошо, что у нас тут нет ничего такого уж теплого.

— Не считая нас самих.

— Слушай, а ведь и правда. Может, разбежимся по каютам?

— Не-а. Ведь это — лучший фейерверк, какой мы когда увидим — если, конечно, нас не загребут в армию. Каждая такая вспышка тянет на сотню тысяч долларов, не меньше.

— Жуткие деньги!

— Это уж точно.

Игра в войну продолжается около часа, у них начинают даже побаливать уши. Затем наступает тишина, и Сэнди отправляется спать.

— Только сегодня обязательно меня разбуди.

Таши будит его ровно в три часа ночи. Катамаран дрейфует точно в том же положении, что и раньше, — кормой к острову. Темно и совершенно тихо, даже ветра почти нет. Палуба чуть покачивается. Сэнди глубоко вдыхает соленый воздух, он давно не чувствовал себя таким счастливым.

Таш не торопится в свою каюту.

— А тебе никогда не хочется уехать из Око, совсем уехать? — неожиданно спрашивает он.

— Да, бывает временами, — зачем-то врет Сэнди, в действительности он о таком никогда не задумывался. — В Санта-Крус, например.

— Так это то же самое, только чуть севернее.

— А ты про что думаешь?

— Ну, скажем, про Аляску.

— Силен ты. Только не знаю, там ведь такая зима. Есть у меня несколько знакомых из тех мест, так они говорят, что там ну точно маниакально-депрессивная жизнь, маниакальная летом и депрессивная зимой, а зима — в два раза длиннее лета. В общем — далеко не подарочек.

— Да, я знаю. Зато это — настоящий мир, с которым можно померяться силами, мир, который будет испытывать тебя каждый день. И там никогда не будет толкучки — как раз из-за этих самых твоих зим.

В голосе Таша звучит острая, необычная для него тоска. «Все ясно, — думает Сэнди, — нарвавшись на такую вот альтернативу, поневоле начинаешь искать какой-нибудь третий путь». Но вслух он говорит совсем другое:

— И вправду здорово. Только вот насчет серфинга возникнут проблемы.

— Не больше, чем здесь, — смеется Таш. — Со всей этой толпой.

— Что, даже ночью?

— Нет, но ты посмотри вокруг — разве тут увидишь волну? Лучше, конечно, чем воевать с фашистами, но все равно не то.

— Аляска, говоришь. Хм-м. А почему бы и нет? Будешь там выращивать для меня травку.

— Возможно.

— Ну тогда...

Они продолжают лениво перебрасываться словами, палуба тихо покачивается, в конце концов Таш засыпает, а у Сэнди не идут из головы разговоры про Эрику и Аляску. Тревожно как-то за него; может, стоит Джиму рассказать?

Может, Джим что и придумает. Сколько же вокруг заморочек... То одна знакомая пара расходится, то другая грызется... Все прямо на куски разваливается. И что же тут делать, что же делать...

Сэнди резко просыпается, глядит на начинающее уже светлеть небо и снова впадает в полудремотное состояние. Его рука лежит на румпеле, вода то подбирается чуть не к самым кончикам пальцев, то опускается, вверх и вниз, вверх и вниз, вверх и вниз. И от нее поднимается легкая дымка, жидкость превращается в газ, а потом... А поверхность воды блестит, словно из стекла, гладкая, такая гладкая... А может, все это во сне? Уступчатые террасы острова укрыты туманом, из этой облачной пелены вырастают серые вершины холмов, нереальная твердость, вторгающаяся в жидкий мир. И все вокруг нереальное, месмеризирующее, словно во сне привидевшееся. Неожиданный скрип, Сэнди испуганно вздрагивает, и тут же с выскользнувшей из тумана яхты на палубу катамарана прыгают три человека. Грохот сапог и неожиданный крен будят Таша, он вылезает из своей каюты и становится рядом с Сэнди — тот все еще не понимает толком, во сне это или наяву, и не способен пошевелиться. С борта яхты начинают передавать небольшие металлические фляги, трое чужаков образуют цепочку и складывают эти фляги на палубе катамарана, около мачты.

Операция в самом разгаре, когда со стороны острова доносится низкое глубокое х-р-р-умп, а сразу же затем по ушам бьет мощная ударная волна. Б-У-У-У-М!

Такое разбудит кого угодно.

— Вон, вон, гляди быстрее! — Рука Таши указывает куда-то в сторону открытого моря. Сэнди смотрит. Черная точка, она появилась из-за горизонта и теперь несется, низко прижимаясь к воде, едва не окунаясь в тонкую пелену тумана... несется быстро, очень быстро, и не по прямой, а чуть зигзагом, покачиваясь из стороны в сторону. Сэнди не успел повернуть голову, а точка проскочила уже мимо двух рядом стоящих лодок, и тут же со стороны острова докатилось новое х-р-р-умп! А затем — словно разорвалась сама ткань мироздания — Б-У-У-У-М! ударной волны. А из-за горизонта выскользнула новая черная точка.

Как это ни странно, незнакомые парни все это время продолжали передавать фляги и складывать их на палубе — ловко, спокойно и с полным пренебрежением к пронося-

щимся чуть не над самой головой ракетам. По завершении работы двое из них покидают катамаран сразу, а третий подходит к Сэнди и молча протягивает руку; получив небольшую карточку, он тоже вскакивает на палубу своей яхты, и та мгновенно отваливает, белоснежный парус, скользящий над пеленой тумана, похож на крыло ангела. Суденышко огибает южную оконечность острова и исчезает.

Сэнди и Таш ошалело смотрят друг на друга, и тут мимо проносится новая из стороны в сторону мечущаяся черная точка, раздается очередное х-р-р-умп и очередной рвущий барабанные перепонки удар.

— Что это за штуки? — в голос кричит Сэнди.

— Крылатые ракеты. Смотри, как быстро они летят! Вон там, еще одна...

Еще одна чуть не вровень с водой несущаяся черная точка. И каждые две минуты — еще одна, каждая ударная волна бьет по ушам и по нервам, заставляет вздрогнуть. В конце концов Ташу надоедает ждать, когда же пролетит последний снаряд, он идет к мачте, пересчитывает флаги.

— Насколько я понимаю, мы являемся счастливыми обладателями двенадцати посудин афродизиака. — И тут накачивается очередное Б-У-У-УМ, такое громкое, что вздрагивает мачта.

— Давай-ка мотать отсюда.

Глава 40

К бухте у мыса Дана — а именно сюда просил Боб Томпкинс отвести катамаран — они подходят еще засветло. Но тут же возникает затруднение — у самого входа в гавань ошиваются два катера береговой охраны. Наблюдение в бинокль только подтверждает наихудшие опасения Сэнди и Таша — пограничники останавливают и, судя по всему, досматривают проходящие мимо яхты.

— Знаешь, Сэнди, с таким, как у нас, грузом не стоит и пытаться прошмыгнуть мимо этой парочки.

— Да уж. Свернем-ка прямо сейчас, пока это можно сделать, не вызывая особых подозрений. А то еще решат, что мы желаем с ними знакомиться.

Они поворачивают на северо-восток и включают вспомогательные двигатели — до Ньюпорта далеко и лишняя скорость не помешает. Ну а потом Сэнди позвонит Томпкинсу

и сообщит, где находится товар. Конечно же, Боб не будет в особом восторге, но что тут поделаешь, такова жизнь. Все лучше, чем нарываться на досмотр. Интересно, кстати, что же такое они ищут? Не этого ли самого «Носорога»? Чушь собачья, говорит себе Сэнди, мания преследования, и больше ничего, но успокоить себя не удастся — какое уж там спокойствие с таким грузом на борту.

Часом позже Таши с большим трудом вскарабкивается на мачту примерно до середины и осматривает северную часть горизонта в бинокль.

— Вот же мать твою, — говорит он стоящему с задранной головой Сэнди. — Нужно поворачивать оглобли, идти к мысу Риф-Пойнт.

— А что так?

— Там, у Ньюпорта, тоже береговая охрана. И тоже всех останавливают.

— Шутишь.

— Буду я шутить на такую тему. Их там до чертовой матери и, как мне кажется... кажется... ну да, два катера идут прямо в нашу сторону. Прочесывают, похоже, все побережье.

— Так ты думаешь, нам стоит это хозяйство скинуть?

— Обязательно. И чем скорее, тем лучше — мне что-то кажется, что они останавливают только посудины размером примерно с нашу.

— Вот черт. Интересно, не стукнул ли кто?

— Может быть. А пока давай-ка переложим флаги на палубу.

Таши спускается с мачты, они быстро вытаскивают флаги из кают, снова складывают их около мачты — расположенный на этом месте груз меньше влияет на скорость катамарана.

Таши берется за румпель, благополучно пробирается мимо рифов и подводит катамаран к мысу Риф-Пойнт — круто уходящему в воду выступу пятидесятифутового обрыва, который непрерывно тянется от Короны-дель-Мар до Лагуны и известен как Ирвиново побережье. Прямо над мысом расположен крупный промышленный комплекс, а слегка правее — многоэтажки Мадди-Каньона.

И кому же, спрашивается, нужны все эти посторонние наблюдатели? Таши на малых оборотах подгоняет катамаран как можно ближе к обрыву и бросает якорь у самой границы

вспенивания волн, воды здесь примерно по пояс. Счастье еще, что сегодня нет настоящего прибоя.

— Вот тут как раз и работает папаша Джима, — замечает он. — «Лагуна спейс рисерч», прямо над нами. Побыстрее, Сэнди, эти пограничники чесали на юг довольно быстро.

Таши спрыгивает в воду, Сэнди подтаскивает груз к борту и передает вниз. Подстегиваемые опасностью, возбужденные, они кидают увесистые металлические посудины, как перышки. Получив от Сэнди флягу, Таш кладет ее на плечо, бежит по обросшим водорослями и ракушками валунам к подножию обрыва, засовывает ее в какую-нибудь щель, а затем начинает бешено метаться по берегу в поисках небольших, свободно лежащих булыжников — чтобы заложить щель снаружи. Сэнди тоже спрыгивает в воду и начинает подтаскивать фляги к берегу, пыхтя и отдуваясь, с трудом удерживаясь на скользких камнях и поднимая фонтаны брызг. Дыхания хватает ненадолго — через несколько минут такой работы оба они начинают хватать воздух ртом.

Но к этому времени все фляги уже спрятаны. Сэнди и Таш возвращаются на лодку, включают движки и отваливают от берега. В море — ни души. Вся операция продолжалась какие-то десять минут, хотя показались эти минуты часами. Ну — пронесло.

Дальше все просто — прямо на запад, затем круг и опять к Ньюпорту, только теперь — со стороны моря. Ну и точно, у самого входа в гавань рядом появляется пограничный катер, их останавливают и досматривают, очень тщательно. И Сэнди, и Таш впервые в таком положении, но уже через минуту становится ясно, что морской досмотр очень похож на привычный для них обоих обыск машины дорожной полицией. Сэнди предусмотрительно выбросил все свои пипетки-склянки за борт, в общении с пограничниками он предельно вежлив и предупредителен, в то время как Таш держит себя грубо и вызывающе. Они разыгрывают обычный спектакль «Хороший задержанный — плохой задержанный» без всякой к тому необходимости, просто по привычке.

По окончании досмотра пограничники возвращаются на свой катер, Сэнди и Таш проводят «Гордость Топеки» в гавань и ставят на прежнее место. Почти все это время они молчат и начинают разговаривать только тогда, когда вместо покачивающейся палубы под их ногами оказывается

прочная, до странности неподвижная земля. Дальше — на автостоянку, в машину и, как говорится, крути педали, пока не дали. Теперь, что бы там ни случилось с «Носорогом» этим, сами они в безопасности.

— Нервная работенка, — спокойно комментирует Таши.

— Да уж. — Облегчение, конечно же, огромное, но Сэнди продолжает беспокоиться. — Не знаю только, что теперь скажет Боб.

В действительности он знает, что Боб придет в полную ярость — на первое, во всяком случае, время.

— Знаешь, мне кажется, что у них произошла серьезная утечка информации.

— Вполне возможно. Но и мы хороши — спрятали такой товар под самым носом ЛСР. У них же обязательно есть какая-нибудь там служба безопасности. Сильно подозреваю, что ребята из Сан-Диего не преисполнятся ко мне за это любви и благодарности.

— Ну и хрен с ними.

— Тебе легко говорить.

А главное — кто же станет платить за недоставленный на место груз?

— Ладно, — тяжело вздохнул Сэнди, — как ни крути, самое лучшее сейчас — нагрузиться до полного отруба и обдумать все не спеша.

— Это точно.

Глава 41

После размышлений Сэнди решает, что самое лучшее — съездить поскорее к мысу Риф-Пойнт и забрать оттуда флаги. Он звонит Бобу Томпкинсу, чтобы объяснить причины задержки, а заодно пожаловаться, что кто-то из их компании не умеет держать язык за зубами, но того нет дома и вообще в Калифорнии — улетел в Вашингтон. Тем же самым вечером к Сэнди приходит Таш, вид у него очень обеспокоенный.

— Ты смотрел новости?

— Нет, а что там такое? Неужто остров Сан-Клементе ниспровергнут в прах?

— Ниспровергнут? — заинтересованно оборачивается восседающий за компьютером Джим. — А вот откуда, интересно, это слово?

— Не обращай на него внимания, — машет рукой Сэнди. — Понимаешь, Таш, Джим испытывает новое мое творение, «Мудрословие».

— Скажи уж лучше «мудословие». Вот, погляди-ка на новости. — Таш включает главную видеосистему и вызывает «Лос-Анджелес таймс», первую страницу местной, посвященной проблемам ОкО, секции. На экране появляется изображение старомодной, в стиле двадцатого века, газетной страницы — оформление, завоевавшее «Таймс» уйму подписчиков из числа обитателей «Подыхай на здоровье». — Наверху справа.

— ЛСР, — читает вслух Сэнди, — заявляет об ужесточении мер безопасности на своем заводе в Лагуна-Хиллз, ни хрена себе, по причине резко участвовавших за последнее время диверсионных актов... оборонные предприятия ОкО... патрулироваться по периметру... бла-бла-бла... ну и что?

Тут Таши перебивает его и зачитывает одну из последних фраз статьи:

— Новые меры безопасности будут включать в себя патрулирование обрыва, а также морское патрулирование прилегающего к заводу ЛСР участка побережья. Любое судно, заходящее в одномильную охранную зону, будет находиться под тщательным, непрерывным наблюдением.

— Да они что, очумели? — ошалело бормочет Сэнди, глядя на экран.

— Не думаю.

— Это же незаконно!

— Не думаю.

— Поведайте мне, братья, без утайки, — снова поднимает голову Джим, — какой облом причиной стал тому, что ваша речь, спокойная однажды, сменилась воплем скорби и беды?

— Выкинул бы ты к чертовой бабушке этот свой новый наркотик, — советует Таши.

— Всенепременно. А такой облом, — объясняет Сэнди Джиму, — что мы только что заныкали двенадцать здоровенных фляг нового, запрещенного афродизиака под тем самым обрывом, который отныне охраняется целой армией придурков, привыкших сперва стрелять, а уж потом задавать вопросы.

— Мать Божья!

— Заткнись. — Сэнди перечитывает статью, выключает экран. Первое потрясение прошло, и теперь он снова напряженно думает. — Есть идея.

— И какая же?

— Смотаемся-ка мы в Европу.

— Вот это понимаю — деловой подход.

— Нет, брось ты, давайте и правда съездим, — воодушевляется Джим. — С пятницы в колледже каникулы, так что я буду свободен. Правда, — тут же грустнеет он, — у меня с финансами слабовато.

— Одолжу, — мрачно цедит Сэнди. — Под грабительский процент. — У него самого сейчас с финансами не густо, но всегда остается последний вариант — банковский счет Анджели, специально заведенный на случай чрезвычайных обстоятельств. А какие ж вам еще более чрезвычайные обстоятельства, чем сейчас? Сэнди хочет смыться из города на то время, пока Боб будет привыкать к неприятной новости. С Бобом всегда так — сперва он впадает на несколько дней в ярость, затем понемногу остывает и начинает вести себя разумно. Главное — не попадаться ему на глаза в течение этих двух-трех дней, чтобы не произошло ничего необратимого.

— Боб в Вашингтоне, так что я оставлю ему сообщение на автоответчике, опишу всю эту ситуацию, а к тому времени, когда мы вернемся, он уже подостынет.

— И у тебя будет время что-нибудь придумать, — добавляет Таши.

— Верно. А ты, Таш, поедешь?

— Еще не знаю.

Новость разнеслась мгновенно: мы летим в Европу. Джим идет к Хэмфри с просьбой об отпуске, Хэмфри не возражает, но при условии, что его тоже возьмут. Анджела соглашается снять деньги со счета и берет отгулы — она тоже поедет. Эйба с работы не отпускают. Таши, в общем-то, хотел шикануть и оттянуться, но Эрика уперлась рогом: «А деньги, значит, буду зарабатывать я?» — и он передумал.

В последнюю перед каникулами пятницу Джим сообщил Хане, что летит с друзьями в Европу.

— Получите, наверно, уйму удовольствия, — заметила она, а затем пожелала ему доброго пути, а точнее — «бон вояж». Они договорились, что увидятся в начале следующего семестра, и Джим с легким сердцем побежал домой собираться.

— Я поеду в Старый Свет, — гордо сообщил он своей квартире. — Там же куда ни ткнишь — сплошная история.

Складывая свои вещи, он подпевает приемнику — радио крутит последний хит «Пентагонских мамаш»:

Третья мировая
Давно уже с тобой,
Третья мировая
Пришла к тебе домой,
Ты живешь тобой же вызванной войной,
Ты помрешь на третьей мировой.

Глава 42

Деннис Макферсон так и продолжал разрываться между ОкО и Вашингтоном; при следующем его наезде Луис Голдман выбрал местом для переговоров один из ресторанчиков «старых кварталов» Александрии*. Здесь сохранились дореволюционные кирпичные здания — укрепленные, конечно же, скрытыми стальными каркасами, — а в старых портовых складах разместились бутики, мороженицы, сувенирные лавки и рестораны. Бизнес кипит и булькает. Выбранный Голдманом рыбный ресторан великолепен, они с Макферсоном заказывают морских гребешков, омара, пару бутылок гевюрц-траминера и предаются гурманству, ни словом не упоминая основной цели этого randevu.

Но вот тарелки со стола убраны, стаканы наполнены заново; Голдман откидывается и на мгновение прикрывает глаза. Макферсон глубоко, словно перед прыжком в воду, вдыхает и ждет, что будет дальше — он уже знаком немного с привычками своего собеседника.

— Мы получили кое-какую информацию, — медленно начинает Голдман, — и знаем теперь, как принималось решение в данном случае. Типичнейшая, нужно сказать, пентагонская сага о выборе поставщика. Процесс обладает всеми внешними признаками рациональной объективности, и в то же самое время им достаточно легко крутить в любую желаемую сторону. Как выясняется, в данном случае Комиссия по выбору поставщика составила обычный свой обзор поданных предложений. Согласно нашим источникам, обзор этот был весьма подробным и точным. И — главное — он отдавал предпочтение ЛСР.

— Отдавал предпочтение нам?

* Городок в штате Виргиния, недалеко от Вашингтона.

— Согласно нашему информатору — именно так. Комиссия высказалась в пользу предложения ЛСР, и ее обзор был передан Ответственному за выбор поставщика в первоизданном, нетронutom виде. Пока что все хорошо. Но затем ОВП берет этот обзор и составляет резюме, которое должно подтвердить оправданность принимаемого им решения. Вот тут-то и начинается самое интересное. В данном случае ОВП — это генерал Джек Джеймс, четырехзвездный генерал из расположенного на базе «Эндрюс» Командования систем ВВС. Знакомы с этой личностью?

— Нет. То есть я видел его, но лично не знаком.

— Ну вот, в нем-то все и дело. Составляя резюме доклада КВП, он так сильно исказил его выводы, что теперь они складывались уже не в вашу пользу, а в пользу «Парнелла». Именно он поднял вопрос слепого поиска цели, хотя в ЗНП об этом не было ни слова. Он же отредактировал оценки наиболее вероятной стоимости, причем некоторые цифры, взятые буквально с потолка, вписывал лично. Ну и решение, конечно же, принимал тоже он.

Просто удивительно, как этот Голдман умеет испортить такой отличный обед.

— А мы можем это доказать? — без всякой надежды в голосе спрашивает Макферсон.

— Конечно же, нет. Сведения получены от человека, который ни за что не признается даже в том, что вообще с нами разговаривал. Мы просто пытаемся понять, что же тут произошло, чтобы найти потом какой-нибудь разумный подход, слабую точку. Кое-что из этой информации может оказаться полезным для следователей из ФСП; понимая обстановку, они сумеют лучше построить тактику своего дознания. Поэтому мы приватно сообщили им все, что знаем сами. Именно так и ведутся юридические сражения с Пентагоном. В значительной степени эти сражения состоят из мелких тайных схваток, которые так и остаются неведомыми широкой общественности. А в самом крайнем случае, если что-нибудь о них просачивается в средства массовой информации, — начисто отрицаются всеми своими участниками. Можете быть уверены, что юристы ВВС заняты аналогичной работой.

Новость, вполне достаточная, чтобы покрыться холодным потом.

— Так, значит, — задумчиво говорит Макферсон, — генерал Джеймс не хочет, чтобы контракт достался нам. Почему?

— Не знаю. Я надеялся, что это вы объясните мне — почему. Мы пытаемся что-нибудь выяснить, но вряд ли можно надеяться на скорый успех. И уж во всяком случае мы не успеем ничего узнать до завершения расследования ФСП. Они представят свой отчет в самое ближайшее время; если верить слухам, отчет этот будет для нас благоприятен.

— Правда? — Впавший от всего ранее услышанного в мрачное настроение, Макферсон приятно изумлен и даже плохо верит своим ушам. Однако Голдман утвердительно кивает.

Неожиданно открывшаяся возможность поймать всех этих жуликов — и Джеймса, и Фелдкирка, и все военно-воздушные силы, всех их — за руку подобна порыву свежего, чистого ветра, Макферсон чуть не хохочет, он охвачен страстным желанием смять их несправедливое, мошенническое решение и сунуть его в их продажные глотки, чтоб они подавились им, чтоб они задохнулись.

— А что следует из того, что отчет для нас благоприятен?

— Ну, если формулировка окажется достаточно жесткой и недвусмысленной, судья Тобайасон не сможет проигнорировать этот отчет, вне зависимости от личных своих симпатий и антипатий. Согласно положению об оборонных поставках, ему придется объявить незаконным предоставление контракта «Парнеллу» и потребовать, чтобы все пересмотрели заново. Им придется повторить весь конкурс от начала до конца, на этот раз — с предельной строгостью придерживаясь положений ЗНП, так как процесс будет находиться под тщательным контролем суда.

— Потрясающе. — Макферсон на секунду задумался. — Но только, — в его голосе появляются нотки сомнения, — неужели такое и вправду возможно?

— Конечно, — уверенно улыбается Голдман. Они поднимают стаканы и пьют за удачный исход дела.

Макферсон возвращается домой в радужном настроении, он не ощущал такого оптимизма с того самого дня, как программа из свержчерной превратилась в белую.

Однако ему тут же приходится переключиться на злополучную «Шаровую молнию», а вот тут дела идут так же скверно, как и раньше, если не хуже. Лемон намеренно, в

качестве элемента наказания, оставил роль Макферсона в этой программе смутной, не очень определенной. Он должен «помогать» Дэну Хьюстону, стаж которого в компании значительно меньше, чем стаж Макферсона, и который явным образом недостаточно компетентен для своей работы. Прямое оскорбление — как это и задумано Лемоном.

Но еще хуже — проблемы, выдвигаемые программой как таковой. Последняя контрмера русских — так называемое дерганье, то есть наложение на силу тяги медленно горящих стартовых ускорителей небольших флуктуаций, — превратила все разрабатываемые ЛСР программы траекторного анализа в устаревший, ни к чему не пригодный хлам, так что цели, считавшиеся самыми легкими, неожиданно стали самыми трудными. Если разобраться, контрмеры, защищающие ракету на начальной, активной стадии полета, вводятся настолько просто и с такими малыми расходами, что Макферсон близок уже к убеждению о полной или почти полной бесполезности всей антиракетной системы с лазерами на свободных электронах. Уж лучше попросту швыряться булыжниками. (Вообще-то кое-кто разрабатывает очень интересную программу, основанную именно на этой идее.) Однако нетрудно догадаться, в каком восторге будут от этого военно-воздушные силы, вбухавшие уже в проект около тридцати миллиардов. Да еще после испытаний, ясно показавших осуществимость лазерной системы. Знали бы они, как проводились эти испытания.

Дэн Хьюстон склонил голову перед неумолимостью фактов и вообще опустил руки. Он продолжает приходить в контору, но думает, судя по всему, о каких-то совершенно посторонних вещах, или совсем ни о чем не думает. Толку от Дэна — нуль. Дело дошло до того, что однажды Макферсон, при всей своей выдержке, едва на него не наорал.

И в тот же самый день, попозже, когда Дэн уже ушел с работы, к Деннису подошел Арт Вонг.

— Знаешь... — Арт замялся в нерешительности, ему было не по себе от жесткого взгляда Макферсона. — Ведь у Дэна дома сплошные неприятности.

— А в чем дело?

— Понимаешь, Дэн вкладывал деньги в недвижимость, очень неудачно, и теперь у него такие долги, что не расплатиться. Боюсь, он может потерять даже свою квартиру. Ну и... в общем, от него ушла союзница. Забрала детей и пере-

ехала в Лос-Анджелес. Сказала вроде, что Дэн много пьет. Возможно, она и права. А еще — что он слишком долго торчит на работе, и тут она тоже права, ведь это сейчас Дэн уходит раньше всех, а когда программа начиналась, он засиживался здесь дотемна. Мы тогда только что выиграли конкурс, и он буквально все свои силы отдавал тому, чтобы сделать программу эффективной.

— Да уж не сомневаюсь. — Особенно если учесть, как проводились решившие судьбу контракта испытания. Ох, Дэн, Дэн...

— Ну и... ему сейчас очень трудно. Я не думаю, что... — Арт смешался и замолк.

— Хорошо, Арт, — устало кивнул Макферсон. — Спасибо, что ты сказал.

Бедняга Дэн.

Вечером, за семейным столом, Деннис рассеянно смотрит на суетящуюся по кухне Люси — как всегда, она рассказывает о последних событиях своей церковной общины, но Деннис давно научился отключать в таких случаях слух — и думает про Дэна. Макферсон отдал значительную — даже слишком значительную — часть своей жизни работе. И вечера, и выходные... Но вот сейчас, вот просто посмотреть на Люси — и сразу ясно, что ей никогда и в голову не приходило уйти из дома, сколько бы там ни осточертело ей подобное положение вещей. Она просто не считает такой поступок допустимым. И он, Деннис, вполне может на нее положиться, заслуживает он того или нет. Люси проходит рядом с его стулом, он протягивает руки и неуклюже ее обнимает. Застигнутая врасплох, Люси хохочет. Ну кто, скажите на милость, сможет предсказать, что этот Деннис Макферсон отчуждит в следующую секунду? Никто. Да он и сам, наверное, не сможет. Деннис криво усмехается, молча трясет головой в ответ на расспросы жены о его работе и начинает есть.

В дальнейшем он старается относиться к Дэну с большим сочувствием, поменьше замечать его фактическую бесполезность. Но иногда сдержаться почти невозможно. Вот и сейчас Дэн снова стенает насчет невыполнимости поставленной перед ними задачи, а затем тихо, доверительно сообщает, что у него есть отличная, хотя и несколько опасная идея.

— Ведь ты, Деннис, и сам прекрасно понимаешь, что наша система — идеальное средство борьбы с недвижимыми

наземными объектами, ну вроде ракетных колодцев. В попытке обеспечить поражение быстродвигающихся целей мы настолько увеличили ее мощность, что у целей стационарных не остается ни малейшего шанса на выживание. Так что вполне можно наносить упреждающий, еще до запуска ракет, удар по колодцам.

— Это, Дэн, не входит в число наших задач. Стратегия...

— Или даже по городам. А что, собственно, ведь даже простая угроза уничтожения городов в ответ на любое нападение — это же кого хочешь заставит десять раз подумать и...

— Ты что, Дэн, не понимаешь что ли, что это — все то же самое гарантированное взаимное уничтожение, — резко обрывает его Макферсон и тут же берет себя в руки. — А главное, все это не имеет ни малейшего отношения к делу, ведь система создается с совершенно иными целями, в противном случае на нее просто не отпустили бы ассигнования. Наша задача формулируется однозначно — обнаружить стартующие ракеты, отследить их и удержать под прицелом луча достаточно долго, чтобы они спеклись, вот и все. Мы исчерпали далеко еще не все возможности по части мощности, давай-ка поработаем над отслеживанием цели, попробуем увеличить яркость пучка при помощи решеток фазированных излучателей, да и попросту признаемся перед вояками, что для уничтожения цели требуется больше времени, чем предполагалось вначале. Назовем это системой перехвата на разгонном/послеразгонном участках.

— Ладно, — разочарованно пожимает плечами Дэн. — Только, по правде говоря, все наши защитные системы гораздо лучше показали бы себя на подавлении вражеских защитных систем. Или даже в качестве наступательного оружия.

— А ты не думай об этом, — советует Макферсон. — Стратегия не по нашей части.

И они возвращаются к работе. Архитектура программ, алгоритмы решений, вот уж где болото без дна и берегов. А срок неумолимо приближается.

Еще через несколько дней звонит Луис Голдман.

— ФСП обнародовала свой доклад.

— И?

Сердце колотится с бешеной, устрашающей частотой, когда-нибудь это очень плохо кончится...

— Основной вывод — были допущены нарушения, рекомендуется повторить конкурс.

— Потрясающе!

— В общем-то да. Хотя, положив руку на сердце, я ожидал гораздо большего. Ходит слух, что последнюю пару недель ВВС из всех сил давили на следователей Счетной палаты и сумели-таки добиться существенного смягчения формулировок.

— А каким это, спрашивается, образом? — искренне поражается Макферсон. — То есть откуда у ВВС возьмется такая бы то ни была власть над ФСП? Ведь ФСП подчиняется Конгрессу, и только ему. Не могут же эти вояки прибегнуть к прямым угрозам?

— Никто, конечно же, никому не угрожал физическим насилием, все делается гораздо более мирными средствами. Эти люди работают друг с другом не первый и далеко не последний раз. Так что, если ребята из Вашингтона достаточно заинтересованы, они могут доверительно, в частной беседе сказать: «Послушайте, не цепляйтесь вы так к этой истории, иначе на всяком сотрудничестве будет поставлен крест. Мы постараемся, чтобы любые взаимоотношения с нами превратились для вас в самую настоящую пытку, и вы навсегда лишитесь возможности сколько-нибудь эффективно функционировать во всем, что касается ВВС». А ребята из ФСП, они ведь тоже реалисты, им нужно смотреть дальше одного конкретного случая, так что они скажут себе: «Для ВВС это дело имеет первостепенное значение, а для нас — нет». И немного пригладят отчет о расследовании. Нет, там не появится, конечно же, никакого вранья, слегка сместятся акценты, вот и все.

Макферсон молчит, он просто не знает, что сказать. Внезапный приступ почти физического отвращения путает все мысли.

— Но послушайте, — продолжает Голдман, почувствовавший, видимо, настроение собеседника, — дело обстоит далеко не так плохо, как можно бы заключить из моих слов. В главном следователи ФСП не уступили ни на йоту и заключили отчет рекомендацией о повторном проведении конкурса. Теперь подождем и посмотрим, какое же решение примет на этот счет судья Тобайасон.

— А когда рассматривается наш иск?

— Примерно через три недели, если можно верить опубликованному графику.

— Я тоже приеду, обязательно.

— Вот и отлично, там и увидимся.

Трудно после этого удивляться, что Дэн Хьюстон, зашедший в конце рабочего дня к Макферсону с предложением посетить все тот же ресторан «Эль-Торито», застает его в крайне скверном настроении. Преисполненный одновременно и нелегких предчувствий, и злости, и надежды, Дэн не желает никуда идти и ничего пить.

— Знаешь, Дэн, когда-нибудь в другой раз.

Но Хьюстон продолжает настаивать.

— Слушай, Мак, мне обязательно нужно с тобой побеседовать.

Остается только вздохнуть — совершенно ясно, что у Дэна тяжело на душе, ему необходимо выговориться.

— Ладно. Но не больше одного кувшина.

Они едут в ресторан, занимают обычный свой столик, заказывают обычный свой кувшин маргариты, начинают пить. Дэн опустошает стакан в два глотка и сразу же берется наливать второй.

— Вся эта чертова антиракетная оборона, — с горечью говорит он. — Мы из кожи вон лезем, чего только не придумаем, чтобы системы заработали, но только-только что-то начнет получаться, как вдруг оказывается, что они великолепно применимы против вражеской обороны, то есть по сути своей являются еще одной разновидностью наступательного оружия. А тем временем не уделяется никакого внимания ни крылатым ракетам, ни ракетам, запускаемым с подводных лодок, что же касается настоящего, стопроцентно надежного зонтика, так там и конь не валялся!

Макферсон подавленно кивает, он относится к стратегической обороне в точности так же, и многие уже годы. Тут, кстати, и лежит одна из главных причин всех его неприятностей — черт же дернул ляпнуть о своих настроениях не кому-нибудь другому, а Лемону. И недоверие Макферсона ко всей этой концепции основывается на тех же самых резонах, о которых говорил сейчас Дэн, — каждый, буквально каждый ее аспект превратился в процессе последовательного развития в бессмыслицу.

— Все это настолько очевидно, — говорит он, — что должно бы, казалось, прийти на ум уже авторам первоначального варианта системы.

Дэн энергично кивает и приканчивает свою маргариту.

— Вот-вот, вот и я то же самое! Эти проклятые ублюдки... — Он возмущенно трясет головой, головой, без всякого сомнения, пьяной. — Они просто ухватились за удобно повернувшийся случай, да что там ухватились — вцепились обеими руками, намертво. Они раздули это до небес, они разрабатывали программы, втюхивали их военно-воздушным силам, вешали лапшу, как все будет хорошо и просто. Почему? Да потому, что это обеспечивало им деньги и карьеру, а все неприятности оставлялись на потом, на то время, когда они уйдут на пенсию. Большие люди, создатели системы. А потом всю эту дребедень позакидывали в космос и начали ставить на боевое дежурство — вот тут-то перед следующим поколением инженеров и встала задача, как заставить систему работать. Перед следующим поколением, то есть перед нами с тобой. Это мы с тобой должны расплачиваться за их карьеры.

— Как бы там ни было, — возражает Макферсон, — система уже есть, и никуда от нее не денешься. — Ему немного неловко выслушивать филиппики Дэна, в оборонной промышленности есть нечто вроде своих, корпоративных правил приличия, такие вещи просто-напросто не принято говорить. — А раз так, нужно делать все, на что мы способны, делать как можно лучше.

Ну вот, пожалуйста, заговорил прямо как Люси. А пьяный, отчаявшийся Дэн и знать не хочет ни о каких правилах приличия.

— Делать все, на что мы способны! А на что мы сейчас способны, что мы можем? Если мы даже заставим систему работать, русским всего-то и нужно будет, что вывести на орбиту ведро гвоздей, шарик — и десять наших зеркал накроются. Вот и говори после этого об эффективности капиталовложений! Зеркало стоит миллиард, а его уделает десятицентовой гвоздь! Ха-ха! Чтобы защитить зеркала, мы заявляем, что подвергнем ядерному удару любого, кто на них покусится, то есть прямо возвращаемся к концепции взаимного гарантированного уничтожения — чтобы защитить ту самую систему, которая должна была избавить нас от этой концепции.

— Да-да, знаю я все это. — Макферсон чувствует, что мысли его путаются и расплываются, а что же говорить тогда о Дэне, который выпил в два раза больше? Напился, похоже, в стельку, того и гляди рухнет под стол. Попытка помешать Дэну заказать очередной кувшин ни к чему не

приводит — Дэн со злостью отталкивает руку Денниса и упрямо повторяет заказ. Макферсон бессилен что-либо сделать, он чувствует уныние и опустошенность, они словно концентрируются вокруг залитой в желудок текилы. Зря только потратил время, которое можно было использовать на что-либо полезное. Ну а Дэн... что ж, Дэн, он и есть Дэн.

Ожидая официантку, Дэн продолжает бормотать:

— Советы строят свою собственную антиракетную систему, и нам это, видите ли, не нравится, несмотря на то что вся официальная стратегия базируется на паритете. В результате то здесь то там вспыхивают локальные войны, позволяющие нашим крутым парням выразить свое недовольство, не начиная войну большую. Бух, трах, хук в подбородок, прямой в глаз, «Буллетин оф атомик сайнтистс»* устанавливает часы на одну секунду до полуночи, одна, ты слышишь, одна секунда до полуночи, и стрелки в таком положении уже двадцать лет! И еще, советские пусковые системы могут быть нацелены на американские города, они могут поджарить нас, как цыплят, за какие-то пять минут, и мы, как я уже сегодня говорил, можем сделать то же самое с ними, но только всего этого вроде как и нет вовсе, нет, что вы, такого никак быть не может, мы притворяемся, что все это — чисто оборонительные системы, и каждая сторона работает над тем, как бы половчее уничтожить ракеты другой стороны прежде, чем те сумеют сделать это с нами, уничтожить эти ракеты, чтобы потом спокойно и не торопясь запустить уже свои — с разделяющимися головками и стереть противника в порошок.

— Хорошо, хорошо, — раздраженно отмахивается Макферсон. — Да, конечно, все это крайне сложно и неоднозначно. Никто никогда и не говорил, что тут все ясно.

— А я совсем не говорю про какие-то там сложности! — Зажатая в пальцах Дэна лепешка с треском разломилась пополам. — Я говорю, что это бред сивой кобылы! И люди, придумавшие архитектуру системы, прекрасно понимали, что

* «Бюллетень ученых-атомщиков» — журнал, освещающий политическую, военную и военно-техническую тематику. На обложке каждого номера печатается изображение часов, положение стрелок указывает на большую или меньшую опасность ядерной войны. Обычно стрелки указывают примерно без четверти двенадцать, но во время, например, кубинского кризиса они были сдвинуты в положение без одной минуты двенадцать. Секундной стрелки на этих часах пока что нет.

это бред, но все равно продолжали заниматься своим делом. Продолжали потому, что их лично все это очень даже устраивало. И оборонную промышленность, ее тоже это устраивало, компании были в полном восторге — еще бы, такой роскошный бизнес, и подвернулся он как раз в тот момент, когда производство ядерного оружия пошло на спад. И физики, физики тоже, ведь они снова становились большими людьми, прямо как в старые добрые времена. И военно-воздушные силы — ведь на них возлагалась задача невиданной прежде важности. И правительство, у которого были свои, отдельные причины. В конце прошлого века экономика начинала киснуть, она нуждалась в толчке, а самый лучший толчок — увеличение военных расходов, это известно еще с того времени, когда вторая мировая война вытащила страну из Великой депрессии. Тяжелые времена? Начинать войну. Или попросту закачивай деньги в оборонную промышленность, есть там война или нет ее. Для нас оружие — нечто вроде наркотика, вколи хорошую дозу — глядишь, ветхая экономика и взбодрится. Лучший стимулятор, известный человечеству.

— Хорошо, Дэн, хорошо, только ты успокойся, ладно? Успокойся, успокойся. Ведь все равно сейчас, сию секунду, нам ничего с этим не сделать.

Дэн замолкает и смотрит в окно. Появляется новая порция маргариты, и он сразу наливает себе стакан, жидкость течет через край, желтоватыми ручейками расплзается по бумажной скатерти. Затем Дэн ставит локти на стол, берет стакан двумя руками, наклоняется вперед и пьет. И несколько секунд смотрит в пустой стакан.

— Дерьмовая у нас с тобой работа.

Макферсон тяжело вздыхает, вот только и не хватало, что пьяного скулежа по напрасно загубленной жизни; он уже готов на физические действия, отнять у этого алкоголика кувшин, и дело с концом, но тут Дэн поднимает голову, в его покрасневших, обведенных темными кругами глазах стоит такая отчаянная боль, что Макферсон буквально отдергивает руку.

— Дерьмовая работа, — совершенно уже пьяным голосом повторяет Дэн. — Гробишь всю свою жизнь на какие-то там предложения. Конкурсные, черт побери, заявки. Работа, которая никому не нужна, которая никогда не увидит свет. Пентагон прямо-таки подзуживает компании вцепляться друг другу в глотку. Общие конкурсы, соревнования один на

один, контракты лидер-последователь. Ну прямо петушиные бои. Интересно, а может, они и вправду делают между собой ставки, кто из нас выиграет?

— Это стимулирует быстрый прогресс, — коротко замечает Макферсон. Какой, собственно, смысл говорить о подобных вещах, когда...

— Ну да, стимулирует, конечно же, стимулирует, но какой ценой? Это же пустая трата времени и сил! Для каждого проекта пять или шесть компаний разрабатывают свои отдельные предложения. Это же в шесть раз больший труд, чем если бы они работали вместе, координированно, как члены одной команды. И добро бы еще все это была легкая, пустая работа, так ведь нет, она отнимает у людей все силы, ломает им жизнь.

Судя по всему, Хьюстон вспомнил о Дон, своей союзнице — на его лице появилась такая скорбь, что Макферсон не выдержал, отвернулся и начал искать глазами официантку.

— Вся их жизнь уходит на то, чтобы успеть к сроку то с одним, то с другим предложением. И пятеро из шести работают при этом впустую. Их работа не ведет ровно никуда, по их проектам ничего не создается. Ничего, ты понимаешь, Мак, ничего! И вот так уходит вся жизнь.

— Ничего не поделаешь, — пожимает плечами Макферсон, — так уж эта жизнь устроена.

Подошла официантка, и он подписывает счет.

— И кто же ее такую, Мак, придумал? — На Макферсона смотрят мутные, ничего не соображающие глаза. — Мы, что ли, то есть американцы?

— Совершенно верно. Это — американский образ жизни. Пошли, Дэн, пора домой.

Пытаясь встать, Дэн заваливается на бок и сшибает со стола кувшин. Макферсон берет товарища под руку и кое-как проводит между столиками. Господи, это надо же насосаться до такой степени! Багровый от смущения, сопровождаемый понимающими ухмылками прочих посетителей, он выводит наконец с трудом держащегося на ногах Дэна из зала.

А потом запихивает его в машину, пристегивает ремнем, перегибается через вяло обвисшее тело и набирает на приборной доске адрес.

— Ну вот, Дэн, — в голосе Макферсона мешаются злость и сострадание. — Ты в своей машине, и она тебя довезет, а дом свой как-нибудь и сам найдешь.

— К-какой дом?

Глава 43

...При испанцах и потом, при мексиканцах, округ Ориндж был краем ранчо. На севере располагались ранчо Лос-Койотес, Лос-Аламитос, Лос-Болсас, Ла-Абра, Лос-Серритос, Каньон-де-Санта-Ана и Сантьяго-де-Санта-Ана. Средняя часть округа состояла из ранчо Болса-Чика, Трабуко, Каньяда-де-Лос-Алисос и Сан-Хоакин. На севере были ранчо Нигель, Мисьон Вьеха, Бока-де-Ла-Пляйя и Ломас-де-Сантьяго.

Чтобы дать вам представление о размерах — ранчо Сан-Хоакин состояло из двух частей, первая, ранчо Сьенег-де-Лас-Ранас, «Лягушачье болото», простиралась от Ньюпортского залива до Красного холма; вторая, ранчо Болса-Сан-Хоакин, включала в себя большую часть земель, образовавших впоследствии ранчо Ирвина. Всего около ста сорока тысяч акров.

Размечали эти огромные земельные угодья, не слезая с лошади, при помощи мерной веревки длиной около сотни ярдов. Знаков не ставили, их роль исполняли то рожица кактусов, то побелевший череп быка, то еще что в этом роде. Большей точности просто не требовалось, земля оставалась открытой для всех, и скот перемещался по ней совершенно свободно.

Весной, после отела, устраивали отлов. Верховые пастухи, пользовавшиеся славой чуть ли не лучших наездников в истории человечества — кстати сказать, среди них было немало быстро исчезающих с лица земли индейцев, — собирали скот в стада и гнали к клеймильным пунктам; ранчо были настолько велики, что на каждом из них приходилось иметь несколько таких пунктов. Здесь же устраивалось празднество, выставлялись и украшались столы, для предстоящего пира не жалели огромных количеств мяса, бобов, лепешек и острых соусов. Каждый новорожденный теленок отмечался клеймом, приблудный скот отправлялся в соответствии с клеймами на свои ранчо, а затем начиналось веселье. Самой важной частью праздника считались конные скачки, чаще всего они проводились на дистанции в девять миль.

Другие игры имели более кровавый характер, вот, например, одна из них. Живого петуха закапывали по шею в песок, после чего требовалось оторвать ему голову — на полном, разумеется, скаку. Ну и, конечно, разнообразные формы боя быков.

По вечерам устраивались танцы, причем здесь законодателем моды был Сан-Хуан-Капистрано, оставшийся в течение всего испано-мексиканского периода крупнейшим поселком этих мест.

Дома строились одноэтажные, из необожженного кирпича, домашняя утварь была самая простая и сплошь местного изготовления. Одежда следовала европейской моде — пятидесяти, а то и восьмидесятилетней давности, — несколько трансформированной в соответствии с местными обычаями и скромными производственными возможностями. Стекла не было вовсе. Земля и скот — вот и все, чем были богаты эти люди.

Жизнь их протекала в полном отрыве от остального мира, с одной стороны — пустые и безлюдные горы, с другой — безбрежный — и тоже безлюдный — простор океана; с тем же успехом они могли быть единственными обитателями нашей планеты.

В 1826 году, когда Джедидая Смит сумел пройти путь от Миссури до этих мест, мексиканский губернатор Калифорнии пытался вышвырнуть его из штата. Однако следующую группу американцев, появившуюся через десять лет, встретили уже с распростертыми объятиями. Это были торговцы, они привезли разнообразные европейские товары, а уехали с грузом шкур и свечного сала.

Но далеко не все торговцы уезжали, некоторые из них прельщались этой землей и оставались здесь навсегда. Прием им оказывали самый радушный. Выучить испанский, обратиться в католичество, жениться на местной девушке, купить участок земли — не один американец и англичанин прошел этот путь и стал уважаемым членом общины. А дон Абель Стернс и дон Джон Форстер (более известный как Сан-Хуан-Капистрано, благодаря своей одержимости этой старой миссией, которую он купил после ее секуляризации) даже разбогатели.

Калифорнийцы отличались безукоризненной честностью, гордостью, щедростью, гостеприимством. Это производило глубочайшее впечатление на всех приезжавших сюда американцев, будь они хоть сто раз завзятыми антипапистами.

Эдвард Вишер навещал дона Томаса Йорбу, главу самого выдающегося из местных родов; он похвалил лошадь, на которой дон Томас провожал его к границе своих земель. Садясь в Сан-Диего на корабль, Вишер получил эту лошадь в подарок; в сопровождающей записке дон Томас просил его «принять этого прекрасного жеребца в память о Калифорнии».

Отрезанные от мира, повинующиеся неспешному ритму скотоводства, здешние ранчо создавали своим обитателям сонную, буколическую, феодальную жизнь, почти полностью оторванную от Европы, от истории, от бег времени. Четыре поколения раз за разом повторялся один и тот же простой цикл, от одного клеймения до другого. Почти ничего не изменялось, основными реалиями были и оставались дома из необожженного кирпича, жаркое солнце в синем, ясном небе, прекрасные лошади, скот, пасущийся на склонах холмов, широкая прибрежная равнина. Немногих иностранцев, прибывавших с намерением здесь поселиться, встречали радушно и быстро принимали в свою среду; купцы привезли стекло. На калифорнийцев такие мелочи почти не влияли.

Но затем Соединенные Штаты начали войну и отняли у Мексики огромные юго-западные территории, в том числе и Калифорнию. Годом позднее в предгорьях Сьерра-Невады обнаружилось золото, и Сан-Франциско захлестнул поток американцев, началась золотая лихорадка, продолжающаяся и по сию пору. История вернулась.

Чтобы кормить всех этих людей, скот с юга перегонялся на север, Лос-Анджелес рос как на дрожжах. Нахлынувшие в Южную Калифорнию американцы сразу обратили внимание на огромные поместья испанцев и мексиканцев, соблазнительная добыча лежала прямо под носом, оставалось только ее зацапать. Подписанный в Гуадалупе-Идальго мирный договор, которым завершилась мексиканская война, гарантировал мексиканским гражданам Калифорнии соблюдение их имущественных прав, но все это осталось пустым звуком. Подобно соглашениям, заключавшимся между Соединенными Штатами и индейскими племенами, этот договор не стоил и бумаги, на которой был написан. Уже через два года Конгресс принял закон, обязывающий землевладельцев представить доказательства своих имущественных прав; фактически это был сигнал к началу травли.

От старых ранчерос потребовали представления документов, которых попросту не существовало — в прошлые времена они были ни к чему; судебные тяжбы по правам на землю тянулись многие годы, а то и десятилетия. Единственными активами ранчерос были земля и скот, а большая часть скота пала во время великой засухи шестьдесят третьего—шестьдесят четвертого годов. Чтобы продолжить борьбу за свою землю, ранчерос должны были нанимать адвокатов, для чего им приходилось распродавать по клочкам эту же самую землю. Таким образом они лишались земли вне зависимости от исхода судебных дел.

К началу семидесятых годов вся земля перешла в руки американцев и теперь делилась на мелкие участки для распродажи новым поселенцам.

Вот как случилось, что все это — бессчетные стада, бродящие по открытым просторам, всадники, загоняющие их, дома из необожженного кирпича, огромные ранчо и архаичное, провинциальное достоинство их обитателей — все это исчезло с лица земли.

Глава 44

Два часа полета по трассе, проходящей над Северным полюсом — только-только хватило времени посмотреть фильм «Звездная девственница», — и вот уже под крылом самолета Стокгольм. Оказавшись в городе, они быстро раскусили шутку Великого Постановщика иже еси на небесах: он передвинул Сан-Диего на север, по всей видимости, чтобы позабавиться их удивлением. Каждый встречный говорит по-английски. Позавтракав в «Макдональдсе», — чтобы закрепить неожиданное впечатление, — они собираются в номере Сэнди и Анджелы и начинают решать, как же вести себя дальше. Джиму хотелось бы двинуться на север, к полярному кругу и дальше, но эта идея встречена без особого энтузиазма.

— Оленьи отбивные можно получить в ресторане «Трейд-дер Джо», — говорит Сэнди, — а снегу и на Маунт Болди вполне достаточно. Хочешь полуночное солнце — иди в любой солярий. Нет, я хочу увидеть что-нибудь действительно необычное.

— Хорошо излагаешь, — соглашается Хэмфри, — только почему бы нам тогда не навестить парижский Диснейленд?

Вот оно и будет не такое. Мы будем гулять и выискивать все, чем он отличается от оригинального Диснейленда.

— Настоящего Диснейленда.

— Истинного Диснейленда.

— Единственного и неповторимого, на веки вечные лучшего в мире Диснейленда!

— Неплохая идея, — кивает Сэнди, — но моя еще лучше. Мы летим в Москву.

— В Москву?

— Во-во. Попродемся за железный занавес и посмотрим, как же в действительности живут эти русские. Вот уж где все должно быть необычным.

— Интересная задача для бизнесмена, — мечтательно глядит в потолок Хэмфри. — Только нужно будет сделать сперва кое-какие закупки.

Джим тоже поддерживает Сэнди, ему хочется увидеть Великого Противника, на создание и поддержку которого Америка истратила так много сил и денег. Согласна и Анджела.

Они летят в Москву. Ну что ж, Москва так Москва. Хэмфри сразу вспоминает Торонто, город своего детства. Всюду очень чисто. Необычное множество людей, передвигающихся пешком, одеты они вполне прилично. По улицам носятся маленькие машинки с бензиновыми моторами, восхитительно шумные и даже какие-то пикантные. Разместившись в отеле, выбранном по рекомендации «Интуриста», наши путешественники спрашивают у дежурного, где бы здесь арендовать машину, и получают неутешительный ответ, что нигде.

— Ну это мы еще посмотрим, — мрачно заявляет Хэмфри, в его глазах появляется сумасшедший блеск. — Самое время поближе познакомиться с частным сектором местной экономики. — Этот выдающийся калифорнийский бизнесмен протащил в Россию порядочное количество видеокассет; теперь он рассовывает часть этой контрабанды по карманам и идет на улицу ловить такси. Через полчаса в его карманах уже не кассеты, а толстые пачки рублей.

— Никаких проблем. Спросил водителя, нет ли тут кого, кто интересуется таким товаром, а он говорит: «Вот сам я и интересуюсь». В этой стране что не таксер, то делец черного рынка. И еще посыльный из отеля, он тоже просил ему оставить.

Хэмфри глубоко оскорблен, когда Джим, Сэнди и Анджела буквально на пол падают от хохота.

— И ничего тут такого смешного. Перед нами встает серьезная проблема, ведь они не меняют свои рубли на настоящую валюту. Так что все эти бумажки — вроде игрушечных денег для игры в «Монополию».

У Сэнди загораются глаза.

— Так, значит, если придерживаться этого закона, мы вполне можем позволить себе пожить на широкую ногу?

— Ну да, вроде бы. — Такой подход к делу идет вразрез со всеми инстинктами Хэмфри, но возражений у него не находится.

— Где тут самый дорогой отель? — вопрошает Сэнди.

После серии расспросов и розысков они останавливают свой выбор на старой огромной гостинице «Риека»; сквозь окна расположенного на верхнем этаже номера видна Красная площадь, до нее тут рукой подать. Картина величественная, хотя толстый слой пыли на стеклах несколько снижает впечатление.

— Ну как, роскошная декорация?

Сэнди желает выпить шампанского под икру; на свое горе служащие отеля, доставившие заказ, прекрасно владеют английским — это позволяет Хэмфри доскональнейшим образом их обработать. После ухода тружеников советского гостиничного бизнеса калифорнийская шайка становится на энное число рублей богаче; Хэмфри в полном экстазе, он мечется по комнате, декламирует — между нападениями на икру — длинные пассажи из «Алмазных просторов» и размахивает зажатými в обоих кулаках пачками рублей.

Потом Сэнди, Анджела, Джим и Хэмфри отправляются в город, они горят желанием изучить Красную площадь, свести знакомство с Лениным, проникнуть в Кремль, купить половину ГУМа и совершить все прочие стандартные для приехавшего в Москву американца подвиги. На первом этаже ГУМа идет распродажа одежды, они легко перекликаются над головами толпы, состоящей из сотен русских женщин — средний американец выше любого здешнего жителя на голову, а то и больше. Забавное впечатление. Одежда на распродаже весьма пикантна и даже радикальна по крою и расцветке, Анджела буквально влюбляется в некоторые экспонаты. Потом Хэмфри ловит такси, Анджела, Джим и Хэмфри хором орут «Прекрасную Америку», в то время как

Сэнди выдает маккартистский рэп — «Лучше мертвым, чем красным, лучше мертвым, чем красным!»

Водитель воспринимает все это безобразие со стоическим спокойствием, и они высказывают желание посмотреть жилые кварталы. Привычные многоквартирные дома, теснящиеся вокруг привычной зелени парков. Как можно понять, расположенные на холме районы являются партийной территорией — все здесь покрупнее и получше, ну прямо как в верхней части любого американского города. Потом улица упирается в обрыв; отсюда, сверху, видна чуть не вся Москва. Калифорнийцы смотрят на огромный город, а затем молча переглядываются.

— Послушайте! — взрывается наконец Сэнди. — Послушайте, да это же... это же точь-в-точь как...

— Окрут Ориндж, — подхватывает дружный хор.

Полный отпад. По такому случаю необходимо вернуться поскорее в отель и снова заказать шампанское. ОкО покори́л весь мир.

— Джеймс Атт был бы горд, — торжественно провозглашает Джим.

Остается одно — растратить поскорее рублевые доходы Хэмфри и мотать куда подальше.

— Мы так и не видели ничего необыкновенного, — жалуется Сэнди.

— Пирамиды, — предлагает Джим. — Посмотрим, с чего все началось.

Они летят в Каир. Аэропорт расположен посреди безбрежных просторов пустыни, по сравнению с которой даже Мохаве — не больше чем детская песочница. У стойки выдачи багажа их подхватывает весьма предприимчивый «агент египетской туристической полиции», оказывающийся по ближайшем рассмотрении представителем одной из частных лавочек. Он весьма ловок и красноречив, однако находит более чем достойного противника в лице Хэмфри, который успел заметить в зале целую вереницу киосков с названиями конкурирующих фирм и теперь торгуется столь непреклонно, что вгоняет «туристического полицейского» в пот. Джиму, Сэнди и Анджеле достается простейшая роль: в зависимости от хода переговоров то вставать по указанию Хэмфри, то снова садиться. Дело кончается тем, что они выбивают бесплатный проезд в большой, расположенный прямо на берегу Нила отель, предлагающий номера за половину цены, а также экскурсию в Гизу — с проездом за четверть цены и

бесплатные билеты на устраиваемые там звукоцветовые представления. Уезжая, они оставляют агента в мертвецки пьяном состоянии, со стороны можно подумать, что его попросту шарахнули дубинкой по балде.

Неожиданно выясняется, что весь Каир, все его здания, деревья, вывески, даже небо имеют тот же тускло пыльный цвет, что и пустыня. Высящийся на противоположном берегу Нила «Хилтон» был когда-то выкрашен — в борьбе с этой монохроматичностью — ярко-бирюзовой краской, но прошло какое-то время, бирюзовость эта поблекла и сменилась тем же всеобщим песочным колером. Одна только древняя река каким-то образом умудрилась сохранить темно-синий, правда, тоже с пыльным отливом, цвет.

Машина сворачивает со старого, запущенного шоссе на улицы кошмарно перенаселенного города. Большая часть зданий — многоквартирные жилые дома, все улицы запружены машинами и пешеходами, трудно даже поверить, что такое количество людей действительно ходит пешком! После этого ужаса старый, пыльный отель кажется благословенным прибежищем. В ожидании гида и водителя, которые должны доставить их в Гизу, новоявленные египтологи распаковывают багаж и оживленно треплются. Хэмфри интересуется здешними обменными курсами валют, он отправляется на разведку и возвращается, дрожа от возбуждения; в Каире, как оказалось, существуют официальный курс, туристический курс, различные курсы черного рынка, а в довершение всего — особо высокие воровские курсы, попросту говоря — приманка для выяснения, у кого из жаднюг много денег. Как считает Хэмфри, поработав на этом рынке с умом, можно создать из ничего сотни египетских фунтов, он готов уже приняться за служащих отеля, но тут откуда-то возникает гид, и вся честная компания отправляется в Гизу, смотреть пирамиды.

Пирамиды располагаются к западу от Каира, вокруг них теснятся бесцельные магазинчики и гостиницы. По выходе из машины американцев обступает толпа уличных торговцев, гид пытается разогнать эту саранчу, но без особого успеха, тем более что Хэмфри тут же начинает интересоваться возможностью заключения оптовых сделок и другими подобными вещами. Услышав в сотый, наверное, раз любимое выражение гида «Древние и величественные пирамиды Гизы», они отказываются от его услуг и в полной уже само-

стоятельности шествуют по широкой каменной площадке, разделяющей пирамиды номер один и два.

— Слышите, — замечает Хэмфри, — да они же совсем не такие и большие. Здание, где наша контора, будет, пожалуй, побольше.

— Не забывай, что их строили голыми руками, — возражает Джим; он тоже чувствует определенное разочарование, но мужественно с ним борется.

Сэнди с радостью хватается за возможность поддразнить Джима.

— И уж точно меньше, чем Саут-Кост Пласа, — присоединяется он к Хэмфри. — Они даже меньше ирвинской ратуши.

— Ну, вроде как Маттерхорн в Диснейленде, — решает Хэмфри. — Только не такие красивые.

Джим в бешенстве. Он приходит в еще большее бешенство, узнав, что влезать на пирамиды запрещено.

— Невероятно!

— С этим нельзя смириться, — соглашается Сэнди. — Попробуем с другой стороны.

Однако пирамиду сторожат со всех сторон. Джим крайне раздосадован. Словно из-под земли появляется гид, тот самый, которого они обидели, сообщает, что с минуты на минуту начинается светозвуковое представление, главное, по всей видимости, здешнее зрелище. Солнце уходит за горизонт, и тут же появляется уйма автобусов с туристами.

К вящему сожалению ребят, сегодняшнее представление идет на английском языке. До отвращения романтическая музыка; время от времени она прерывается, и тогда из двух десятков скрытых динамиков грохочет низкий хриплый голос, он не говорит, а с идиотской торжественностью вещает: «ПИРАМИДЫ... ПОБЕДИЛИ... ВРЕМЯ». В точном соответствии с новейшей технологией, а также эстетикой поп-концертов, на пирамидах и сфинксе играют лазерные лучи, используется даже так называемый эффект небесного собора, то есть какой-то там спутник посылает вниз толстые пучки желтого, зеленого, голубого, красного света, заливая всю окрестность призрачным сиянием.

— Вот и слушай после этого сказки, что технология космической обороны не оказала никакого полезного воздействия на мирную жизнь, — рычит Сэнди.

То ли правда, то ли только им так представляется, но с каждой секундой грохочущий голос несет все большую и

большую чушь. Перегнувшись — чтобы слышала вся компания — через Сэнди, Анджела громко шепчет: «Я — волшебник страны Оз, великий и ужасный». Интонации рассказчика схвачены так точно, что ребята не могут больше себя сдерживать, они смеются все истеричнее и истеричнее, вызывая раздраженные взгляды чинно сидящих туристов. Но мешать окружающим — это очень не по-калифорнийски, поэтому достойные граждане Око стихают, вся их реакция на дальнейшую чушь ограничивается кивками удовлетворения и изредка сдавленным хихиканьем. Зато уж на обратном пути, в машине, они отводят душу и хохочут как сумасшедшие. Гид в полном недоумении.

Тем же самым вечером, точнее даже ночью, когда остальные легли уже спать, Джим Макферсон спустился в гостиничный бар. Он чувствует какое-то беспокойство, он недоволен и собой, и своими друзьями. Все эти смешки и шуточки — это же просто несправедливо по отношению к Старому Свету. Сами же и виноваты, что поперлись смотреть пирамиды, превращенные в дерьмовое шоу, разве так это делается?

Бар уже закрыт; ночная дежурная советует Джиму сходить в «Макдональдс», а потом, сообразив, что именно нужно постояльцу, — в каирский «Шаратон», до которого тут рукой подать. Найти совсем просто, говорит она, никакой карты вам не потребуется, и Джим окунается в теплую, сухую ночь.

Со стороны пустыни дует ветер. В воздухе — неизбывный запах пыли. Над зелеными лужами света, льющегося из витрин на темные улицы, дрожат неоновые загогулины арабского шрифта. Пешеходов мало, машин еще меньше. Из одной лавки сочится острый, густой запах поджариваемой баранины, в другой, видимо, включен приемник — оттуда доносится голос певца. Мелодия — такая же прихотливая и чуждая, как арабские буквы, — построена на четвертьтонах. Мужчины в халатах заняты своими ночными делами. Никто на Джима не смотрит, он чувствует себя принятым в этот мир, естественной его частью. Все очень спокойно, дневная суeta сменилась неторопливостью, расслабленностью. Посетители открытых кафе играют во что-то, напоминающее домино, и курят гигантские кальяны, в чашечках которых тускло светится нечто вроде кусочков древесного угля. Что это они курят? Сэнди начал бы расспрашивать, попросил бы кусок для анализа, Хэмфри — тот купил бы сразу бушель — так, на всякий случай, а Джим только смотрит и проходит

мимо, он чувствует себя привидением. Жутковатое, какое-то нездешнее завывание музыки. Голоса арабов тоже звучат музыкально, особенно в такое время, как сейчас, когда эти люди говорят спокойно, без крика. Водитель проезжающей машины изображает на своем клаксоне фанфарную тему из «Финляндии»*. У местных таксистов этот ритм пользуется бешеным успехом.

«Шаратона» не видно, хотя давно бы и пора. Отель на берегу Нила, так что найти его совсем просто. Только где он, этот самый Нил? Там вроде; Джим поворачивается и идет. Прямо посреди улицы — вздернутая на домкраты машина, вокруг нее суетятся автомеханики. Полицейские держатся парами, у каждого — обязательно — автомат. Похоже, Джима занесло в бедные кварталы. Неужели потерял ориентировку? Он опять поворачивает.

Тут все выглядит еще беднее. Куда же теперь-то? Слава Богу, один из проулков открывает вид на громоздящуюся вдаль махину «Шаратона», теперь Джим знает наконец, что не заблудился, и может снова уделять внимание окружающему.

По обеим сторонам улицы — длинные ряды четырехэтажных бетонных жилых домов.

Все двери открыты, чтобы дать дорогу ночному бризу.

Внутри масляная лампа освещает расстеленные на полу тюфяки, язычок пламени колеблется, словно каждую секунду готов потухнуть.

У каждой семьи или рода — одна комната.

В дверном проеме белеют десять лиц, ярко блестят глаза.

Другие семьи спят снаружи, прямо на тротуаре.

Их одежда имеет цвет песка. Рваные халаты.

Да, и здесь ты живешь.

Человек в картонной коробке поднимает маленькую девочку и показывает ее Джиму.

Джим позорно ретируется. А потом останавливается, думает, возвращается и дает человеку пятифунтовую бумажку. Пять фунтов. И снова уходит. Пробираясь в путанице узких переулков, он потерял «Шаратон» из виду и не может вспомнить, в какой же он стороне. Из груд тряпья к нему тянутся руки, во тьме белеют сложенные лодочкой ладони, блестящие глаза

* Симфоническая поэма Я. Сибелиуса.

словно смотрят из толщи стен. Все это — осязаемая реальность, и он здесь, в реальной ее гуще. Джим прибавляет шаг, с поднятой головой, он почти несет мимо этих рук.

В конце концов Джим находит «Шаратон». Пройдя между охранников, он оказывается в просторном вестибюле, точно таком же, как вестибюль любого первоклассного отеля в любом городе мира — и содрогается от омерзения. В окружении нищих кварталов вся эта роскошь напоминает космический корабль, приземлившийся на муравейник. «Там, снаружи, люди», — говорит он, ни к кому не обращаясь. И с ужасом вспоминает название пьесы Фугарда*: «Здесь живут люди». Так вот что имелось в виду...

Он уходит из отеля, заставляет себя вернуться на улицу попрошайек. Заставляет себя смотреть на этих людей. Вот, думает он. Вот мужчина, вот женщина, вот ребенок. Это мир. Это реальный мир. Он плетется по тротуару, у него срывается дыхание. Он не понимает своих ощущений — они какие-то незнакомые, раньше таких никогда не было. Он просто смотрит.

Лица в открытых дверях, люди, сидящие на полу. И глядящие на него.

Кажется, что этому моменту не будет конца, — этому моменту и вправду не будет конца, его существование продлится внутри Джима, в микроскопической структуре нейронов, синапсов, аксонов. Странное это дело.

— Давайте уедем, — говорит он наутро. — Мне здесь не нравится.

Глава 45

И они летят на Крит, новая идея Джима.

— Даем тебе, Джимбо, последний шанс...

Они приземляются в Гераклионе, завтракают у ларька, торгующего гамбургерами, в конторе «Эйвиса»** берут на прокат «ниссан» и направляются смотреть Кносс, веселенькую, ярко раскрашенную реконструкцию минойского дворца. Здоровенная толпа туристов. И вообще все это чем-то смахивает на пирамиды.

— Вот же черт, — в полном отчаянии говорит Джим. — Дайте мне эту карту.

* Современный южноафриканский писатель.

** Компания по прокату автомобилей, имеющая отделения во многих странах.

Сэнди вручает ему эйвисовскую карту острова. Минойские развалины отмечены двусторонней алебардой, греческие развалины отмечены сломанной колонной. Джим выискивает сломанные колонны, он уже сообразил, что на этом острове минойские развалины считаются развалинами первого сорта, а греческие — второго. Нужно найти переломленную колонну, которая располагается подальше ото всех городов, в тупике малозначительной дороги и, по возможности, рядом с морем.

— Порядок. — Находится не один, а даже несколько значков, удовлетворяющих всем поставленным условиям. Джим выбирает из них первый попавшийся.

— Отвези-ка нас, Хэмфри, на самый конец этого острова.

— Будет сделано. Только не забывайте, почем здесь бензин.

— Вези!

— Будет сделано. И куда же мы направляемся?

— В Итанос.

— Всемирно известный Итанос, — смеется Сэнди, — так, что ли, Джим?

— Как раз наоборот. Это пирамиды — всемирно известные, и Кносс — всемирно известный, и Красная площадь, она тоже всемирно известная.

— Понял, молчу. Итанос так Итанос. А что там есть такое?

— Понятия не имею.

И они едут на восток, вдоль северного побережья Крита.

И всех их одновременно озаряет одна и та же мысль: эта земля выглядит в точности как Южная Калифорния. Что-то вроде окрестностей лагеря Пендлтон. Сухая, каменистая местность, поросшая сухим колючим кустарником, круто опускающаяся к берегу сверкающего лазурью моря. Пересохшие речные русла. Голые, усеянные валунами холмы. Чуть в глубине, подальше от берега — несколько высоких гор.

— Первая волна американских поселенцев, — медленно говорит Джим, — упорно называла Южную Калифорнию американским Средиземноморьем. — Он без отрыва смотрит в окно машины. — Теперь понятно почему. Такая же земля, такой же ландшафт, но вы посмотрите, как использовали все это греки.

Поросшие колючками холмы.

То там то сям — деревни. Бетон, известковая побелка. Цветы.

Жилища неопрятные, но без признаков нищеты. Квартирка Джима меньше любого из здешних домов.

Там, где склоны не слишком крутые, растут оливковые рощи.

Древние, сгорбленные деревья, скрюченные руки, серебристо-зеленые пальцы.

Вся дорога в черных круглых маслянистых пятнах: раздавленные оливки.

Ты здесь живешь?

Белая с голубым куполом церковь стоит на вершине холма. Неудобно!

Апельсиновая роща...

— Вот как оно выглядело, — негромко говорит Джим. Все молчат и смотрят в окна.

Они заходят в деревенскую лавку, покупают простоквашу, брынзу, хлеб, оливки, апельсины, колбасу, рецину и узо*; хозяйка лавки не понимает ни слова по-английски, но зато прямо лучится приветливостью — приятный контраст со всеобщей алчностью в Египте.

Поближе к вечеру они преодолевают последний участок черного, асфальтированного шоссе, которое тянется здесь вдоль пересохшего, спадающего к морю русла, и тормозят.

И слева и справа — поросшие колючками холмы.

Холмы на фоне темно-синего моря.

Песчаное побережье, рассеченное на две части невысоким, плоским холмом.

Холм примыкает к заливчику и сплошь покрыт развалинами.

Безлюдие и заброшенность. Развалины и колючки — и больше ничего.

— Господи!

Джим выскакивает из машины. Этот самый, раз за разом повторяющийся сон, как он бродит по каким-то руинам, — после достопамятной попытки найти эль-моденскую школу этот сон одолевает его чуть не ежедневно. Проснувшись, он всегда удивляется — это придет же в голову такая ерунда.

* Рецина — вино со смолистым привкусом; узо — анисовый ликер.

Древние руины всегда обнесены заборами, там везде билетные кассы, указатели, таблички с объяснениями, гиды, посещение от стольких-то до стольких-то, очереди и обнесенные канатом участки, где «руками не трогать», и буфеты, и повсюду толкутся легионы туристов, старающихся понять, что же тут такого интересного, о чем, собственно, весь шум, — так ведь?

И — вот оно. Джим продирается сквозь кусты, врывается на груды обломков и оказывается в полуобвалившемся дверном проеме. Древняя церковь. Крестообразная планировка, у дальней стены — алтарь, заглубленный в тело холма. Все колонны упали и валяются теперь около стен.

Появляется остальная компания.

— Смотрите, — говорит Джим. — Церковь скорее всего византийская, но ее строили из всего, что попало под руку. Колонны, вероятно, римские, но, может, и греческие. Вон те большие камни в стенах, которые совсем ноздреватые, они, наверное, минойские. Вытесаны за две тысячи лет до строительства этой церкви.

Сэнди согласно кивает, его лицо расплывается в улыбке.

— А вы посмотрите на пол, вон там, у входа. Дверь запиралась на что-то вроде большого шпингалета, когда ее открывали и закрывали, шпингалет царапал пол. Получился идеальный полукруг. — В полном восторге он разряжается знаменитым чапмэновским смехом.

Хэмфри и Анджела идут на северный склон холма, где виднеются почти не тронутые временем стены... небольшой крепости, что ли?

— Хорошо сохранилась, — замечает Сэнди.

— Венецианская, наверное, — говорит Джим. — На тысячу лет младше церкви.

— Знаешь, Джимбо, я просто не врубаюсь в такие временные масштабы.

— И я тоже.

С вершины холма открывается прекрасный обзор и моря, и, в другую сторону, ближайшей части острова. Единственный признак присутствия здесь людей — две ободранные лодки, косо лежащие на прибрежном песке. Одна из них покрыта брезентом, под которым что-то топорщится, наверное — подвесной мотор. А так — полное безлюдие. Земля словно покинута всеми ее обитателями, эгейские просторы — ровная, гладкая плоскость.

— Давайте здесь остановимся, — предлагает Джим. — Двое могут спать в машине, а другие — прямо на песке, подстелим что-нибудь, и все в порядке. А еда у нас еще осталась.

Уже поздно, весь день они провели в пути, так что план встречает всеобщее одобрение.

Ужинать решено наверху, рядом с обвалившейся церковью. Солнце садится, оно уже почти коснулось земли. В воздухе легкая дымка, закатные лучи окрашивают холм сочным абрикосовым цветом, скалы из серых превратились в оранжевые. Высоко в небе висят замысловатые кружева ярко-розовых перистых облаков. Вывалившиеся из стен церкви плиты оказываются прекрасными столами и стульями.

Вкус пищи тоже яркий, насыщенный, под стать краскам окружающего пейзажа. На склоне соседнего холма пасется козье стадо. Сэнди прикрывает глаза от солнца, всматривается в пару крупных черных козлов.

— Назад, в бронзовый век.

Потом они просто сидят и смотрят; солнце ушло за горизонт, краски земли быстро блекнут, выцветают, и только на закате продолжают гореть облака. Тихо, безлюдно, пустынно.

— Расскажи нам про это место, — просит Джима Анджела.

— Ну, там, на обороте карты, есть несколько строчек, и это фактически все, что я знаю. Сперва тут был минойский город, его построили примерно за две с половиной тысячи лет до Рождества Христова. Потом сюда приходили по очереди греки, римляне и византийцы. При греках город стал независимой республикой, даже чеканил свою монету. Его оставили то ли около девятисотого года нашей эры, то ли около тысяча пятисотого, после землетрясения.

— Плюс-минус шестьсот лет, совсем ерунда, — замечает Сэнди. — Господи, это какие же временные масштабы!

— Невообразимые, — кивает Джим. — Человеку их не понять, а уж нам, калифорнийцам, — тем более.

— А вот я могу, — с пол-оборота заводится Сэнди.

— Слабо!

— Не слабо!

— Слабо!..

— Хорошо, — говорит Сэнди после пятого обмена этими репликами, — попробуем вот так. Пойдем от настоящего момента назад, поколение за поколением. Будем считать,

что каждое поколение — тридцать лет. Ты рассказывай нам, чем они занимались, а я буду считать.

— Ладно, попробуем.

— Последнее поколение?

— Часть Греции.

Сэнди царапает на земле черточку.

— А предыдущее?

— То же самое.

Так проходят пять поколений. Джим прикрыл глаза, он пытается вспомнить, что же там говорилось про историю Крита в путеводителях и оставшихся дома книгах.

— Ладно, а вот этот парень видел, как Крит перешел от Турции к Греции. Его отец жил при турках.

— А его отец?

— При турках.

Фразы повторяются снова и снова, медленно, — чтобы Джим не сбился со счета, — и размеренно, это похоже на какой-то странный ритуал. Шестнадцать раз!

— Бедные ребята, — бормочет Хэмфри.

— Это почему же?

— Совсем затурканные.

— Ладно, — говорит наконец Джим, — дальше пошли венецианцы.

Теперь реплика Джима меняется:

— А его отец?

— При венецианцах.

И так девять раз, а на десятый Джим добавляет:

— Кстати сказать, мы как раз добрались до конца Итано-са. До конца этого самого города.

Замечание вызывает смех. Потом идут византийцы, они повторяются семь раз, после чего Джим сообщает:

— Арабы, а точнее — сарацины, арабы из Испании. Кровавый период.

Четыре поколения под властью арабов, после чего снова идут византийцы, наступают времена, когда вот эта лежащая сейчас в развалинах церковь действовала, в ней проходили службы, ее дверь открывалась и закрывалась, все глубже и глубже процарапывался полукруг на каменных плитах пола. Пятнадцать раз сидящий с закрытыми глазами Джим повторяет:

— При византийцах.

— А его отец?

— В Итаносе. В независимом городе-государстве. Греческом по природе.

— Пусть будет просто «Итанос». А его отец?

— В Итаносе.

Эта литания повторяется двадцать шесть раз, Сэнди подает свои реплики так же медленно и размеренно. Правду говоря, все это давно вышло за пределы понимания любого из них.

— Дорические греки.

И после нескольких повторений:

— Микенские греки. Время Троянской войны.

— Так, значит, это поколение могло отправиться к Трое?

— Да.

Сэнди чуть передвигается, ему уже не хватает места для черточек, а ответ «микенские греки» повторяется восемь раз, после чего следует:

— Минойские дворцы окончательно разрушены землетрясениями. На глазах у этого поколения.

— Миноец! А его отец?

— Миноец. — И снова идет долгое, медленное, нарастающее повторение, они чувствуют, что нащупали ритм чего-то глубокого, основополагающего. Сорок раз Сэнди спрашивает: «А его отец?», и сорок раз Джим отвечает: «Миноец», их голоса начинают срываться от усталости.

А потом Джим открывает глаза и недоуменно, словно видит все окружающее впервые, озирается.

— А это поколение — просто горстка людей, приплывших сюда на лодках. До них в этих местах никто не жил. Они были рыбаками, останавливались здесь во время своих походов за рыбой. Море отстояло от этого холма футов на пятьдесят дальше, здесь была широкая прибрежная полоса. Они жили в Закросе, неподалеку от дворца, в одних домах со своими родителями, им становилось там тесно. Вот они и решили — раз мы все равно ходим в те места за рыбой, так возьмем своих жен и детей и переедем туда совсем. Это была группа хороших знакомых, им было вполне достаточно общества друг друга и своих детей, и вся эта долина находилась в полном их распоряжении. На первое время они поставили себе шалаши и тут же взялись вытесывать из мягкого камня плиты. — Джим проводит рукой по ноздреватому минойскому камню и вопросительно смотрит на Сэнди. — Ну так что?

— Значит, мы все-таки можем себе это представить, — негромко говорит Сэнди.

— Вроде да.

Сэнди считает свои отметины.

— Сто тридцать семь поколений.

Уже поздно, но они продолжают сидеть. Поднимается луна. Западный ветер приносит низкие, рваные облака, они наползают на луну, свет ложится на землю неправильными, быстро меняющимися пятнами. Обрушенные стены, разбитые камни. Невероятно долгая история, и вот эта земля снова обезлюдела.

Но не совсем; в глубине острова, там, где проходит шоссе, появляются огоньки фар. Длинные пучки света пронзают ночь, уходят куда-то вверх, а затем опускаются и скользят по погруженной во тьму земле — машина сворачивает на боковую дорогу, к Итаносу. Калифорнийцы замолкают. Машина спускается прямо к берегу, останавливается. Хлопает дверца, несколько человек быстро, весело переговариваются по-гречески. Вспыхивает фонарь, его яркий, резкий свет заливает берег; вышедшие из машины люди начинают что-то делать с лодками.

— Рыбаки! — шепчет Сэнди.

После неспешной подготовки лодки спускаются на воду, затем раздается невообразимый треск допотопных моторов. Лодки выходят из заливчика в открытое море, на носу каждой из них горит фонарь. Еще какое-то время — и вот видны уже только тусклые звездочки, медленно ползущие по зеркальной глади воды.

— Ночная ловля, — говорит Джим. — Осьминоги или кальмары.

Сэнди и Анджела подыскивают среди камней ровное место и устраиваются на ночь. Хэмфри идет в машину. Джим поднимается на вершину холма, отсюда видны и море с огоньками рыбацких лодок, и небо с луной и бегущими по ней облаками, и обрушившиеся стены древнего города. И снова он преисполнен непонятным, не имеющим названия чувством, даже комплексом каких-то чувств.

— Земля, — говорит он, обращаясь к Эгейскому морю. — А ведь эта земля совсем не заброшена. Тут тебе и рыбная ловля, и коз разводят, а на той стороне долины есть и какие-то посевы. И нечего особенно удивляться безлюдью — много ли возьмешь с такой сухой, бесплодной земли? Которую высасывали столько долгих лет.

Он пытается представить себе всю массу человеческого страдания, вместившуюся в эти сто тридцать семь поколений, все бесчисленные разочарования, болезни, смерти. Сто тридцать семь обратившихся в прах поколений. И наоборот, все их радости: сколько же в этом крохотном городе-государстве было праздников, вечеринок, свадеб, сколько здесь любили? Сколько раз кто-нибудь сидел на этом самом холме, в такую же лунную ночь, и смотрел на бегущие по небу облака, и думал о мире? От одной такой мысли мурашки бегут по коже. Этот холм — прибежище легиона призрак-ков.

Он пытается представить, как кто-либо сидит на вершине Седельной горы и смотрит на пустынную равнину ОКО. Невозможно. Невовобразимо.

Почему судьба этих двух засушливых побережий оказалась столь различной? Они словно и не принадлежат к одной и той же истории — столь велика разделяющая их пропасть. Никакое усилие ума не способно найти между ними связь. Может быть, они — нечто вроде разных планет? Странно, странно и непонятно. По-видимому, там, дома, в Калифорнии, что-то пошло не в ту сторону.

Джим так и сидит на холме всю ночь; в какой-то момент он засыпает, просыпается от тарахтения приближающихся к берегу лодок, засыпает снова. Ему снятся козы и лежащий в руинах город, и отец, и лакричные леденцы, и яркий фонарь, и застланная облаками луна.

Закат был оранжевым, а рассвет оказался розовым; Джим открывает глаза и видит над собой тонкое, прозрачное сплетение облаков. Розовое на синем. Андже-ла уже проснулась, она купается в бухточке, плывет медленно, неторопливо. А затем встает и выходит на берег — гибкая, сверкающая капельками влаги. Юность мира.

Чуть позже по дороге медленно едет грузовичок. Несколько громких бибиканий, и склоны соседних холмов оживают, на сигнал сломя голову несутся овцы и козы, они громко блеют и звенят колокольчиками. Кормежка, вот оно что. Вдали поднимается дымок, жгут, наверное, мусор.

Все это очень мило, но Андже-ле через пару дней на работу, так что пора и домой. Хочешь не хочешь, а приходится собирать вещички. Джим идет прощаться с развалинами. Он поднимается на вершину холма и осматривается. Есть в этом месте что-то такое... «Они — часть этой земли, эта

земля не покинута. Рассказ не окончен, он будет продолжаться — пока продолжается все остальное».

Хэмфри настойчиво гудит. Пора уезжать. Ах, Калифорния...

Глава 46

Американские поселенцы первой волны приезжали из Нью-Мексико на фургонах, или вокруг мыса Горн на кораблях, или попросту верхом, из Сан-Франциско, попытав сперва свое счастье в поисках золота. Их было совсем немного. Первый новый город, Анахейм, был заложен небольшой группой немцев, решивших выращивать виноград и делать вино. Немцы прибыли из Сан-Франциско в 1859 году, и было их всего двести человек. Место для города было выбрано прямо посреди равнины, где прежде пасся скот, поэтому они соорудили изгородь из ивовых кольев, которые затем пустили корни и превратились в живую стену из деревьев, прямоугольник с четырьмя воротами, одни на каждой стороне. Чтобы подвести воду из реки Санта-Ана, они прорыли канаву длиной в пять миль. И начали выращивать виноград.

После разбивки огромных ранчо на участки стали появляться и другие города. Когда ранчо были поделены и распроданы, новые владельцы сразу же начали продавать землю и устраивать города прямо на пустом месте.

В те времена сам воздух был пропитан новыми идеями справедливой организации общества, кое-кто из землевладельцев увлекался этими идеями, в результате чего некоторые города возникли как попытки воплощения утопических проектов: немецкий Анахейм был кооперативен, квакеры организовали Эль-Модену на принципах своего общества, Гарден-Гроув была вначале общиной трезвенников, а Вестминстер — религиозной коммуной. Позднее в Анахейме осела группа поляков, возглавлявшаяся Моджесками; они начали было свою отдельную маленькую утопию, но только та очень быстро развалилась. Эль-Торо основали англичане, они превратили его в один из форпостов Британской империи, отмечали день рождения королевы Виктории и создали первую в Америке команду по поло — такие вот британские представления об утопии.

Когда был построен участок Южно-Тихоокеанской железной дороги от Лос-Анджелеса до Анахейма, начался бум, продлившийся все семидесятые годы. Была основана

Санта-Ана, участки под застройку продавались по двадцать—сорок долларов, а то и отдавались даром. Через два года там уже стояло пятьдесят домов. К востоку от Санта-Аны Коламбус Тастин основал Тастин; между двумя ново-рожденными поселениями разгорелось ожесточенное соперничество за железнодорожную ветку из Анахайма. Ветку — а через какое-то время и положение столицы округа — получила Санта-Ана, а Тастин так и остался на долгие годы деревней.

Эндрю Гласселл и Альфред Чапмэн, основатели Оринджа, были адвокатами, принимали активнейшее участие в тяжбах по переделу старых ранчо и весьма на том обогатились, как деньгами, так и землей. Вначале Ориндж состоял из общинного участка в сорок акров, окруженного шестьюдесятью частными, по десять акров каждый.

К юго-западу от этих городов лесоторговцы Джеймс и Роберт Макфаддены выстроили на океанском побережье пристань, ставшую вскоре важным торговым портом. Город, разраставшийся вокруг макфадденовской — так ее именовали — пристани, получил название Ньюпорт. Макфаддены покупали землю у государства, по доллару за акр.

Города вырастали везде, по всему округу. В Лагуна-Бич — потому что там очень красивый залив. В Фуллертоне — потому что рядом проложили железную дорогу. В Эль-Модене великолепные условия для выращивания винограда: подходящая земля и вода из ручья Сантьяго. И так далее. Застройщики покупали куски ранчо, разбивали несколько улиц, а потом устраивали торжественное открытие города. Новые люди приезжали в Лос-Анджелес толпами, вот среди них и набирались участники торжества, состоявшего обычно из бесплатного обеда и распродажи участков. Иногда это срабатывало, иногда нет. Такие города, как Йорба, Хьюз-Парк, Макферсон, Фэрвью, Олинда, Сент-Джеймс, Этвуд, Карлтон, Каталина-на-Мэйне и Смелтцер, угасли буквально на следующий день после своего основания. Другие — Буэна-Парк, Капистрано-Бич, Вилла-Парк, Плацентия, Хантингтон-Бич, Корона-дель-Мар, Коста-Меса — выживали и росли.

Рост стал еще быстрее, когда железнодорожная компания Санта-Фе протянула через континент свою собственную линию и довела ее до Лос-Анджелеса. Если прежде Южно-Тихоокеанская была монополисткой, то теперь разгорелась жестокая война цен. Плата за проезд от Омахи, составлявшая ранее сто двадцать пять долларов, рухнула до одного;

этот специальный тариф держался год или два и только потом сменился разумной цифрой в двадцать пять долларов. Тем временем тонкая струйка поселенцев превратилась в поток, за сорок лет возникло шестьдесят новых городов.

Города вырастали по всему округу Ориндж, везде — кроме огромных землевладений Джеймса Ирвина. Ирвин прибыл в Сан-Франциско из Англии во время золотой лихорадки. Он не имел ни гроша за душой, но занялся земельными спекуляциями и быстро разбогател. Затем он и его партнеры переехали в Южную Калифорнию и приобрели — полностью! — старые ранчо Сан-Хоакин и Ломас-де-Сантьяго, затем Ирвин откупил у партнеров их долю и оказался в результате единоличным хозяином одной пятой всех земель округа. Широкая полоса его владений начиналась у океана и уходила глубоко в горы Санта-Ана, пересекая все возможные железнодорожные трассы от Лос-Анджелеса на Сан-Диего. Ирвин — единственный, пожалуй, во всем штате — был достаточно силен и влиятелен, чтобы сдерживать Южно-Тихоокеанскую железнодорожную компанию, его работники отбили все попытки строительных бригад Южно-Тихоокеанской пробиться силой. Потом он пропустил через свои земли железную дорогу компании Санта-Фе — с мстительной целью раз и навсегда утереть нос Южно-Тихоокеанской.

Городов на ранчо Ирвина не строили лет десять—двадцать, здесь пасли овец, а потом начали выращивать пшеницу, овес, люцерну, ячмень и бобы. Апельсиновые рощи появились значительно позднее. Целое столетие почти безлюдная часть округа Ориндж разительно отличалась от вполне уже цивилизованной северо-восточной части — исключительно благодаря ста семидесяти двум квадратным милям ирвингского ранчо, чьи хозяева поколение за поколением хранили землю нетронутой.

В 1889 году часть округа Лос-Анджелес выделилась в самостоятельный округ Ориндж. Ловко подсунутая взятка убедила законодателей из Сакраменто установить новую границу не по реке Сан-Габриэль, а по ручью Койот-Крик, так что, когда пришло время выбирать столицу округа, предпочтение было отдано не Анахайму, а Санта-Ане за ее срединное положение. Граждане Анахайма были крайне раздосадованы.

Новый округ состоял из маленьких городков, окруженных фермами. Несмотря на всю эту лихорадочную спекуляцию

землей и застройку, людей тут жило, по существу, совсем немного. Самые большие города, Санта-Ана и Анахейм, имели население по несколько тысяч человек, а остальные значительно меньше. Между городами милями тянулись фермерские посеы и даже старые, все еще нераспаханные пастбища с зарослями высокой, в рост человека, горчицы. Дорог было мало, узкоколейных веток — еще меньше. Неспешная, расслабленная жизнь под почти безоблачным небом привлекала с востока новых поселенцев, но их поток нарастал очень медленно. Лос-анджелесские журналисты всю трубили о прелестях Южной Калифорнии, называли ее американским Средиземноморьем, золотым побережьем. В создании этого образа немаловажную роль играли апельсиновые рощи. Выращивание апельсинов — сельское хозяйство среднего класса, и в социальном, и в эстетическом плане значительно более приемлемое, чем огромные пшеничные и кукурузные фермы Среднего Запада, обрекающие своих владельцев на уединенную жизнь. Возможно, так оно сперва и было, правда, очень многим людям приходилось работать и в своей апельсиновой роще, и где-нибудь еще, — чтобы содержать эту самую рощу. Американский вариант средиземноморской расслабленности и неспешности? Возможно. Вполне возможно. Но случались и бедствия, в частности — наводнения. Однажды дождь шел не переставая целый месяц, и вся равнина, от гор до океана, оказалась под водой. И все новенькие, построенные из необожженного кирпича дома Анахейма раскисли в глину. Или эпидемия ветрянки, убившая последних индейцев — индейцы жили в Сан-Хуан-Капистрано, как молчаливые остатки прошлого этой миссии. Часто случались недороды; привезенные издалека и высаженные чаще всего монокультурным образом, виноградные лозы, грецкий орех и даже апельсиновые деревья становились легкой добычей болезней и паразитов, гибли тысячами.

Но это — отдельные выбросы, а по большей части существование текло мирно и спокойно. С востока приходили привлекаемые горячим солнцем американцы, они начинали здесь новую жизнь и чаще всего не жаловались на результаты. Шли годы, прибывали новые поселенцы, основывавшие новые города, просторная земля принимала их, ничуть не меняясь, — они словно растворялись в апельсиновых рощах, и все оставалось по-прежнему.

Наступил новый век, и иссушенная солнцем жизнь побережья приобрела постоянный ритм, которому, казалось, не будет конца. В тысяча девятьсот пятом Уолтер Джонсон, выступавший за фуллертонскую среднюю школу, выбил в игре против санта-анской средней двадцать семь подающих подряд. В тысяча девятьсот одиннадцатом Барни Олдфилд обогнал на своей машине самолет. В тысяча девятьсот двенадцатом Гленн Мартин пролетел на построенном собственными руками самолете от Ньюпорта до Каталины, для того времени — самый длинный в мире полет над водой. Можно, пожалуй, сказать, что, построив в своем сарае самолет, Мартин положил начало аэрокосмической промышленности округа Ориндж. И кто же мог предположить, к чему приведет такая изобретательность, такая бескорыстная увлеченность чудесами механики? В те годы вся жизнь казалась чудесной игрой, разыгрываемой под ясным, безоблачным небом, среди мира и процветания.

И все это... и все это... и все это...

И все это исчезло с лица земли.

Глава 47

Поездка в Старый Свет что-то сделала с Джимом, он никак не может отделаться от не совсем понятной гнетущей тревоги. Впечатление такое, словно программа, направлявшая его по привычной магнитной дорожке, нарушилась, заиклилась и с навязчивой монотонностью раз за разом повторяет одну и ту же петлю.

И это не только в переносном смысле, теперь Джим все свое свободное время бесцельно кружит по трассам — от Ньюпорта к Сан-Габриэлю, затем к Сан-Диего, к Санта-Ане, к Трабуко, к Гарден-Гроув, снова к Ньюпорту и так далее. Он сидит в машине и смотрит на свою родину. И выписывает круг за кругом, словно затянутый циклической программой поиска неполадок, в которой завелась неполадка. Испортилось программное обеспечение.

Он прерывает очередную поездку, чтобы пройти по Саут-Кост Пласа.

Двенадцать универмагов: «Буллок», «Пенни», «Сакс», «Сирз», «АО Одежда», «Дж. Магнин», «И. Магнин», «Уорд», «Палаццо», «Робинсон», «Баффэм», «Нейман-Маркус».

Три сотни магазинов поменьше, ресторанов, видеосалонов, игорных салонов, галерей.

Стихотворение — это список отданного в прачечную белья.

Ты одет в культуру с головы до ног.

Хром и толстые ковры.

Повсюду зеркала, бесконечно повторяющие изображения витрин.

Это что там, глаз, что ли?

Эскалаторы, лифты, стеклянные двери, фонтаны.

Уйма растений. По большей части — живых, тропических. Оранжевое цветение.

Спектральные тона. Полка за полкой за (отраженной в зеркале) полкой.

Войдем в «Буллок», «Магнин», «Сакс»: по тринадцать прилавков с духами в каждом.

Духи! Серьги, шарфы, бусы, канцелярские принадлежности, хромированные колонны, полки с кофточками, спортивной одеждой, обувью — дополни список сам (ежедневно).

Гнетущая тревога; каждое зеркало, каждый глянцевый лист тропического растения, каждая яркая ткань отражают эту тревогу, концентрируют ее и усиливают. В шлеме летчика-истребителя монтируется оперативный дисплей, постоянно находящийся в поле зрения — точно так же воспоминания о каирской ночи накладываются сейчас на все, что видит бесцельно бродящий от прилавка к прилавку Джим.словно зеленая картинка прибора ночного видения: египетские попрошайки, которым не по карману даже жизнь в тех жалких, битком набитых людьми комнатухах. Сколько людей могло бы жить в таком вот строении? Вся эта роскошь, думает Джим, не что иное, как откровенное, сознательное отрицание реальностей нашего мира. Групповая галлюцинация, поразившая все население Америки.

Джим устал блуждать по лабиринту молла, среди лунатичных его обитателей и бдительных полицейских, он ищет глазом скамейку и садится. Джим потерял ощущение времени и направления, у него кружится голова, к горлу подступает тошнота. У витрины видеопрокатного заведения отирается компания подростков. Они поворачиваются и начинают глазеть на Джима; все ясно, написано на их любопытных мордах, типичный передозняк. «И ведь правда передозняк, — думает Джим. — Я принял слишком большую дозу Саут-Кост Пласа». В надежде на спектакль, ребяташки бросают

свою витрину, подходят, становятся кругом. К крайнему их разочарованию, Джим поднимается и уходит без всякой посторонней помощи. Дефектный автопилот все же проводит его через путаницу эскалаторов и уровней к бетонированной стоянке, к машине.

Он звонит Артуру.

— Артур, дай мне, пожалуйста, какую-нибудь работу. У вас там ничего не намечается?

— Да, ты как раз вовремя. Сегодня сможешь?

— Да. — Джиму сразу становится легче, ведь теперь переполняющее его омерзение выразится в действии.

Той же ночью они с Артуром организуют удар по «Эрспейс технолоджи корпорейшн», одному из поставщиков комплектующих для ядерных реакторов, обеспечивающих энергией старые химические лазеры космического базирования. То же самое рандеву в глубине складской автостоянки, те же самые парни перегружают в машину Артура такие же, как и прежде, ящики. Место сегодняшней операции — Сан-Хуан-Хот-Спрингс; несмотря на все меры безопасности — в их число входят даже самонаводящиеся снаряды с тепловыми головками, установленные по верхней кромке забора, — удар по главному производственному корпусу оказывается успешным. Все изготовленное из композитов оборудование рассыпается в пыль.

Однако на утро усталый, выжатый, как тряпка, Джим с горечью осознал, что ничего, собственно, не изменилось. Он вернулся в свою крохотную, засунутую под трассу квартиру с тем же самым сосущим чувством тревоги, и приглушить это чувство нечем. Музыка? Все свои записи он слушал уже по сто раз. Книги все прочитаны. Наклейки с апельсиновых ящиков — так они вообще смеются ему в лицо. Он выучил наизусть все свои карты, просмотрел все видеокассеты, изучил все программы по мировой истории. Эта квартира — капкан, большой, сложный, с уймой прибамбасов капкан, поставленный не на кого-нибудь другого, а на него лично. Нужно вырываться. Джим осматривает захламленную, покрытую пылью комнату; как же он прежде-то ее терпел? Очень странно.

И тут звонит телефон.

— Ну, как дела? — спрашивает Хана.

— Прекрасно! Слушай, как хорошо, что ты позвонила! Заходи ко мне сегодня, ладно?

— Спасибо, зайду.

К захлестнувшему Джима облегчению примешиваются и другие, не столь легко определимые ингредиенты; вот, скажем, такая же радость вспыхивает в нем, когда звонят Эйб или Таши и просят что-нибудь сделать, организовать. Ощущение того, что вот этот человек считает его своим другом и первым идет на контакт — ведь по большей части инициатива достается на долю самого Джима.

Джим идет в лавку, покупает макароны, все для соуса и салата и бутылку кьянти. Дома он предпринимает отчаянную, безнадежную попытку навести если не полную чистоту, то хотя бы какое-то подобие порядка.

Хана приходит около семи.

— Я так обрадовался, что ты позвонила, — говорит Джим, продолжая энергично помешивать в кастрюле.

— Да, мы давно не виделись.

Хана присела к кухонному столу, смотрит в пол и изъясняется редкими, короткими фразами. Очередной приступ застенчивости? Черные волосы всклокочены — не больше, но и не меньше, чем всегда.

— У меня... у меня вроде как земля из-под ног уходит. — Слова Джима удивляют и Хану, и его самого. — Эта поездка, она только обострила все, что я чувствовал раньше!

И тут Джима прорывает окончательно, он взалхб рассказывает о Каире, и о Крите, и о Калифорнии. Он непрерывно перескакивает с одного на другое, Хане уже непонятно, о каком именно месте говорит сейчас Джим, но она слушает, не перебивая — до того момента, когда в голосе его появляется совсем уж отчаянная мука. Тогда она встает и трогает его за руку — поступок настолько для нее необычный, что Джим лишается дара речи.

— Я понимаю, я все хорошо понимаю, — говорит Хана. — Но ты бы немного успокоился, ведь обед, похоже, почти готов. А в таком состоянии есть нельзя, это вредно.

— А так я помру с голода, — ворчит Джим, откидывая макароны на дуршлаг.

И неожиданно чувствует, что напряжение почти исчезло, что между ним и Ханой появилась какая-то новая близость. И очень приятная. Они садятся за стол, и Джим включает один из своих коллажей классической музыки.

Через несколько минут Хана вскидывает глаза:

— Что это такое?

— Я отобрал все медленные эпизоды из пяти поздних струнных квартетов Бетховена, а центральной частью поста-

вил медленный эпизод из его же сонаты Hammerklavier*. Получилось очень торжественное...

— Подожди, подожди. Ты хочешь сказать, все эти части взяты из разных квартетов?

— Да, но они едины по стилю и...

— Что за жуткая мысль! — весело хохочет Хана. — Но зачем, для чего ты это сделал?

— Ну... — на секунду задумался Джим. — Я вдруг заметил, что ставлю эти квартеты исключительно ради медленных эпизодов, а остальное почти не слушаю. Настроение у меня всегда такое, или еще что, не знаю. Эти части — подходящее звуковое сопровождение, а может, они усиливают настроение, или даже преобразовывают его в нечто высшее.

— Ты шутишь, что ли, Джим! Да от одной этой мысли Бетховен бы в гробу перевернулся, — снова смеется Хана. — Ведь каждый квартет — единое, цельное переживание. А ты все обкарнал, оставил какие-то огрызки. Бросай эту ерунду, поставь лучше какой-нибудь из них целиком. Тот, который тебе больше нравится.

— Не так-то это просто. — Джим поднимается и идет к проигрывателю. — Странная тут одна вещь. Вот Салливан пишет в своей книге про Бетховена, что опус сто тридцать первый значительно превосходит все остальные — семь торжественных эпизодов и обширное вступление, и все такое прочее...

— А это что, очень для тебя важно?

— Что важно? То, что говорит Салливан? Ну, это как сказать... Я же большую часть своих идей нахватал из книг. А Салливан — один из лучших биографов в мире.

— И поэтому ты согласился с его мнением.

— Да. Во всяком случае — сперва. А позднее я сам себе признался, что больше люблю сто тридцать второй опус. Бетховен писал этот квартет, оправляясь после тяжелой болезни, и медленные эпизоды похожи на благодарственные молитвы.

— Ладно, давай послушаем вещь целиком.

Джим засовывает в проигрыватель диск сто тридцать второго опуса в исполнении «Ла Салле»**, музыки хватает как раз до конца обеда.

* Буквально — «Молоточковое пианино». Больше известна как Двадцать шестая соната.

** Современный американский струнный квартет.

— Ну как ты мог убрать эту часть? — удивляется Хана, слушая финал.

— Не знаю.

Потом Хана бродит по квартире и рассматривает все, что в ней находится. Долго и внимательно, чуть не упираясь в них носом, изучает окантованные апельсиновые этикетки.

— Очень красивые.

Она останавливается на пороге спальни и громко, весело хохочет:

— Какие карты! Это же просто роскошь! Где ты их раздобыл?

Джим с радостью объясняет. Хану восхищает придуманное братьями Томас решение задачи о раскраске карты в четыре цвета. Потом она замечает под потолком видеокамеры, наморщивает нос и брезгливо подергивает плечами. И снова в гостиную, где она прерывает весь книжный шкаф, том за томом, и они говорят о книгах и вообще обо всем.

Хана замечает на замызганном столе компьютер, а рядом с ним — груды распечаток.

— А вот и стихи, верно? Можно я почитаю?

— Нет-нет! — Джим бросается к столу и закрывает бумагу собой, как курица цыплят. — Ну, я хотел сказать, — не сейчас. Они у меня все незаконченные, недоделанные, ну и поэтому...

Хана чуть хмурится, пожимает плечами. Потом они сидят на бамбуко-виниловой кушетке и говорят, говорят, а потом Хана встает и смущенно рассматривает пол.

— Мне пора. У меня завтра много работы.

Джим провожает ее к машине.

Возвратившись в квартиру, он оглядывается по сторонам и тяжело вздыхает. Все эти художочные то ли стихи, то ли неизвестно что, валяющиеся на столе, заброшенные и покинутые... Он сравнивает свою манеру работать с тем, что видел когда-то в мастерской у Ханы, и готов сгореть со стыда — лежебока, безвольный лентяй, дилетант... Ждет, видите ли, когда на него снизойдет вдохновение. Чушь это все собачья. И вообще, последнее время он даже не вспоминает о поэзии, не любит о ней вспоминать. Он — боец сопротивления, настало время не слов, но дел, он пишет лишь изредка, по случайному наитию. Его жизнь обрела совершенно новый смысл.

Только Джим и сам не очень-то этому верит. Он прекрасно знает свою лень. А теперь вот Хана — ну как, скажи-

те на милость, сможет он показать ей свои так называемые творения? Они же никуда не годятся. Джим не хочет продемонстрировать перед Ханой свою бездарность. Он стыдится этой бездарности, сперва — неосознанно, а потом разбирается в своих чувствах, и тогда ему становится совсем тошно. Ведь все-таки стихи, они и есть его настоящая работа, так ведь?

Глава 48

Люси Макферсон никогда не может расслабиться, с каждым днем дел у нее только прибывает. Сегодня она проснулась в одиночестве. Деннис опять в Вашингтоне, Люси посмотрела видео, легла позже обычного и — на тебе, пожалуйста, не услышала будильника. Она вылетает из дома без завтрака, едет в церковь, открывает свою канцелярию и приступает к обычной утренней серии телефонных звонков. Организационные дела идут, как часы, но вот со сборами пожертвований все как-то проблематично. Потом Люси едет в «Отдыхай на здоровье», ненадолго, но ничего тут не поделила, времени совсем нет. Том выглядит хуже обычного, жалуется на простуду. Люси трещит без остановки, старается выложить все свои новости; он внимательно смотрит на нее и время от времени кивает.

— А как там Джим? — спрашивает Том, дождавшись паузы.

— Да все, наверное, в порядке. Правда, последний месяц я почти его не вижу. Они с Деннисом... — Люси тяжело вздыхает. — Так он что, совсем тебя не навещает?

— Последнее время — да.

— Я скажу, чтобы пришел.

Том улыбается и прикрывает глаза. Какой же он сегодня старый, думает Люси.

— Не изводи мальчонку, Люси. У него и так забот по горло.

— Не понимаю, с какой бы это стати. И не понимаю, почему он не может уделить тебе хоть немного своего драгоценного времени.

Том качает головой, улыбается:

— Я люблю, когда он приходит.

Потом — снова в машину, сегодня ее учебная группа устраивает совместный ленч, и время выбрали очень раннее, неудобное. Ну и, наконец, опять в канцелярию, опять эта головная боль со сбором пожертвований. В два приходит Лилиан, несколько расслабившаяся Люси снова набирает

темп. Вдвоем работать лучше, да и вообще с Лилиан как-то веселее, можно хоть поболтать.

— Он снова устроил спектакль, — драматическим шепотом сообщает Лилиан.

— Преподобный Стронг?

— Ага. Прямо в конце урока.

Лилиан посещает конфирмационные курсы, которые Стронг ведет по четвергам.

— Лучше уж в конце, чем в начале.

— Понимаю, — смеется Лилиан, — в конце уже никто не слушает. Но все равно это несправедливо! Разве бедные виноваты, что они бедные?!

— Не виноваты, пожалуй, — медленно говорит Люси и тут же вспоминает Анастасию. Нужно навестить ее на той неделе. — Но иногда начинаешь задумываться... Во всяком случае, мне понятно, откуда у преподобного Стронга такие идеи.

Лилиан кивает. На прошлом уроке обсуждалась притча о блудном сыне. Ну с какой это стати, вопрошал Стронг, должен Господь ценить блудного сына выше, чем того, который хранил верность неизменно? Явная несправедливость. Преподобный чуть не час посвятил проблематике греческого текста — все более склоняясь к мнению, что при переводе арамейского оригинала была допущена ошибка.

— Ну а под конец, — смеется Лилиан, — он почти так прямо и сказал, что в Библии все шиворот-навыворот.

— Ты шутишь.

— И ничего я не шучу. Он сказал, что именно старший сын был и остается избранником Господа, тот, который не сбивался с пути истинного. Он говорит, тем, которые сбивались с пути истинного, нельзя потом доверять. Их можно простить, но доверять им нельзя.

Люси сокрушенно качает головой. Притчи... некоторые из них такие смутные и двусмысленные. Притча о блудном сыне — ей и самой всегда казалось, что тут какая-то несправедливость по отношению к старшему сыну, а уж притча о талантах... И все равно то, как использует притчи преподобный Стронг... Трудно даже представить себе такое. И ведь Новый Завет, следование этим текстам, определяет всю ее жизнь. Что же касается истории про Иова, как Бог с Сатаной чуть не делали на него ставки, или про Авраама и Исаака и подменное жертвоприношение — тут уж Люси давно отчаялась что-либо понять. Но поучения Христовы... Она

просто не имеет права сомневаться в их авторитетности. И все же — и все же. Вот преподобный рассматривает притчу о талантах и доказывает на ее основании, что бедняки ОкО бедны потому, что им предназначено быть такими... да еще и намекает, что церковь не должна тратить время на помощь этим беднякам. Никто не сомневается, что виноват тут преподобный Стронг, и только он. Однако именно притча дала ему свободу для таких рассуждений!

Как бы там ни было, Стронг настроен против благотворительности, и это его предубеждение нужно обойти. Люси и Лилиан оживленно обсуждают возможные тактические приемы. Лучше всего — действовать через уже имеющиеся программы, это самое простое и очевидное решение; поддерживать эти программы, не давать им угаснуть, а уж тогда тут печальный факт, что преподобный никогда не начнет новую, не будет иметь серьезного значения. Поэтому все дело упирается в сбор средств и вербовку помощников, нужно работать и работать. Ничего, вдвоем они как-нибудь справятся.

Остается одна нерешенная проблема: им нужен новый сборщик пожертвований, полностью работающий на программу помощи окрестным беднякам, иначе программа эта просто не выживет. Но разве согласится на такое преподобный Стронг?

— У меня есть план, — сообщает Люси. — Понимаешь, преподобный уже привык, что где эти программы, там и я, так что теперь он любое мое предложение встречает в штыки. Поэтому пусть идея почтовой кампании идет от тебя — ну вроде как ее придумала ты и другие с ваших конференционных курсов.

— Конечно! — Лилиан в восторге от уловки. — Я поговорю с нашими, а потом мы пойдем к преподобному все вместе и скажем.

— Да, — кивает Люси. — Так должно получиться.

Дальше они обсуждают благотворительный базар.

— Надо бы уговорить Джима, — размышляет вслух Люси. — Пусть тоже придет и поможет.

— А Джим и мистер Макферсон, — с любопытством обращается Лилиан, — они вообще ходят теперь в церковь?

Вопрос заставляет Люси чуть покраснеть.

— Я говорю им, чтобы ходили, — сокрушенно качает она головой, — но разве же меня кто слушает. Деннис, он, видите ли, слишком занят, а у Джима уйма всяких доводов,

почему этого не нужно делать. Представляю себе, что бы было, приди он сюда и послушай проповедь вроде той, которую Стронг читал в последний раз. Взвился бы, я не знаю как, а ведь самого его послушать, так он иногда говорит почти то же самое, что и преподобный. Джим не понимает, что церковь — нечто большее, чем отдельные личности с присущими им слабостями. Или чем история церкви. Церковь — это вера. Боюсь только, как раз веры-то у него и нет, во всяком случае сейчас, — вздыхает Люси. — Жалко мне Джима. Нужно будет с ним поговорить.

— А может, поговорить с ними обоими одновременно?

— Да ведь просто собрать их в одно место, и то целая проблема.

— Почему?

Люси снова вздыхает. Не стоило бы распространяться на эту тему, но... она не раз уже убеждалась, что все, сказанное этой девушке, никогда и никуда дальше не идет, даже Эмма остается в неведении. А выговориться необходимо, хоть перед кем-нибудь.

— Не ладят они. Деннису надоело, что Джим занимается всякой ерундой и не найдет себе настоящую работу, он выкладывает все это Джиму, ну а тот, конечно же, злится. Ну что-то в этом роде. Во всяком случае, они тут два раза поругались, и теперь Джим к нам не приходит.

— Им нужно сесть и спокойно поговорить, — умудренно советует Лилиан.

— Вот именно! Именно это я им обоим и говорю!

Лилиан слегка улыбается, но Люси этого не замечает.

— На вашем месте, — продолжает Лилиан, — я постаралась бы их свести, и пусть поговорят.

— Пробовала я, только ничего хорошего не получается.

— А вы не опускайте руки, пробуйте еще и еще.

— Тоже ведь правда, — кивает Люси. — Нужно будет свести их еще раз.

И Люси пробует, тем же вечером. Деннис, конечно же, еще в Вашингтоне, но с ним все просто; главное — заманить Джима, пусть он приходит пообедать через несколько дней, когда Деннис уже вернется. Она звонит по телефону.

— Джим? Это я, мама.

— Привет, мама.

— Ну, как ты съездил?

— А ты знаешь, мам, здорово. — Джим вкратце пересказывает ей кое-что из своих европейских приключений.

— Ну, я рада за тебя. Послушай, Джим, а ты не зайдешь к нам на той неделе? Папа к тому времени уже вернется.

— М-м-да.

— Джим. Отец не видел тебя уже целых два месяца, а так нельзя. Он нуждается в тебе не меньше, чем ты в нем.

— Послушай, мама...

— Нечего тут и слушать. Все эти ваши споры — сплошная глупость, нужно просто иметь веру.

— Чего?

— Так ты придешь к нам на следующей неделе?

— Что?

— Я говорю — ты придешь к нам на следующей неделе?

— Постараюсь, мам. Я об этом подумаю. Только ведь он скажет, что я заявился к вам пообедать на дармовщинку.

— Не говори ерунду.

— Никакая это не ерунда!

— Ерунда, и ты сам это понимаешь. Вы с ним оба чересчур упрямые и сами себя мучаете. Так ты приезжай обязательно, ладно?

— Ладно, мама, ты только не расстраивайся. Я... я постараюсь.

— Ну вот и хорошо. — Люси кладет трубку.

На той неделе опять урок, нужно к нему подготовиться; она переходит в видеокомнату, садится в кресло, берет на колени кошку. Послание Павла к Ефесянам. Люси пытается читать, но строчки расползаются, дwoятся... На экране — воздушный шар, он плывет в темно-синем небе, над заснеженной горной вершиной. Большие черные буквы плывут по белой поверхности бумаги... Люси вздрагивает, смотрит на часы. Уже за полночь. Нехорошо это все-таки — засыпать над Библией. Она снимает кошку с коленей, распрямляет занемевшие ноги и идет ложиться.

Глава 49

Хану не поймать, она все время занята, так что Джим идет к Сэнди в довольно мрачном настроении. Она работает, а он — нет. Ну что она о нем подумает?

У Сэнди он выходит на балкон, прислоняется к стенке и начинает смотреть на машины, нескончаемыми вереницами бегущие по транспортной развязке. В этом месте встречаются аж пять магистралей, «ромашка» огромная и наблюдать ее можно часами.

Кто-то настойчиво дергает его за локоть, Джим вздрагивает, поворачивается и видит Дебби Ригтс, младшую сестру Хэмфри.

— А, Дебби, привет. Как жизнь?

Что-то давно ее не было видно. Джим знает Дебби еще со школы, и она для него вроде как сестра.

— Все тип-топ, Джимбо. А как ты?

— Лучше некуда. Нет, правда, все отлично.

Некоторое время они треплются о своих последних делах. Ничего особо интересного, все как обычно, но только Дебби явно чего-то недоговаривает. А ведь она известна своей прямолинейностью, и уж если имеет к тебе какие-нибудь претензии, так сразу все выложит.

А кроме того, она — подруга Шейлы Майер.

И точно, еще пара минут, и Дебби прорывает:

— Скажи, пожалуйста, Джим, а как ты представляешь себе свои отношения с Шейлой? Вы же с ней были союзниками чуть ли не полгода, а потом вдруг — на тебе, пропал, и ни слуху о нем ни духу. Ну разве можно так поступать.

— Ну, понимаешь, — неуверенно мямлит Джим, — я все хотел до нее дозвониться...

— Не надо пудрить мне мозги! Хотел бы, так и дозвонился, в крайнем случае — записался бы на автоответчик! Ничего ты ей не звонил. Да ты хоть понимаешь, Джим, в какое положение ты ее поставил? — Дебби уличающе тычет в Джима пальцем, ее голос дрожит от гнева. — Да ты ее с дерьмом смешал.

— Понимаю я, понимаю, — понуро бубнит Джим, — все понимаю.

— Ничего ты не понимаешь! А я вот заходила к ней — после того как ты, видите ли, решил испариться, — а Шейла сидит и собирает на столе головоломку, ну такую, где картинки разрезаны на кусочки. И не какую-нибудь, а из десяти тысяч этих кусочков. Она просто не может делать ничего другого, не может ни о чем думать! А когда все было собрано, она сходила на минуту в магазин, купила еще несколько таких же и сразу вернулась домой. И вот теперь она так и сидит за столом и складывает эти долбанные картинки, и так продолжается уже целый месяц! — Лицо Дебби покраснелось, глаза сверкают. — И ведь это ты ее до такого довел, — безжалостно наступая она на Джима. — Это ты во всем виноват!

Наступает долгая пауза.

У Джима перехватило в горле, он и хочет отвести глаза, и не может.

— П-понимаю. — Короткое слово выдавливается с трудом, словно клей из пересохшего тюбика.

Вот теперь Дебби верит, что пробилась наконец через эту носорожью шкуру, что Джим как бы увидел Шейлу, потерянно сидящую над своей идиотской головоломкой, понял, что происходит. И тогда лицо ее смягчается, и Джим видит, что, как бы там Дебби на него ни злилась, она — друг. Только кто же сказал, что осуждение друга легче перенести, скорее уж наоборот.

К тому же яростная обличительница не успокоилась, не получила желаемого облегчения, и Джим прекрасно понимает почему; перед ним стоит та же, что и перед ней, картина: Шейла, кропотливо перебирающая разноцветные кусочки картона, сосредоточившая на них все свое внимание, полностью отключившаяся от мира... Неожиданно глаза Дебби набухают слезами, она начинает быстро моргать, отворачивается и уходит в комнату, — а Джим видит горестную, безнадежную сцену еще отчетливее, чем прежде, теперь она словно выжжена в его памяти.

— Ох, Господи, — вздыхает он и снова смотрит в ночь; по трассам все так же ползут белые и красные огоньки. В желудке Джима застрял какой-то грузный, неудобный ком, во рту стоит противный землистый привкус — ну точно, словно проглотил один из этих вот в изобилии стоящих рядом цветочных горшков.

Головоломки...

Почему он так сделал? Из-за Вирджинии Новелло. А как же Шейла? Ну просто не подумал о ней, вот и все. В вечном своем самоуничтожении Джим никогда не верит, что кто-либо может испытывать к нему особо серьезные чувства. А может, и вообще не очень верит в реальность чувств других людей. К примеру — в реальность чувств Шейлы Майер. Поверь он в эти чувства, пришлось бы с ними считаться.

Но вот сейчас Джим осознает все это, и его захлестывает волна отворачивания к себе.

Он смотрит на себя со стороны; на какое-то время Джим Макферсон перестал быть невидимым центром Вселенной, превратился в одного из рядовых членов обширной компании друзей и знакомых. Конкретная физическая личность, с которой можно общаться, о которой — и которую! — можно судить. Головокружительное, почти тошнотворное чувство,

настоящее потрясение. Покинуть свое тело и взглянуть со стороны на этого тощего, настороженного юнца, полого человека*, внутри которого нет ничего своего, самоопределяющего — человека, определенного только своими модными воззрениями, своими модными тряпками, своими модными привычками, своей модной союзницей, в результате чего люди, которые его любят — Шейла, — ...

Пустые глаза, уставившиеся на разбросанные по столу части головоломки. Нужно сосредоточиться. Фары тускнеют и расплываются.

Глава 50

Стьюарт Лемон сидит за своим рабочим столом, но мысли его далеки от работы. Дома тот же кошмар, что и все последнее время. Эльза продолжает играть в молчанку, слоняется по квартире, словно голозадая зомби... Сколь же это времени прошло, как она перестала разговаривать? Лемон предается мечтаниям, как он бросит ее и сойдется с Рамонной, начнет новый союз, свободный от всего этого груза взаимных обид, мучений. А где же тогда жить, ведь квартиру придется оставить Эльзе? Да и вообще у Рамоны есть уже союзник. Все это фантазии, пустые и рассыпающиеся в пыль при первом же столкновении с реальностью. Так что придется нести свой крест...

Негромкое гудение интеркома. Рамона сообщает, что Дональд Херефорд в Лос-Анджелесе. Он прилетел по делам «Арго/Блессмана», но заодно заглянет и сюда. Будет через полчаса.

Лемон глухо стонет. Ну что же это за жизнь такая! Он и прежде-то побаивался налетов Херефорда, а в последнее время — особенно. Принимая во внимание все трудности, испытываемые ЛСР, каждый визит подобного рода очень похож на проверку — а стоит ли «Арго/Блессману» тратить деньги на поддержку своего аэрокосмического филиала, не лучше ли избавиться от него раз и навсегда? Каждый, а уж тем более сегодняшний, для которого нет ровно никаких разумных причин.

Лемон старается взять себя в руки, превозмочь нервную дрожь, но ничего из этого не получается. Он встречает Херефорда, приглашает в свой кабинет, усаживает, садится сам.

* Намек на поэму Т. Элиота «Полые люди».

Слушая доклад о текущем состоянии основных проектов, разрабатываемых ЛСР, Херефорд смотрит в окно.

— А как там протест по «Осе»?

— Судебное разбирательство намечено на конец этой недели, или начало следующей. Вы читали доклад ФСП?

— Нет.

Лемону приходится излагать резюме.

— Как видите, — заключает он, — документ вполне для нас благоприятный, однако юристы не уверены — убедит ли он судью Тобайасона. Должен бы, но ведь нужно принимать во внимание прошлую карьеру этого человека... Одним словом, никто ничего не обещает.

— Знаю, — кивает Херефорд. — И начинаю уже задумываться.

— Был ли смысл... — Лемон хочет сказать «опротестовывать решение», однако вспоминает, что идея принадлежит самому Херефорду, и прикусывает язык.

Херефорд чуть приподнимает брови, затем смеется:

— Был ли смысл опротестовывать решение? Думаю, да. Нужно было показать военно-воздушным силам, что они не могут безнаказанно нарушать любые правила и вытирать о нас ноги. Именно это мы и сделали, заставив их идти на поклон к ФСП. Поэтому главная наша цель достигнута — что бы там ни решил Тобайасон.

— Но... ведь мы хотели получить контракт.

— Неужели вы серьезно верили, что ВВС это допустят. — Лемон убито молчит. — Расскажите мне, как там дела с «Шаровой молнией»? — прерывает его размышления Херефорд.

Лемон обреченно вздыхает, а затем спокойным, почти безразличным голосом описывает последние затруднения, испытываемые злополучной программой.

— Макферсон предложил применить решетки фазированных излучателей и увеличить время отслеживания ракет. Идеи многообещающие, однако неизвестно, как к ним относятся ВВС, ведь в техническом задании четко оговаривался двухминутный интервал после запуска.

— Вы их спрашивали?

— Пока нет.

Херефорд задумчиво морщит лоб.

— И у ВВС имеются протоколы испытаний, показавших, что мы можем сжечь ракету за две минуты, так ведь?

— Можем, при определенных условиях.

— А именно?

— Ну, в первую очередь, если она неподвижна...

Мало-помалу Херефорд вытягивает из него всю историю. Лемон вынужден признать, что результаты первоначальных испытаний, представленные Дэном Хьюстоном и его командой, можно расценить даже как фальсифицированные — пожелай ВВС занять жесткую позицию. А сейчас, когда ЛСР встала в такую позицию, опротестовав решение по «Осе»...

Вертящийся, как уж на сковородке, Лемон сильно подзревает, что все это Херефорду прекрасно известно, а разыгрываемый сейчас спектакль преследует сугубо назидательные цели; он делает попытку успокоиться.

— А Макферсон, он что, тоже связан с этой историей?

— Я отрядил его на помощь Хьюстону. Макферсон — специалист по устранению трудностей.

«И по их созданию, — думает Лемон. — И почему только эти две способности встречаются всегда вместе?»

Херефорд кивает и встает.

— Я хочу ознакомиться с работами по «Шаровой молнии» на месте.

Лемон удивленно вскакивает. Они идут к лифту, опускаются на первый этаж и выходят наружу. Конструкторское бюро расположено бок о бок с административным зданием, а огромный, в две сотни ярдов длиной корпус, вмещающий и лаборатории, и сборочные цеха, — чуть поодаль. Этот последний являет собой типичнейший образчик промышленной архитектуры Ирвиновского треугольника: два этажа, стены составлены из огромных квадратов омедненного полупрозрачного стекла, в этих коричневатых зеркалах отражаются санитарно-обязательные газоны и кипарисы.

Лемон проводит Херефорда по всем лабораториям и мастерским, хоть как-либо связанным с программой «Шаровая молния». Ни в одном из этих помещений Херефорд не задерживается; можно подумать, его интересует только то, где они расположены. Завершив эту несколько странную экскурсию, высокий гость хочет осмотреть окружающую корпус территорию: маленькие рощицы кипарисов, поставленные в них скамейки, высокий забор и его охранные системы... Ну зачем ему это все, думает Лемон, но ничего в голову не приходит. А что, спрашивается, придет в нее путного на ходу, под палящими лучами солнца, да еще когда в желудке бурчит от голода?

Наконец Херефорд кивает, давая понять, что обход закончен.

— Пойдемте, съедем чего-нибудь.

Округ Ориндж — далеко не ровня Манхэттену по части кулинарных изысков, и это гнетет Лемона, желающего произвести на гостя впечатление. Выбор падает на «Штурманскую рубку», небольшой ресторанчик, расположенный у мыса Дана, прямо над гаванью. Херефорд концентрирует свое внимание на салатах и ест с очевидным наслаждением.

— Вот все-таки не умеют этого у нас, в Нью-Йорке. Не знаю даже почему.

За соседним столиком расположились две девушки в куртках.

— Да, жизнь в Калифорнии имеет свои преимущества, — замечает Лемон, глядя на них. Его сотрапезник чуть улыбаясь.

Покончив с салатом, Херефорд откидывается на спинку стула.

— Последнее время здесь все чаще происходят нападения на оборонные заводы, — задумчиво говорит он. — Вот вы, что вы об этом думаете?

«Ага. Вот, значит, почему он изучал территорию вокруг опытно-промышленного корпуса».

— Наша служба безопасности интересовалась этими диверсиями и считает их делом рук какой-то мелкой группки местных отказников от военной службы. Версия разрабатывается при постоянном сотрудничестве с полицией. Судя по всему, вредители крайне обеспокоены тем, чтобы никого не убить и не поранить, их акции проводились исключительно против зданий, где отсутствовали люди. Исходя из этого, мы организовали круглосуточное дежурство на заводе, а также патрулирование периметра территории и морского берега. Новые меры предосторожности были оглашены на пресс-конференции и получили широкое освещение в средствах массовой информации.

Херефорд явно обеспокоен.

— И вы полагаетесь на этих психов? А вдруг они ошибутся или попросту изменят свою политику? Да и следуют ли они вообще этому принципу — беречь людей?

— Ну, нам казалось...

— Нет, — уверенно кивает головой Херефорд. — Этих ночных охранников нужно убрать.

— Но...

— Вы слышали, что я сказал. Риск слишком велик. Мне совсем не нравится идея использовать живых людей в качестве щита, особенно когда мы ровно ничего не знаем о противнике. — Он поджимает губы, некоторое время молчит. — Правду говоря, у нас есть все основания предполагать, что здешние диверсии поддерживаются и направляютсЯ большой и весьма профессиональной организацией.

Лемон вскидывает брови, сейчас он бессознательно подражает Херефорду.

— Неужели русские?

— Нет-нет. Во всяком случае — не напрямую. Но тут может быть замешан один из наших конкурентов, вернее — его деньги.

Вот теперь уже брови Лемона лезут на лоб самым натуральным образом.

— Да кто же это конкретно?

— Мы еще не совсем уверены. Все связи между звеньями этой организации тщательно законспирированы, пока что нам удалось проникнуть только в самый низший ее уровень.

— Во всяком случае это — одна из компаний, не подвергавшихся еще нападениям.

— Совсем не обязательно.

Заявление неожиданное, Лемону требуется некоторое время, чтобы полностью осознать его смысл. Компания организует налет на своих конкурентов, чтобы помешать их работе и, в конечном итоге, подорвать их репутацию в глазах ВВС. Затем она атакует сама себя — чтобы очиститься от подозрений. Кроме того, у нее появляется прекрасная возможность избавиться от любых материалов, представляющих потенциальную опасность. Весьма, весьма разумно.

Но если намечаемая жертва узнает о планируемом нападении заранее и у нее есть нечто такое... ну, скажем, программа, столкнувшаяся по тем или иным причинам с крупными неприятностями...

Гипотезу хочется проверить.

— А не стоит ли тогда усилить внешнюю охрану территории? — спрашивает Лемон.

— Нет никакой необходимости. — На лице Херефорда появилась чуть заметная насмешливая улыбка, его, похоже, забавляет непроходимая тупость собеседника. А может, эта

улыбка говорит: «ну вот, дошло наконец по длинной шее»? Трудно сказать. — Мы и так сделали уже все возможное. Страховка у нас в полном порядке, так что остается только ждать и надеяться на лучшее.

Надеяться на лучшее... и убрать из корпуса ночную охрану.

— Так вы... имеется ли у вас какая-нибудь информация о том, что мы можем оказаться очередным...

— Объектом нападения? — пожимает плечами Херефорд. «Вот же черт за язык дернул, разве можно о таких вещах спрашивать в лоб?» — Так, смутные намеки. Полицию они не убедят. — Но эти глаза, думает Лемон, они смотрят сквозь карту Карибского бассейна, застилающую стол вместо скатерти, и они знают. Да, они знают.

Лемон берет со стола бокал с белым пино, пробует. Его фактически посвятили в тайный замысел. С недомолвками, но в очевидной надежде, что все остальное он и сам сообразит. Вполне возможно, что посвятили по крайней необходимости, но все равно это — знак доверия.

Кроме того, появляется надежда — нет, проблеск надежды — на скорое избавление от программы «Шаровая молния» и связанных с ней неприятностей. Неприятностей, грозивших и ему лично, и всей ЛСР. А тут еще страховка... потрясающе. Он допивает бокал и ставит его на стол.

Глава 51

Ни в свободное время, ни на работе Джима ни на минуту не оставляют мысли о Шейле Майер и ее головомках. Теперь именно эти мысли стали главной частью гнетущей его тревоги. И никуда от них не спрячешься.

Хана много работает, у нее никогда нет времени. Хана работает, а он не работает.

Неохотно, словно из-под палки Джим садится за компьютер и смотрит на экран. Он должен работать, работать по-настоящему, он просто обязан работать. Ну хоть для того, чтобы забыть на время обо всей этой коломуторной жизни, о вечно сосущей тревоге. Причина, побуждающая к работе, — дело десятое, главное — сама работа.

Он сидит и думает о своей поэзии. И вообще — о современной поэзии. Дело в том, что ему не нравится эта самая «современная поэзия». Крикливая, аляповатая,

невежественная — и даже гордящаяся своей невежественностью, возводящая эту невежественность в принцип. А главное — неизлечимо поверхностная, сосредоточившая все свое внимание на внешнем облике вещей, на миллионкратно множащихся зеркальных изображениях этого облика... Вся современная поэзия — постмодернизм, постмодернизм дряхлый, обескровленный, дышащий на ладан. И начхать ей на его культурстервятничество, ведь прошлое для постмодернизма — лишь звук пустой. Постмодерновую литературу может писать любой из околачивающихся по моллам зомби, да не они ли ее и пишут? Вполне возможно, во всяком случае — если судить по телевизионным интервью нынешних мастеров слова. Нет, нет и еще раз нет. Такое занятие не для Джима.

Но с другой стороны — ведь это же его время, он живет в этом времени, о чем же еще писать, если не о «сейчас»? Он живет в постмодерновом мире, от факта никуда не денешься.

На эту тему высказывались двое из наиболее почитаемых Джимом писателей. Альбер Камю, а затем фактически повторивший его слова Атол Фугард — оба они сходятся на том, что нужно быть истинным свидетелем своего времени. Что это — центральная, основная задача любого писателя. Камю и вторая мировая война, а затем еще уход Франции из Алжира; Фугард и южноафриканский апартеид — они жили в плохое, жестокое время, но это же самое время давало им материал, им было о чем писать, было о чем свидетельствовать!

А вот Джим... Джим обитает в богатейшей за всю историю человечества стране, привет, ну что там новенького, привет, да ничего там новенького... В «Джек-ин-де-бокс»* обслуживают побыстрей, чем в «Макдональдсе».

Господи ты Боже мой, угораздило же меня свидетельствовать о таком местечке.

Но как оно таким стало?

Хм-м-м. Джим задумывается. Не все, конечно же, до конца ясно, но что-то, содержащееся в этом вопросе, подсказывает возможный курс действий. Дает некий подход.

Только сразу же возникает другая проблема: все это уже делали, и делали много раз.

* Крупная сеть закусовых.

Это вроде как случай в Калифорнийском университете, когда преподаватель английской литературы дал студентам — в том числе и Джиму — задание пойти погулять на травке и написать стихи про осень. Вот и прекрасно, подумал Джим. Во-первых, где мы живем? В округе Ориндж. В таком случае, что такое для нас осень? Футбольный сезон. Серфинг. Кроме того, он где-то читал, что у Третьей симфонии Брамса осеннее настроение, а еще где-то — что у Псалмов Давидовых осенний ритм. Вот и ладушки, так что такое, значит, осень? Третья симфония Брамса! Псалмы! Утратив бесконечное разнообразие природного мира, неизбежно оказываешься в такой вот наезженной колее, если не одной, то другой. Ладно, возьмем эти заготовки и попробуем что-нибудь из них слепить.

Третья Брамса.
И «Рэмз»* на экране.
Я прочитал в Псалмах,
Что мы — лишь агнцы,
Надевшие гидрокостюмы.
Полет на осенней волне.

А что, вполне. Вот только затем преподаватель вытаскивает томик Китса и читает вслух его «Осень». М-м-да. Такие вот, значит, дела. Так что возьми-ка ты свое творение и засунь его в то место, где ему самое место. А заодно вычеркни эту тему из списка возможных, она уже исчерпана. Ну и что, ну и слава тебе Господи! Да у нас, в ОКО, эта тема и так практически отсутствует.

Оно бы и не страшно, только вот если продолжить этот процесс, от списка возможных тем не остается ровным счетом ни-че-го! Все они либо исчерпаны великими литераторами прошлого, либо напрочь отсутствуют в ОКО. А чаще всего — и то и другое сразу.

Стань свидетелем того, что видишь. Стань свидетелем жизни, которой ты живешь. Жизни, которой мы живем.

Но почему, почему, почему? Каким образом стала она такой?

Опять одно и то же. Ну ладно. Сделай, говорит Джим, это ориентиром. Пусть это будет организующий принцип твоего писательского метода, его ньюпортская трасса. Он вспоминает

* Известная футбольная команда.

«Рождены Америкой» Уильяма Карлоса Уильямса*. Эта книга — сборник размышлений о различных исторических личностях Соединенных Штатов, все эти личности увиденны глазами поэта и описаны языком поэта — хотя и в прозе. О повторении такой книги не может быть и речи — весь его литературный, с позволения сказать, талант не стоит и кончика ногтя мизинца Уильямса. Это надо же, думает Джим, что каждый раз, когда У. К. У. стриг ногти, он срезал с себя в десять раз больше таланта, чем я когда-либо буду иметь, заворачивал это сокровище в огрызок газеты и выбрасывал в мусорное ведро. Он хихикает — и начинает чувствовать себя малость получше.

Да и вообще, какое там повторение. Ведь Джима интересует округ Ориндж, высшее, наиболее полное и окончательное выражение Американской Мечты. А в ОкО не было и нет никаких великих личностей, это — одна из непеременимых составляющих всего того, символом чего является ОкО. Так что тут программа Уильямса не подходит, захоти даже Джим ею воспользоваться.

Но это дает ему ключ. Мы создали это место коллективно, общими нашими усилиями. И у него есть история. Проследив эту историю, можно попытаться ее объяснить — задача, по мнению Джима, еще более важная, чем простое свидетельство. Как ОкО достигло теперешнего своего состояния. «Лунатики, или откуда мы такие взяли». Джим снова смеется.

Но если сделать это своим ориентиром, если отталкиваться именно от этого, тогда все прочитанные Джимом книги, все его культурстервятничество, вся его одержимость прошлым — все это пригодится. Он вспоминает биографию Сэмюэла Джонсона**, написанную Уолтером Джексонном Бейтом, то ее место, где Бейт говорит о критической проверке литературного произведения, которую придумал Джонсон. Самый главный вопрос: «Есть ли от этого хоть какая польза?» Прочитав книгу — задумайся: есть ли от этого хоть какая польза?

Так как же все-таки все это случилось?

* Уильям Карлос Уильямс (1883—1963) — американский поэт и прозаик.

** Сэмюэл Джонсон (1709—1784) — английский лексикограф, критик и поэт.

Хорошо, пусть это и будет ориентиром, стартовой точкой. Ньюпортской трассой. С ньюпортской трассы можно попасть куда угодно...

Глава 52

Так как же все это случилось? Изменения пришли вместе со второй мировой войной, вторая мировая война определила и весь дальнейший их ход.

В округе Ориндж было две тысячи жителей японского происхождения, после Перл-Харбора всех их забрали и увезли в Аризонскую пустыню, в организованный около Посто-на лагерь для интернированных. Люди потекли на запад, чтобы принять участие в войне. Президент Рузвельт потребовал, чтобы промышленность подняла годовое производство самолетов до пятидесяти тысяч, а маленьким авиастроительным заводикам Лос-Анджелеса и округа Ориндж было куда расти, каждый из них располагался в окружении незастроенных фермерских земель. Авиационная промышленность Южной Калифорнии получила стартовый толчок.

А солдаты и моряки ехали на запад. И попадали в округ Ориндж, словно сошедший с наклейки, которые они видели у себя дома на апельсиновых ящиках: просторная равнина, с геометрической аккуратностью засаженная апельсиновыми деревьями, длинные ряды высоких, подпирающих небо эвкалиптов, разбивающие землю на огромные квадраты, лысые холмы, а еще дальше, за ними, заснеженные вершины гор; на побережье, там, где Ньюпорт и Корона-дель-Мар, — широкое песчаное пространство, почти пустынные пляжи. Маленькие, оплетенные виноградом домики окружены садами, и у каждого из них — своя собственная, отдельная апельсиновая роща.

Во всем округе было неполных сто тридцать тысяч жителей, и эти люди терялись среди миллионов деревьев. Мальчишки из промышленных городов Востока, фермеры с холодного Среднего Запада и нищего Юга, оголодавшие дети Великой депрессии, они приезжали сюда и видели воплощенную мечту, средиземноморский идеал легкой и богатой сельской жизни под ясным, безоблачным небом. Они могли купаться на Рождество. Они беззаботно хохотали в теплых соленых волнах. Они носились на стареньких «фордах» по проселочным дорогам, затененным рядами эвкалиптов, они пили пиво и трепались с местными девушками, вдыхали

густой аромат цветущих апельсиновых деревьев — и все это под жарким февральским солнцем. И каждый из них сказал себе: «Вот кончится война, я приеду сюда снова, и уже навсегда».

Здесь была земля, много пустующих фермерских земель, которыми могла воспользоваться армия. И все радовались приходу военных, ведь это обеспечивало процветание бизнеса. Патриотизм плюс хороший бизнес, это уравнение прочно укоренилось в округе Ориндж, укоренилось с начала той войны. К примеру, городской совет Санта-Аны арендовал четыре сотни акров ранчо Берри за шесть тысяч триста восемьдесят шесть долларов в год, чтобы затем сдать их министерству обороны за доллар в год для какого угодно использования. Это было патриотично, это было хорошим бизнесом. Министерство обороны превратило ранчо в военно-воздушную базу «Санта-Ана», за время войны здесь прошли подготовку сто десять тысяч человек. Все они увидели эту землю.

Рядом с военно-воздушной базой было организовано военно-воздушное летное училище, «Воздушный университет». Здесь научились летать шестьдесят шесть тысяч летчиков. Все они увидели эту землю.

Военно-морской флот построил для своих наблюдательных дирижаблей военно-морскую авиационную базу в Лос-Аламитос и еще одну такую же — в Тастине. Флот очистил и углубил бухту в Сил-Бич, переселил две тысячи тамошних жителей и построил склады для боеприпасов и прочего своего хозяйства. Денег была угрохана уйма, целых семнадцать миллионов долларов, — и все эти деньги получила местная строительная промышленность.

Апельсиновые рощи Эль-Торо были выкорчеваны, чтобы освободить место для воздушной базы морской пехоты США, получившей то же самое название, «Эль-Торо». Эта база — одна из крупнейших в стране.

Аэропорт округа стал военным аэродромом «Санта-Ана». Ирвин-Парк превратился в пехотный учебный центр «Джордж Ю. Ратке». И через все эти военные базы рекой текли люди. И деньги.

Войной занималось такое множество людей, что фермы остались без рабочих рук. Для уборки апельсинов стали привозить мексиканских брасерос* и немецких военнопленных. Рабочих для уборки апельсинов привезли даже с Ямай-

* Сельскохозяйственный рабочий-поденщик (*исп.*).

ки («Эти негры говорят с оксфордским произношением», — заметил кто-то из местных).

А солдаты, и моряки, и летчики, и рабочие авиастроительных заводов, все они обслуживали войну. Округ Ориндж превратился в часть военной машины, созданная на этой земле военно-промышленная инфраструктура так здесь и осталась, она обеспечила работой тысячи людей, вернувшихся сюда после войны; эти люди привозили с собой семьи и покупали себе дома, построенные строительной промышленностью, которая так расцвела на военных подрядах, и шли работать. В пятидесятые годы от Лос-Анджелеса в округ Ориндж протянулась магистраль, теперь можно было работать в Лос-Анджелесе, а жить в Ориндже; подобно железным дорогам и прочим новшествам, повышающим эффективность транспорта, новая дорога привела к скачку деловой активности, военно-промышленная машина росла как на дрожжах. Эта машина обслуживала сперва корейскую войну, затем холодную войну, затем вьетнамскую войну, затем холодную войну, затем центральноамериканскую войну, затем холодную войну, затем африканскую войну, затем холодную войну, затем индонезийскую войну, затем холодную войну, затем космическую войну... военная машина, непрерывно пухнущая и разрастающаяся.

И ничто из этого никуда не исчезло.

Глава 53

По возвращении из Европы Сэнди с головой уходит в лихорадочную деятельность. Автоответчик выдает свои записи два с половиной часа непрерывно — и это при максимуме минута на одно сообщение. Хорошая половина посланий — от Боба Томпкинса, так что Сэнди незамедлительно звонит Бобу.

— Привет, Боб, это Сэнди.

— А, Сэнди! Вернулся, значит!

— Да, я тогда решил, что стоит...

— Стоит дать мне время малость поостыть, так что ли? Ну что ж, все верно, так оно и вышло.

Боб смеется, а Сэнди удовлетворенно кивает. Да, все вышло, как надо. Говорить с Бобом в первый день было опасно, самым буквальным образом.

— Ты, Сэнди, не бери особо в голову. Ну, сперва-то я, конечно дело, завелся, но кой, собственно, хрен — пописывал какую-нибудь там неделю и успокоился. Да и то сказать,

ну куда вам было деваться, когда пограничники висели у вас, считай, на хвосте? Вы ж могли просто покидать эти фляги в воду и с концами, верно? Так что уже одна надежда, что мы сможем когда-нибудь их вытащить, это и то большой плюс. Слушай, если ты сможешь добыть все это хозяйство, получишь отдельную премию за поступок, не входящий в служебные обязанности и оные обязанности превышающий.

— Вот и отлично, Боб, нам же и вправду некуда было деться. Только тут ведь еще одна заморочка, эта дурь лежит в таком, знаешь, довольно хреновом месте. Мы же как сделали — выбрали ближайшую точку побережья, где людей не было, да и рассовали фляги среди булыганов. Потом смотрим — мама родная, да мы же прямо под тем обрывом, где наверху «Лагуна спейс рисерч». А назавтра они объявляют об усилении охраны своей территории по причине участвовавших за последнее время диверсий. В том числе — о наблюдении за приближающимися к берегу лодками.

— Да-а, проблема. Так что... эта компания, значит, тоже работает на оборону?

— Во-во.

— Ясно. — В трубке долгое молчание. — Послушай, Сэнди, тогда придется что-нибудь придумать, тебе ведь тут и вправду не разобраться одному. Я позвоню тебе потом, ладно? А ты пока не высывайся.

И слава Богу, кто бы возражал. Теперь Сэнди может всерьез заняться своей основной работой. Необходимо наверстывать упущенное за время прогулок по Европе, так что следующую неделю он вкалывает до упора, по шестнадцать, а то и восемнадцать часов в сутки; в конце концов товар раскидан, теперь пора заняться и производством, а то так скоро и продавать будет нечего. Анджела тоже устала, ведь ей приходится ухаживать и за Сэнди, и за квартирой, на ней и вся кухонная готовка и, что еще утомительнее, все хлопоты по постоянно действующей ночной тусовке, которая снова набрала полные обороты. Сэнди совсем доходит, в чем только душа держится; постоянно мотаться по всей округе, запоминать — без каких бы то ни было записей — многочисленные сделки, и все это под аккомпанемент регулярного употребления забойных доз наркотиков — такую жизнь и врагу не пожелаешь. Домой он возвращается далеко за полночь и, правду говоря, физически не способен получать какое-то удовольствие от царящего здесь веселья.

— Да, денек, — говорит он Анджеле. — Ноги не держат.

— А почему бы не устроить завтра выходной? Если не на целый день, то хотя бы на вечер. Даже из самых деловых соображений, а то ведь ты так совсем сломаешься.

— Мощная мысль.

На следующий день он приходит домой рано, около одиннадцати вечера, и собирает у себя Эйба, Таши и Джима.

— Поехали, ребята, кататься.

Идея встречает всеобщее одобрение. Компания устраивается во вместительной машине Сэнди и выезжает на северную полосу ньюпортской трассы. Сэнди программирует замкнутую петлю: по ньюпортской на север, потом на запад по риверсайдской, на юг по оринджской, на восток по гарденгроувской и снова на север по ньюпортской. Все участки этого маршрута проходят по верхнему уровню, получается нечто вроде развлекательной воздушной прогулки над аутопией, причем развлечения обеспечиваются морем огней округа Ориндж, а также другими машинами и их пассажирами.

Ребята придумали себе такую забаву еще в те давние времена, когда были членами школьной борцовской команды и только-только получили водительские права. Помирающие от голода и жажды школьники (это по будням, когда нужно сгонять вес), а по выходным — они же, обжираться напропалую. Сегодня эти воспоминания вызывают острую ностальгию. Ну как же можно было забыть, утратить свой обычай крейсировать по трассам? Ведь это занятие — чуть ли не основное для всех обитателей ОКО.

Сэнди на водительском месте, Эйб рядом с ним, Джим сидит позади Эйба, Таши — позади Сэнди. Первое дело в таких поездках — раздать и поскорее использовать боеприпасы, то бишь пипетки. Собираясь вместе, эта четверка резонансным образом увеличивает свои способности — и потребности — к потреблению дури, так что сейчас они в самом буквальном смысле «заливают глаза». Давняя, почтенная традиция.

— Какое счастье прийти в свой старый добрый клуб и устроиться за столом, — блаженно улыбается Джим. — Отличное дают сегодня светопредставление, не правда ли? Посмотрите туда, видите, в рисунке уличного освещения можно заметить планировку первых городов этих мест. Вон те плотные квадраты фонарей — это и есть самые старые города, которые разбивались на маленькие кварталы. Фуллертон... а вон Анахейм, самый из них старый... скоро будет Ориндж... А между ними структура более... растянутая, что

ли? Видите? Кварталы длинные, и дома стоят не по прямой, а извилисто.

— Да, да, вижу! — пораженно восклицает Сэнди. — Раньше я не замечал, а ведь и правда.

— Конечно, правда, — гордо заявляет Джим и начинает фонтанировать историей местного землевладения, полные записи которой хранятся у его работодателя, Первой американской компании титульного страхования и торговли недвижимостью, затем — о попытке Первой американской вообще, и Хэмфри в частности, выстроить административный корпус на земле растащенного на части Кливлендского лесного заповедника, и кончает новой компьютерной сетью, установленной в конторах компаний, страшно современная система. — Они же понимают все, что им ни скажешь, не просто какие-нибудь там команды запиши-перепиши, умножь-подытожь, а вообще что угодно, это вроде как начало настоящего диалога человека с машиной, и это имеет огромное значение... — И тут Джим замечает наконец удивленно воззrivшиеся на него лица друзей.

Он резко тормозит, Сэнди начинает хихикать, а Эйб качает головой и произносит — удрученно и почти что ласково:

— Джим, да ведь все здесь присутствующие клали на эти твои компьютеры с прибором.

— А-а. Ну да. Конечно. Вам лучше знать. — Неожиданно для самого себя Джим тоже начинает хихикать. Наверное, там была «Щекотка», в последней пипетке, которая без наклейки.

Эйб тычет пальцем в сторону Ориндж-молла:

— Сэнди, а ты рассказывал им про то, как мы были в этом парковочном гараже?

— Да нет, — широко ухмыляется Сэнди, — вроде не рассказывал.

— Мы, — поворачивается Эйб к слушателям из заднего ряда, — уезжали из этого молла, из его парковочного гаража, ну, вы же знаете, какой он там у них, на тридцать один уровень, и мы ехали и ехали с этажа на этаж, все по стрелкам на полу, а там ведь это не какая-нибудь простая винтовая лестница, а все у них наперекосяк, и чтобы спуститься ниже, нужно на каждом этаже заехать в угол, и эти углы чередуются по кругу или еще что-то в этом роде. Одним словом, едем мы по этим самым стрелкам, а тут у Сэнди

вдруг глаза выпучиваются, вываливаются и болтаются себе на стебельках — ну вы сами такое видели.

Таши и Джим хором кивают и, хором же, пытаются изобразить это незабываемое зрелище.

— Во-во, — хохочет Эйб. — Оно самое. И вдруг он говорит: «А знаешь, Абрахам, ведь если бы не эти стрелки...» А я говорю: «Ну да, ну и что?» А он говорит: «Тормози! Останавливай машину, я сейчас сбегая, я там кое-что забыл». Я так и сижу себе в машине, а он возвращается в молл, а потом прибегает с двумя здоровыми банками краски — одна белая, а другая серая, под цвет тамошнего пола. И с двумя кисточками. «Начнем с самого низа, — говорит он, — и никто отсюда вовек не спасется».

— А-ха-ха, ха-ха-ха.

— Лабиринт без нити Ариадны, — комментирует образованный Джим.

— Вот именно, и без всяких шуток! Вы только подумайте, что получается! Одним словом, мы ездили там ездили, и у каждой стрелки Сэнди выскакивает из машины и быстренько ее закрашивает и рисует новую, в новом направлении — совсем не обязательно в обратном, а куда угодно. Ну, мы доезжаем до верхнего этажа, а позади уже сплошные гудки и руготня, и крики. И вот тут Сэнди поворачивает ко мне морду, а на морде этой такое очень удивленное выражение, и говорит эта морда: «Слышь, Эйб, а сами-то мы как отсюда выберемся?»

Психованный хохот Сэнди заглушает посредственные, некачественные смешки остальной компании.

Они едут на юг по Ориндж-трассе, впереди показывается гигантская путевая развязка, построенная на пересечении с трассами на Санта-Ану и Гарден-Гроув — очередной непомерных размеров крендель, скрученный из бетонных лент, опирающихся на тревожно тонкие паучьи лапки опор. Сворачивая на восточное полотно гарден-гроувской, они должны проехать через самую сердцевину узла. Отсюда великолепно видны Санта-Ана на юге, а затем, на севере — Ориндж. Это — просто название небольших участков безбрежного океана света, однако теперь, после рассказа Джима, на них интересно посмотреть.

Таши встает, сейчас он похож на буддиста, достигшего просветления, и не говорит, а вещает, передает друзьям сообщение, полученное по прямой линии из космоса.

— В округе Ориндж всего четыре улицы.

— Чего? — негодует Эйб. — Да ты протри очки!

— Платоновы формы, — догадывается Джим. — Идеальные первообразы.

— Только четыре, — кивает Таш. — Во-первых, трассы.

— Да, тут еще я соглашусь.

— Затем — торговые улицы, большие, вдоль которых сплошные автостоянки, а все заведения — за стоянками, или прямо на них. Например, Тастин-авеню, вон там, посмотрите. — Его рука указывает на север.

— Или Чапмэн.

— Или Бристольская.

— Или Гарден-Гроув-бульвар.

— Или Бич.

— Или Первая.

— Или Макартура.

— Или Вестминстерская.

— Или Кателла.

— Или Портовая.

— Или Брукхерст.

— Да, да, да! — прерывает их Таши. — Что и требовалось доказать! В ОкО много торговых улиц. Но все они — одна улица.

— А вот интересно, — мечтательно улыбается Сэнди, — если завязать кому-нибудь глаза, покрутить его по округу, чтобы запутался, а потом вывести на одну из этих торговых улиц и снять повязку, — сколько ему времени будет нужно, чтобы понять, куда его привезли?

— До второго пришествия, — уверенно заявляет Таши. — Они же неразличимы. Их же как строили — сделали образец в милю длиной, а потом повторили пятьсот раз.

— Интересная задачка, — продолжает мечтать Сэнди. — Можно сыграть в такую игру.

— Только не сегодня, — опускает его на землю Эйб.

— Не сегодня?

— Не сегодня.

— Третий тип улицы, — развивает достигнутый успех Таши, — представляют собой жилые улицы класса А. Пригородные улицы с небольшими домами, у каждого из которых — свой участок. Только не надо, пожалуйста, перечислять — их миллион и триста тысяч.

— Мне нравятся извилистые, как в Мишн Вьехо, — замечает Сэнди.

— А еще старые, тупиковой планировки, чтобы чужие машины зря не шастали, — добавляет Джим.

— А четвертый тип? — торопит Таша Эйб.

— Жилые улицы класса В. Городские улицы с многоквартирными домами, вроде как в Санта-Ане.

— Большинство их относится к первоначальной застройке городов, — кивает Джим. — Они уже на грани превращения в трущобы.

— На грани? — переспрашивает Эйб. — Да они давно уже самые настоящие трущобы.

— Пожалуй, что и так.

— Все равно есть еще и пятая разновидность улиц, — объявляет Сэнди.

— Ты думаешь? — заинтересованно поворачивается Таши.

— Да. То, что можно было бы назвать улица-трасса. Вроде бы и улица, только ничего на нее не выходит, ничего вообще. Сплошные здания, глухие стены жилых домов — и ни магазинов, ни пешеходов, ничего.

— Да и на тех же тоже нет никаких пешеходов.

— Верно, но здесь их еще меньше, чем обычно. Это просто улицы для быстрой езды.

— Отрицательное количество пешеходов?

— Да, ведь и правда, — соглашается Эйб. — Мы много ими пользуемся. Это вроде как Фэрхевен, или Олив, или Эдингер.

— Совершенно верно, — удовлетворенно подтверждает Сэнди.

— Ладно, — сдается Таши, — пусть будет пять. В ОкО пять улиц.

— Как вы думаете, — спрашивает Джим, — это что, следствие законов о районировании? Почему оно так?

— Тут скорее привычки, чем законы, — качает головой Таш. — Магазины любят держаться поближе друг к другу, жилые дома так и строятся — пачками, берут участок и застраивают сплошняком.

— И ведь каждая улица — со своей историей. — У глядящего в окно Джима пораженное, недоумевающее лицо, словно он впервые видит родной округ. — Боже ты мой!

— Вот ты, Джим, ее и пиши...

— Кстати, об улицах и истории, — вспоминает Сэнди. — Недавно, очень ясным утром, я ехал на восток по Гарден-Гроув. Это было как раз то утро, когда задула Санта-Ана. Призрачное такое утро, было видно и Болди, и Эрроухед, и

все, что тебе угодно. Солнце только что взошло, и я посмотрел на север, где когда-то была старая Ориндж-Пласа — ну чуть, может, западнее того места. И я не поверил собственным глазам! Понимаете, я вдруг увидел эту улицу, которую никогда раньше не видел, по одной ее стороне были тонкие, очень-очень высокие пальмы, а проезжая часть вроде как из белого бетона, широкая такая, шире, чем обычно бывает, а дома по каждой стороне все отдельные, на одну семью, и у каждого свой двор — маленькие такие особнячки, дворики, окруженные заборами, и газоны, и дорожки — ну все, что положено. Понимаете, это было точь-в-точь как на старых снимках тысяча девятьсот тридцатых годов.

— Да где это, где, где, где? — взволнованно подскочил Джим; он перегнулся через спинку переднего сиденья и заглядывает Сэнди в лицо.

— Понимаешь, тут-то весь и облом — я не знаю! Я так удивился, что на ближайшей развязке съехал с дороги и поехал взглянуть на эту улицу. Подумал еще, что вот Джиму, наверное, интересно будет и что, может, я даже захочу купить здесь дом, если, конечно, по карману будет, это же все выглядело, ну просто... Ну и что, крутил я там добрые полчаса и ничего такого не нашел. Даже пальмы — а уж их-то вроде издалека должно быть видно! И вот, с того случая каждый раз, как я проезжаю этот участок, я гляжу и гляжу, но там ничего такого нет.

— Ну, ты даешь!

— Сурово.

— Понимаю я, понимаю. Это свет, наверное, был такой, или еще что. А может — искривление времени.

— Вот это да! — Джим не может сидеть спокойно, он каждую секунду подпрыгивает, чуть не стучаясь головой о крышу машины. — Вот бы мне это место найти!

Они едут дальше. В бегущих рядом машинах какие-то люди живут своей жизнью. Иногда попадаются дорожные тусовки — несколько сцепленных вместе машин, люди передают друг другу еду, бутылки, стаканы, играет музыка — во всех машинах одна и та же.

— Прибавим-ка газу, — говорит Таши. — А то есть чего-то захотелось.

— Проедем через какую-нибудь дорожную закусочную, — предлагает Сэнди. — Чтобы не съезжать с петли, какую выберем?

— «Джек-ин-де-бокс», — говорит Эйб.

— «Макдональдс», — говорит Джим.

— «Бургер Кинг», — говорит Таши.

— Так куда? — кричит Сэнди, когда впереди показывает один из съездов к закусочным. Все орут каждый свое, а Таши перегибается через плечо Сэнди и тянется к управляющему переключателю. Однако тут же в его руку вцепляются Эйб и Джим, начинается потасовка. Вопли, ругательства, борцовские захваты, каратистские удары...

— Сравнительное испытание! — кричит в конце концов Сэнди. — Сравнительное испытание, мы пробуем везде.

Все согласны; Сэнди сворачивает на линкольновский съезд и проводит машину через «Бургер Кинг» и «Джека», ненадолго останавливаясь у окошек, чтобы компания успела сделать заказ, оплатить его и получить. Затем — разворот к крамеровскому съезду на Плацентию, чтобы посетить «Макдональдс».

— Смотрите сами. Кинговский «уоппер», в нем же самое лучшее мясо, тут и спорить даже не о чем.

— Слушай, Таши, а что это там в нем такое, не то таракан, не то жук навозный.

— Скажешь тоже! Да ты в свой загляни, если не боишься, что стошнит. Кто ж не знает, что макдональдские «биг-маки» делаются из отходов перегонки нефти.

— И ничего подобного! Они же тогда возбудили дело о клевете и выиграли его!

— Ну и что же, что выиграли, кто же их не знает, всех этих судей-адвокатов. Да ты взгляни на это мясо, это же слизь какая-то, тина болотная.

— Как бы то ни было, это выглядит лучше, чем двойной «джек» Эйба.

— Нашел с чем сравнивать.

— Чего вы там несете, — возмущается Эйб. — «Джек» вполне нормальный, и вы, главное, посмотрите, какой к нему идет молочный коктейль. С вашими и равнять-то нельзя. Макдональдский, так это пенопласт какой-то, а в кинговском и вообще кроме воздуха ничего нет. Настоящий молочный коктейль, из настоящего мороженого можно получить только в «Джеке».

— Молочный коктейль? Молочный, говоришь, коктейль? Да ты не знаешь даже, какой у него вкус, у этого самого молочного коктейля! Их же в этой стране забыли, как и делать, еще в том, наверное, тысячелетии! У тебя в стакане

самый обычный шейк, а мой, маковский шейк ничем не хуже. Вот, даже с апельсиновым ароматом.

— Слушай, Джим, ты бы все-таки постеснялся, здесь же люди едят. Меня чуть не вытошнило.

— И чипсы маковские тоже самые лучшие. Эти твои, джековские, они же колючие, ими ширяться можно вместо шприца.

— Ну вы только послушайте, как он заговорил! Крутой парень. Сказал бы я, на что твои-то чипсы похожи, да пожалеею невинные ушки здесь присутствующих. И вообще, кончай трепаться.

— Ничего я не треплюсь! Сэнди, вот ты, давай ты выбери. Попробуй вот этот.

— Нет, Сэнди, сперва мой! Кусай!

— М-м-м, м-м-м, м-м-м.

— Вот видишь, ему мой понравился.

— Да нет, он же сказал «уоппер», вы что, не слышали?

— Они в точности одинаковые, — заявляет Сэнди, проглотив последний кусок.

— Тоже мне судья!

— Лучший молочный коктейль... — начинает Эйб.

— Шейк! Шейк! Нету никаких молочных коктейлей! Мифическая субстанция!

— Лучший молочный коктейль, лучшие чипсы, самый нормальный гамбургер.

— Переводя на самый нормальный язык — тошнотворный гамбургер, — поправляет его Таши. — Куда ни кинь, основная составляющая каждого американского тела это гамбургер, все прочее — так, завитушки да украшения. А самые лучшие гамбургеры — у «Бургер Кинга», остальные им и в подметки не годятся. Так что сами должны понимать.

— Ладно, — вздыхает Сэнди. — Таши, дай-ка мне мясо со своего.

— Чего? Еще чего!

— Давай, давай, не жмись. Да там у тебя и осталось-то не больше половины. Давай сюда. А ты, Эйб, передай мне булочку, пропитанную секретным соусом. Да нет, другую, эта же ничем не пропитана. А-ха-ха, ха-ха-ха-ха, ну что за чудесный гамбургер. Господи, ниспошли мне секретный соус. Джим, дай-ка сюда малость салата, вот-вот, да, хорошо, а теперь еще кетчуп в удобном, абсолютно защищенном от отравления миниатюрном контейнере. Чудненько, чудненько. Эйб, дай сюда свой молочный коктейль. Как ни странно,

ты прав. Пусти его по кругу. Чипсы... х-м-м... ладно, мы вот как сделаем. Смешаем их все вместе, вот здесь, прямо на сиденье. А как оттуда вытаскивать этот кетчуп? Ага, проткнуть и вставить трубочку. Полей-ка это хозяйство, Эйб. И помахивай, помахивай, а то ты все на одну льешь. Теперь правильно. Так вот, братья мои, вот оно. Ле гран компромисс, величайшее всеамериканское блюдо всех времен. Фантастика! Хавайте!

— Да-а.

— А вот я что-то потерял аппетит...

По окончании трапезы Сэнди берется за ручное управление и поворачивает к дому. Уже поздно, а завтра вкалывать и вкалывать.

Снова ньюпортская трасса, но теперь нижний ее уровень; над головами несется нескончаемая вереница рекламных плакатов, ослепительно яркий парад сублиминальных, в подсознание вбиваемых слов, изображений, изображений, слов. КУПИ! НОВЫЙ! СМОТРИ! СЕЙЧАС! Сэнди, Эйб, Таши и Джим обмякли на своих сиденьях, смотрят на проносящиеся за окнами огни.

Никто не разговаривает. Поздно, они устали. В машине царит какое-то такое — элегическое, что ли? — настроение. Они исполнили один из своих ритуалов, даже не «один из», а главный, древнейший. Ритуал, вошедший в жизнь каждого из них чуть ли не от рождения. Сколько бесчисленных вечеров кружили они по аутопии, и говорили, и вкушали совместную трапезу, и смотрели на мир? Тысячу? Две тысячи? Вот так они дружили. Но только у сегодняшнего вечера странный какой-то привкус, словно они исполняют этот свой ритуал в последний раз. Ничто не вечно. Каждого из них влечет в свою сторону, появились центробежные силы, разрывающие их общую жизнь, и они это ощущают, они понимают, что приходит конец их долгому, затянувшемуся детству. Ничто не вечно. Именно это ощущение повисло в машине, тяжелое и отчетливое, как запах тех самых чипсов.

Сэнди нажимает кнопку, стекло в его окне скользит вниз.

— Ну что, по пипетке на дорожку?

Они заезжают в гараж СКП, Эйб и Таши направляются к своим машинам, Джим тоже — но тут его подзывает Сэнди.

— Джим, а ты часто видишь Артура? — Вопрос сопровождается сонным почесыванием головы.

— Да нет, совсем изредка. Вот за это время, после Европы, один всего, наверное, раз.

Сэнди на мгновение задумывается, выбирает наилучшую методику проведения допроса.

— А ты не знаешь, не связан ли он с чем-нибудь таким, ну, знаешь, посерьезнее, чем эти его плакатики?

Джим густо краснеет.

— Ну, понимаешь... Я, в общем-то, не уверен...

С Артуром все ясно. И Джим про него знает. Не исключено, что и сам в это вляпался. Вполне возможно. Даже — скорее всего. Трудно, конечно, представить себе Джима, участвующего в диверсионной операции, но ведь как знать? Такие за идею куда угодно пойдут.

Так что же можно сказать, а чего не стоит? Теперь уже об этом думает не Джим, а Сэнди. Джим — один из его лучших друзей, тут нет никаких сомнений, но Боб Томпкинс — крупный деловой партнер, а заботясь об интересах Боба, приходится заботиться и об интересах Реймонда. Положение щекотливое, Сэнди устал. Спешки тут вроде никакой особой нет, да и вообще — что такого уж существенного может сказать он Джиму? Лучше узнать сперва побольше, а уж потом и начинать разговор. Артур Бастанчери работает на Реймонда, это точно, Джим работает с Артуром — ну, это почти наверняка. А вот Реймонд, работает он на кого-нибудь, или сам по себе? Ну какой, скажите на милость, смысл дергать Джима, не разобравшись в этом ключевом вопросе? Правду говоря, Сэнди настолько обессилел, что ему вообще трудно сейчас думать о чем бы то ни было.

— Артуру надо быть поосторожнее. — Он хлопает Джима по руке, видит на его лице удивление и добавляет, поворачиваясь к лифту: — Да и тебе бы не мешало.

Уже три часа ночи. Если встать завтра в семь, можно успеть позвонить отцу в Майами, а то потом у них там будет обед.

Глава 54

Джим проводит в конторе Первой американской компании титульного страхования и торговли недвижимостью который уже день подряд, что полезно для его банковского счета — в ущерб настроению.

— Все на мази, Джимбо! — лицо Хэмфри сияет. — Строим мы все-таки этот корпус «Пурва». Амбанк утвердил кредитование, сегодня подписаны последние бумаги. Остается

только получить подтверждение от остальных предполагавшихся участников проекта, нужно будет сделать это в темпе, за пару дней, пока никто не передумал.

— Хэмфри, да ведь у вас так и нет на это здание съемщиков.

— Ну, как сказать, ведь некоторые интересовались. Да и вообще это ерунда, будет здание, будут и съемщики.

— Хэмфри! Насколько заполнены административные корпуса, построенные в ОкО за последнее время? На двадцать процентов?

— Что-то в этом роде, точно не помню. Но все еще изменится, бизнес быстро растет.

— Не понимаю, откуда ты это взял. Наш округ забит под завязку, некуда здесь расти.

— А вот и ничего подобного. До насыщения еще ой как далеко.

— А-а-а... — Ну что тут, спрашивается, скажешь? — И все-таки это глупо.

— Ты, Джим, запомни главный закон: если есть деньги и земля — нужно строить! Не так-то просто получить и то и другое одновременно. Как ты видишь по истории этого проекта. Но мы его пробили! Кроме того, тут не будет никаких проблем с заселением — мы напишем в рекламе, что новое здание имеет вид на океан.

— Это что, Хэмфри, через горы Санта-Ана, что ли? Насквозь предлагаешь смотреть?

— И ничего подобного. Океан виден через ранчо Робинсона, во всяком случае — кусочек океана.

— Хорошо, хорошо. Валий, ставь еще одну пустую коробку.

— Об этом, Джим, не беспокойся. Единственная наша проблема — поскорее все запустить в ход.

Джим возвращается домой в совершенно кислом настроении — и сразу слышит телефонный звонок.

— Что там еще? — рывкает он в трубку.

— Хелло, это Джим?

— А, Хана. Здравствуй, как жизнь?

— У тебя что, неприятности?

— Да нет. После дня, проведенного в конторе, я всегда немного невменяемый.

Хана смеется:

— Тогда приходи-ка ты лучше ко мне, поужинаем.

— Обязательно! А что принести?

Часом позже он уже едет по трассе Гарден-Гроув, затем пересекает Ирвин-Парк, выезжает на трассу Сантьяго, сворачивает в узкий, глубокий каньон Моджеска, а потом — за Такеровским птичьим заповедником — в его ответвление. К переоборудованному для жилья гаражу, который снимает Хана, ведет щебеночная дорожка, он стоит посреди рощи старых, очень высоких эвкалиптов. Главный на участке дом — маленький, свежепобеленный, колониального* типа коттедж — выглядит скромно, неброско, но уединенное его расположение, обширный, заросший деревьями участок, все это ясно говорит, что владелец этой усадьбы — богатый человек. А Хана?

Гараж переоборудован не столько в квартиру, сколько в художественную мастерскую. Почти все его пространство занимает одна просторная комната, заваленная холстами, кистями и красками — примерно так же, как та, прежняя мастерская Ханы. В одном углу отгорожены кухонька и ванная, а в другом — спальня, почти такая же маленькая, как ванная.

— Мне нравится, — объявляет Джим. — Вроде моей квартиры, только уютнее. — Хана весело смеется. — Только ты не развесила свои картины.

— Ну уж нет. Хочется все-таки иногда и отдохнуть. Представляешь себе, что это такое — все время глядеть на свои ошибки?

— Хм-м. А они что, все — ошибки?

— Конечно.

Хана смотрит мимо Джима, в пол, и говорит редкими, короткими фразами. Очередной приступ застенчивости. Джим следует за ней на кухню и помогает отнести гамбургеры к хибачи**, установленной снаружи, прямо на земле.

Хана и Джим обжаривают мясо и едят гамбургеры на открытом воздухе, сидя в низких садовых креслах. Они говорят о начинающемся семестре и уроках. О живописи Ханы. О работе Джима в конторе. Джиму хорошо и спокойно — хотя глаза Ханы глядят куда угодно, только не на него.

Небо ясное, в нем даже проглядывают звезды. Листья эвкалиптов не шуршат, а щелкают друг о друга, словно

* Характерный для тринадцати английских колоний семнадцатого—восемнадцатого веков, превратившихся потом в США.

** Маленькая японская плита, топливом для которой служит древесный уголь.

пластиковые монеты. Вечер очень теплый, со стороны Санта-Аны дует еле ощутимый ветерок.

Хана предлагает прогуляться по каньону; они заносят остатки еды и посуду в дом, а затем идут по узкой, темной дороге.

— Ты знаешь что-нибудь про Моджесков? — интересуется Хана.

— Очень немного. Хелен Моджеска была актрисой. Настоящее имя у нее другое, значительно длиннее и очень такое, польское. Вышла замуж за графа, их варшавский салон пользовался большой популярностью. Группа посетителей этого салона загорелась идеей организовать в Южной Калифорнии коммуны. Было это в тысяча восемьсот семидесятых. И ведь они не ограничились разговорами! Колония располагалась неподалеку от Анахайма — это ведь тоже была коммуна, только немецкая. Но потом выяснилось, что никто не хочет заниматься фермерской работой, затея Моджесков рухнула, сами они переехали в Сан-Франциско, и Хелен вернулась на сцену. Она стала здесь большой знаменитостью, граф вел ее дела, жили, в общем, очень и очень прилично. В конце восьмидесятых они вернулись сюда, купили себе поместье и назвали его «Арден».

— «Как вам это понравится»*. Красиво придумано.

— Да. На этот раз они решили обойтись без фермерской работы. У них были виноградники, апельсиновые рощи, цветники, большая тенистая лужайка с прудом, в котором плавали лебеди. Днем они катались по своему поместью верхом, а вечерами Хелен устраивала чтения, исполняла куски любимых своих ролей.

— Весьма идилично.

— Совершенно верно. В наше время такая жизнь представляется чистой фантастикой. Хотя странно сказать, но вот сейчас я могу себе это представить. У вас тут царит какое-то чувство полной отрешенности от мира.

— Знаю. Потому, наверное, я здесь и поселилась.

— Охотно верю. Даже удивительно, что в Око может быть такое место.

— Ну, ты посмотрел бы трассу Сантьяго в часы пик. Бампер к бамперу.

— Уж это само собой, но вот здесь и сейчас...

* Место действия этой пьесы У. Шекспира — Арденский лес.

Хана кивает, трогает его за руку:

— Вот, пошли туда, по тропинке. Там ущелье, глубокое и довольно длинное, и оно выводит к вершине, откуда виден весь Риверсайд.

Они пробираются по тесному, с крутыми склонами ущелью; дороги здесь нет, только еле заметная, петляющая среди деревьев тропинка. Джим просто не верит своим глазам. Дикие заросли! Никаких тебе каменных коробок! Да разве такое бывает?

Склоны сближаются, становятся почти отвесными, узкая — двоим не разойтись — тропинка карабкается вверх круче и круче. Сырой, прелый запах; судя по всему, солнце редко достигает дна этого каньона. Затем склоны становятся ниже, исчезают, и впереди открывается небольшой, заросший дубняком амфитеатр. Хана и Джим поворачивают назад, влезают на один из склонов, под которым недавно проходили, и оказываются на самом верху холмистой гряды. Отсюда открывается вид на усыпанный огнями Моджеска-Каньон; в противоположном направлении, на востоке, длинной, размытой полосой света проглядывает пятнадцатая магистраль, там уже округ Риверсайд.

— Вот это да. И вправду далеко видно. Ты часто сюда ходишь?

Джиму кажется, что по губам Ханы скользнула улыбка, но он не уверен — в темноте ее лицо почти неразличимо.

— Нет. Довольно редко. Ты погляди сюда. — Хана подходит к высокому развесистому дубу. — Это качельное дерево. Кто-то привязал к концу одного из верхних сучьев веревку. Нужно взяться за нее... — Она берет двумя руками толстую веревку, на конце которой вывязан большой узел, — потом отходишь подальше, вверх по склону, а потом...

Хана бежит вниз, взмывает над каньоном, разворачивается в воздухе, летит назад, касается ногами земли, пробегает немного и останавливается.

— Здорово! А я, можно я попробую?

— Конечно. Тут можно двумя способами — или бежишь прямо и возвращаешься тоже прямо, или начинаешь под углом, наружу от дерева, описываешь круг и приземляешься по другую сторону ствола. Но в этом случае нужно бежать очень быстро, иначе не получится.

— Понятно. На первый раз я ограничусь первым вариантом.

— Весьма разумно.

Джим берется за веревку, разбегается и прыгает. Темно, тихо, только воздух свистит в ушах. Полет замедляется, короткое зависание в самой дальней точке траектории, ощущение чего-то похожего даже на невесомость и — назад, все быстрее и быстрее. Потом под ногами Джима снова оказывается земля, короткая пробежка, все.

— Потрясающе! Фантастика! Я хочу еще раз.

— Тогда будем по очереди. Сейчас я.

Хана отбирает у него веревку, делает несколько быстрых шагов, отталкивается. Темный силуэт, плывущий в пространстве, волосы, развевающиеся на фоне звездного небосклона, скрип трущейся о сук веревки — и вот она несется прямо на Джима, летающая женщина, возвращающаяся из ледяных глубин космоса.

— Ух! — Джим подхватывает Хану, на мгновение крепко сжимает.

— Ой. Прости, пожалуйста, я нечаянно. Взяла, наверное, немного в сторону.

И снова очередь Джима. Странно, но настоящая радость неизменно вызывается чем-то очень простым, элементарным (а задумывался ли я об этом раньше?). Веревка длинная, полет продолжается нескончаемо долго. И не вздумай, говорит себе Джим, прикидывать, сколько он продолжается. Какая разница. Не надо никаких секундомеров, никаких рекордов дальности и прочей чуши.

После нескольких прямых полетов Хана отходит подальше, бежит влево, отрывается от земли и летит по кругу; медленно вращаясь на конце невидимой в темноте веревки, она пересекает небо слева направо и приземляется по другую сторону дуба. Плавание вокруг мыса Горн. Выглядит очень красиво и заманчиво.

— Я тоже так попробую.

— Давай. Только разбегайся посильнее.

Джим старается «посильнее», в результате чего покидает землю, так и не сделав последнего, решающего толчка. Ну ладно, как вышло, так и вышло. Вращаясь, словно планета вокруг своей оси, он описывает круг; наполненные тишиной секунды тянутся бесконечно долго, это что-то вроде полета во сне. На обратном пути Джим разворачивается лицом к земле и с ужасом замечает, что дерево, похоже, окажется... ох ты.

Сделав поистине героическое усилие, он чуть-чуть сворачивает и врывается в ствол — слава Богу, что не прямо, а наискось. Он валится, оглушенный, на землю.

И лежит навзничь, посреди кучи дубовых листьев.

— Джим, ты цел? — испуганно наклоняется подбежавшая Хана.

Джим притягивает Хану к себе и целует — к крайнему удивлению их обоих.

— Да, теперь вижу, что цел.

— А я вот не уверен... — Он целует ее снова. И правда, добрая половина тела ноет. Правое ухо, правое плечо, ребра, крестец, бедро — все они громко жалуются на жестокое с собой обращение, но Джим игнорирует их вопли и еще сильнее сжимает Хану. Эти поцелуи оказываются первыми в долгой последовательности. Руки Ханы пробегают по телу пострадавшего — мягко, осторожно, словно проверяют, весь ли он здесь, на месте. Джим отвечает тем же, и поцелуи становятся все более страстными.

Они лежат в большой куче листьев, скопившейся между двух толстых, выступающих над твердым грунтом корней. Листья, трава, всякое-разное — лучше, пожалуй, не всматриваться чересчур внимательно. Сухие, пыльные листья громко шуршат. Теперь Джим и Хана лежат рядом, бок о бок; очень темно, Джим едва различает ее лицо — и ровно ничего больше. Отсутствие визуальной стимуляции, образа, непривычно и сбивает с толку. Однако выражение лица Ханы... вся застенчивость куда-то исчезла, сменилась легкой, удовлетворенной улыбкой... в ушах Джима колотится кровь, с его кожей что-то случилось, все ощущения приобрели невероятную остроту и отчетливость. Твердая, неровная земля под уцелевшим боком, ноющая боль и холод ночного воздуха — в пострадавшем, треск и шуршание листьев, руки Ханы, ее губы — Господи, да когда же это было, чтобы самый тебе обыкновенный поцелуй... И это она здесь, Хана Штеентофт, и нет в ней больше никакой отстраненности, и вся ее углубленность в себя развернулась, выплеснулась наружу, на него, на Джима, и их дружба неожиданно расцвела, словно японский бумажный цветок, коснувшийся воды. Невероятно! А то, что потом — еще невероятнее. Джим буквально оглушен силой и остротой ощущений, в одну из кратких пауз он сообщает это Хане, и та смеется: «Ты бы поосторожнее, а то ведь в привычку войдет — не сможешь этого, не стукнувшись сперва головой обо что-нибудь твердое».

— А и вправду ведь странно. Можешь ты себе такое представить? Вступить в интимные отношения... ой, прости, пожалуйста.

— Сейчас же встань, разбегись и стукнись головой о стенку.

— Будет сделано... ну вот, я готов.

— Я буду делать это только с тобой, — говорит Джим, когда они устали смеяться и затихли. — Ты меня поймешь.

— Ты будешь делать это только со мной? — Быстрая, лукавая улыбка, прильнувшее к нему тело... — Да.

Глава 55

Засыпают они вместе, плотно прижавшись друг к другу, однако просыпается Джим в одиночестве — Хана уже сидит за своим низким столиком и рисует. На ней мешковатый свитер и армейские брюки. Джим смотрит на ушедшую в работу, не замечающую ничего вокруг Хану, на ее взлохмаченные волосы, толстоватые ноги... Ее безразличие к своей внешности, то, что она никогда не смотрит тебе в глаза, а только в сторону — ведь это не застенчивость. Что-то не совсем понятное, находящееся с застенчивостью в некоем отдаленном родстве, — но не застенчивость. Хана встает и идет на кухню, она проходит мимо зеркала, даже в него не взглянув. Джим вскакивает, подбегает к ней, крепко стискивает. Хана смеется.

— Ну так что же? — говорит она после завтрака. — Когда же я удостоюсь чести почитать что-нибудь твое?

— Н-ну, понимаешь... — Джим в полной панике. — Ну вот честно, нет у меня ничего законченного.

Легкая гримаса Ханы заставляет его зябко поежиться. Она считает меня дураком. Думает, не вешаю ли я ей лапшу про свои стихи, называю себя поэтом, чтобы девиц охмурять было проще, а сам двух строчек подряд написать не могу. Джиму кажется, что он отчетливо читает все эти мысли на лице Ханы. Да нет же, нет, все не так! Но он и вправду перепуган. Стихи есть, но они же такие тривиальные, да и сколько их там... Показать их Хане — только уронить себя в ее глаза. Но ведь и все мои отговорки и запирательства — по ним же все понятно. Более того, Хана может решить, что положение еще хуже, чем есть на самом деле. Джим в полной растерянности, но, по счастью, неприятная для него тема больше не поднимается.

Зато он вздохнул рассказывает о подвигах и свершениях своих друзей. О ночном серфинге Таша. О безлюдном небоскребе Хэмфри, да о чем угодно.

— А когда же я увижу этих твоих поразительных друзей? — спрашивает через некоторое время Хана. Глядя, естественно, в пол.

Джим запинаясь и сглатывает. Ведь его же, считай, спросили — стану ли я частью твоей жизни? И, ясное дело, Джим очень хочет, чтобы Хана стала частью его жизни, он и думать позабыл про какие-то там свои сомнения и отговорки. В чем там они были? Ее одежда, ее внешний вид? Чушь собачья.

— А вот у Эйба сегодня как раз небольшая тусовка. Родители уезжают и оставляют дом в полном его распоряжении. Пошли?

— Пошли. — Хана поднимает глаза и улыбается.

Улыбается и Джим — хотя он прекрасно помнит, что там будет и Вирджиния, не наверняка, но скорее всего. А также еще пара дюжин других идеальных образчиков Современной Калифорнийской Женщины. Но ему все это до лампочки, говорит он себе. До синей в крапинку лампочки.

Однако вечером, когда Хана подходит к его машине в тех же армейских штанах, орнаментированных поллоковской* россыпью пятен краски, и в тяжелом темно-коричневом шерстяном свитере — это не тот, что был на ней вчера, но родной его брат, — Джим непроизвольно морщится. Потом он замечает, что Хана вымыла голову и причесалась — не совсем еще высохшие волосы даже немного курчавятся — потрясающим, как кажется Джиму, образом. Но, если так уж сказать, кому какое дело, кто как выглядит? Уж во всяком случае, не ему. Ему на это начхать. Ему начхать на это с высокой колокольни. Джим выкидывает все мысли о внешности Ханы из головы, открывает перед ней дверцу машины, захлопывает, и они едут к Эйбу.

Эйб живет в пристройке родительского дома, на Седельной горе, на склоне, примыкающем к пику Сантьяго, чуть пониже вершины; отсюда весь округ Ориндж как на ладони, а в хорошую погоду видно и гораздо дальше. Место весьма фешенебельное, в полном соответствии с законом Хэмфри: высота равняется деньгам. Накручивая петли крутого сер-

* Джексон Поллок (1912—1956) — американский художник-абстракционист.

пантина (ПОСТОРОННИМ ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН), Джим проезжает мимо многочисленных особняков, по большей части — укрывшихся за купами нездешних, экзотических деревьев, сверкающих, как домашние цветочки хорошей, вроде Анджели, хозяйки. Однако встречаются и дома, кичливо выставленные на всеобщее обозрение.

Зеркальные коробки, напоминающие промышленные комплексы Ирвина.

Пагоды. Замки.

Замысловатые деревянные конструкции, напоминающие игорный дом братьев Грин в Пасадине.

(Картонные халупы в непролазной грязи!)

Побелка и оранжевые черепичные крыши чудовищных построек в стиле испанских миссий.

Цирковые купола из стекла и стали — подражание доминирующему стилю моллов, стоящих внизу, на заливаемой наводнениями равнине.

Ты живешь здесь, вот это уж точно. Это не вызывает сомнений.

Они едут неспешно — и безостановочно глазеют на эту выставку архитектурных экстравагантностей, поднимают на смех большинство из них и завистливо облизываются на те немногие, в которых чувствуется вкус, в которых хочется жить. И раз за разом поражаются, что все это — самые настоящие особняки, а не замаскированные жилища на двести семьи и многоквартирные дома. Верится с трудом.

— Вроде как увидеть вымершее животное, — замечает Джим.

— Динозавра, щиплющего травку у тебя во дворе.

Дом Бернардов, родителей Эйба, стоит у наружного края одного из крутых поворотов серпантина, почти в самом его конце, на им же принадлежащем участке. Он построен целиком из дерева и широко, несколькими уровнями, раскинулся по склону горы. Перед домом японский сад — карликовые сосны (бонсай, так это вроде называется), нависающие над мшистыми лужайками, большие, странной формы валуны, крохотный пруд с высоким дугообразным мостиком. Время не позднее, еще есть возможность припарковаться рядом с домом. Джим открывает дверцу, они с Ханой идут к пруду, поднимаются на мостик.

— Совсем как у Моджесков, — негромко говорит Хана. — Только лебедей не хватает.

В тот самый момент когда они приближаются к дому, тяжелая дубовая дверь открывается, во двор выходят Эйб и его отец, известный логик, обладатель важных патентов в области компьютерного программирования, а заодно — бывший дипломат и общественный деятель. Доктор Френсис Бернард — самый, наверное, спокойный человек, какого встречал Джим; у него, как и у Эйба, черные волосы и острые черты смуглого лица, но в целом отец и сын мало походят друг на друга. Джим представляет им Хану. Мать Эйба уже две недели как на Гавайях, а теперь туда улетает и доктор Бернард, он как раз направляется в аэропорт.

— Ну что ж, браток... — пожимает ему руку Эйб.

— Тоже мне, браток выискался! — с деланным негодованием фыркает отец. — Увидимся через месяц.

Махнув рукой, он идет в направлении гаража.

— Заходите, пожалуйста. — Эйб искоса окидывает Хану любопытным взглядом.

Хана и Джим следуют за Эйбом; пройдя через несколько комнат, они оказываются в бельведере, нависающем над садом. Сад разбит на склоне горы террасами, а за ним, далеко внизу, в тумане горят бесчисленные огни ОкО; по мере того как на землю опускается ночь, огней этих становится все больше и больше. Целое море света.

Привлеченная необыкновенным зрелищем, Хана спускается на террасу, а Эйб с Джимом уходят на кухню работать над закусками. Джим рассказывает самые впечатляющие моменты из европейских приключений калифорнийской компании, в его описании все они приобретают некий глубокий, символический смысл. Эйб изредка прерывает эти путевые зарисовки короткими заинтересованными вопросами — он и сам очень чувствителен к настроениям, общей атмосфере, символичности. А затем буквально парой слов превращает очередной эпизод выпренного повествования в чистейший фарс — и громко хохочет, словно шутка принадлежит не ему, а самому Джиму. В такие моменты трудно представить себе Эйба безразличным и пренебрежительным, каким, в ощущении Джима, он нередко бывает, сейчас Джим — тоже «браток». В чем тут дело — в общей ли обстановке, а может, тот человек, который привлекает к себе внимание Эйба, становится «братком» на период этого

внимания, каковое может отвлечься куда-либо в сторону, а может и вообще, с самого начала, отсутствовать!

Как знать? Эйб — наиболее загадочный и непроницаемый из всех друзей Джима, большего, пожалуй, и не скажешь. Приходя в этот особняк, Джим всегда вспоминает визиты Шелли к Байрону. Нет, он совсем не самообольщается и не ставит себя на одну доску с Шелли, но все-таки что-то в этой мысли о бедном, идеалистичном поэте, навещающем своего богатого, светского, влиятельного друга, есть — особенно вот сейчас, когда стоишь здесь, на самой крыше округа Ориндж. К ним присоединяется насытившаяся созерцанием ночного ОкО Хана; Джим удовлетворенно — но в то же время с некоторой опаской — наблюдает, как они с Эйбом знакомятся, притираются друг к другу. Хана сидит на соседней с ним табуретке, ветер успел привести копну черных волос в обычное для них кошмарное состояние, выглядит она, пользуясь любимым выражением Денниса, «словно собаки жевали». Однако Эйб получает очевидное удовольствие от разговора с новой знакомой — у Ханы великолепная реакция и не менее великолепное чувство юмора. Тут Джим им не ровня, ему остается только хихикать, да резать на соус стручки жгучего перца. Со всегдашним своим любопытством к работе и образу жизни других людей Эйб подробно расспрашивает Хану о заказчиках, галереях, торговцах картинами; слушая их разговор, Джим узнает много для себя нового.

— А ты? — интересуется Хана. — Джим говорил, ты работаешь санитаром.

Эйб раздражается хохотом.

— Что, — толкает он Джима локтем, — наплел про нас всякого?

— И все — сплошное вранье, — ухмыляется Джим.

— Да, — уже серьезно кивает Хане Эйб. — Я работаю в дорожно-спасательном отряде, здесь же, в ОкО.

— Трудно, наверное, бывает.

Джим неуютно ежится; когда подобные вещи говорит он, Эйб неизменно мрачнеет и делает вид, словно ничего не слышал. Однако сегодня реакция совершенно иная.

— Да, местами. Бывает, собственно, и так и сяк, и хорошее и плохое. Только вот к плохому привыкаешь, становишься толстокожим, что твой носорог, а хорошее — оно так и остается хорошим.

Хана кивает. Некоторое время она внимательно разглядывает занятого инспекцией закусок Эйба, а потом спрашивает:

— Так вы с ним что, из одной борцовской команды? Сколько же вы уже знакомы?

— С начала времен, — ухмыляется, глядя на Джима, Эйб.

Затем появляются Сэнди с Анджелой, и следуют новые формальные представления. Как и обычно, присутствие Сэнди служит катализатором, ускорителем, и буквально через несколько минут все трещат без умолку, словно старые друзья после годичной разлуки. Хана разговаривает ничуть не меньше остальных, сперва — по преимуществу с Эйбом, но потом и с Анджелой, и с Сэнди. Анджела, благослови ее Господь, прямо источает дружелюбие. Вскоре по одному, а чаще парочками, собирается и остальная компания — Хэмфри и его бывшая союзница Мелина, Роза с Габриэлой, Артур, Таши с Эрикой, Инес, Джон и Викки, и прочие, и прочие; и тогда тусовка начинается всерьез. Текут обычные для всякой тусовки медленные океанические течения народа, и только Хана так и сидит на своей табуретке, она что-то вроде острова, вокруг которого завихрятся одно из этих течений, народ останавливается в этом завихрении, перебрасывается с ней словами. Хана задает много вопросов, старается разобраться и запомнить, кто здесь кто, и она много смеется и пользуется потрясающим успехом. Джим время от времени ныряет в толпу; вернувшись после очередной такой вылазки, он застает рядом с Ханой Эйба, чуть позже к их разговору присоединяется и Сэнди. Потом Хана беседует с Анджелой, они много и весело смеются. Это радует Джима, хотя он и сильно подозревает, что смеются над ним. Все идет просто отлично.

Но тут в толпе мелькает роскошная светло-соломенная грива Вирджинии, пульс Джима непроизвольно учащается. Он чуть не бегом бросается к Хане и Анджеле, прерывает их разговор какими-то — совершенно в данный момент неискренними — комплиментами, нервно суетится. Вирджиния быстренько его обнаруживает и подходит:

— Кого я вижу! Что-то вы, Джеймс, пропадать стали.

— Ну как-то все так...

— А ты не хочешь представить меня своей новой подруге?

— Да, да, конечно. Вирджиния Новелло, а это — Хана Штеентофт.

— Рада познакомиться, Хана. — Вирджиния протягивает руку, в ее глазах — веселое, ничуть не скрываемое презрение. Она оценила эту страшноватую девицу с первого взгляда и хочет, чтобы Джим об этом знал. Взъеренный, перепуганный, Джим косится на Хану; на лице Ханы — полное безразличие, она смотрит в пол, мимо Вирджинии, и ждет, когда же та наконец уйдет. Фактически она ее прогоняет. Вирджиния одаривает Джима откровенно злобной улыбкой и молча удаляется.

Потом, уже в машине, Хана отказывается ехать к Джиму.

— Поедем лучше ко мне.

Джим беспрекословно набирает ее адрес.

— Да, — говорит она через несколько минут, — роскошно одеваются девушки из вашей компании.

— Что? Да. — Джим не слушает ее, он наново переживает, как здорово прошел весь этот вечер, вспоминает время перед самым отъездом, когда остались только Эйб, Сэнди с Анджелой, да они с Ханой. — Тут уж девицы стараются изо всех сил и даже чуть больше. Хорошо, что тебя такие вещи не волнуют.

— Не говори глупостей, Джим.

— Чего?

— Я сказала — не говори глупостей.

— Чего?

— Волнуют, да еще как. Не понимаю, за кого ты меня принимаешь? — Ее голос дрожит от возмущения.

— Н-ну...

И неожиданно Джим понимает: этого нельзя избежать, этого не может избежать никто и никогда. Сколько ни притворяйся, что плевать тебе на внешность, все равно выйти за рамки, поставленные культурой, к которой ты принадлежишь, невозможно. И ты всегда будешь остро ощущать высокомерное презрение таких вот Вирджиний Новелло; нет, ты будешь, конечно же, бороться с этим чувством, но избавиться от него полностью невозможно. Совершенно очевидно, что Хана заметила, каким взглядом смерила ее Вирджиния, и не забывала об этом ни на секунду, весь вечер. Ведь она и вправду резко отличалась по виду от всех остальных девушек — кто же может об этом забыть, да в такой-то к тому же компании? Поэтому ей пришлось сделать вид, что она слишком далеко ушла от нормы и лишилась обычной, естественной человеческой реакции, что она ничего не замечает и все это ей безразлично.

А я дурак. Круглый. Ну и чего же теперь сказать?
— Прости, Хана. Ты очень кра...
— Помолчи, Джим. Помолчи лучше немного, ладно?
— Ладно.
В машине нависает неловкая, даже зловещая тишина.

Глава 56

Вот и настал день, когда судья Эндрю Г. Тобайасон, председатель четвертого апелляционного суда округа Колумбия, должен вынести свое решение по делу, возбужденному компанией «Лагуна спейс рисерч» против военно-воздушных сил Соединенных Штатов Америки. Деннис Макферсон, конечно же, прилетел в Вашингтон, они с Лукасом Голдманом сидят прямо за скамьей истца, занятой сейчас тремя коллегами Голдмана из его же фирмы. Ответчика представляют какие-то военные юристы; к своему крайнему — и неприятному — изумлению, Макферсон видит за их спинами майора Тома Фелдкирка, того самого человека, который и втравил его в эту историю. Фелдкирк замер, как по команде «смирно», его взгляд устремлен прямо вперед, в никуда.

Чуть не все остальные места довольно импозантного, неоклассической архитектуры зала заполнены репортерами. Макферсон узнает одного из ведущих авторов «Эйвиэйшн уик», уйму журналистов из других аэрокосмических изданий. Такое количество зрителей и слушателей просто не укладывается в голове, Деннис инстинктивно воспринимает разворачивающиеся события как нечто конфиденциальное, почти интимное. И вот — пожалуйста, выставили на всеобщее обозрение, завтра все это будет в деловых разделах газет, а то и на первых страницах. И все будут читать про судебное разбирательство по делу ЛСР против ВВС США! Странно, непостижимо.

Столь же непостижима и скорость, с которой началось — и закончилось — слушание дела. Едва Макферсон сел и немного привык к негромкому, неумолчному гудению десятков голосов, как открылась боковая дверь, вошел судья и все встали. Едва он успел снова сесть, как судебный пристав, или как он там теперь называется, быстро пробалабонил: ««Лагуна спейс рисерч» против военно-воздушных сил США, дело номер двадцать два девяносто четыре восемьсот семьдесят пять, бла, бла, бла, бла...» Дальше Макферсон не слушает, вместо этого он с любопытством разглядывает

Фелдकिрка. Майор все так же смотрит прямо вперед, только теперь не в пустоту, а на судью. А что, если взять вот и встать, и спросить его прямо через весь зал: «Слушай, Фелд-кирк, а почему бы тебе не рассказать судье и всем здесь присутствующим про то время, когда ты же и передал эту программу нам, как единоличным контракторам?»

Ладно. Сейчас-то уж чего злиться. Да судья и сам все это прекрасно знает, тут нет ни малейших сомнений. А вот и он чего-то там заговорил. Макферсон делает усилие, прислушивается, пытается отбросить неприятное чувство, что он попал в какую-то непонятную ловушку.

— Поэтому в интересах национальной безопасности... — судья Тобайасон говорит быстро, глотая части слов, — я выношу решение оставить этот контракт в существующем его состоянии.

Голдман негромко прищелкивает языком. Деревянный молоток падает, дело закрыто, суд удаляется. Прежний негромкий гул голосов многократно усиливается, теперь он похож на шум океанского прибоя. Макферсон и Голдман встают, начинают проталкиваться сквозь толпу, заполнив-шую центральный проход.

И нос к носу встречаются с Томом Фелдकिром. Фелд-кирк смотрит сквозь Макферсона, как будто того здесь и нет; не дрогнув ни одним мускулом лица, он уходит в компании других вэвээсовских офицеров. И не оглядывается.

Макферсон садится в машину Голдмана; Голдман в полной ярости.

— Вот же ублюдок, — повторяет он раз за разом, — вот же сучий ублюдок. Ведь дело же было совсем простое и очевидное.

Макферсон вспоминает церемонию передачи контракта; сегодняшние его ощущения — ерунда по сравнению с тем разом, но вот для Голдмана...

— Мы можем обжаловать это решение, — говорит Голдман, глядя на Макферсона. — Отчет ФСП заинтересовал Комитет по закупкам палаты представителей. Некоторые помощники членов Комитета по вооруженным силам выражали самое решительное негодование происходящим. Мы можем подать в Конгресс официальный запрос о проведении расследования, и, если удастся заинтересовать этой мыслью хотя бы несколько конгрессменов, те могут натравить на все это армейское жулье Бюро оценки технологий, а

заодно и наскипидарить малость ребят из ФСП. Так что сдаваться рано.

Все это так сложно и непонятно, что Макферсон полностью теряется и способен произнести только:

— Думаю, мы сделаем такую попытку. — Затем он глубоко вздыхает и машет рукой. — А сейчас лучше всего выпить.

— Правильная мысль.

Голдман и Макферсон едут в джорджтаунский ресторан и садятся за крошечный столик, стоящий прямо у большого окна; некоторые из уличных зевак явно принимают их за манекенов. Первая рюмка выпивается в молчании, затем Голдман заново описывает план кампании; идея привлечь на свою сторону комитеты Конгресса кажется весьма многообещающей.

Затем он меняет тему.

— Если хочешь, могу рассказать, почему все так получилось. Люди из ВВС разузнали для нас всю подноготную тамошней закулисной грызни.

При всей своей усталости и опустошенности Макферсон зажигается интересом.

— Конечно, расскажи.

Голдман садится поудобнее, на мгновение прикрывает глаза; первоначальный приступ ярости — это как же может судья настолько беспардонно относиться ко всем правилам и законам?! — уже прошел, адвокат уверен в успехе планируемого наступления на Конгресс, а к тому же ему попросту не терпится поделиться роскошной, с большим трудом добытой сплетней. Все это отражается на его лице с абсолютной ясностью — теперь Макферсон хорошо знает этого человека.

— Так вот, что касается вас, все началось с того, что пришел майор Фелдкirk и предложил ЛСР взяться за сверхчерную программу.

— Да. — Ублюдок проклятый!

— Но в действительности эта история тянется уже несколько лет. Этот твой майор Фелдкirk работает на полковника Итона, руководящего Отделом электронных систем, а Итон, в свою очередь, работает на трехзвездного генерала Стэнуика, который отвечает в Пентагоне за большую часть антиракетных систем. Так вот, ваша сверхчерная программа была представлена министру ВВС как часть кампании, направленной на то, чтобы прибрать организацию закупок вооружения поближе к рукам — с конечной целью снова сосредоточить власть над закупками в Пентагоне. Офици-

альная причина такого перераспределения прав состоит в том, что сейчас все это хозяйство пришло в ужасающий беспорядок, в частности многие программы антиракетной защиты столкнулись с колоссальным перерасходом средств, а зачастую и с серьезными техническими затруднениями.

— Да уж точно, — мрачно кивает Макферсон.

— Могу сообщить тебе больше, система закупок приобрела настолько уродливые формы, что Конгресс намерен в ближайшее время ею заняться, это, кстати, один из фактов, повышающих наши шансы.

— Но ты сказал — официальная причина. А неофициальная?

— Вот тут-то самое интересное. Стэнуик, как я уже говорил, работает в Пентагоне. Трехзвездный генерал. А у генерала Джека Джеймса из расположенного на базе «Эндрюс» Командования систем ВВС — целых четыре звезды. И они хорошо друг с другом знакомы — не звезды, конечно, а генералы.

Голдман зачем-то рассматривает свою ладонь, затем сокрушенно качает головой:

— Это же чистая фантастика, сколько времени может такое тянуться. Дело в том, что вышеупомянутые генералы вместе кончали Военно-воздушную академию. Поступили в одном и том же году, учились в одной группе. Тебе, наверное, известно, что список офицеров, закончивших военную академию, составляется с номерами — ну вроде закончил в таком-то году вторым из выпуска, третьим, пятым и так далее. Так вот, наша парочка боролась за первое место. И в прошлом году эта борьба резко обострилась.

— Да ты что, шутишь? — удивленно вскидывается Макферсон. — Два сосунка не поделили игрушки!

— Понимаю, все я прекрасно понимаю. Такая подоплека такого конфликта — это просто в голову не укладывается. Но ничего не поделаешь, информация подтверждена несколькими независимыми друг от друга источниками. Думаю, тогда эта история была широко известна. С чего началось их соперничество — никто уже толком не припомнит, одни говорят про какую-то неудачно подстроенную шутку, другие — про некую курсантку той же академии, но, однажды возникнув, дальше оно развивалось уже само по себе. Лично я склонен предполагать, что все дело было в лидерстве, в этом самом первом номере списка. В конечном итоге первым оказался Джеймс, а Стэнуик — вторым.

И вот, начиная с выпуска, Джеймс всегда хоть чуть-чуть да лидировал в служебной карьере. Но пару лет назад Стэнуик получил назначение в Пентагон и стал очень крупной шишкой в разработке дистанционно управляемых боевых летательных аппаратов. А как тебе, вероятно, известно, большинство генералитета ВВС сильно предубеждено против любых беспилотных машин — как бы соблазнительно они ни выглядели с технической точки зрения.

— Еще бы. Если все пилотируемые самолеты заменить на беспилотные, это будет дешевле и сэкономит уйму жизней, но где ж тогда героика и слава?

— Совершенно верно. Осуществись такое, все наши от-важные покорители неба превратятся в нечто вроде аэро-дромных диспетчеров, а это для них не подарок. Никаких тебе воздушных асов, никакой тебе романтики, все славные традиции — коту под хвост. Мало удивительного, что они так уперлись рогом. Они — и в том числе наш Джеймс, он же из так называемых летающих полковников того времени, когда выбирали прототип для второго поколения всепогод-ных истребителей. С другой стороны, Стэнуик — он уже давным-давно на земле. И страшно хочет спустить с небес всех этих летунов, и чтобы Джеймс знал, кто именно сыграл с ними такую шутку. Он хочет уничтожить все, чем живет и дышит Джеймс.

Более того, Стэнуик входит в группу пентагонского начальства, которая пытается централизовать все воору-женные силы, в результате чего автономия ВВС ослабнет, а это самое, на базе «Эндрюс», Командование систем ВВС и во-обще лишится какой-либо независимой власти.

— Так, значит, — печально качает головой Макферсон, — мы просто пешки в игре между двумя враждующими группами ВВС? Случайные жертвы внутриведомственной склоки?

Голдман на секунду задумывается.

— В основных чертах — да. Но даже в этой склоке наша роль вторична, пешкой была скорее программа. Причем имеющаяся информация дает все основания подозревать, что Стэнуик задумал жертву этой пешки с самого начала. Ибо... — Голдман замолкает, неторопливо отпивает из рюм-ки. Любимая его театральная пауза. — ...ибо Джеймс даже не подозревал о существовании «Осы», пока не узнал о ней от Стэнуика. И произошло это тогда, когда вы уже заметно продвинулись в работе над сверхчерной программой, а глав-ное — после того, как пентагонский генерал убедился — не

знаю уж, с помощью своих шпионов, либо через запросы Фелдкирка, либо еще как, — что у вас получается надежная, вполне работоспособная система. И только в этот момент, когда все было, казалось, на мази и сверхчерная процедура должна была передать контракт по «Осе» вашей фирме, Стэнуик сообщил об этой программе Джеймсу, как считается, не по своей инициативе, а в ответ на запрос. Но я уверен, что все было спланировано заранее, он попросту передвинул пешку на незащищенную клетку, подставил ее, организовал жертву.

— Ты хочешь сказать, Стэнуику потребовалось, чтобы программу отобрали у нас и сделали белой.

— А ты подумал, что получилось в результате? Джеймс взвился до потолка и использовал всю свою власть — у четырехзвездного генерала ее более чем достаточно, — чтобы сделать программу белой и взять под контроль процесс проведения конкурса. С этого момента вы были обречены: как бы там ни выглядели остальные предложения, Джеймса заботило одно — чтобы контракт не получила ЛСР, компания, выбранная его злейшим врагом. А в то же самое время Стэнуик точно знает, что ЛСР разработала великолепную систему. Ну и... Понимаешь, что получается?

— Он спровоцировал Джеймса на фальсификацию результатов оценки, — кивает Макферсон. Некоторое — ну, вроде как после удачно решенного ребуса — удовлетворение мешается у него с острым, физическим омерзением, в животе стоит привычный за последнее время болезненный комок.

— Если Джеймс клюнет на приманку, а мы подадим протест и добьемся успеха, — он потеряет свою власть. Возможно, даже и работу. Его могут принудить подать рапорт об отставке, у них такие вещи быстро делаются. В настоящий момент Джеймс приперт к стенке, в этом нет ни малейших сомнений.

— Ну что ж, значит, гамбит Стэнуика увенчался успехом. Пешка съедена, зато у короля крупные неприятности.

— Да, — слегка кивает Голдман. — Как ты, вероятно, догадываешься, значительная часть материала, использованного нами и ФСП, была получена из Пентагона, от людей из команды Стэнуика. А вот судья Тобайасон — он либо держит сторону Джеймса, либо вообще не знает об этом конфликте и попросту защищает свои драгоценные ВВС. А может — знает про склоку, относится к ней с неодобрением и хочет одного, — чтобы она прекратилась. Из его поведения

нельзя сделать никакого определенного вывода, но это, собственно, и не имеет никакого значения — данная фаза сражения уже в прошлом.

— А где вы раздобыли информацию про Стэнуика и Джеймса?

— У подчиненных Джеймса. Его не больно-то любят, а в «Эндрюсе» эту историю знает каждый встречный-поперечный. Ну и — от людей Стэнуика, который и сам хочет, чтобы она была известна.

— Хм-м.

Они снова заказывают бренди, а затем обсуждают тактику предстоящей кампании — как лучше подтолкнуть Конгресс к решительным действиям. Никогда прежде Голдман не проявлял такого энтузиазма — судя по всему, к нему вернулась надежда, почти полностью утраченная с передачей дела Тобайасону. Снова появилась возможность бороться.

А вот Макферсона все эти хитросплетения утомляют. Да и то сказать — не далее чем сегодня прямо у него на глазах за какую-то пару минут вдребезги разлетелась старательно подготовленная ими операция. Раз уж пешку пожертвовали и убрали с доски, о чем там дальше говорить? Какие шансы на успех у прошения поставить ее снова на доску? У протеста по поводу того, как жестоко ею воспользовались? У заявления на компенсацию нанесенного ей материального и морального ущерба?

По мнению Голдмана, шансы есть и весьма приличные. Это ведь не шахматы с их четкими правилами, здесь все туманно и двусмысленно. Так оно или не так, но Макферсон возвращается в отель с ощущением полной безнадежности. И заметно пьяный.

Рядом со сверкающим огромными зеркальными огнями «Хайаттом» громоздится пентагоновский «Аннекс», тяжело-весный бетонный бункер, защищенный от любого в мире оружия. Шансы... Ну какие могут быть шансы, когда против тебя — такое вот чудовище?

В отеле — давно и хорошо знакомом — Макферсон заблудился; чтобы найти свой номер, ему приходится трижды справляться по трем бездарно составленным планам и прошагать по бесконечным коридорам добрые полмили. В номере нет ничего, способного хоть немного поднять настроение — только кровать, видеостена да окно, выходящее на чернильную гладь Потомака. Может, включить видео?

Лучше уж не стоит. Так надежнее. Макферсон садится на кровать. Завтра лечу домой. К Люси. Продержаться какие-то четырнадцать часов — и домой.

Через два часа, проведенные за созерцанием выключенного видеозэкрана, когда Макферсон уже почти уснул, звонит телефон. Он подпрыгивает словно ужаленный. Находит источник шума и берет трубку.

— Деннис? Это Том Фелдкирк. Я... я только хотел сказать тебе, что очень сожалею о случившемся. Сам я в этой игре не участвовал и не мог изменить в ней ровно ничего. И мне хотелось бы, чтобы ты знал — мне и самому все это очень не нравится. — Голос Фелдкирка звучит напряженно, почти срывается. — Мне очень жаль, Деннис. Я никак не ожидал, что все так получится. Я хотел совсем другого.

Макферсон сидит, прижав трубку к уху и тупо глядя в пол. И молчит. А что, вон же какие истории рассказывал сегодня Голдман. Вполне возможно — даже скорее всего, — что Фелдкирк и не подозревал, какую судьбу предуготовил Стэнуик этой сверхчерной программе. Узнал, наверное, гораздо позднее, когда и сделать ничего было нельзя. Еще одна пешка. Конечно, а то чего бы ему звонить?

— Деннис?

— Все в порядке, Том. Ни в чем ты тут не виноват. Может, в другой раз все получится лучше.

— Я очень надеюсь. Очень.

Неловкое прощание. Макферсон кладет трубку, смотрит на часы.

Ну вот, а теперь осталось всего двенадцать часов.

Глава 57

В тысяча девятьсот сороковом году население составляло сто тридцать тысяч человек. К тысяче девятьсот восьмидесятому оно выросло до двух миллионов.

К этому моменту северо-восточная часть округа наполнилась под завязку. Ла-Абра, Бреа, Йорба-Линда, Плацения, Фуллертон, Буэна-Парк, Ла-Мирада, Серритос, Ла-Пальма, Сайприсс, Стэнтон, Анахейм, Орэндж, Вилла-Парк, Вестминстер, Фаунтин-Вэлли, Лос-Аламитос, Сил-Бич, Хантингтон-Бич, Ньюпорт-Бич, Коста-Меса, Корона-дель-Мар, Ирвин, Тастин — все эти города росли, соприкасаясь краями, сливаясь, как капли ртути на столе. В конце концов существование на этой земле двадцати семи обособленных

городов превратилось в административную фикцию, от них остались одни всеми игнорируемые уличные знаки, отмечающие границы городов, только на картах и сохранившиеся. А город был один.

Основными транспортными артериями этого нового города, «Северного округа Ориндж», служили трассы. А единственным транспортным средством — собственная машина. Реденькую железнодорожную сеть округа — как и более развитую сеть электричек и трамваев в Лос-Анджелесе — снесли, чтобы дать побольше простора машинам. Кончилось все тем, что тут не осталось ни поездов, ни автобусов, ни трамваев, ни метро. Добраться до работы можно было только на машине, хочешь купить себе еду — садись в машину, машина для любых дел, для любых развлечений, для чего угодно.

За санта-анской трассой, законченной в конце девяносто пятидесятих, быстро последовали другие. Ньюпортская и риверсайдская рассекали округ на северо-западную и юго-восточную половины. Сан-диегская трасса тянулась по побережью и служила продолжением санта-анской в южном направлении, в сторону — естественно — Сан-Диего. Трассы Гарден-Гроув, Орэндж и Сан-Габриэль протянулись в поперечном направлении, стали ребрами этой системы; теперь можно было подобраться к любой точке Северного округа Ориндж на расстояние, не превышающее нескольких миль, ни на секунду не покидая трассы.

Как уже сказано, вскоре северо-западная часть округа заполнилась под завязку, каждый акр земли нашел себе хозяина, был закован в бетон, застроен, заселен. Пустовало только пересохшее русло Санта-Аны, но и вдоль него протянулись мощеные набережные.

Затем ирвиновское ранчо было продано застройочной компании. Год за годом правительство округа давило это ранчо налогами, вынуждая хозяев бросить становящееся убыточным фермерство и пустить землю под строительство. Давило, давило и додавило. Новые владельцы составили генеральный план, по меркам округа — до удивления неспешный и продуманный. Десять тысяч акров было передано Калифорнийскому университету, вокруг университетской территории возвели город, для остальной земли был составлен график последовательной застройки. Однако все равно как ни кинь, а в юго-восточную половину округа был вбит клин, и давление, побуждавшее к строительству новых домов для новых людей, стало еще сильнее.

Тем временем северо-западная половина буквально задыхалась от все растущей и растущей людской массы, не помогала даже экспансия на юго-восток; более того, южные области обременяли систему трасс тысячами новых машин, окончательно ее закупоривали. Старая санта-анская трасса с ее тремя рядами в каждом направлении была забита двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, то же самое происходило с ньюпортской трассой и — может быть, в чуть меньшей степени — с остальными. А расширять их было просто некуда. Так что же оставалось делать?

В тысяча девятьсот восьмидесятых годах появился план строительства второго, приподнятого над землей этажа участка санта-анской трассы между Буэна-Парком и Тастинном; в девяностых годах, перед лицом неминуемой перспективы очередного удвоения населения округа за десять лет, Наблюдательный совет принял этот план к исполнению. Над старой трассой, на высоте тридцати семи футов, протянулся опирающийся на массивные опоры виадук с восемью рядами; новый участок был открыт в тысяча девятьсот девяносто восьмом году. Он принял на себя движение в южном направлении, оставив все ряды старой трассы для северного. Через три года то же самое было сделано еще с двумя трассами — ньюпортской и гарден-гроувской; образовался треугольник надземных трасс со сторонами приблизительно по три мили каждая. Вознесенные над землей дороги быстро обросли заправочными станциями, магазинами, ресторанами, кинотеатрами и прочим, и прочим. Это стало началом «второго этажа» мегаполиса.

Следующим поколением трасс стали футхиллская, точная и сан-хоакинская — все они проектировались с намерением облегчить доступ в южную часть округа. По окончании их строительства сразу же появилась разумная мысль соединить концы гарден-гроувской и футхиллской трасс, находившиеся в каких-то милях друг от друга. Между ними поверх Кауэна и Лемон-Хейтс был переброшен огромный виадук, оставивший дома внизу нетронутыми — но мгновенно упавшими в цене. Тем же самым образом были построены новые сантьягская и кливлендская трассы; перебрасываясь с одной огромной опоры на другую, они рассекали небо над новыми многоквартирными домами, которых день ото дня становилось все больше и больше, — словно грибы после дождя, они вылезали на территории прежних ранчо, образуя новые города, такие, как Сантьяго,

Силверадо, Трабуко, Сивью-Террас, Сан-Хуан-Спрингс, Лос-Пиньос, О'Нил, Ортега, Сэддлбэк, Алисия и так далее, и так далее, и так далее. По мере того как земля дробилась на участки, выравнивалась, заливалась бетоном, застраивалась, росла и сеть трасс. Когда начался общенациональный переход на систему электромагнитных дорожек, округ Ориндж оказался в первых рядах. Здесь провели реконструкцию в кратчайшие сроки, за какие-то пять лет; развернувшиеся работы помогли смягчить экономический спад Тусклых Двадцатых — тот, с которого началась депрессия, захлестнувшая весь мир. Новая транспортная система обязательно вызовет всплеск деловой активности, это верно и для округа Ориндж, и для всего американского Запада. Когда неудержимая людская волна перехлестнула через границы ирвинского ранчо и затопила всю юго-восточную часть округа, застройка пошла здесь даже быстрее, чем на северо-западе полвека назад. Уже через несколько лет обе половины мегаполиса стали практически неотличимы друг от друга. Остался только Кливлендский лесной заповедник. Компания по торговле недвижимостью жадно облизывалась на эту сухую, холмистую, пустующую землю, с тоской прикидывая, сколько домов можно было бы здесь построить, сколько роскошных особняков вместили бы склоны Седельной горы, и как только очередное вашингтонское правительство проявило сочувствие и понимание, началось растаскивание этого крохотного, совсем, в общем-то, незначительного лесного заповедника. Да и какой он, к черту, лесной, там и леса-то никакого нет! Так что не о чем шуметь и беспокоиться. Округ перенаселен, он нуждается в этих шестидесяти шести тысячах акров, — чтобы стало больше домов, больше рабочих мест, больше машин, больше денег, больше оружия, больше наркотиков, больше недвижимости, больше трасс! Так что и эту землю распродали.

И все это так и осталось.

Глава 58

Эйб с Ксавьером чуть не половину своей смены просидели в диспетчерской — случай не просто редкостный, а почти невероятный. Они играли в видеофутбол, качали железо, дремали, снова брались за футбол. В «Пристани» Ксавьер играет исключительно на деньги и приобрел зверскую квалификацию, работает на клавиатуре, что твоя машинистка,

барабанящая двести слов в минуту, и все одиннадцать его игроков носятся по полю под стать звездам национальной сборной в момент наивысшего вдохновения. Когда Эйб атакует, его ежесекундно перехватывают, сбивают с ног, у него вышибают мяч, все его удары блокируются, ну а защиту его противник прошибает с такой же легкостью, как тяжелый танк — гнилую стену. В прошлой игре он проиграл триста семьдесят девять ярдов, а в этой проигрывает уже с разницей семь—девятьюносто восемь. Да и те семь заработаны жульническим образом — сразу после начала игры Эйб заорал: «Осторожно!», Ксавьер оглянулся, а он тем временем перекинул мяч.

Так что Эйбу надоело, и он бросает игру.

— Ты что, Эйб, давай еще. Я буду играть с закрытыми глазами, вот тебе честное слово.

— Нет уж, хватит с меня.

Эйб снова задремал, и тут раздается негромкий звон, мгновенно насыщающий его кровь адреналином. Не успев даже толком проснуться, он оказывается на водительском месте с застегнутым ремнем, и лишь значительно позднее, когда фургон уже вылетел на Эдингер и влился в поток других машин, бешено бьющееся сердце Эйба возвращается к какому-то подобию нормального ритма. Еще год жизни потерял, это уж точно; и пожарники, и санитары умирают обычно от инфарктов, — а все из-за такого вот дерганья, из-за адреналина этого.

— Так куда же это я направляюсь?

— Езжай по ньюпортской на север, до гарбадж-гроувской, по ней на запад до Ориндж, на север до натвудской трассы и — прямо к университету. Нас просят оказать содействие в ликвидации последствий автомобильной аварии.

— Да не может того быть.

Эйб смотрит на товарища; рука Ксава сжимает микрофон с такой силой, что желтоватая кожа ладоней стала белой. И обычная, в общем-то, напряженность в голосе — сегодня она настолько велика, что половину с пулеметной скоростью выпаливаемых слов попросту невозможно разобрать, и диспетчер раз за разом просит повторить последнюю фразу. Отпуск ему нужен, и подлиннее. А еще лучше — сменить работу. Гробит ведь он себя, сжигает. Вон до какого состояния дошел, а с каждой сменой все хуже и хуже. Только куда же Ксаву деться. Имея на руках семью, да плюс еще чуть не половину населения Санта-Аны иждивенцами, он не может

позволить себе долгого отпуска. Так вот и будет крутиться, пока не получит отпуск на тот свет.

Дорога требует внимания. Движение жуткое, а особенно — там, где сходятся гарден-гроувская, Ориндж и санта-анская. Забита, буквально закупорена каждая полоса огромного, многоярусного бетонного кренделя, пора сходить с дорожки и двигать своим ходом. Улюлюканье сирен, ощущение мощи рванувшегося вперед фургона, по правую руку размытыми, цветными пятнами мелькают словно застывшие на своей магнитной дорожке машины, они сливаются в одну длинную радужную полосу, вот же мать его, откуда-то взялся съехавший с дорожки автомобиль, он торчит прямо на пути, полностью его перекрывает, резко по тормозам. Кой хрен он сюда вылез?

— Выворачивай на полосу.

— Пытаюсь, только не могу же я взять вот так и посшибать всех этих мирных граждан, неловко как-то.

Эйб включает все свои бортовые огни, сейчас машина мигает чуть не на двух десятках частот одновременно, должно бы вроде пронять этих чертовых водителей, но вот те хрен, в сплошном потоке — ни щелочки.

— Они что, принимают нас за новогоднюю елку? — с ненавистью говорит Ксав; высунувшись из окна, он яростно — и безуспешно — машет водителям проезжающих мимо машин. — А ты попробуй все-таки втиснуться.

Эйб глубоко вздыхает, включает зажигание, подает фургон вперед и направо. Ксавьер кроет упрямых идиотов последними словами, безнадежно машет рукой и поворачивается к Эйбу:

— Ну, давай.

Эйб зажмуривается и выезжает на полосу, ежесекундно ожидая услышать хруст металла. Вроде пронесло. Обогнув застрявшую машину, он возвращается на обочину и дает полный газ, плотно прижимаясь к боковому ограждению, чуть не обдирая об него борт. Ксавьер снова высунулся из окна, он благодарно машет водителю пропустившей их машины.

— Мы заняты предельно опасной работой, — заявляет он, тяжело плюхаясь на сиденье. — Каждая попытка проехать к месту назначения сопряжена с большим риском случайного соударения.

Эйб поет — а точнее, орет — последнюю строчку сочиненной ими «Оды Фреду Сполдингу»:

И скорость впредь он никогда не пре-вы-шал!

Ксавьер подхватывает, они несутся по узкой обочине со скоростью восемьдесят миль в час и хохочут, хохочут как сумасшедшие. Руки Эйба вцепились в баранку, ладонь Ксав, сжимающая микрофон, не похожа на негритянскую, сейчас она бела, как у самого белоснежного белого.

— А ты слышал, — спрашивает Ксав, — последний анекдот про Фреда Сполдинга? Фред видит впереди эту самую опору виадук, оборачивается к окошку и кричит санитару: «Скажи пострадавшему, что ему осталось совсем недолго».

Эйб хохочет.

— А еще, как он просит пострадавшего дать определение, что такое непруха.

— Да, точно. Или как он его спрашивает, а бывает ли, чтобы по одному полису платили одновременно две страховые премии.

— Или еще он спрашивает: «У тебя есть страховка?», а пострадавший говорит: «Нет». А Фред ему кричит: «Да ты не волнуйся, это, собственно, и не важно».

Ну все. Один готов. Ксавьер роняет голову на приборную доску, все его тело дрожит от хохота.

— Жаль, что я послушал их и застраховался. Это сколько же приходится платить, ты себе просто не представляешь.

— А ты не забывай, что страховка — она вроде пари, и на великолепных условиях.

— Во-во. Помрешь во цвете лет, и страховая компания скажет: «Поздравляем вас, вы выиграли».

Он снова смеется — к большой радости Эйба.

— Ну а если ты проиграл пари, — заключает Эйб, — опять удачно, значит, ты еще жив.

— Точно.

Они подъезжают к Натвуду, оставляют трассу и летят на запад, по Колледж-авеню, мимо магазинов и ресторанов, книжных лавок и прачечных, выросших вокруг фуллертонского филиала Калифорнийского университета. Пешеходы поворачивают головы, машины испуганно бросаются в медленный ряд, или даже на свободные парковочные площадки. Не все водители достаточно расторопны, некоторые из них едва успевают выскочить из-под радиатора мчащегося фургона, и Эйб ежесекундно вздрагивает. Он рассекает этот металлический поток, как Моисей — Чермное море. Теперь окружающие машины едут гуще и медленнее, впереди —

пробка, в мозгу Эйба вспыхивает красный стоп-сигнал. На перекрестке — попеременные вспышки красного и синего света, там стоит машина депок.

— Нужны кусачки, — поднимает голову Ксав; последние минуты он непрерывно говорил по радио. — Кодовый номер шесть.

Эйб судорожно втягивает воздух, в его ушах отдаются частые, громкие удары пульса. Последние десятки метров приходится ехать по тротуару, затем фургон снова переваливает через бордюр, пробирается среди застрявших машин и прибывает на МЕНС.

Вот они, три штуки. ЧТБК, что-то в кремнии. А может — сочетание аппаратурной неполадки с ошибкой человека. По Колледж-авеню был, видимо, зеленый, а этот грузовик рванул по Натвуд на красный, ну и саданул одну из машин левого ряда прямо в бок, та отлетела, впилилась в машину из правого ряда, и тут ее снова догнал грузовик. Дальше все три машины летели вместе, по дороге они сшибли светофор и столб силовой линии. Обе легковушки искорежены до неузнаваемости, особенно средняя, расплюснутая в блин. Меньше всех досталось водителю грузовика, но и он в довольно плачевном состоянии; сам виноват, нужно пристегиваться.

Эйб уже выскочил на мостовую и бежит, разматывая за собой кабель, к смятым машинам; стоящие там депы смотрят на него и отчаянно машут руками, наверное — торопят. В средней машине кто-то есть, а тут болтаются порванные силовые провода, дождем сыплются искры, того и гляди несчастных пострадавших саданет, для полной радости, электричеством.

В средней, наиболее покалеченной машине две девушки. На водительском месте — очевидная ШАМП, ей никакая помощь не нужна; Эйб сразу начинает проделывать отверстие в крыше, чтобы добраться до пассажирки. Точные, осторожные движения рук — и лезвия впиваются в металл, хруст, скрежет и визг разрезаемой стали заглушают стон девушки, сидящей рядом с безвольно обвисшим телом своей подруги. Ксавьер проскальзывает сверху в машину и берется за работу, одновременно отдавая Эйбу быстрые, точные приказания. «Прорежь посередине еще полтора фута, потом отогни вверх. Сильнее. Порядок, теперь вырезай кусок стенки рядом с задней дверью, мы ее там протаскиваем».

Пострадавшая — совсем еще молоденькая девочка, ярко-желтые блузка и брюки испещрены пятнами красной, невероятно яркой крови. Ксавьер и полицейские подхватывают носилки, бегут с ними к фургону, а Эйб пролезает в разбитую машину, чтобы удостовериться в смерти водительницы. Он перегибается через пропитанный кровью подголовник сиденья...

Лилиан Кейлбахер. Восковая бледность лица, кровь на разбитых губах, белокурые, отброшенные назад волосы. Она, точно она, нет ни малейших сомнений. Грудь смята, вдавлена. Мертвая. СНАМП, очевиднейший случай. Но ведь это — Лилиан. Точнее — ее тело.

Эйб ошеломленно пятится, вылезает из машины. «Тойота банши», отмечает какая-то часть его мозга, миниатюрная спортивная модель, самая популярная среди подростков. Он почему-то оглох, видит толпу зевак, окружившую место аварии, видит проезжающие мимо машины — и ровно ничего не слышит. А как было тогда с Ксавьером, он же весь покрылся потом, впал в самую настоящую истерику и никак не мог потом успокоиться. И все потому, что перевернул в машине мертвого мальчика и вдруг — на одно только мгновение — увидел лицо своего сына. Нужно посмотреть ее документы и убедиться точно. Эйб делает движение в сторону машины — и тут же останавливается. Да нет, чего там придумывать, это же точно она. Она. Медленно, как-то осторожно, он отходит в сторону и садится на бровку тротуара.

— Эйб! Да куда же спрашивается... Эйб! Ты что тут делаешь? — Ксавьер присел на корточки, тормошит Эйба за плечо. — Что-нибудь не так?

Эйб поднимает голову, тупо глядит на Ксава.

— Я ее знаю. Погибшую. — Говорит он с видимым трудом, хрипло. — Старая наша знакомая. Лилиан. Лилиан Кейлбахер.

— Ох, Господи... — лицо Ксавьера страдальчески морщится, Эйб не может смотреть на него и отводит глаза. — Но все равно нужно ехать, вторая еще жива. Пошли, Эйб. Поведу машину я, а ты работай сзади.

У Эйба есть необходимая медицинская подготовка, однако он не может заставить себя войти в заднюю дверь фургона.

— Нет, не могу. Лучше я поведу.

— А ты точно сможешь?

— Поведу я!

— Ладно. Только поосторожнее. Поедем в анахеймскую больницу.

Эйб садится в машину. Пристегивается. Запускает двигатель. В голове полная пустота; в какой-то момент он обнаруживает, что впереди уже виден съезд с трассы, ведущий к анахеймской больнице, но от поездки не осталось ровно никаких воспоминаний, просто был там — оказался здесь. Из окошка высовывается голова Ксава.

— Эта, похоже, выкарабкается. Вон туда, делай там левый. Травматология с той стороны.

— Знаю.

Ксавьер замолкает. Эйб подъезжает ко входу травматологического отделения и тормозит. Но не выходит из кабины, а сидит и слушает, как Ксавьер и местные санитары выкатывают носилки, заносят их в двери больницы. Перед ним со страшной отчетливостью стоит мертвое лицо Лилиан, ее остановившиеся глаза... Глаза смотрят на него — и сквозь него, куда-то очень-очень далеко... Эйбу трудно дышать, желудок болезненно сжимается. Он снова проваливается в пустоту.

— Подвинься, Эйб. — Дверца кабины открыта, в ней лицо Ксава. — Садись справа, давно я эту таратайку не водил.

Эйб отстегивается, передвигается на пассажирское сиденье, снова пристегивается; Ксавьер выводит фургон на улицу. Он искоса смотрит на Эйба, хочет, похоже, что-то сказать, но молчит.

Эйб судорожно сглатывает. Миссис Кейлбахер, самая, наверное, симпатичная из подружек матери. Ведь нужно ей сообщить. Он представляет себе телефонный звонок, знакомый официальный голос, это миссис Мартин Кейлбахер? Вам звонят из фуллертонской полиции... Эйб громко скрипнул зубами. Никто, никто и никогда не должен получать таких телефонных сообщений. Уж лучше услышать от... да от кого угодно. Все что угодно, только не это. Он глубоко, словно перед прыжком в воду, вздыхает.

— Слушай, Ксав, отвези меня на Ред-Хиллз. Нужно сказать ее родителям. — Его начинает бить дрожь.

— Н-не знаю...

— Ведь кто-то все равно скажет. А так, думаю, будет лучше.

— Не знаю... У нас смена еще не кончилась.

— Мы же едем на станцию? Так они живут по пути, крюк совсем небольшой.

— Говори адрес, — вздыхает Ксав.

За поворотом — аккуратная, круто взбирающаяся по склону холма улица, на которой живут Кейлбахеры; здесь уже Эйба трясет по-настоящему.

— Вон туда, налево.

Ксавьер тормозит. Белый штaketник забора, крошечный дворик; Эйб смотрит на кейлбахеровские окна. Свет горит. Эйб вылезает на мостовую, осторожно, без стука прикрывает за собой дверку. Обходит фургон спереди. Ну, думает он, давай, открой дверь и выйди во двор. Спроси меня, не случилось ли чего, не заставляй меня звонить у двери с таким известием!

Он сильно стучит. Нажимает кнопку звонка. Стоит и ждет.

Никто не отзывается.

Дома никого.

— Черт. — Эйб понимает, что должен бы вроде испытывать облегчение, но ничего подобного, он скорее расстроен. Он обходит дом, заглядывает в кухонное окно. Темнота. Понятно, ушли и оставили свет в гостиной. Для устрашения злоумышленников. Многие так делают. Из кабины торчит голова Ксава. Эйб идет к фургону.

— Никого дома.

— Успокойся, Эйб. Все, что ты мог, ты сделал. Залезай сюда.

Эйб мнется в нерешительности. Ведь не сообщишь же о таком посредством подsunутой под дверь записки! А смена еще не кончилась. Но все равно, все равно... Мысль, что известить Кейлбахеров должен именно он и никто другой, засела в мозгу прочно, теперь от нее не избавишься. Эйб открывает дверцу, садится — и тут же его осеняет.

— Родители Джима, они ведь живут совсем рядом и хорошо знакомы с Кейлбахерами. Матери ходят в одну церковь и все такое. Поехали, я расскажу миссис Макферсон, свалю это дело на нее, и мы сможем вернуться на станцию.

Ксавьер терпеливо кивает, трогает фургон с места. Эйб давно, еще со школы помнит дом Макферсонов. Он совсем

не изменился, занавески задернуты, но сквозь них пробивается свет.

Эйб снова вылезает на мостовую, подходит к кухонной двери — парадной дверью эта семья почти не пользуется. Звонит.

Дверь чуть-чуть — на цепочке — приоткрывается. Люси Макферсон явно не доверяет случайным посетителям.

— Эйб! Что ты здесь делаешь?

У Эйба пропадает всякая уверенность, что стоило сюда ехать. Люси прикрывает дверь, сбрасывает цепочку, распахивает дверь настежь. На ее лице — смесь любопытства и недоумения.

— Очень рада тебя видеть, заходи...

Эйб отрицательно машет рукой. Люси ждет, что же он скажет. Приятная женщина, думает Эйб; у него самые лучшие о ней воспоминания, еще с тех давних времен, когда он сам был новичком, только что пришедшим в класс Джима. Но за последние годы в миссис Макферсон появилась отстраненность, ее приветливость стала немного формальной, к веселому дружелобию примешивается что-то вроде осуждения... словно она считает Эйба ответственным за какие-то нехорошие изменения в характере Джима. Все это сильно раздражает Эйба, пару раз он совсем уже готов был сказать: «Да-да, это именно я, лично я совратил вашего невинного сыночка».

Вот и сейчас тоже, ну почему она так недоверчиво щурится?

— Я... Вы уж простите меня, пожалуйста, миссис Макферсон. — «Да говори же скорей, не мямли». — У меня плохая новость. — И он видит, как глаза Люси расширяются от ужаса, и успокаивающе поднимает руку. — Нет, не про Джима. Я насчет Лириан Кейлбахер. Я только что к ним ездил, но там никого нет дома. Вы слышали, наверное, что я работаю санитаром.

Люси молча кивает, в ее глазах — все тот же испуг.

— Ну и... — сделав над собой усилие, продолжает Эйб, — ...нас вызвали на аварию, и там была Лириан. Машина разбилась, и она погибла, умерла на месте.

Люси сдавленно вскрикивает, прикрывает рот ладонью и чуть поворачивается, словно пытаясь защититься от удара. Почти так же страшно, как если бы говорить с миссис Кейлбахер. Нет, там было бы еще хуже.

— Господи... — нерешительно протянутая рука трогает Эйба за локоть. — Какой ужас. Может, зайдешь все-таки на секунду? Посиди немного.

Нет, только не это. Эйб испуганно пятится, трясет головой.

— Нет, я не могу. — Голос его начинает дрожать. — У меня же смена не кончилась, я еще на работе. Я просто подумал... лучше, если им скажет кто-нибудь знакомый.

Люси кивает, на ее лице появляется озабоченность.

— Совершенно с тобой согласна. Я сейчас же поеду к преподобному Стронгу, и мы обязательно их найдем.

Эйб смотрит матери Джима в глаза, печально пожимает плечами. Сейчас, в это мгновение, между ними установилась какая-то трудно определимая, не имеющая названия общность.

— Вы простите меня, пожалуйста.

— Очень хорошо, что ты пришел, — твердо говорит Люси. Она провожает Эйба к фургону, потом стоит и смотрит вслед.

Теперь, когда задача выполнена, Эйб не в силах больше сдерживаться и снова ощущает ужас случившегося, всю обратную дорогу его крупно, до стука зубов колотит.

— Господи, — мрачно бормочет сидящий за рулем Ксав. — Ох, Господи...

Вернувшись в диспетчерскую, они обессиленно садятся на диван. Сейчас мечущиеся по экрану футболисты кажутся каким-то издевательством.

— А ты знаешь, Эйб, что я думаю, — медленно говорит Ксавьер. — Не для нас, пожалуй, эта работа.

Эйб пьет кофе с преувеличенной осторожностью, словно это не кофе, а виски.

— А не для кого она.

— Ну да, только одни приспособлены лучше, а другие — хуже. Вот мы — хуже. Чтобы делать эту работу хорошо, нужно быть тупым. Нет, не то чтобы тупым. Сообразительность здесь нужна, и очень. Нужно... — Он беспомощно трясет головой.

— Роботами нужно быть, вот что, — бесцветным голосом говорит Эйб. — Но не стану я роботом ради какой-то там работы. — Он делает еще глоток кофе.

— Да... — снова качает головой Ксав. — То, что сегодня, — это уж неправа, так неправа.

— Новое определение.

Ни один из них не улыбается.

А затем они просто сидят на диване, сидят бок о бок и смотрят в пол.

Проходит долгое время, и Ксав толкает Эйба локтем:

— Хочешь еще кофе?

Глава 59

Люси возвращается домой и начинает бесцельно слоняться из комнаты в комнату. Сегодня Деннис возвращается из Вашингтона, но это — поздно вечером, почти ночью. У Джима урок.

Слегка всплакнув, она находит свои туфли, обувается. «Нужно все сделать организованно». Звонок к Кейлбахерам, никто не отвечает. Люси натянула свитер, теперь можно идти — только куда? Она звонит в церковь. Преподобный Стронг ушел по делам, сообщает автоответчик. Все, ну прямо все куда-то запропастились! Ну вот, дозвонилась наконец. Услышав новость, викарий Себастьян лишается дара речи. Они с Люси — старые друзья, Себастьян даже был к ней когда-то неравнодушен. Все это мило, но ведь толку от такой вечно беспомощной личности будет чуть. В конце концов Люси говорит, что заедет за ним. Себастьян соглашается. Теперь позвоним Елене; ну, хоть эта сидит дома. Елена в полном ужасе, они с Люси договариваются встретиться в церкви.

Люси не видит улиц, по которым едет машина, она словно ослепла. За обедом Эмма Кейлбахер вроде бы говорила, куда они идут вечером. Или не говорила. В такой момент очень трудно что-нибудь вспомнить. А Лилиан, ведь вчера еще они вместе работали в конторе...

Люси решительно выкидывает из головы все подобные мысли. Она слегка задерживается перед церковной дверью, делает усилие и берет себя в руки. Елена, слава Богу, уже здесь. Бледный, с покрасневшими от слез глазами викарий задерживает их, чтобы прочитать молитву. У Люси едва хватает терпения. Не до того сейчас, сейчас нужно искать Эмму и Мартина.

Они садятся в машину Люси и едут к Кейлбахерам. Опять никого нет дома.

— Может быть, они решили поужинать в городе...

— По будням они обычно ходят к Мэри Каллендер.

— Да-да, верно. — Люси и Елена знают все рестораны, куда могут зайти Эмма и Мартин. Люси едет к Мэри Каллендер, но там Кейлбахеров нет.

— Куда теперь?

Они пробуют «Эль-Торито». Снова неудача. Потом в «Три короны», потом к Чарли. Нет, сегодня не заходили.

Может, они уже вернулись домой? Нет, не вернулись.

Остается одно — проверить всех знакомых, к которым они могли уйти в гости. Викарий Себастьян отвергает идею воспользоваться телефоном, поэтому далее следует мучительная серия визитов ко всем известным знакомым Кейлбахеров, причем в каждом доме приходится задержаться, чтобы сообщить страшную новость.

Люси все сильнее и сильнее чувствует, что они просто обязаны найти Эмму и Мартина; ей почему-то кажется ужасным, что столько людей уже знают о смерти Лилиан, а родители девочки остаются в полном неведении. Все члены поисковой команды озабочены, огорчены, раздражены; им никак не договориться — что же делать дальше.

— А может, — размышляет вслух Себастьян, — им уже полиция сообщила.

— Полностью отпадает, — уверенно говорит Люси. — Эйб приехал ко мне прямо с места аварии, полиция не успела бы.

Они тащатся в чертову даль, в Сил-Бич, куда переехали Янсены, потом возвращаются в Ирвин, к дому Кейлбахеров, потом в Тастин, в кинотеатр «Синема 12»... И все впустую.

— Да куда же они подевались? — негодуя вопрошает Люси. Елена и викарий уже смирились с твердым решением своей предводительницы найти родителей Лилиан, но никаких идей у них нет.

Остается одно — снова ехать к пустому дому. Ну где они, спрашивается, могут быть?

Люси паркуется перед кейлбахеровским домом; на этот раз ни она, ни ее помощники не выходят из машины, они просто сидят и ждут.

Говорить не о чем. Район здесь спокойный, в воздухе царит тишина. Ближайший уличный фонарь все время мигает, скоро, наверное, перегорит. Мостовая, дренажная канавка, тротуар, трава, дорожки, ведущие к домам, сами дома, все это тоже мигает, и все обесцвечено, обескровлено голубоватым сиянием ртутных паров: маленький, серый, мерцающий мирок. Они сидят. Странное это занятие, словно стоишь в карауле по заданию некой таинственной организации или отправляешь новый, самому тебе не совсем понятный ритуал. Сложная все-таки штука жизнь, думает Люси; иногда приходится делать самые неожиданные вещи.

Внизу, в начале улицы, появляются огоньки фар; сердце Люси буквально подскакивает, словно маленький ребенок, запертый в грудной клетке и пытающийся оттуда бежать. Машина медленно приближается. Сворачивает к кейлбаховскому дому.

— Господи, о Господи, — всхлипывает Елена.

Плачет и викарый.

— Да перестаньте, — почти грубо обрывает их Люси, открывая дверцу машины и ставя ногу на мостовую. — Мы исполняем здесь Божий промысел, мы его посланники, сейчас говорим не мы, но Бог через нас.

И ведь это скорее всего было правдой, потому что та самая Люси Макферсон, которая обязательно раскисает и начинает хлюпать, если при ней рассказывают про чьи-либо страдания и утраты, Люси, готовая расплакаться при малейшем подозрении, что кто-то там косо на нее посмотрел, — эта Люси твердым, неторопливым шагом пересекает газон и подходит к недоумевающей чете Кейлбахеров, эта Люси спокойно, без всяких эмоций сообщает им страшную весть, а затем не суетясь, уверенно, словно опытный врач, помогает Мартину отвести теряющую сознание Эмму в дом. И всю эту нескончаемо кошмарную ночь, когда Эмма бьется в слезах и истерике, а Мартин сидит на заднем крыльце и оцепенело смотрит на выдавленные когда-то в сыром бетоне отпечатки крохотных детских ладошек, а чаще — просто в никуда, именно к ней, к Люси, бегут с просьбой сварить кофе, состряпать по-быстрому суп, поддержать Эмму, переговорить с полицией, позвонить в морг, — со всеми делами, на которые остальные, потрясенные и ошеломленные, попросту сейчас не способны. Со всем идут к Люси.

Глава 60

Деннис возвращается из Вашингтона глубокой ночью, подавленный и усталый. Дома нет никого. Записки тоже нет. Первоначальная вспышка ярости сменяется беспокойством, он не знает, что и думать, тем более — что предпринять. На Люси это абсолютно не похоже. Ну где, спрашивается, может она быть в три часа ночи? Ведь должно же быть какое-то разумное объяснение. А может, она ушла, вроде как от Дэна Хьюстона его Дон. Секунда нерассуждающей паники, а затем Деннис трясет головой, словно освобождая ее от такой несусветной чуши. Вот уж чего Люси никогда не сделает.

Может, с ней что-нибудь случилось? Проходит час, затем два, страх все усиливается. Деннис готов уже звонить в полицию, потом соображает, что лучше связаться сперва со священником, и тут к дому подъезжает машина. Он выбегает на крыльцо, весь страх мгновенно прошел и сменился раздражением.

— Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? Где ты была?

— Господи, да как же это! — растерянно бормочет Деннис через минуту, прижимая к себе Люси.

«Как же я устал, — думает он. — Слишком устал, чтобы понять, почувствовать такое».

Они стоят обнявшись. Деннису почему-то припоминается игра, в которую он играл в детстве. Родители брали их с братом в свои долгие марафонские поездки по стране, в мотеле скучно, вот мальчишки и придумали себе развлечение. Брали колоду карт, делили ее пополам и строили в противоположных углах комнаты карточные домики, прямо на полу. Даже лучше сказать, не домики, а карточные крепости. Потом вооружались пластиковыми ложечками из «Макдональдса» и использовали их в качестве метательных снарядов — туго сгибали двумя пальцами и отпускали. Ложка летела, кувыркаясь, через комнату, в самом обычно неожиданном направлении. Каждый промах встречался дружным смехом...

Но интереснее всего — это когда ложка все-таки попадала в цель; и какая там разница, чья именно крепость сбита, главное — как это происходило. Они заметили, что карточные домики ведут себя при прямом попадании одним из двух возможных способов. Они либо мгновенно обрушиваются — хлоп! — и готово, и на полу — беспорядочная россыпь карт, либо только чуть-чуть сдвигаются, оседают, практически не теряя при этом своей структурной целостности, своей устойчивости. Интересно, любопытно. Возможно, именно это любопытство и сделало Денниса инженером.

Случайные картины, беспорядочно мелькающие в утомленном мозгу. «К чему это я?» — думает Деннис. Ну да. Вот мы и есть сейчас этот карточный домик. И ведь никогда не бывает, чтобы опасность грозила одной-единственной карте, а остальные могли наслаждаться покоем и безопасностью, нет, они либо вместе устоят, либо упадут — и тоже вместе. Перманентный кризис, в равной степени угрожающий всем. И сколько же это продолжается? Со всех сторон летят ложки. И карточный домик, который либо выстоит, либо рухнет.

Он слишком устал, слишком подавлен, в нем не осталось ни капли тепла, которым можно было бы поделиться с Люси. А Люси плачет, и чем дальше — тем сильнее. Деннис пытается вспомнить девочку Кейлбахеров, он видел ее совсем немного раз, да и то как-то всегда мимоходом, забежит, покрутится, убежит. Светлые волосы. Веселая, живая. Симпатичная. Нет, куда проще представить себе Эмму или Мартина. Вот уж невезение, так невезение. Ужасное невезение. Несравненно, неизмеримо худшее, чем когда судья Тобайасон отвергает протест, несмотря на всю очевидность дела, худшее, чем любая неприятность, связанная с этим миром алчности и продажности. Все плохо, везде плохо. Ложки со всех сторон. Нужно проверить машину Джима, а то не дай еще Бог. Деннис не знает, что сказать; Люси всегда нужны слова, слова, а у него нет их, этих самых слов. Да и вообще — есть ли для такого слова? Нет их. Некое странное упорство, удачное расположение частей помогает отдельным карточным домикам устоять, несмотря на сыплющиеся со всех сторон удары... Деннис еще крепче обнимает Люси — не дает им рассыпаться.

Глава 61

Джим узнает все на следующий день, от Люси.

— И санитаром спасательной машины оказался не кто другой, как Эйб.

— Не может быть!

— Именно он, и он завернул к Кейлбахерам, хотел сказать им, но их не было дома, и тогда он приехал ко мне. Выглядел он совершенно ужасно.

— Да уж, могу себе представить.

Джим пробует дозвониться до Эйба, но Бернарды-родители все еще в отъезде, и трубку никто не берет. Автоответчик то ли сломался, то ли выключен.

Похороны на следующее утро; в часовне Фэрхевенского кладбища Джим далеко не проходит, а слушает панихиду, стоя около двери. Все его воспоминания о Лириан Кейлбахер так или иначе связаны с церковью. Где-то в старших классах Люси завербовала его строить на задах церковного участка воскресную школу — считалось, конечно же, что это он сам «вызвался добровольцем». У церкви — она довольно бедная — не было денег, чтобы нанять настоящую строительную бригаду, так что все работы проводились добро-

вольцами под руководством пары богомольных плотников; плотники упивались своей значительностью, но дело подвигалось довольно туго. И каждый раз, когда Джим выходил на работу, там обязательно присутствовала белесая, костлявая девочка, улыбавшаяся металлическими скобками для исправления не в ту сторону растущих зубов. Она лупила молотком по гвоздям с невероятно огромным размахом — и с таким же огромным энтузиазмом. Плотники прямо бледнели от ужаса, взирая на этот праздник труда, однако удары девчонки отличались завидной точностью. Перед глазами Джима восторженная, металлом сверкающая улыбка Лилиан, одним неправдоподобно длинным, откуда-то из-за головы, взмахом молотка вгоняющая гвоздь по самую шляпку. Дон, главный плотник, хватался за сердце, а потом чуть не валился от хохота...

После панихиды все выходят во двор, освещенный толстым пучком солнечных лучей. Кладбище располагается под узловой точкой трех трасс, бетонный свод «Треугольника» похож на низко нависшую грозовую тучу, однако кое-где в этих серых унылых небесах проделаны застекленные оконца, пропускающие вниз хоть какой-то свет. Катафалк медленно плывет по запутанным улицам огромного — население двести тысяч — города мертвых, провожающие идут сзади. И снова Джим в самом хвосте; издалека, через чужие головы он смотрит на небольшую кучку людей, сгрудившуюся вокруг Кейлбахеров, на то, как эти люди стараются держаться поближе друг к другу. Их церковная община похожа на маленький островок веры в залитой потоком безбожия Америке двадцать первого века, в них ощущается знакомая Джиму солидарность — сам он не испытывал ее давно, с того самого времени, как перестал ходить в церковь. Какое товарищество, какой радостный подъем объединял их в дни строительства этой маленькой воскресной школы! И ведь здание получилось вполне солидное, стоит и по сию пору. Да, в увлеченности Люси церковными делами что-то есть, ей можно только позавидовать... А сам он... «Вера. У меня нет веры. И притворяться тут совершенно бессмысленно. А без веры...»

За последним рядом могил виднеется апельсиновая роща, она освещена лучами солнца, пробивающимися сквозь большой застекленный фонарь. Похоронная процессия движется сейчас под бетонной изнанкой «Треугольника», откуда, из затененного места, толстый сноп света, падающий на

деревья, кажется ослепительно ярким, в нем густо танцуют пылинки. Деревья имеют почти идеально сферическую форму, зеленые сферы, усыпанные множеством маленьких оранжевых сфер. Последняя во всем округе Ориндж апельсиновая роща. Она принадлежит кладбищу и постепенно выкорчевывается, чтобы дать место все новым и новым мертвецам.

Прощание у могилы, очень короткое. Эйба не видно, не пришел. Смирившись с будущими нареканиями Люси, Джим потихоньку отваливает в сторону. О поминках и думать страшно. Сидя в петляющей по серпантину машине, он слушает бетховенскую сонату Hammerklavier. Эйба нет дома — точнее говоря, у них никого нет дома. Джим едет на смотровую площадку пика Сантьяго, восточной из двух вершин Седельной горы; западная, пик Моджеска, на несколько футов ниже. Он оставляет машину, подходит к ограждающему площадку каменному парапету, смотрит на округ Ориндж.

Вот он, родной его ОкО. Днем это — затянутая дымкой путаница зданий и виадуков, невнятная, без какой-либо видимой структуры. Трудно различить даже верхний уровень «Треугольника», доминирующего сооружения центральной равнины. Впечатление такое, словно приехали сюда, на эту самую вершину, тысячи автомобилей-бетономешалок и затопили равнину потоком своей серой, холодной лавы. Последний город западной цивилизации.

Джим вспоминает вид, открывающийся с той, в Итаносе, вершины холма.

Мысли куда-то разбегаются, он никак не может их собрать. В нем что-то ощутимо меняется: старые, привычные каналы мышления рвутся и пропадают — но на их месте не возникают новые. В голове полный сумбур.

Совершенно подавленный, Джим едет вниз. Он чувствует, что обязан найти Эйба, и решает посмотреть у Сэнди. Эйба здесь нет, да и Сэнди — тоже. Анджела уже слышала про смерть Лилиан. Она выходит с Джимом на балкон, начинает оживленно обсуждать всякие посторонние предметы. Ее забота и беспокойство совершенно очевидны, и Джима захлестывает волна благодарности. Хорошая она все-таки девушка, настоящий друг, почти сестра — сестра, которой у него нет и не было.

Потом Анджела мрачнеет, начинает зачем-то изучать свои ладони.

— Все как-то не так, — вздыхает она. — Ты слышал, что Эрика ушла от Таша?

— Нет... как это?

— А вот так, взяла и ушла. И к нам больше не ходит. Решила, наверное, начать совершенно новую жизнь.

В голосе Анджелы нет ни обиды, ни досады, но звучит он печально. Они с Джимом сидят и смотрят друг на друга. Воздух заполнен монотонным, всеобволакивающим гулом трассы.

— Неожиданного тут мало, — говорит Анджела. — Эрике было плохо, ей все не нравилось, и уже давно.

— Знаю... Я вот только думаю, а как все это воспринял Таш?

— Да разве по нему скажешь? Понятно, что расстроен, иначе и быть не может, но только он же никогда и ни с кем не делится.

А вот с Джимом — делится, во всяком случае — иногда.

— Нужно мне его повидать. Господи, да что же это все...

— Вот и я говорю.

Звонок в дверь; зеленые насаждения Анджелы расступаются, и на балкон выходит Вирджиния Новелло.

— Привет, Джим. — Она быстро клюет его в щеку. — Я уже слышала, что случилось. Жалко девочку.

Джим тронут, чуть не до слез. Вот в такие-то моменты и видишь, какие же все вокруг хорошие, отзывчивые.

Вирджиния сейчас очень красивая, белое золото волос сверкает в мягком вечернем свете с почти ослепительной яркостью. И это тоже часть структуры, и Джим отчетливо различает эту структуру. Все они — друзья, части живой, активно функционирующей общины. Еще один островок в бетонном океане...

— Давай я приглашу тебя пообедать, — предлагает Вирджиния; Джим благодарно соглашается. Анджела провожает их до двери, они садятся в его машину и едут в Ньюпорт-Бич — Вирджинии захотелось посидеть в «Голодном крабе».

Джим не видел Вирджинию довольно продолжительное время, так что им есть о чем поговорить; по мере поглощения двух бутылок вина и роскошного обеда из крабов настроение за столом становится все более и более приподнятым. Джим описывает самые веселые эпизоды европейского турне, ему ясно, что ссоры и склоки уже позади, что они с Вирджинией переросли все эти глупости, их отношения вступили в новую, более зрелую стадию. Он глядит на хохочущую Вирджинию, это зрелище опьяняет сильнее, пожалуй, чем вино: волосы, сверкающие, как усыпанная алмазами

корона, глубокий, ровный загар, короткий, лукаво вздернутый носик, россыпь веснушек, широкая жемчужная улыбка — ну просто идеал, настоящий идеал. Одним словом, под конец пиршества Джим вдребезги пьян — и от вина и, еще больше, от манящей близости этого красивого животного. Прохладный вечерний воздух пропитан соленым запахом моря, Джим с Вирджинией тесно жмутся друг к другу, держатся за руки, от души хохочут над обгоревшими на пляже, нелепо таращущимися по сторонам туристами.

И вдруг Джим замечает в идущей навстречу группе студентов Хану; ошибиться невозможно — чуть ссутуленные плечи, низко опущенное лицо... В нескольких шагах от Джима Хана на мгновение поднимает голову, окидывает его взглядом, проходит мимо. Через несколько секунд она вместе со своими товарищами скрывается в дверях того же злополучного «Краба».

Джим реагирует на неожиданную встречу гораздо экспансивнее — он резко останавливается, выдергивает у Вирджинии свою руку и поворачивается вслед Хане.

— Ты что, Джимми, — сардоническая улыбка на губах Вирджинии, — стесняешься моего общества?

— Да нет, что ты.

— Будто я не вижу.

Джим не знает, что и сказать, он не может сконцентрировать свои мысли на Вирджинии, ему, правду говоря, безразлично, что там она думает и чувствует. Ему хочется одного — бегом бежать обратно и попытаться что-нибудь объяснить Хане. Все как в кошмаре — ведь давно вроде разобрался с тем неудачным союзом, поставил на нем крест, и надо же — снова попался на удочку, снова вляпался. Вот увижу я завтра Хану — и как смотреть ей в глаза? Ну как могло такое случиться?

Могло не могло, а случилось, и теперь, ко всем прочим радостям, нужно выяснять отношения с разъяренной Вирджинией Новелло. А плюнуть на Вирджинию, догнать Хану, упасть перед ней на колени, да еще в присутствии целой кучи народа, это уже немножко слишком, Джим просто не представляет себя, разыгрывающим подобную мелодраму.

Так что остается только одно — покорно принимать на себя все громы и молнии этой фурии.

— А ведь это даже попросту невежливо, хоть это-то ты понимаешь?

— Кончай, Вирджиния. Не нужно устраивать сцен.

Ну до чего же легко и быстро все возвращается в прежнюю, сто раз обрыдлую колею. Это все ты виноват. Ничего подобного. Совершенно ясно, что во всем виноват ты. Взаимное перепиливание, туда-сюда, туда-сюда. Ты плохой. Нет, я не плохой, а хороший. Нет, ты плохой. Эту общую схему можно воплотить в слова уймой различных способов — чем и занимаются Джим и Вирджиния по пути домой; краткий момент дружбы и взаимопонимания забыт вчистую, словно его и вовсе не было.

Джим подъезжает к Саут-Кост Пласа, останавливает машину, и тут наступает обычная для этих разговоров кульминация, она же, по совместительству, развязка:

— Я видеть тебя больше не хочу! — орет Вирджиния.

— Вот и слава Богу, — орет в ответ Джим. — И я тебя тоже!

После чего Вирджиния изо всех сил хлопает ни в чем не повинной дверцей машины и убегает.

Оставшись в одиночестве, Джим глубоко вздохнул и уткнулся лбом в приборную доску. И застыл в этой скорбной позе. И одну обидел, и другую обидел... Ну что же это за жизнь такая!

Главное — Хана. Нужно что-то сделать, иначе... иначе не знаю что. Эйб. Но Эйба нигде нет. Таш! Господи, и ведь везде, везде какие-то истории, словно на маленький наш островок накатывает, грозя его затопить, волна. Все разваливается, рушится!

Джим включает двигатель и едет по Бристольской искать Таша.

Глава 62

У Таша в поднебесье темно и тихо. Освещенная горящей внутри лампой, тускло флуоресцирует стенка палатки. Таш сидит на другом конце крыши, рядом с хибачи; красноватое мерцание углей четко вырисовывает его громоздкую фигуру. Воздух наполнен сладковатым запахом терияки*.

— Привет, Таш. — Джим находит рядом с палаткой складной стул, садится к огню.

Таши наклоняется, переворачивает на сковородке нечто вроде котлеты; дымная вспышка капнувшего на угли жира

* Пряный соевый соус, употребляемый при поджаривании мяса и рыбы.

ярко высвечивает его лицо. С обычной своей невозмутимостью Таши берет бутылку с водой, брызгает на плиту, и пламя оседает. Во вновь наступившей темноте он выдавливает на котлеты очередную порцию самодельного терияки; раздается шипение, пряный аромат становится еще сильнее.

— Я слышал про Эрику.

— Хм-м.

— Она что, взяла так просто и ушла?

— Ну, тут все немножко сложнее. Но в общем-то — да.

Таши снова наклоняется, подцепляет деревянной лопаткой одну из котлет, критически ее изучает, а затем вкладывает в заранее приготовленный сэндвич. Откусывает.

— Ни хрена себе, — негодует Джим. — Так вот, значит, взяла и ушла?

— У-гу.

— Невероятно! — (Разве можно уйти от такого человека, как Таш?) — Вот же дура какая! Это надо же — сморозить такую глупость!

— А вот Эрика не считает свой поступок глупостью, — замечает Таши, проглотив очередной кусок.

Джим раздраженно прищелкивает языком, у него просто нет слов. Уж больно спокойно и равнодушно относится ко всему этому Таш, можно даже подумать, что он всесторонне изучил проблему и согласился с мнением Эрики.

Таши доедает сэндвич, вытирает губы.

— А теперь — самое время залить глаза.

Они извлекают целый пузырек «Калифорнийского зноя» и начинают передавать его друг другу, туда-сюда, туда-сюда... Через несколько минут по лицу Джима катятся слезы, под веками его уже не роговица, а словно вздувшиеся стеклянные шары; со стороны океана на материк наплывают бело-оранжевые облака, ярко подсвеченные городскими огнями. Негодование Джима стихает. Нет, оно все еще здесь, но стало таким же маленьким, приглушенным, как жар тлеющих в хибачи углей. Скорбное ощущение чужого предательства, скорбное сочувствие преданному. Такова жизнь. Люди предают тебя, предают твоих друзей. Джим вспоминает, как кричала на него Дебби Риггс, вспоминает выражение ее лица. Сколько людей предал он сам, ведь их куда больше, чем тех, которые предали его. Негодование Джима стихает еще больше, почти исчезает. Он начинает относиться к Эрике примерно так же, как к самому себе...

— Звонила Анджела, — говорит Таши. — Ты что, пообедал с Вирджинией?

— Да, к сожалению.

Таши негромко смеется:

— Ну и как она?

— Насколько я понимаю, в данный момент она преисполнена справедливым негодованием.

— Это ведь для нее — высший кайф, да?

Джим хохочет. А что, можно и так. Будем измываться над бывшими союзницами — Таш над Вирджинией, а я — над Эрикой, вот и оттянемся, подбодрим друг друга. «Зной» пробирает его все сильнее, и вдруг становится понятно, какая глупая это была мысль. Накатывает огромное, как океан, спокойствие, и Джим почти лишается дара речи.

— Да-а.

— Это точно.

— Сурово.

— Полный отпад.

Таш и Джим тихо, беззлобно хихикают.

— И что ж ты будешь делать? — интересуется Джим после бесконечно долгого созерцания облаков.

— Да кто ж его знает. — Еще одна долгая пауза. — Только вряд ли я и дальше буду так жить. Слишком много работы. Думаю уехать.

И тут Джим различает в голосе Таша боль, понимает, что эта стоическая маска — только маска и ничего больше. Таш страдает, да и как же иначе. Эмоции с трудом пробиваются сквозь густой туман «Зной», и сейчас Джиму очень обидно за свою наркотическую притупленность. Его охватывает ошеломляющее чувство собственной беспомощности. Он ничем, ровно ничем не может помочь Ташу.

— А куда?

— Не знаю. Куда-нибудь подальше.

— Да-а.

Они сидят и молча созерцают оранжевые облака, наплывающие на город.

Глава 63

Домой Джим возвращается глубокой ночью, он в такой депрессии, как никогда, наверное, прежде. Музыку даже и пробовать бессмысленно. Под неумолчное гудение трассы

он набирает свой адрес и тут же бессильно обвисает на сиденье. Даже в такое время город горит заревом огней, над базой морской пехоты летающими блюдцами зависла кучка вертолетов, с ревом заходят на посадку реактивные лайнеры, вознесенные в небо трассы забиты чуть не до предела...

В который уже раз собственная квартира кажется ему жалкой и бессмысленной. Грязный чулан под трассой, захламленный плодами тщетных потуг отразить реальность на бумаге и пластике — скорее даже не отразить, а отгородиться от нее. Что, кстати, наводит на мысль. Джим вытаскивает стопку видеокассет. Записи постельных развлечений с Вирджинией, по большей части — старые, тех времен, когда все еще только начиналось. Его охватывает неудержимое, какое-то извращенное желание просмотреть одну из пленок. Вирджиния раздевается, буднично и непринужденно, а затем стоит перед высоким трельяжем, расчесывает волосы, смотрит на свое бесконечно размноженное в зеркалах изображение...

— Нет! — Джима захлестывает отвращение к самому себе. Если уж сейчас, через несколько часов после грандиозного скандала, он смотрит на нее такими глазами, что же будет через неделю, через месяц? Он же впадет в рабскую зависимость от видеокартинки, подобно бесчисленным тысячам других американских особей мужского пола.

— Все, конец этому! — кричит Джим экрану и раздражается идиотским, торжествующим смехом. А потом берет с книжного стеллажа пипетку и заливается «Звонком» до полного потемнения в глазах. И нет больше никакой похоти, зато всю его нервную систему охватил ровный, непрерывный звон. Это — нечто вроде гудения телефонных проводов или магнитных дорожек трассы, своеобразное опьянение нервов, от которого Джиму хочется напиться самым обыкновенным, тривиальным образом. Он идет к холодильнику, вскрывает и опустошает одну банку пива, затем другую.

И снова к видеокассетам. «Моя жизнь, — поясняет он стенкам комнаты, — чуть не на сто процентов состоит из символических жестов. Так уж получается».

Кассет этих девять, на каждой из них надпись: **МЫ В ПОСТЕЛИ**. Иногда — почерком Вирджинии, иногда — его собственным. Может, оставить одну? Нет, нет и нет. Джим кидает их в сумку и выходит на улицу.

Ночь очень теплая. Закрывающая небо трасса гудит почти точно в тон возбужденным нервам. Джим видит проносящиеся в быстром ряду машины; отсюда, сбоку, кажется, что у каждой из них всего одна фара. Ближайшая бетонная опора вырастает из тротуара сразу за третьим домом. Железная служебная лесенка начинается на высоте десяти футов, но соседские детишки нарастили ее другой, веревочной. Джим отчетливо ощущает и звон во всем теле, и свою нетрезвость, однако упрямо вскидывает сумку на плечо и карабкается вверх. Теперь его голова точно на уровне дорожного полотна; прерывистое, будто пунктиром, гудение проскакивающих мимо машин, мелькание фар, вж-жик, вж-жик, вж-жик, вж-жик... Странно как-то, что вот эти маленькие штуки, свисающие между передними колесами, почти, но не совсем, касающиеся сверкающего металла дорожки, что именно они не дают машинам впиливаться друг в друга. Или в ограждение, вот тут, рядом с головой Джима, чтобы обрушиться потом на толпящиеся внизу дома. А что он, собственно, такое, этот самый магнетизм? В мыслях Джима порядочная сумятица, он трясет головой. Не отвлекаясь от поставленной задачи. Значит, так, левой рукой обовьем верхнюю ступеньку, перекинем сумку вперед, расстегнем на ней молнию. Джим извлекает одну из кассет. Все машины ряда едут примерно по одному и тому же пути, в нескольких футах слева и справа от магнитной дорожки на белом бетоне покрытия ярко выделяются следы от колес — две черных полосы шириной по паре футов каждая. Одна из этих полос совсем рядом.

Джим пускает кассету по бетону, та скользит и останавливается прямо на черной полосе. Первый же проезжающий автомобиль разносит ее в мелкий дребезг.

— Во! Отличный бросок! — поздравляет себя Джим после каждой очередной кассеты, скользящей под колеса машин и мгновенно превращающейся в осколки пластика и обрывки пленки.

Однако последнюю он толкает слишком сильно, она проскакивает колею и останавливается неподалеку от управляющей дорожки. Без секунды раздумия Джим вылезает на трассу, для чего ему приходится зацепить сумку за верхний брус ограждения и подтянуться. Оп! Выждав одну из крайне редких пауз движения, он выбегает на проезжую часть, хватая кассету, спотыкается и чуть не падает, аккуратно возлагает

свою жертву на самую середину черной полосы и бросается назад, к лестнице.

Очередная машина разносит кассету в хлам.

Джим спускается, опасливо и неловко. Коснувшись наконец ногами твердой, надежной земли, он с шумом переводит дыхание.

— А может, и стоило оставить хоть одну? — Он смеется. — Не, голуба, теперь уж обратной дороги нет. Ты свободен, нравится тебе это или не нравится.

В небе плывут длинные, перепутанные обрывки пленки.

Глава 64

Едва успел Джим вернуться в свою квартиру — столь же кошмарную, как и прежде, до изгнания образа Вирджинии, — как в дверь постучали; он нехотя поплелся открывать.

— Эйб! Чего ты так поздно?

Эйб косовато улыбается.

Идиотский вопрос. Вид у Эйба измотанный, и в то же самое время какой-то вызывающий; ему нужно общество, догадывается Джим. И помощь. Ситуация, прямо скажем, невероятная. Эйб бывал в этой квартире всего раз или два, и только затем, чтобы захватить Джима по пути на какое-либо сборище. Учítывая, какой дом у него, а какой у Джима, есть самый прямой смысл поехать на Седелную и ловить кайф там, на крыше ОкО — если, конечно, Эйб намеревается ловить кайф.

— Я заехал к тебе, — хрипловато говорит Эйб, — чтобы набраться в дупель.

И коротко смеется.

— А что, Сэнди нет дома?

— Вот именно. — Снова короткий смех, однако взгляд Эйба говорит Джиму, что тут совсем не все так просто. Эйб делает шаг через порог, осматривается. И неожиданно Джим видит свой хламник глазами товарища.

— Пошли посидим на улице, — говорит он. — Меня тошнит от этого места.

Они сидят на бордюрном камне, перекинув ноги через канаву, рядом с торчащим из стены пожарным гидрантом, смотрят на повисшую в воздухе трассу, на крыши машин, мчащихся в быстром ряду, на лучи фар. Двое парней, усевшихся на бордюрный камень.

Эйб вытаскивает грандиозный косяк (кроме Сэнди, таких никто не крутит), запаливает. Они с Джимом передают косяк друг другу, выпускают на безлюдную улицу огромные клубы дыма. Появляется какая-то машина, она проезжает точно через один из этих клубов, раздирает его в клочья.

— Не передавай так быстро, — говорит Эйб. — Затягивайся по два раза. Ты что, косяк курить не умеешь?

— Нет.

Они снова молчат. Не о чем говорить? Да нет, не то. Джим догадывается, что именно ценят в нем друзья, особенно — в такие моменты. Охотность, с которой он начинает разговор о самых важных, наболевших вещах.

— Так, значит, — говорит он, прокашлявшись после глубокой затяжки, — это вас вызывали на ту аварию, когда разбилась Лилиан, да?

— Да.

— Тебя и Ксавьера?

— Да.

Долгая пауза.

— А как он там?

— Не знаю, — пожимает плечами Эйб. — Как всегда. Разваливается на куски, но кое-как держится. Перманентное его состояние.

— Трудно, наверное.

— Какое там трудно, невозможно. Я бы так не смог.

Эйб начинает ерзать и в конце концов устраивается в любимой своей «туземной» позе — на корточках, упершись подмышками в колени. Даже посидеть не может спокойно, не растрачивая нервной энергии.

— Как ты думаешь, сильно я изменился за последний год?

— Все меняются.

Эйб окидывает Джима взглядом, смеется:

— Что, даже ты?

— Возможно. — Джим думает о последнем месяце. — Возможно, и меняюсь наконец-то.

— Да, пожалуй, — соглашается Эйб. — Понимаешь, я тут думаю... то есть последний год я становлюсь совсем таким же, как Ксав. И начинаю сомневаться — выдержу ли я так дальше. Ведь знаешь...

Эйб наклонил голову и смотрит прямо вниз, на дно канала; голос его звучит все напряженнее.

— Раз, когда Ксав был совсем уже на краю срыва, он сказал мне, что самое для него невозможное — те аварии, где среди пострадавших есть дети. А дело в том, что один раз он посмотрел на заднее сиденье и видит там тело, и удивляется про себя — чего это, спрашивается, чернокожий мальчишка катается в компании белых, и тогда он переворачивает мальчика и смотрит ему в лицо, и видит, что это его собственный сын. Ну, он на секунду отключился, едва не упал, а когда пришел в себя, оказалось, что это — какой-то совсем незнакомый ему ребенок, да к тому же белый.

— Господи...

— Да-да, конечно. Теперь ты понимаешь, почему я так волнуюсь за Ксава. А я... а я... — Эйб упорно не поднимает глаз. — Когда я увидел, что это — Лилиан, я попятился и вдруг вспомнил эту историю с Ксавом, и решил, что я схожу с ума, что это совсем не она, а у меня начались галлюцинации. А потом, когда я убедился, что это — Лилиан, точно убедился... я почувствовал облегчение.

— Я тебя понимаю.

— Да ни хрена ты не понимаешь.

Эйб вскакивает и начинает нервно ходить по мостовой: несколько шагов в одну сторону, затем, словно наткнувшись на невидимую стенку, поворот, несколько шагов назад... Он смотрит на свою руку, замечает давно забытый косяк и сует его Джиму.

— Начитался книжек и вообразил, что все тебе понятно. Но ведь сам-то ты, лично, ни с чем таким в жизни не сталкивался, откуда же тебе что-нибудь знать и понимать?

— Возможно, и так, — миролюбиво пожимает плечами Джим.

Эйб морщится и трясет головой:

— Да нет, чушь я какую-то несусь. Тут каждый все прекрасно поймет, если у него хоть чуть-чуть глаза открыты. Но, по-моему, лучше уж быть мертвым, как Лилиан Кейлбахер, чем сойти с ума хотя бы на одну минуту.

— Это ты тогда решил, в тот самый момент. Естественная реакция после такого потрясения. При подобных обстоятельствах голова вообще отказывается думать.

— М-м-м. — Объяснение не кажется Эйбу особенно удовлетворительным, однако он снова присаживается на корточки, берет косяк.

— Тут почти каждый впал бы в истерику либо хлопнулся в обморок.

Эйб отрицательно качает головой, глубоко затягивается.

— Нет, не думаю.

— Во всяком случае, очень немногие решились бы поехать к ней домой, чтобы рассказать родителям.

— М-м-м.

Некоторое время они курят молча.

Джим глубоко вздыхает; он давно привык воспринимать дом Бернардов на Седельной горе как некий байронический приют, самым уже возвышенным своим — по меркам ОКО — положением располагающий к возвышенным же мыслям, однако похоже, что огромная нервная энергия Эйба способна переносить эту атмосферу куда угодно... Полутрущобная улочка смотрится сейчас как картина Эдварда Хоппера*, все окружающее приобрело почти геральдическую значительность — и тесно прижавшиеся друг к другу дома, и крошечные газоны, и пустынные, залитые оранжевым светом натриевых фонарей тротуары, и гигантские опоры повисшей в бело-оранжевом небе трассы — все это кажется внешними проявлениями, символами глубокого мрачного раздумия.

Эйб долго смотрит на зажатый в пальцах косяк, а затем начинает говорить, негромко и словно обращаясь не к Джиму, а к своему косяку.

— Дошло до того, что каждый раз, когда я слышу этот, — он коротко вскидывает глаза к трассе, — звук, или... или, когда вижу поток машин, у меня в ушах появляется скрежет испаряемого металла, иногда я даже слышу стон какого-нибудь невезучего сукина сына — и все это в гудении трассы!

Он судорожно сминает окурок, смотрит на него с недоумением, отдает Джиму.

— А хвостовые огни впереди идущих машин — они словно кровь на открытой, высунувшейся из раны кости, красное на белом... ну, белое — это фары встречных, они же такие яркие... И я ведь правда вижу все это.

Эйб говорит все тише и тише, Джим уже едва разбирает слова.

— Машины, они так страшно корежатся, а еще страшнее, как они рвут и калечат людей, и кровь, ее же в теле так много. А лица, они всегда такие... ну, как лицо Лилиан, оно у нее было...

По телу Эйба волнами пробегает дрожь, лицо мучительно искажено. Он резко поднимается.

* Э. Хоппер (1882—1967) — американский график и художник.

— Такая уж у тебя работа, — осторожно трогает его за плечо вскочивший следом Джим. — Трудная работа, но добрая. Я хотел сказать — она ведь всем нужна. Эта работа — то, что ты хочешь делать...

— Хочешь?! Я не хочу такой работы! Господи, да ты что, не слышал, о чем я тут распинался? — Эйб отскакивает от Джима и снова начинает расхаживать, как зверь, попавший в клетку. — Ты можешь послушать меня повнимательнее? — он почти срывается на крик. — Эта работа сводит меня с ума! Я больше не могу!

— Ошибаешься, Эйб, ты можешь...

— Да ты-то откуда знаешь? Не могу я, понимаешь, ты, не могу! А чтобы каждый самоуверенный мудила рассказывал мне, чего я могу и чего не могу...

Эйб широко размахивается, первый удар приходится на поднятую ладонь Джима, второй — в грудь; совершенно ошеломленный Джим обхватывает его поперек корпуса.

Эйб замирает, судорожно подергивается, вырывается из рук товарища, делает несколько быстрых шагов в сторону, но затем поворачивается, мгновение стоит в нерешительности и садится на бровку тротуара. Он опускает лицо к самым коленям, закрывает его руками и начинает раскачиваться вперед-назад, вперед-назад.

У Джима перехватило в горле, смотреть на такую муку — страшно и невыносимо, он не знает, что же тут делать, не знает, что бы могло успокоить Эйба, что тому нужно. В этой беспомощной нерешительности он пребывает несколько минут, а затем идет и садится рядом с Эйбом, который почти уже не дрожит и раскачивается все медленнее и медленнее.

Между пальцами Джима все еще зажат почерневший от конопляного масла окурок, он вынимает зажигалку, закуривает. Первая затяжка вызывает у него приступ кашля. Эйб вроде успокоился, он уперся локтями в колени и смотрит куда-то вдаль. Джим передает ему окурок. Эйб затягивается, передает его обратно, все это — без единого слова. Затем он еще один, последний раз содрогается и замирает.

— Теперь-то ты понимаешь, о чем я говорю? — криво ухмыляется Эйб.

— Понимаю, — кивает Джим. И добавляет, к полной для себя самого неожиданности: — Псих ты, и больше никто.

Эйб коротко смеется и затягивается.

Приканчивают косяк они в полном молчании. А затем сидят и смотрят на с гулом проносящиеся в небе автомобили.

— Вот уж никогда бы не подумал, — вздыхает Эйб, — что будет так трудно.

Глава 65

Эйб ушел. Совершенно потрясенный, Джим возвращается домой и начинает метаться по квартире, не находя себе места. Ну и денек же...

Не на чем остановить глаз, нечем успокоиться. Наоборот, чем дольше Джим здесь находится, тем сильнее становится у него ощущение собственной жалкой беспомощности. Он не может придумать себе никакого занятия. Который же это час? Три ночи. Самое глухое время. Делать совершенно нечего. И сунуться некуда — те друзья, к которым можно было бы обратиться за поддержкой, сами нуждаются в помощи, — а сил на это нет никаких.

Уснуть не получится, можно и не пробовать. Какой уж сон при таких-то мыслях, страхах, воспоминаниях — да еще когда все это мешается с последствием нескольких наркотиков сразу. Прошедший день возвращается к Джиму пугающей путаницей образов, один хуже другого. Лицо Ханы, как оно изменилось при виде развеселой парочки, только что вывалившей из «Голодного краба». Нет, совсем не отчаяние, или там «затаенная мука», никакой такой мелодрамы с заламыванием рук — просто шок, изумление, и тут же взгляд ушел в сторону, словно напрочь вычеркивая Джима из сферы внимания. Из жизни Ханы. Ну надо же так вляпаться!

Джим оставляет всякие попытки взять себя в руки и набирает номер Ханы, не имея ни малейшего представления, что же он ей скажет. Первый гудок повергает его в панику, он готов уже бросить трубку, но только ведь Хана все равно прекрасно поймет, кто разбудил ее посреди ночи, а затем испугался предстоящего разговора; перед лицом такой перспективы Джим слушает гудок за гудком, гудок за гудком...

Никого нет дома.

Глава 66

Никого нет дома. Как же это вышло?

Первопричиной стали удаленные застройочные участки, трассы, автомобили. Когда живешь в новом пригороде, за

любой покупкой приходится ехать на машине. И как удобно, если есть возможность припарковаться один раз и за один же раз покончить со всеми своими магазинными делами!

Вот так и появились моллы. Сперва они были просто торговыми центрами. Большая асфальтированная автостоянка, окруженная с двух либо трех сторон магазинами; в ОКО были многие десятки таких заведений, как и в остальной Америке.

Затем моллы преобразовались в комплексы автостоянок с островками магазинов, примером может служить Фэшен-сквер, старейший из торговых центров округа. Их полюбили. Под Рождество народ валил в них валом. Фактически они выполняли ту же роль, что и деревни в сельской местности, это были места, где до всего, что тебе нужно, можно добраться на своих двоих — деревни, разбросанные в многослойной текстуре аутопии. Оставив машину около торгового центра, ты можешь вернуться к пешей жизни. Тело и спинной мозг встретили идею с восторгом.

Хозяева Саут-Кост Пласа чуть ли не первыми сделали следующий шаг, они достроили четвертую сторону прямоугольника магазинов, подвели его под крышу, а автостоянку разместили снаружи. И назвали получившееся «молл». Деревня с кондиционированным воздухом — лишенная, правда, постоянных обитателей.

Саут-Кост Пласа открылась в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году, она имела колоссальный успех, по какой причине семейство Сегерстром, наследники бобового — но далеко не шутовского — короля С. Дж. Сегерстрома, с энтузиазмом продолжили начатое. Они строили и строили на принадлежавшей им земле, пока не получился всем моллам молл, эквивалент нескольких пятидесятиэтажных зданий, но не вздымающийся в небо, а разбросанный на площади в несколько тысяч акров, и все это под одной крышей. Нечто вроде огромного космического корабля, приземлившегося на границе Санта-Аны с Коста-Месой.

Сегерстрымы заработали кучу денег.

СКП послужила образчиком, зародышем. То здесь то там, как грибы после дождя, из земли полезли другие моллы. Они разрастались, захватывали все большие пространства, в результате чего все большее количество покупателей могло проводить все свое время под крышей. Вестминстерский молл, Хантингтон-сентер, Фэшен-айленд, Ориндж-молл, Буэна-парк-сентер, Сити, Анахейм-Пласа, Бреа-молл, Лагуна-

Хиллз-молл, Ориндж-фэр-сендер, Серритос-сендер, Онар-Пласа, Ла-Абра-фэшен-сквер, Тастинский молл, Трабукский рынок, Мишн-молл, Каньон-сендер — к концу века все они уже были выстроены, процветали и продолжали разрастаться, присоединяя к себе соседние участки, пристраивая магазины, рестораны, банки, спортивные залы, модные лавки, парикмахерские, многоквартирные дома. Да-да, вот именно, теперь ты мог прямо в молле и жить. Многим это нравилось.

К две тысячи двадцатому году их количество снова удвоилось, теперь уже площадь, подведенная под крышу и снабженная кондиционированным воздухом, измерялась многими квадратными милями, и это — в одном округе Ориндж. Когда пустили под застройку Кливлендский лесной заповедник, нашлось место и для молла; Сильверато-молл уже от рождения мог площадью своих торговых залов поспорить с СКП, а в две тысячи двадцать седьмом он стал самым большим из всех моллов, как бы знаменуя этим тот факт, что сельская в прошлом местность догнала в развитии городские районы.

Моллы великолепно стыковались с новой, поднятой над землей системой дорог, зачастую съездная эстакада вела прямо в гараж молла, ты мог оставить там машину, а затем встать на эскалатор, проехать через лабиринт помещений молла и оказаться прямо в собственной квартире, или зайти в ресторан, или продолжить обход магазинов, и все это — ни разу даже и не приблизившись к затерянной где-то внизу, залитой бетоном земле. В молле ты мог сделать все, что тебе необходимо.

Ты мог провести всю свою жизнь под крышей.

И все это, конечно же, так и осталось.

Глава 67

Деннису Макферсону звонок из Вашингтона, округ Колумбия.

— Деннис? Это Луис Голдман. Хочу рассказать тебе последние новости насчет «Осы». Все выглядит очень обнадеживающе.

— Да?

— Мы тут работали по нескольким направлениям одновременно и на паре из них добились заметного успеха.

В частности, установили контакт с Элайшей Франсиско, помощником сенатора Джорджа Форрестера. Форрестер возглавляет Бюджетный комитет сената, состоит членом Комитета по вооруженным силам и — главное — уже четыре года ведет войну с ВВС. Естественно, его контора с радостью принимает все, что может пригодиться в этой войне; когда я обрисовал Франсиско нашу проблему, он просто в нее вцепился.

— А что они могут сделать? — Наученный горьким опытом Макферсон не спешит радоваться.

— Да все что угодно! В нашем случае Пентагон сумел унять ФСП, главную сторожевую собаку Конгресса, а Конгресс очень не любит такого с собой обращения. Сенатор Форрестер уже запросил исполнительный отдел Бюро оценки технологий о проведении независимого расследования. Что крайне интересно, так как БОТ — самая, пожалуй, недоступная внешнему нажиму организация во всем этом городе. Исполнительный отдел БОТ пользуется репутацией наиболее беспристрастной группы экспертов, какую только можно натравить на военных. Эти люди работают на членов Конгресса и абсолютно не зависят ни от кого больше, они гордятся тем, что дают совершенно непредубежденную оценку со всеми «за» и «против» по любому вопросу. Нервно-паралитический газ, биологическое оружие, психологическое оружие — по любому, абсолютно любому вопросу они составляют доклад, точно оценивающий техническую эффективность без всякой оглядки на чьи-либо интересы.

— Так, значит, вскоре появится доклад БОТ по нашему делу?

— Совершенно верно. А сенатор Форрестер не преминет шархануть этим докладом по ВВС.

— И он что, может добиться отмены судебного решения?

— Ну, один-то он, конечно, ничего не сделает. Для этого нет установленной процедуры. Идеальный вариант — если министр военно-воздушных сил уступит давлению Конгресса, но на это очень мало шансов, как бы ни старался Форрестер. Однако, если ЛСР подаст новый иск — если мы обжалуем дело в суде высшей инстанции, а одновременно устроим скандал в Конгрессе, — тогда новый судья практически наверняка отменит решение Тобайасона, и вы снова на коне.

— Ты думаешь?

— Более того, я уверен. Мы уже послали в ЛСР и «Арго/Блессман» письмо с предложением поручить нам составление апелляции, но я хотел сообщить об этом и тебе лично, чтобы ты сделал все необходимое на вашем конце.

— Да, конечно. Я займусь этим прямо сегодня. Так, значит... значит, ты считаешь, что у нас еще остались какие-то шансы?

— Не просто остались, а подавляющие шансы. Форрестер — один из самых влиятельных конгрессменов, а к тому же — очень приличный и честный человек. Вся эта история очень ему не понравилась, и уж он-то о ней не забудет ни в коем случае. Думаю, настал и наш черед.

— Потрясающе.

Сразу же после разговора Макферсон пишет Лемону докладную записку с изложением полученной от Голдмана информации и советом немедленно подавать апелляцию.

Он чувствует новый прилив надежды; кажется, система все-таки сработает. Это хитросплетение интересов, областей влияния, взаимноуравновешивающихся сил похоже на липкую, удушающую паутину, оно слишком уж сложно организовано, но в конечном итоге власть распределена по всей системе, и ни одна ее часть не может обмануть другую, не нарушив при этом общего равновесия. А буде такое случится, сразу вмешиваются все остальные части системы, ведь если одна из них прибирает к рукам слишком много, это угрожает их собственной власти. Словно хоккейные защитники, они бросаются к опасному месту, и равновесие восстанавливается: Военно-воздушные силы попытались поставить себя выше системы, вне ее структуры — и вот теперь остальные части системы ухватят много возомнивших о себе вояк за форменные брюки и усадят на место. Все в лучшем американском стиле — спотыкаясь и запинаясь на каждом шагу, нерационально и неуклюже. Одним словом — глаза бы не смотрели. Но в конечном итоге — честно.

Заметно прибодрившись, Деннис посвящает остаток дня «Шаровой молнии». Здесь также заметен некоторый прогресс, вполне определенные признаки того, что есть шансы создать работоспособную систему, более того — создать ее в срок. Пришли программисты, они возбужденно тараторят насчет программы, которая сможет свести пучки нескольких лазеров на одной ракете, свести с таким малым разбросом по фазе, что мощность облучения резко возрастет и ударная волна, на которую надеялись вначале, и вправду

станет эффективной. Кроме того, они уверены, что сумеют надежно отслеживать ракеты и после фазы ускорения, сумеют достаточно точно экстраполировать их траектории. А если вспомнить, что фазирование пучков уменьшает необходимое время облучения... пожалуй, появляется возможность уничтожить указанный в техническом задании процент целей. Вполне реальная возможность. Правда, некоторые из ракет придется добивать на послеразгонном участке траектории.

Пришпоренный открывающимися перспективами, Макферсон то так, то сяк, то уговорами, то нажимом пытается подключить к работе Дэна Хьюстона; чтобы успеть к сроку, необходимо согласованное объединение усилий всей бригады, нечто вроде того самого фазирования лазерных пучков. А Хьюстон совершенно раскис. Он ни разу еще не касался в разговорах достопамятного вечера в «Эль-Торито», когда Деннис доволот его до машины, но становится все яснее, что этот вечер не был чем-то из ряда вон выходящим. Дэн пьет ежедневно и помногу, зато бреется в лучшем случае через день, костюм у него всегда мятый, словно корова жевала, и ему давно пора подстричься. Одним словом — хрестоматийный пример человека, от которого ушла жена и чья жизнь разваливается на куски. Иногда Денниса так и тянет рывкнуть на него: «Кончай дурака валять! Ты что, Дэн, разыгрываешь, что ли, из себя героя телевизионного сериала?»

Но потом он задумывается, а вдруг мука Хьюстона вполне реальна, вдруг он просто не знает других способов ее выразить, вдруг он не играет эту роль, а живет ее. А если и нет, то играет бессознательно, такое ведь вполне может случиться, если теряешь всякий интерес к жизни, всякую надежду и начинаешь вдобавок пить.

Отчаявшись что-нибудь придумать, Деннис приглашает бедолагу пообедать и выслушивает всю его печальную историю — прежде Дэн избегал откровенностей.

— Понимаешь, Мак, Дон переехала к своим мамочке с папочкой.

— Да не может быть! — после чего Деннис проводит бодрящую душевную беседу, рассказывает в бесконечных подробностях, какую именно работу должен проделать Хьюстон и почему эту работу должен проделать именно Хьюстон и никто другой, и даже решительно пресекает всякие попытки Хьюстона заказать второй кувшин маргариты — за что достаивается мрачного, почти ненавидящего взгляда.

— Ты уж пей, пожалуйста, после работы, — раздраженно бросает он, — если не можешь себя сдержать. — Тактика Стюарта Лемона? А хоть бы и так, времени осталось так мало, что сейчас не до нежностей.

И ведь вторую половину рабочего дня Хьюстон вкалывает как заведенный, впервые за многие недели. А ведь мы же, похоже, выкарабкаемся, думает Деннис, просматривая перед уходом домой список «Что Нужно Сделать», вот ей-же-ей, выкарабкаемся.

Глава 68

Все утро и половину дня Джим проспал. Он даже не пошел в спальню, а просто скрючился, не раздеваясь, на диванчике. Спал он беспокойно, поминутно просыпался не освеженный, а все более и более дохлый. Каждый раз, когда хватало сил принять вертикальное положение, Джим звонил Хане. Ни ответа, ни привета. И снова обрывок беспокойного, с кошмарами и метаниями забытья. И кошмары эти какие-то совсем уж запредельные, ситуации в них возникают до дикости непонятные и неразрешимые. Вот, скажем, в последнем сне Джим с друзьями попались в лапы русским и заточены ни много ни мало в Кремле. Джим пытается сбежать через пинболл-машину*, но не вовремя соскользнувшая стеклянная крышка отрубает ему голову. Приходится снова выбираться наружу, затем долго мучиться, разыскивая закатившуюся куда-то голову — и это без помощи глаз! — а разыскав, прилаживать ее на место. И двигаться потом с предельной осторожностью, чтобы приставленная, но не прикрепленная голова не свалилась. Ну кто бы поверил, что придется когда-нибудь разгуливать с отрубленной головой! Затем откуда-то появляется премьер-министр Керенс в окружении Дебби, Анджелы и Габриэлы; на нем военная форма, сплошь увешанная орденами, на девушках — одни купальные трусы.

— Так вот, — решительно заявляет премьер, протягивая им нечто вроде металлического протеза руки (Джим знает, что это — машинка для вырывания сердца из груди). — Выбирайте сами, кто будет первой.

* Игральный автомат, где шарик стучается о шпильки и застревает в лунках.

Просыпается Джим весь в поту, его желудок свело судорогой.

Около двух часов дня он снова звонит Хане, и та берет трубку.

— Алло?

— А? О! Хана! Это я, Джим. Я... я все пытался до тебя дозвониться.

— Пытался?

— Ну да, только тебя не было дома. Послушай, э-э, Хана...

— Джим, мне не хочется с тобой разговаривать. Во всяком случае — сейчас.

— Хана, послушай, мне очень жаль, что так получилось...

Но Хана уже не слушает.

— Вот черт! — Джим с яростью швыряет трубку. Ну, слава Богу, телефон вроде цел. Он снова набирает номер. Короткие гудки, сняла, наверное, трубку, чтобы нельзя было дозвониться. До чего же все глупо. Ну что же это за жизнь собачья!

Он хочет бежать к Хане, умолять о прощении. Затем его охватывает ярость — ведь это же просто нечестно, теперь он хочет, чтобы Хана умоляла его о прощении, каялась в своей опрометчивости. Разве я не могу пообедать в компании своей знакомой! После похорон другой знакомой. Однако Джим чувствует, что это, мягко говоря, не вся правда. Он хватает с полки здоровенную мексиканскую поваренную книгу, швыряет ее на пол, изо всех сил пинает. Какая ни на есть, а разрядка.

Часом позже, заведясь уже до предела, Джим звонит Артуру.

— Артур, у тебя там ничего не намечается?

— Заходи, поговорим.

Джим мчится в Фаунтин-Вэлли. Раскрасневшийся, необычно взволнованный Артур крепко берет его за руку, пристально смотрит в лицо, криво улыбается:

— Ну что ж, Джим, нам предстоит еще одна операция, несколько особого рода. На этот раз мишенью будет «Лагуна спейс рисерч». — В его глазах читается вполне понятный вопрос.

— А как же, — недоумевает Джим, — ночные сторожа? Ведь было же объявлено.

— Их убрали из корпусов и разместили по периметру.

— Почему? — совсем уже теряется Джим.

— Точно не знаю, — пожимает плечами Артур. — При падении на один из заводов Кремниевой долины* погибла случайно оказавшаяся внутри уборщица. Операция не наша, но ЛСР об этом не известно. Поэтому они перешли на усиление автоматических охранных систем и патрулирование по периметру. На этот раз опасность будет побольше. Они перепуганы и настороже. Собственно... вообще-то я не собирался тебя привлекать, ведь это — ЛСР.

— Спасибо, — кивает Джим. — Но ведь мы боремся с системами антиракетной защиты, я не ошибаюсь?

— Правильно. А ЛСР разрабатывает «Шаровую молнию» — основную систему перехвата на разгонном участке траектории. Результаты успешной операции могут оказаться совершенно сокрушительными.

Артур горит лихорадочным возбуждением, он еще крепче, до боли стискивает локоть Джиму.

— Я тоже хочу участвовать.

Джиму необходимо действовать, пассивность сводит его с ума. А что еще, спрашивается, может он сделать?

— Мой отец занят другой программой, так что эта операция ничуть его не затронет. А главное — ведь это нужно сделать. Это нужно сделать, если мы хотим, чтобы все изменилось.

— Молодец, — кивает Артур, глядя Джиму в глаза. — Должен признаться, на пару с тобой будет легче.

Джим осторожно высвобождает руку из хватки Артура; тот опускает глаза, смотрит на свою ладонь с некоторым недоумением.

— Вообще-то, — признается он, — сейчас я немного не в себе. Дозу, наверное, перебрал. Понимаешь, это будет завтра. Завтра, и я считал, что пойду в одиночку.

— Все как и раньше?

— Да, все точно так же. Трудностей быть не должно, если мы не станем подходить слишком близко и будем пользоваться укрытиями...

Джим слушает вполуха, его отвлекает собственная злость. Неожиданным образом перспектива завтрашней операции не ослабила, а скорее обострила его напряжение; желудок свело, и так отчаянно, что хочется согнуться пополам.

* Место в Калифорнии, где сосредоточены многочисленные предприятия микроэлектронной промышленности.

«Лагуна спейс рисерч»... Ну и что? Чем эта компания лучше всех остальных? Ведь нужно же что-то делать!

Пришло время настоящих поступков.

Глава 69

Сэнди узнал о предстоящей атаке на ЛСР приблизительно тогда же, когда и Джим, но не от Артура, а от Боба Томпкинса.

— Привет, Сэнди. Хорошая новость. Реймонд поможет нам в розысках пропавшего бельишка. Завтра, около полуночи, нашему ангелу-хранителю предстоит небольшая неприятность. Ну, знаешь, в духе этих участвовавших последнее время несчастных случаев.

— Очередное артуровское геройство? — без всяких околичностей спрашивает Сэнди.

Короткая пауза.

— Да, но не будем сейчас об этом. А главное в том, что в момент несчастного случая у ангела-хранителя будет забот полон рот, и произойдет все это в месте, максимально удаленном от нашей небольшой гидрологической заморочки; скорее всего интересующая нас местность временно останется без наблюдения. Если ты будешь рядом и наготове, появится возможность получить бельишко, которое в тот раз пришлось оставить на хранение.

— Даже, Боб, и не знаю, — нахмурился Сэнди. — Что-то не нравится мне эта история.

— Мы крайне нуждаемся в этом бельишке. А ты, Сэнди, найдешь его легче, чем кто-либо другой — ведь ты сам его и засовывал.

— И все равно мне это не нравится.

— Да брось ты, Сэнди. И ты заметь, мы же просим тебя по-хорошему. Мы предоставляем тебе отличную возможность выпутаться из этой истории. Да к тому же и с наваром. Небольшая ночная прогулка по морю, подойдешь к этому самому своему пляжу, заберешь вещички и вернешься, всего-то и делов. Завтрашней ночью бояться будет ровно нечего, все пройдет отлично.

Сэнди слышит почти нескрываемую угрозу, а к тому же предложение Боба вроде бы и вправду дает третий, удачный выход из положения. Прежде их было всего два, оба — крайне неприятные: либо огромный долг, либо полный раз-

рыв отношений с целой группой друзей (и это в лучшем случае). А тут все вроде бы должно получиться.

— Ладно, — неохотно соглашается он. — Сплаваю я туда. Но мне потребуется помощь. Мой напарник по прошлой прогулке вряд ли захочет ее повторить.

— Мы пришем тебе кого-нибудь с ключами от лодки, оставленной в Дана-Пойнт. А вообще-то я и сам могу с тобой сходить.

— Вот это бы хорошо. Так когда, говоришь, это будет?

— Завтра, в полночь.

— Понятно. А ты когда появишься?

— Я позвоню тебе завтра утром. А вечером кто-нибудь встретит тебя в Дана-Пойнт — или я, или еще кто из наших.

— Заметано.

— Ну вот, Сэнди, и отлично. До встречи.

Сэнди позвонил все-таки Ташу, однако тот, как и ожидалось, не желает иметь с этой историей ничего общего.

— Не делай глупостей, Сэнди. Плюнь на эти банки и никогда о них не вспоминай.

— Мне это не по карману.

Это, конечно, довод. Таша некоторое время молчит, думает, но затем все-таки отказывается.

Сэнди вешает трубку, смотрит на часы, вздыхает. Сегодняшняя программа состоит из двадцати деловых встреч, на шесть из них он уже опоздал. Чтобы высвободить время для спасательной операции, придется крутиться как белке в колесе и сегодня допоздна, и все завтрашнее утро. Расслабиться не удастся. Сэнди закапывает «Звонок» и «Восприятие структур», подходит к телефону и набирает номер.

Слушая звучащие в трубке гудки, он продолжает напряженно думать.

Что же мы теперь знаем? Джим работает на Артура, Артур работает на Реймонда, а Реймонд занят личной своей вендеттой — ну и, похоже, получает заодно некоторый доход. Приятное с полезным. Картинка складывается ясная.

Но только сейчас Сэнди попал в положение, когда от всех этих сведений нет ровно никакого толка. Он занимался своей детективной работой, чтобы сообщить Джиму вещи, которых тот не знает, помочь ему выбраться из сомнительной истории, уберечь его от неприятностей. Объяснить ему истинное положение вещей, чтобы Джим перестал считать

себя членом некоей идеалистической организации, которая борется с военно-промышленным комплексом, или что уж он там считает, — и бросил бы все это, пока дело не дошло до беды.

Но теперь ситуация изменилась. Теперь Сэнди остается одно: надеяться, что Джим выполнит задуманное.

— Ты уж, Джимбо, только не подведи...

Глава 70

В Нью-Йорке, откуда звонит Лемону Дональд Херефорд, вечер, гладь Гудзона залита косыми лучами солнца.

Высокое начальство сразу переходит к делу:

— Вы убрали с этого завода ночных охранников?

— Да, сразу же как вы уехали. Послушайте, группа, работающая по «Шаровой молнии», сообщает об очень серьезных успехах, я могу обрисовать вам вкратце...

Но Херефорд уже качает головой:

— Не надо. Вы, главное, поддерживайте там спокойную, стабильную обстановку, особенно — в ближайшие дни.

Лемон разочарованно кивает, уголки его рта обиженно подрагивают.

— Вы сумели выяснить?

— Да, — слегка хмурится Херефорд, — мы нашли виновника всех неприятностей. Он делает это за деньги.

— И кто ему платит? — Лемон и сам чувствует, что зашел слишком далеко.

— Давайте не будем пока обсуждать этот вопрос, — говорит Херефорд, глядя в окно. — Когда-нибудь потом я расскажу вам больше.

— Хорошо.

Никакого «потом» не будет, понимает Лемон, и ничего я не узнаю. Все это решается на неких высших, недоступных мне уровнях. Болезненный щелчок по самолюбию, но, с другой стороны, оно ведь и лучше. Пусть такими скользкими вопросами занимаются другие.

Херефорд готов уже распрощаться, но тут Лемон вспоминает:

— Да, подождите, пожалуйста, секунду. Наш юридический представитель в Вашингтоне хочет обжаловать судебное решение по «Осе», просит нашего согласия на подачу апелляции. — Он описывает положение вещей. — Похоже,

эта апелляция будет иметь вполне приличные шансы на успех.

Херефорд хмурится:

— Я подумаю и позвоню вам позже.

Экран потухает.

Глава 71

Назавтра, после весьма продуктивной первой половины рабочего дня и обеда с Дэном Хьюстоном — также прошедшего за обсуждением проблем «Шаровой молнии», — Деннис узнает от Рамоны, что шеф ждет его к себе для небольшого совещания. Макферсон ненавидит такие вот вызовы, когда бросай все и беги, но на этот раз он и сам хотел поговорить с Лемоном, а потому отправляется в административный корпус без обычного своего раздражения.

Лемон, как это у него принято, стоит у окна и созерцает океан. Сегодня в нем есть какая-то неловкость, даже потерянности. Не то чтобы это бросалось в глаза, но за последнее время Макферсон по необходимости стал экспертом в области еле заметных перемен непостоянного, как сердце красавицы, настроения своего начальника; садясь на согретый солнцем стул, он отчетливо ощущает в Лемоне нечто не совсем обычное, какое-то напряжение, выходящее за рамки всегдашней его маниакальной энергии.

Сперва разговор касается исключительно программы «Шаровая молния». Макферсону приходится выдержать настоящий допрос с пристрастием, даже офицеры из КВП были, пожалуй, менее въедливыми. Неслыханное дело, чтобы Лемон так подробно вникал в технические вопросы. Долго, наверное, готовился к этой беседе.

Но чего бы это, спрашивается, ради? Макферсон в полном недоумении.

— Короче говоря, — заключает наконец Лемон, — ваша великая идея фазированных решеток заводит нас далеко за пределы разгонного участка. Так что мы все равно не сможем выполнить условие технического задания — и это при том, что в первоначальном предложении, которое обеспечило нам получение программы, мы доказали, что можем выполнить эти условия, — во всяком случае, так считалось.

— Совершенно верно, — кивает Макферсон. — Это физически невозможно.

— Точнее говоря — невозможно для вас.

Макферсон пожимает плечами. Ему настолько обрыдло говорить с Лемоном, что нет ни сил, ни желания это скрывать.

— Тоже верно. Невозможно для меня. Я ведь не могу изменить законы физики. Не знаю, может, вы обладаете такими способностями. Но только если изменять физические законы посредством фальсифицированных экспериментов, это обязательно потом откликнется.

Глаза Лемона чуть сузились, очень опасный признак.

— Вы хотите сказать, что Хьюстон фальсифицировал результаты первоначальных испытаний?

— Зачем вы меня спрашиваете, ведь мы только что просмотрели все данные. Я лично знаю это с того самого момента, как подключился к разработкам. Я не знаю и знать не хочу, что там было в действительности. То ли кто-то состряпал весьма зрелищное испытание с вполне реальными, но не относящимися к делу результатами — жульничество, которым сами ВВС занимаются многие уже годы, — то ли какой-то идиот искренне решил, что испытания доказали работоспособность системы в реальных условиях, — чего из них совсем не следовало.

Лемон медленно кивает; как ни странно, создается впечатление, что ответ его удовлетворил. Он поворачивается к окну и долго молчит.

Макферсон никак не может понять — для чего, собственно, его сюда позвали? Чтобы окончательно убедиться, что «Шаровая молния» накрылась? Это не совсем так, ведь достаточно чуть-чуть расширить понятие «разгонный участок», чтобы система располагала большим временем. Но Лемона такой вариант совершенно не интересует, он, похоже, считает, что ВВС откажутся от системы в случае любого отклонения от заданных тактико-технических данных. Может, оно и так, но хотя бы попытку-то сделать надо, верно?

Он начинает рассказывать спине шефа про звонок Голдмана и апелляцию по «Осе».

— Я получил вашу докладную, — кивает Лемон.

— Нужно только одобрить подачу апелляции, и у нас снова появятся шансы. Очень приличные, судя по рассказу Голдмана.

Лемон отворачивается от окна, долго смотрит на Макферсона. Сейчас его лицо — бесстрастная маска.

— Херефорд решил иначе. Никаких апелляций.

— Что?

— Никаких апелляций.

Макферсон как громом поражен, и все же отчетливо видит, что на этот раз Лемон совсем не старается уколоть его побольнее, втереть соль в рану — шеф и сам выглядит убито, подавленно. Но все эти лемонологические наблюдения идут автоматически, чуть ли не в подсознании, а думает сейчас Деннис исключительно о невероятной, ошеломляющей новости. Он встает.

— Что это еще такое? Мы же работали над программой целый год, угрохали на нее миллионов, наверное, двадцать, и контракт почти у нас в руках!

— Знаю, Мак, — устало кивает Лемон. — Все я знаю. Ты садись, пожалуйста.

Он садится сам, на край стола. Макферсон остается стоять.

— Мы не можем позволить себе роскоши победить в этой драке.

— Что?

— Так считает Херефорд. Думаю, он прав, хотя мне лично все это не нравится. Ты слышал, Мак, такое выражение «пиррова победа»?

— Слышал.

— Мне начинает казаться, — тяжело вздыхает Лемон, — что в наши дни все победы — пирровы.

Затем он берет себя в руки, пристально смотрит на Макферсона:

— Дело обстоит следующим образом. Что будет, если мы победим — то есть вынудим военно-воздушные силы отменить результаты того конкурса и выиграем повторный? Мы, конечно же, получим контракт по «Осе», но одновременно поставим ВВС в самое дурацкое положение, на глазах у всей промышленности, у всей страны. И если мы такое сделаем, «Оса» будет последней нашей аэрокосмической программой. Военные нам этого не забудут, они сделают все от них зависящее, чтобы пустить нас по миру. Они и так держат нас за яйца в связи с неудачами «Шаровой молнии». Достаточно бы и этого, но ведь кроме того нам не выдать больше никаких черных и сверхчерных программ, нас не будут упреждать заранее о планируемых ЗНП, при сравнимой равноценности предложений выбор всегда будет падать не на нас, а на конкурентов, оценки НВС обязательно будут превышать нашу сметную стоимость. Господи, да они могут сделать с нами

буквально все, что пожелают! Ведь это — покупательский рынок! На космические оборонные системы есть только один покупатель — военно-воздушные силы Соединенных Штатов Америки. В их руках — абсолютная власть. — Лицо Лемона страдальчески морщится. — Ситуация отвратительная, но никуда от нее не денешься. Мы вынуждены вести себя сдержанно — отстаивать свои права, никогда не доводя дело до полной победы. И Херефорд, как это ни прискорбно, прав. Выиграть эту тяжбу — непозволительная для нас роскошь. Поэтому мы капитулируем и отказываемся от предложения юридической фирмы.

Макферсон практически не способен что-либо думать.

— А как же расследование в Конгрессе? — вспоминает он.

— Это уж они как хотят, но только без нас. Нам сейчас самое время завалиться на спину и подставить этим собакам незащищенную глотку.

Лемон встает, снова отходит к окну.

— Очень жаль, Мак, что все так получилось. И почему бы тебе не пойти сейчас домой? Отдохни хоть немного.

Странно, думает Макферсон, когда же это я успел встать? Он уже у самой двери, когда Лемон говорит, возможно — самому себе:

— Вот так и работает эта система.

Приемная. Коридор. Лифт. Во рту Макферсона противный вкус, словно после блевотины, хотя прямой, физической тошноты он и не испытывает. Его тело реагирует на поражение горечью в горле. Интересно, по-видимому, «горечь поражения», «горечь утраты» — совсем не метафоры, а прямая передача чувственного опыта. Макферсон снова в своем кабинете. Вся работа, проводившаяся здесь, проводившаяся точно, эффективно, такая на первый взгляд настоящая, оказалась фальшивкой, обманом. Ее вполне мог заменить какой-нибудь видеосценарий, результат был бы один и тот же. А если разобраться, думает он, то и вся конструкторская работа — нечто эфемерное. Реальна только борьба за власть неких личностей из Вашингтона, ожесточенные схватки, основанные на чьих-то прихотях, личных амбициях, зависти. И эти схватки лишают реальности весь остальной мир. Вот эти стены, они могли бы с тем же успехом быть картонными, компьютеры — пустыми пластиковыми коробками. Ведь все это — декорации, на которых разыгрываются нешуточные сражения главных звезд этой

видеопьесы. А он в этих сражениях — статист, его маленький эпизод уже снят, а затем сценарий переписали и эпизод этот выкинули. Выкинули всю его работу.

Макферсон идет домой.

Глава 72

Примерно в то же самое время, когда Денниса вызвали в кабинет Лемона, Люси позвонила Джиму.

— Так ты будешь у нас сегодня вечером, как обещал?

О Господи...

— Я что, говорил — сегодня?

— Я уже приготовила на троих. И ты говорил, что придешь, и мы не видели тебя чуть не месяц.

О-го-го. Знакомый тон; похоже, настроена решительно...

— Ладно, приду, — неохотно соглашается Джим.

— А ты ходил к дяде Тому? Тоже ведь обещал.

— Ой... Нет, мама. Совсем забыл.

Вот теперь она и вправду расстроена. Похоже, у родителей какие-то неприятности.

— Я не ходила на этой неделе из-за похорон, — голос Люси дрожит, почти срывается, — а ты не ходил на прошлой неделе, как обещал, и в результате почти три недели никто у него не был. Джим, а не мог бы ты съездить сегодня сперва туда, а потом — к нам, ты меня слышишь?

— Да-да, слышу! — Джиму совсем не хочется спорить с матерью, когда она в таком настроении, когда у нее такой голос. — Я еду, прямо сейчас. Прости, пожалуйста, что забыл.

— О таких вещах нельзя забывать.

— Понимаю я, понимаю. До вечера.

— Хорошо, приходи.

«Подыхай на здоровье» — одно из самых ненавистных для Джима мест, а в теперешнем его мрачном настроении — и подавно. Но никуда не денешься. Он со стуком захлопывает дверцу машины и идет в дежурную комнату дома для престарелых.

— Я к Тому Барнарду.

Записали и пропустили. В десятке шагов от комнаты дяди Тома Джима останавливает сестра:

— Вы пришли к Тому? — «И чего это она на меня так смотрит? Словно я украл что-нибудь». — Я очень рада, что хоть кто-нибудь к нему пришел. Последнее время Тому очень плохо.

— Как это?

И снова этот неприязненный взгляд.

— Ему трудно дышать, еще труднее, чем раньше. На прошлой неделе я уже думала, что он впадет в коматозное состояние.

— Коматозное? А почему тогда никто ничего не сообщил семье?

— Семью известили, — пожимает плечами сестра; ее взгляд ничуть не смягчается.

— Какого там черта — известили! Я — член семьи, а мне никто ничего не сообщал.

— Этим занимается дежурная по корпусу, — она снова пожимает плечами. — У вас ведь есть, вероятно, автоответчик?

— Да, есть. — Джим проходит мимо сестры, стучит в дверь Тома. Никакого ответа. Он мнет некоторое время в нерешительности, а затем входит.

Воздух спертый, застоявшийся. Да тут и здоровый человек задохнется. Простыни скомканы. Том лежит на спине, дышит он хрипло, с трудом. Кожа его приобрела мертвенно-серый оттенок, усыпанная веснушками лысина отсвечивает желтизной.

Голова остается неподвижной, но глаза медленно поворачиваются, упираются в Джима. Ни малейшего намека на узнавание; Джима охватывает холодный ужас, далеко превосходящий все переживания этой жуткой недели. Но затем Том моргает и слегка шевелится.

— А, Джим, привет. — Голос хриплый, с присвистом. — Подойди сюда. Помоги мне сесть.

— А нужно ли, дядя Том? Может, тебе лучше лежать?

Отчаянный, почти оглушительный страх — а вдруг Том перенапряжется и вот так, сейчас прямо и умрет.

— Помоги мне сесть. Я еще не Q, ни в коем случае, все улики свидетельствуют об обратном. — Том пробует приподняться самостоятельно, из этого ничего не выходит. — Пожалуйста, помоги мне.

У Джима перехватывает дыхание, но он все-таки помогает Тому; теперь плечи старика опираются на подушку, а голова касается стенки.

— Дай я подложу тебе подушку под голову.

— Не надо. Шея сильно перегнется. А мне нужно, чтобы проход для воздуха был пошире.

— А! Хорошо.

Они сидят и смотрят друг на друга.

— Прости, пожалуйста, что я так долго к тебе не приходил, — неуверенно начинает Джим. — Я... ну, я был очень занят. И мама тоже была занята. На той неделе была моя очередь, а я забыл. Ты прости, пожалуйста. Сестра говорит, что тебе было плохо.

— Простудился. И чуть не умер.

— Прости, пожалуйста.

— А ты-то тут в чем виноват? Очень глупо умирать от насморка. Я и не стал.

Том начинает смеяться, но смех превращается в приступ кашля, секунда — и ему уже не хватает воздуха; с бешено колотящимся сердцем Джим опускает его на кровать, поворачивает кран кислорода на максимум. Медленно, очень мучительно Том справляется со своим дыханием. Он смотрит прямо на Джима — и снова его не узнает.

— Это я, дядя Том. Я, Джим.

— Как дела, Джим?

— У меня все хорошо, дядя Том. Все прекрасно.

— Небольшие трудности с дыханием. Но теперь все в порядке. Сестра никогда не приходит на звонок. У меня был какой-то сон, и я махнул рукой. И вырвал из ноздри кислородную трубку. От боли проснулся, из носа течет кровь. И задыхаюсь — теперь ведь я задыхаюсь без кислорода. Можешь ты себе такое представить — воздух есть, а мне его не хватает. И я позвонил. Только никто не пришел. Я сумел как-то нащупать свою трубку. Взял ее в рот, потому что из носа текла кровь. Так и лежал. И все время звонил. Сестра пришла в семь, когда у них смена меняется. А ночная смена спала и ничего не слышала. Я и сам так делал, когда работал на бензоколонке. Часам к трем вся работа сделана, все спят. Город затихает, окутывается туманом, фонари сквозь него совсем красные, как стоп-сигналы. Под кассой стоял радиатор, тепло, я там и спал. Или ходил, подбирал с асфальта окурки.

— Дядя Том, когда же все это было?

— А когда я проснулся, опять эта комната. Как ты думаешь, может, меня посадили за что-то в тюрьму? Наверное. Слишком долго работал бесплатным адвокатом. Я видел слишком много тюрем. Все они похожи на это место. Люди жестоки, Джим. Ну как они могли такое сделать, как?

Том не может дальше говорить, он часто и с каким-то прихлупыванием втягивает воздух. Джим обеими руками держит скрюченную ладонь. Похоже, у Тома температура. Он беспокожно крутит головой. Затем снова начинает говорить, но не с Джимом, а с какими-то другими людьми — людьми, которых здесь нет.

Джим не разбирает ни слова из этого бессвязного, торопливого бормотания, перемежаемого хрипылыми вдохами, он только держит скрюченную, узловатую ладонь и медленно качается на стуле. В желудке появилась и теперь разрастается страшная чугунная тяжесть, скоро она заполнит всего Джима, он потеряет равновесие, рухнет на пол...

— Кто ты? — Глаза старика смотрят прямо на Джима, в них дикий, лихорадочный блеск.

Джим сглатывает, смотрит на потолок, затем снова на Тома:

— Твой внучатый племянник, Джим. Джим Макферсон. Сын Люси.

— Да, помню. Прости. Говорят, при кислородном голодании отмирают клетки мозга. Я тут прикидывал, так мой мозг должен был отмереть раз уже десять. — Короткий взвизг; видимо, это нужно считать смехом. — А я еще жив. Наверное, он у меня был ненормально большой, мозг этот самый. — Еще один взвизг. Том смотрит в окно. — Очень трудно не сойти с ума, когда ты один на один со своими мыслями.

— Да и в любом другом положении, такое уж сейчас время.

— Ты так думаешь? Жаль, жаль. Вот уж не думал услышать от тебя подобное заявление. Лично я — я стараюсь много не думать. Экономлю то, что осталось. Живу в... не знаю, как и сказать. В памяти. Это — огромная сила. Чем можно ее объяснить?

Джим не знает, что ответить. Насколько ему известно, память необъяснима, никто не может объяснить, каким образом разум способен возвращаться на многие годы назад, жить в этом прошлом, теряться в нем...

— Расскажи мне что-нибудь. Что-нибудь про округ Ориндж.

Том прикрывает глаза. Ярко-красные морщины на серой коже, его лицо чем-то напоминает географическую карту.

— А, вот чего я тебе еще не рассказывал. Все как-то путается. Когда я только приехал в округ Ориндж. Все было усажено апельсиновыми рощами. Это я тебе говорил.

Он замолкает и некоторое время только дышит. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох...

— На первое наше здешнее Рождество подула Санта-Ана. А сразу за нашим домом был ряд высоких эвкалиптов. Наша улица упиралась прямо в рощу. Когда поднималась Санта-Ана, деревья скрипели. И с них падали листья. Пахло эвкалиптом. И... Да. Был как раз тот вечер, когда мы пошли колядовать. Это мама организовала. Моя мама была очень похожа на твою, Джим Макферсон. Все время работала для людей. Она была учительницей музыки. Собрались все дети и кое-кто из родителей, и мы пошли по окрестным домам. Пели. Там половина домов была еще недостроена. Очень горячо, когда воск капает на руку. А ветер все время задувал свечи. Чтобы не тухли, мы сделали для них такие раковинки из алюминиевой фольги. Мы пели в каждом доме. Даже в том, где жила еврейская семья. У моей мамы была специально приготовлена нерелигиозная рождественская песенка, не помню какая. Странная идея. И где только она все это разыскивала? Все выходили и говорили нам спасибо, а потом угощали сладостями и пуншем. Потому что все, кто там жил, только что переехали со Среднего Запада, ты понимаешь? После такого ты начинаешь чувствовать, что это вот место — твой дом. Община. Потому что они не знали! Они думали, что живут в общине. Они не знали, что все теперь будут все время переезжать, люди будут приезжать и уезжать, приезжать и уезжать — они не знали, что поселились в большом мотеле. Они думали, что так и живут в общине. Вот и старались. Мы все старались. Моя мама всегда старалась что-нибудь сделать.

— Моя тоже старается.

Но Том не слышит, он далеко, в том вечере, когда поднялась Санта-Ана, он что-то бормочет — себе самому, друзьям своего детства, пытается вспомнить название рождественской песенки, защитит свечку от ветра.

Джим держит его за скрюченные пальцы, оба молчат и смотрят в стену. Том засыпает.

Джим осторожно высвобождает свою руку, встает, проверяет, не запуталась ли кислородная трубка, есть ли кислород в баллоне. Потом поправляет, сколько возможно, простыни. Смотрит на лицо спящего Тома — и тут у него начинается

кружиться голова, не держат ноги. Он садится, сжимает голову руками, ждет, когда неожиданный приступ пройдет. А потом торопливо уходит и едет к родителям.

Глава 73

Деннис приехал домой чуть раньше сына, сразу же загнал свою машину на эстакаду и теперь возится с ее двигателем.

— Привет, папа.

Молчание. И без того издерганный, Джим не произносит больше ни слова и идет к матери, на кухню.

Люси сразу же спрашивает про Тома.

— У него была простуда. Состояние неважное.

Шумный, судорожный вдох. Секундное молчание.

— Пойди, поговори с отцом, — слова Люси звучат как приказ. — Ему нужно отвлечься от служебных дел.

— Я с ним поздоровался, так он даже головы не повернул.

— Иди и поговори с ним! — Люси почти кричит. — Ему нужно с тобой поговорить.

— Ладно-ладно, иду, — обиженно вздыхает Джим и плетется к двери.

Отец согнулся над двигательным отсеком, залез туда с головой — и он упорно, подчеркнуто игнорирует Джима. И меня, думает Джим, и вообще все вокруг. Спрятался, как в раковину, в свой личный мир.

Джим подходит к Деннису:

— Что ты там налаживаешь?

— Машину.

— Это я и сам вижу! — срывается Джим.

Деннис на мгновение поднимает голову, затем возвращается к работе.

— Помочь тебе?

— Нет.

Джим стискивает зубы. За последние дни произошло так много событий, что он утратил почти всю свою и без того не больно-то крепкую выдержку.

— Правда, что ты там делаешь? — снова спрашивает он.

— Чищу контактную группу переключателя.

Джим заглядывает в мотор, следит за неторопливо, уверенно движущимися руками отца.

— Контакты и так чистые.

Молчание.

— Это же пустая трата времени.

— Ты считаешь? — саркастически улыбается Деннис. — А может, лучше заняться твоей машиной? Уж это никак не будет пустой тратой времени.

— Моя машина в порядке.

— А ты хоть раз делал ей текущий ремонт? С того времени, как я чинил ее в последний раз?

— Нет. Я был очень занят.

— Очень занят.

— Да, и нечего тут смеяться! Я был очень занят! А ты, вероятно, считаешь, что занятия бывают только у тех, кто работает в твоей оборонной промышленности.

— А, понимаю. Слишком много вечерних уроков.

— Совершенно верно! — Джим подсакивает к машине, теперь их с Деннисом разделяет только ее капот. — Я был занят на похоронах человека, которого и ты тоже знаешь, а еще я старался помочь своим друзьям, и работал в риэлторской конторе, и преподавал на этих самых вечерних курсах. Преподавал! Это — лучшее из того, что я делаю, я учу людей тому, что им нужно, без чего им не справиться с этим миром! Это — хорошая работа!

Быстрый, обжигающий взгляд Денниса показывает, что ему вполне понятен не слишком-то, в общем, и замаскированный намек Джима.

— Так, значит, по твоему мнению, моя работа — плохая, так, что ли? — спрашивает он с нажимом.

— Ты пойми, папа, ведь люди умирают от голода! Половина мира голодает! — Джим дрожит от возмущения. — Нам не нужны бомбы!

Деннис берет кожух переключателя, накрывает им контактную группу, берет гаечный ключ и начинает затягивать одну из крепежных гаек.

— Это, значит, так ты представляешь себе мою работу? — он говорит негромко, с легким удивлением в голосе. — Я делаю бомбы?

— А разве не так?

— Нет, совершенно не так. По большей части я занимаюсь системами наведения.

— А разве это — не одно и то же?

— Нет. Это совсем не одно и то же.

— Да брось ты, папа. Все это — различные части одного и того же механизма. Оборона! Системы оружия!

На скулах Денниса играют желваки. Он аккуратно наживляет вторую гайку, начинает ее затягивать.

— Так ты считаешь, что подобные системы не нужны?

— Да, не нужны! — Джим утратил последние остатки самообладания. — Они никому не нужны!

— А ты смотришь когда-нибудь новости?

— Конечно же, смотрю. Мы погрязли в нескольких войнах, каждый день сообщают о наших потерях и потерях противников. И мы делаем оружие для этих войн — и для многих других, в которых прямо не участвуем.

— Потому-то нам и нужны системы оружия.

— Чтобы разжигать войны! — орет Джим.

— Нельзя возлагать всю вину на одних нас. Не все оружие в мире — нашего производства, и не все войны начаты нашей страной.

— А вот в последнем я не очень уверен! Тут ведь такой великолепный бизнес.

— Ты что, действительно так думаешь? — «И чего он там возится с этой гайкой? Она же давно затянута». — Что есть люди, дошедшие до такого цинизма?

— Да, я так считаю. Есть уйма людей, не интересующихся ничем, кроме денег, кроме прибыли.

Деннис резким движением снимает ключ с гайки.

— Тут не все так просто, — говорит он, нагнувшись над мотором, то ли этому мотору, то ли самому себе. — Тебе хочется, чтобы все было просто, но в жизни так не бывает. В мире очень много людей, которые только и мечтают, чтобы наша страна сгорела синим огнем. Они работают не покладая рук, изо всех сил стараются создать оружие лучше нашего. И если мы остановимся...

— Если мы остановимся, они тоже остановятся! Только вот что будет тогда с прибылями? Экономика испытает страшное потрясение. Вот так оно и продолжается, новое оружие, потом — самое новое оружие, самое-самое, и так уже чуть не сотню лет!

— Сто лет без новой мировой войны, — напоминает Деннис.

— И с таким количеством малых войн, что в сумме они ничем не уступят войне мировой. А если эти войны станут ядерными, тогда вообще конец, мы все погибнем. И ты во всем этом участвуешь!

— Ошибаешься! — Зажатый в руке Денниса ключ с лязгом задевает крышку капота, уличающе тычет в сторону Джима. Низко склоненное над двигательным отсеком лицо

побагровело, рука Макферсона трясется, он буквально сжигает сына глазами.

— А теперь послушай, мальчик, внимательно, чем я занимаюсь на самом деле. Я участвую в создании электроники для высокоточных систем вооружения. И не смотри на меня так, словно все это — одно и то же. Если ты не способен понять разницу между электронной войной и всеобщим ядерным уничтожением, значит, ты — полный дурак, и говорить нам просто не о чем!

Ключ яростно, и на этот раз — намеренно, ударяет по крышке капота. Джим испуганно пятится — он никогда еще не видел отца в таком состоянии, не слышал у него такого голоса.

— Ядерная война от меня не зависит, тут я ничего не могу сделать. Остается только надеяться, что ее никогда не будет. Но обычные войны останутся. И некоторые из них могут перерасти в ядерную. Могут, и очень легко! Так что проблема сводится к следующему: если сделать обычные войны слишком трудными, сделать, чтобы инициатор той войны не имел — по чисто техническим соображениям — ни малейших шансов на победу, тогда им придет конец! А это значительно снизит ядерную угрозу, ведь исчезнет наиболее легкий путь, который может привести нас к большой войне!

— Все та же старая песня, — морщится Джим. — Это повторяется раз за разом, поколение за поколением. Пулеметы, танки, самолеты, атомные бомбы, теперь — эти вот ваши штуки; все это оружие должно было вроде бы сделать войну невозможной — а что же в результате? Все крутится в том же самом порочном круге!

— Нет, не невозможной. Невозможно сделать войну невозможной. Тут уж ничто не поможет. Однако можно сделать ее страшно невыгодной. Мы подходим к такому положению вещей, когда любые силы вторжения будут обнаружены и встретят противодействие такое быстрое и неотвратимое, что шансы агрессора на успех будут равны нулю! А чего же ему тогда и огород городить? Неужели ты не понимаешь? Может возникнуть такое положение, когда никто не решится начать войну!

— А они подумают-подумают и шарахнут атомной бомбой, сразу, без всяких предисловий. Военные и политики — публика известная, за ними не заржавеет.

Деннис пренебрежительно отмахивается гаечным ключом, затем — с очевидным удивлением — замечает его и кладет на блок двигателя.

— Это было бы сумасшествием. Да, такое может случиться, но это было бы сумасшествием. Ядерное оружие — это полное сумасшествие, я не имею с ним никаких дел, и не желаю иметь. Можешь улыбаться сколько угодно, но моя работа посвящена попыткам уменьшить ядерную угрозу. Я мечтаю о мире без ядерного оружия; как знать, возможно, когда-нибудь так и будет. Но для этого нужно иметь какие-то другие, менее опасные, но не менее надежные сдерживающие средства. Как раз этим я и занимаюсь — делаю высокоточное компьютеризованное оружие, которое одно и может заменить атомную бомбу в роли средства сдерживания. Такое оружие — единственный выход из тупика.

— Нет там никакого выхода, — безнадежно машет рукой Джим.

— Возможно, и нет. Но я стараюсь сделать все, что в моих силах. — Деннис отводит глаза в сторону, опускает их, понуро смотрит на бетон дорожки. — Только не все в моих силах, — горько добавляет он. — Я не могу изменить устройство мира. И ты — тоже не можешь.

— Но ведь нужно хотя бы пытаться его изменить! Если бы каждый человек...

— Если бы да кабы. Привыкай смотреть на вещи реально.

— Я смотрю на них очень реально. Происходит бессмысленное разбазаривание природных ресурсов. Это — паскудный, извращенный бизнес.

Деннис заглядывает в моторное отделение, берет ключ, поворачивает его другой стороной, внимательно осматривает. Желваки на его скулах ритмично ходят вверх-вниз, вид такой, словно он хочет проглотить что-то, но никак не может. В словах Джима есть нечто такое...

— Не нужно рассказывать мне об извращенности и продажности, — говорит он негромко. — Я знаю об этом столько, что тебе и не снилось. Но дело тут не в системе.

— Именно в системе!

Деннис продолжает смотреть на ключ, отрицательно качает головой.

— Система нейтральна, ее можно использовать и так и сяк. И не такая уж она по сути своей плохая.

— Не такая уж плохая? Да она просто кошмарная! — Джим ощущает себя загнанным в угол, затравленным, его охватила полная беспомощность, обычная для человека, пытающегося преодолеть рациональные доводы оппонента си-

лой одних эмоций. Как это и бывает в подобных случаях, он еще больше увеличивает эмоциональный накал:

— Мир умирает с голода!

— Я прекрасно это знаю, — медленно, терпеливо говорит Деннис. — Мир стоит на краю пропасти. Неужели ты думаешь, я ничего не вижу?

Он вздыхает, смотрит на двигатель.

— Но я постепенно пришел к убеждению... Теперь мне кажется, что именно мощь Соединенных Штатов является одной из главных сил, не дающих миру сделать последний, гибельный шаг. Если бы не страх перед нами, войн было бы гораздо больше. Однако до настоящего момента наша способность устрашать опиралась в основном на ядерное оружие, а прямое его использование уничтожит мир. Поэтому то здесь то там вспыхивают мелкие войны — ведь люди, начинающие эти войны, прекрасно понимают, что мы не пойдем на риск всеобщего уничтожения без очень веских к тому оснований. А вот если... если мы сумеем сделать устрашающий фактор более ограниченным, чтобы это был... ну, нечто вроде неотвратимого, хирургически точного удара, вся разрушительная мощь которого сфокусируется на войсках агрессора и только на них, — тогда можно будет отказаться от ядерного оружия. В нем не будет больше необходимости — ведь у нас появится другой фактор сдерживания. Безопасный. Так что... — он поднимает голову, глядит Джиму прямо в глаза, — так что моя работа прокладывает очень реальный путь к полному устранению ядерной угрозы. И если такое занятие не кажется тебе благородным, — его голос слегка дрожит, — тогда я не знаю, чего уж тебе и надо.

А затем Деннис отводит глаза.

— Это была очень хорошая программа.

Джим молчит. Доводы отца вполне логичны, не подкопаться, а излагались они с таким мучительным напряжением... Вся злость Джима куда-то пропала, теперь собственные свои недавние наскоки кажутся ему смешными, до ужаса глупыми. Разговор с отцом перешел далеко за рамки обычных препирательств.

И тут он вспоминает свои планы на вечер: randevу с Артуром, затем — удар по ЛСР. Камень за пазухой, вот как это называется. Джима охватывает невыносимое, тошнотворное отвращение к самому себе.

Деннис оперся обеими руками о машину, опущенное вниз лицо застыло, он весь ушел в какие-то свои мысли.

Умелые руки автоматически, словно манипуляторы робота, орудут ключом, расслабляют гайку кожуха следующей контактной группы. Джим пытается что-то сказать, но слова застревают в горле. А о чем это я хотел? Даже и не вспомнить. Молчание затягивается, ему, если разобраться, и нечего сказать. Ему нечего сказать.

— Так я... я пойду, скажу маме, что ты скоро кончишь и придешь обедать?

Деннис молча кивает.

Неуверенно, словно пьяный, Джим возвращается на кухню. Люси режет овощи для салата; окно, рядом с которым она расположилась, выходит прямо на эстакаду. Джим становится рядом с матерью и смотрит. Деннис по-прежнему возится с машиной.

Люси шмыгает носом, и только теперь Джим видит, что у нее покраснели глаза.

— Отец рассказал тебе, что там у него на работе? — она стучит ножом куда попало, не глядя.

— Нет! Что-нибудь случилось?

— Я видела, как вы разговаривали, — Люси отворачивается, чтобы высморкаться. — Не нужно было с ним спорить, тем более — в такой день, как сегодня.

— Так что же там у них такое стряслось?

— Ты же знаешь, что они проиграли конкурс по этой крупной программе, над которой работал Деннис.

— Ну, вроде как. Так ведь они хотели обжаловать решение, верно?

— Да. И все было вроде бы хорошо — до сегодняшнего дня.

Люси обрисовывает картину, составленную из разрозненных, скупых и горьких фраз Денниса.

— Не может быть! — раз за разом повторяет, слушая ее, Джим. — Не может быть!

— Может. Именно так все и произошло, — Люси в отчаянии прижимает ко рту кулак. — Я в жизни не видела его настолько убитым.

— И после такого... и после такого он продолжает защищать эту систему! Всю, без изъятия!

Люси кивает, шмыгает носом и снова стучит ножом.

Совершенно ошеломленный, Джим смотрит в окно, на отца. Деннис тщательно, аккуратно подтягивает гайку; можно подумать, что он кладет на место последние кусочки головоломки.

— Послушай, мама, мне нужно бежать.

— Что?

Джим уже рядом с дверью. Смываться отсюда, смываться, пока не поздно.

— Джим!

Но он уже пулей выскочил во двор. Да где же этот чертов ключ от машины? Нашелся, слава тебе, Господи. Еще секунда — и машина Джима летит по улице.

А ведь отец наверняка подумает, что я убежал из-за этого спора. Нет же, нет! Джим не видит ничего вокруг, ничего не соображает, а тем временем машина, за неимением других указаний, везет его домой. Где-то на полпути он приходит в себя и выворачивает на ньюпортскую трассу. Южная, укрытая низко нависающим бетоном, полоса, полумрак, пунктир галогенных фонарей... Джим хочет перейти на верхнюю, северную полосу; у Эдингера он даже выводит машину на развязку, но потом меняет решение и возвращается на южную. Куда ехать? Ну куда, спрашивается, может он поехать? И что делать? Вернуться и пообедать в компании родителей? Господи, ну как же можно было попасть в такое положение?

За окном машины мелькают фонари. Джим знает, что военная промышленность — злокачественная опухоль на теле страны, что она извлекает прибыль из смерти и страданий, что с ней нужно бороться всеми возможными способами, он уверен в своей правоте. И все же, все же, все же... Деннис, невидящими глазами уставившийся на безукоризненно чистый, не нуждающийся ни в каком ремонте мотор, какое у него было тогда лицо... Беспомощно глядящая из окна Люси, слава еще Богу, что она не отхватила себе палец... «Это была хорошая программа», — голос отца так и звучит в ушах.

Джим едет на север, по сан-диегской трассе. Только что, собственно, забыл он в Лос-Анджелесе? Можно так и ехать всю ночь, спрятаться от всего этого... Нет. Он сворачивает на восток по гарден-гроувской, затем — снова на юг по ньюпортской. Так вот и буду, значит, петлять, ездить кругами. Точнее говоря — треугольниками. В ярости на самого себя, Джим едет в Ньюпорт-Бич, никуда уже больше не сворачивая. Вид «Голодного краба» вызывает у него самую буквальную, физиологическую тошноту. Все прахом пустил, всю жизнь — к такой-то матери. И продолжаю это занятие.

Он останавливает машину в самом конце Ньюпортского полуострова, выходит на дамбу. Вода сегодня на удивление спокойная, волны лениво лижут песок, словно никакой это не «Великий или Тихий», а лесное озерце.

Какая-то компания жжет на пляже костер; ветер колыхает языки огня, по фигурам людей пляшут желтые блики. Дамба сложена из огромных валунов, и далеко по ней сейчас не пройдешь — слишком темно. Да и зачем бы, собственно? Все равно у дамбы есть конец, и придется идти назад. От мира не спрячешься.

Джим возвращается в машину, опускает голову на руль и надолго застывает. Привычный запах, привычный вид потрескавшейся, замусоленной приборной доски... Иногда начинаешь казаться, что эта машина и есть настоящий его дом. В погоне то за большей площадью, то за меньшей квартплатой, то за лучшим освещением, то еще за чем-нибудь, Джим сменил за последние шесть лет добрую дюжину квартир. И только машина остается во всей этой чехарде неизменной, и в ней он проводит значительную часть жизни, по многу часов каждый день. Вот она и есть его настоящий дом. А страна проживания — аутопия. И другого дома у него нет.

Если не считать родительского. Джим начинает вспоминать. Когда семья переехала в этот маленький дуплекс, ему было всего семь лет. Они с отцом перекидывались на въездной дорожке мячиком. Однажды Джим пропустил очень легкий бросок и получил прямо в глаз. А еще они закидывали мячик на покатуую крышу навеса для машины, и Джим его потом ловил. Папа установил баскетбольный щит. Он купил Джиму старый велосипед и сам его покрасил, в красный цвет и белый. А потом они, все вместе, устроили целое путешествие, осмотрели исторический музей и последние акры последней настоящей апельсиновой рощи (принадлежавшей кладбищу Фэрвью, угадали).

Странная штука — память, какого только хлама в ней не хранится. Ну чего, спрашивается, ради он все это помнит и вспоминает? И какое значение имеют его воспоминания? В мире, где люди, по большей части, рождаются для того, чтобы прожить короткую, жалкую, полуживотную жизнь, ютиться в картонных хибарах, ежечасно искать себе пропитание, существовать от одного куска хлеба до другого, который неизвестно когда будет, и, в конце концов, умереть от голода либо погибнуть на войне — неужели в таком мире имеют хоть какое-то значение воспоминания некоего жите-

ля округа Ориндж, заурядного представителя среднего класса? И должны ли они иметь значение?

Уже десять вечера, скоро и свидание. Джим запускает машину и едет к Артуру Бастанчери.

Глава 74

Новое решение приходит к нему на полпути, где-то около Коста-Месы. Джим берет телефон и набирает номер Артура. Его сердце громко колотится, в такт гудкам.

— Да?

— Артур, это Джим. Я не успеваю к тебе. Если ждать меня, мы опоздаем на свидание. Лучше я подъеду прямо к той автостоянке, где мы берем ящики.

Секунда молчания, другая...

— Ладно, — сухо говорит Артур. — Время ты знаешь.

— Да. Туда я успею, обязательно.

Снова по ньюпортской трассе, на север, до гарден-гроувской (по пути ввести в автомозг программу), затем на запад, а у Хастера — нырнуть под верхний уровень молла.

Сумеречный мир старых улиц, канавы, забитые хламом. Высохшие деревья. Гарбадж-Гроув.

Старые пригородные дома, теперь в каждой их комнате живет по целой семье.

Допотопные галогенные лампы в немногих целых еще фонарях: оранжевый мрак.

На всем — оранжевый отблеск.

Мир под крышей. Погреб Калифорнии.

Вот здесь ты не жил, никогда.

Джим оглядывается по сторонам — и начинает часто, судорожно дышать. Автостоянки, прачечные автоматы, дешевые лавки... «Чтобы увидеть все это, нужно съездить в Каир!» — кричит он и на какой-то момент теряет всю свою решимость; ему чудится будто невидимые великаны направляют на него струи воды из невидимых брандспойтов, швыряют его этими струями с места на место, играют им в какую-то свою, неведомую игру! Выход один — держаться намеченного плана и ни о чем не думать. Прекрати думать, прекрати думать! Сейчас нужно действовать! И все равно желудок его сжимается, сердце колотится как бешеное, его швыряют с места на место противоречащие друг другу истины.

Льюис-стрит выглядит в точности как раньше, — нечто вроде туннеля под западной частью Сити-молла, по обеим сторонам — склады с большими, по размеру грузовика, металлическими дверями, все двери закрыты и заперты, ведь уже ночь.

А вот и Гринтри-стрит, она упирается в Льюис-стрит, словно одна сточная канава, вливающаяся в другую. С бетонного потолка светят лампы — несколько штук галогенных, несколько ртутных. Они расположены как попало, без всякого плана. Джим медленно подъезжает к втиснутой между складов автостоянке. Стоянка маленькая, всего два десятка ячеек, расположены они вокруг двух массивных столбов, подпирающих верхние уровни молла. В дальнем углу — тот же, что и всегда, синий фургон.

Джим сворачивает на стоянку, трижды мигает фарами. Тормозит рядом с фургоном, выходит.

И сразу попадает в тесное полукольцо, четыре парня буквально прижимают его к машине. Парни те же, что и раньше, он узнает их всех — и они узнают его.

— Где Артур? — спрашивает самый высокий из четверых, негр.

— Будет здесь через пару минут, — небрежно бросает Джим. — А пока — грузите хозяйство в мою колымагу. На артуровской сегодня нельзя, и нужно торопиться. Артур придет, и мы сразу рванем.

Негр кивает. Джим нервно сглатывает — теперь отрезаны все пути отступления.

Парни идут к фургону, Джим — следом за ними; легкое шипение, это пневматика открыла дверь. В темно-оранжевой тени смутно различаются пластиковые ящики, шесть штук. Джим подхватывает один из них — прежние были вроде бы полегче — и неуклюже шагает к своей машине.

— Сюда, на заднее, — говорит он парням.

Пять ящиков опускаются на ободранный винил заднего сиденья, шестой приходится положить впереди. Джим закрывает дверцу, смотрит на часы. Без десяти одиннадцать, скоро появится Артур. Теперь — просунуть руку в открытое окошко машины и нажать кнопку, активировать набранную по дороге программу. Четверо ничего не заметили. Джим возвращается к фургону.

— Большой сегодня груз, — замечает один из парней, все тот же негр.

— Работа будет большая.

— Да?

— Читай завтра газеты, все узнаешь.

— Это уж точно.

Джим нервно кружит около машин. Пару раз он выходит на Льюис-стрит, смотрит в одну ее сторону, в другую. Чуть не доезжая автостоянки, в узком просвете между складами, есть лестница и дверь, по виду — нечто служебное, однако, как выяснилось во время одной из предыдущих операций, это — самый обыкновенный вход молла, только — редко используемый.

Четыре парня, стоящие вокруг фургона, наблюдают за его действиями, то ли иронически, то ли скучающе, то ли еще как. В их глазах такое дерганье человека, идущего на дело, вполне объяснимо, и Джим этому очень рад — сейчас он не сумел бы вести себя иначе. Правду говоря, ему очень хочется отойти в сторону и блевануть, пульс колотится уже не только в ушах, но и во всем теле, воздуху не хватает... Но время еще не настало.

В начале улицы показались фары. Джим смотрит на часы — и буквально чувствует прилив адреналина. Вот оно, пора!

— Эй! — кричит он парням. — Полиция!

И в тот же самый момент его машина сама, без водителя срывается с места, выезжает на Льюис-стрит и мчится по ней на юг. Сам же Джим бросается на север, ко входу молла.

Вверх по ступенькам. Джим спотыкается и чуть не падает; в ужасе представив, что могло получиться, он покрывается холодным потом. В путаницу молла, сперва на прогулочный уровень, затем, по широкой пологой лестнице — на второй, здесь можно бежать в добром десятке различных направлений. Джим на мгновение оглядывается.

Его преследуют. Двое.

Джим несется со всех ног, петляет между кучками покупателей, огибает вентиляционные шахты, кадки с растениями, фонтаны, витрины, продуктовые лотки. Короткий эскалатор, ведущий вверх. Бегом, прыжками через три ступеньки. Джим оказывается в большом зале, чуть не половину которого занимает подсвеченный лазерами фонтан. Взгляд вниз — вон она, эта парочка, стоят и растерянно озираются, но тут один из парней замечает Джима, и преследование возобновляется. Трудное это дело, гоняться за человеком в молле. Будь Джим поопытнее, знай он молл получше, затерялся бы здесь мгновенно. Но пока что он не затерялся, а заблудился. Этажи и этажи, лестницы и эскалаторы,

разбегающиеся во все стороны, заполняющие все это изломанное, искривленное пространство, стократно множась в зеркалах... Тут же ежедневно прогорает то один, то другой магазин, и все потому, что покупатель просто не может по второму разу найти понравившееся ему заведение. И два человека пытаются отловить в этом сумбуре третьего, весьма подвижного и подгоняемого паникой — какие, спрашивается, у них шансы на успех? Это же самый сложный трехмерный лабиринт, так что только и надо двигаться случайным образом, с общим направлением на запад, и они отстают.

Во всяком случае — так кажется Джиму. Однако, когда он добирается до края молла и выскакивает наружу... Вот они, пожалуйста, бегом несутся по эскалатору.

Машина. Стоит себе, как миленькая, на примыкающей к автостоянке улице. Доехала, значит, по программе. Джим несется к ней через стоянку и только в последнюю секунду замечает, что туда же направляются трое полицейских, с явным намерением произвести осмотр.

Прежняя паника дополняется новой, Джим совершенно ошеломлен, однако преследователи выскочили уже на автостоянку, так что нельзя терять ни секунды. Не раздумывая, он подбегает к машине и кричит полицейским:

— Это моя! Они ограбили меня, они вытащили меня из машины, а теперь гонятся за мной!

Полицейские с сомнением изучают внешность Джима, затем смотрят, куда он указывает, и видят двух парней, перебегающих автостоянку.

— Вот они!

Парни замечают полицейских, резко поворачиваются и бегут к моллу. Великолепно!

Но это не все, на улице показывается знакомая машина, кроме Артура в ней сидят и остальные двое снабженцев.

— А вон и остальная шайка, — кричит Джим. — Там, в той машине! Ловите их, скорее!

Он указывает на машину рукой. И Артур это видит.

Не обращая внимания на приказ остановиться, Артур перестраивается в быстрый ряд. Двое полицейских бросаются к своему фургону, но третий, похоже, намерен остаться. И он с любопытством заглядывает внутрь джимовой машины.

— Эй! — кричит ему Джим. — Вон они, остальные! — и он машет в сторону молла. Пока полицейский пытается разглядеть злоумышленников, Джим распахивает дверцу

машины, прыгает на сиденье и до упора выжимает акселератор. Машина прыгает вперед, оставляя позади кричащего и размахивающего руками полицейского.

Джим сворачивает направо, на Сити-авеню сейчас делать нечего, где-то там впереди полицейский фургон гонится за Артуром и его товарищами. Да, Артур...

Джим въезжает на южную полосу санта-анской трассы. Погони вроде нет, ни той, ни другой. Организм реагирует на недавние события острой тошнотой. Господи, только бы не в машине. А с каким лицом смотрел на меня Артур, когда я показывал его полицейским... «Нет, нет, ты не понял! Все совсем не так!»

Так или не так, но Артура скорее всего проверят, и тех двоих — тоже. Только будут ли у полиции хоть какие основания держать их под арестом? Этого Джим не знает, зато он хорошо знает, что сидит в машине, под завязку набитой незаконным оружием, и что номер этой машины почти наверняка известен полиции. А кроме того, он только что предал друга, без всяких к тому оснований. Без всяких оснований? Господи, да как же трудно в этом разобраться! Джиму уже кажется, что он предал — тем или иным образом — всех, абсолютно всех своих родственников, друзей и знакомых.

Он беспокойно поглядывает в зеркало заднего вида, не появились ли на дороге дорожные полицейские, или полицейские просто, или шерифы, или гражданские гвардейцы — кто же там знает, кого могут выслать в погоню за диверсантом? В краешке зеркала отражается небритая морда, полные болезненного ужаса глаза. И тут Джима охватывает невыразимое отвращение к себе.

— Трус! Предатель! — кричит он, лупя кулаками по приборной доске. — Придурок долбаный. — Вся его ярость, все негодование выплескивается наружу. — Ведь ты же знаешь, — бессвязно бормочет он, — ты же знаешь... что нужно... что нужно сделать... и ты не можешь... не можешь!

Он мчится как бешеный к Саут-Кост Плассе, резко тормозит напротив административного корпуса, на открытой стоянке, а затем выскакивает из машины, мгновенно вскрывает стоящий на переднем сиденье ящик и вытаскивает шедевр фирмы «Харрис» — управляемый снарядик «Москит» с зарядом растворителя «Стикс-90». Прямо здесь же, среди машин, он прицеливает крошечную пусковую установку к бетону, прицеливается в одно из темных окон высотного здания. А потом нажимает кнопку. Громкое

шипение, яркий язык пламени, снаряд исчезает, и тут же окно разлетается вдребезги. Звук бьющегося стекла, а следом — еле слышный звонок охранной системы. С победным торжествующим воплем Джим покидает стоянку.

Ну а теперь — в Санта-Ану, навестить Первую американскую компанию титульного страхования и торговли недвижимостью. Все окна темные, вот и прекрасно. Очередная ракета, установлена на очередной автостоянке; она пробьет главную дверь конторы и уничтожит каждый находящийся там компьютер, каждую папку с документами. И я останусь без работы! Содрогаюсь от истерического хохота, Джим запускает ракету; она попадает не совсем туда, в большое, зеркального стекла, окно, но какая, собственно, разница. А у этих-то другая охранная система, совсем другой звук сигнала.

Вдалеке воют сирены. Что бы еще такое покурочить? Наблюдательный совет округа, логово этой шайки, которая систематически помогала торговцам недвижимостью кромсать ОкО на кусочки, превращать его в бетонную пустыню. За всю сотню с лишним лет преступного обращения с землей и коррупции. Старинная ратуша Санта-Аны расположена под «Треугольником»; здесь совсем темно, можно устанавливать «Москит» спокойно и не торопясь. Теперь только нажать кнопку, и вот эта маленькая, совсем игрушечная ракетка в капусту расшибет всю нашу продажную администрацию. Что Джим и делает — а потом разражается сумасшедшим смехом.

Еще кого? Джим не может ничего придумать. В нем словно что-то надломилось, и теперь голова совсем не работает.

А вон — «Пышные пышки», и уже закрыты. А почему бы, собственно, и нет?

Еще одна риэлторская контора; почему бы и нет?

Один из ирвинских военных заводов, они же делают для армии микросхемы; почему бы и нет?

Неожиданно Джим соображает, что тут рядом — «Лагуна спейс рисерч». И он настолько преисполнен бешеной ярости, что с восторгом хватается за мысль наказать их за свое предательство. А что, из-за кого он все это сделал? Так что они вполне заслужили, чтобы их малость попугать. Пусть видят, насколько близки они были к уничтожению.

А дальше — пусть глядят в оба.

Похоже, Джим утратил не только способность думать, но и чувство направления, он долго плутает среди домов Мадди-Каньона, но в конце концов выезжает к начальной шко-

ле. Она стоит на самом краю каньона, на другой стороне которого возвышаются корпуса ЛСР. Джим вынимает два «Москита», относит их на школьный стадион, устанавливает, берет под прицел главный вход завода с огромной надписью «ЛАГУНА СПЕЙС РИСЕРЧ». Включает стартовые механизмы и бегом возвращается к машине.

Остались две штуки. Джим едет в Тастин и стирает в порошок внутренности еще двух контор по торговле недвижимостью.

Теперь — все, одни пустые ящики. Он выкидывает их прямо на полотно санта-анской трассы, смотрит, как испуганно тормозят идущие сзади машины. Снова в Тастин. У Джима перехватывает в горле, он дышит какими-то неровными, истерическими всхлипами. Редхиллский молл словно смеется над всеми его стараниями — даже когда он выходит из машины и начинает швырять бульжниками в окна. Стекла крепкие, закаленные, так что камни со звоном отскакивают и падают на землю. И никуда ОКО не денется, тут не поможет идиотский вандализм, даже сходить с ума — и то бесполезно. Он везде, он заполняет собой все реально-сти, даже — бредовые. Особенно — бредовые. Бежать некуда.

Вне себя от ярости и отвращения, Джим едет домой. Квартира вызывает у него приступ бешенства, он бросается к книжному стеллажу, наклоняет его и роняет, с непонятным наслаждением наблюдая, как разлетается вдребезги проигрыватель. Он начинает пинать книги, но вскоре бросает это малопродуктивное занятие и подходит к компьютеру. Сильный удар левой, и экран расшиблен вдребезги. Костяшки пальцев — тоже.

— Придурок сраный.

Приходится сбегать на кухню за сковородкой. Хряп! Хряп! Хряп! С этим покончено. Теперь — так называемое творчество. Вместе с каждой дискетой уходит в небытие больше тысячи страниц никому не нужных писаний — и слава Богу. Ящики, забитые распечатками; ну, этого хозяйства не так-то много, да и разобраться с ним просто — порвать на четвертушки и разбросать по комнате. Что еще? Компакт-диски? Сковородкой их. Разнести все эти винегретные симфонии в пластиковые ошметки. Вот теперь они перемешались действительно случайным образом, апогей творческого метода. Что еще осталось? Набросок, подаренный Ханой, — пополам его. Наклейки с апельсиновых ящиков — в клочья. Постепенно комната приобретает вполне пристойный вид. Что дальше?

Теперь — в спальню. Сперва — видеосистема, побросать все камеры на пол и расшибить вдребезги. Покончив с этим делом, Джим подпрыгивает, хватая одну из больших тома-совских карт за край; длинный сухой треск, и округ Ориндж раздирается пополам, сверху донизу. Та же участь постигает и остальные карты, в конце концов Джим сидит посреди кучи бумажного хлама и остервенело рвет его на мелкие клочья. По щекам его катятся крупные слезы.

Звук подъехавшей машины. Остановилась прямо перед домом. Полиция? Артур со своими дружками? Охваченный нерассуждающей паникой, Джим открывает узкое окошко спальни и кое-как протискивается наружу, в заставленный мусорными баками двор. Мелькает неожиданная мысль — а вдруг компания Артура решила устроить в его квартире погром? В наказание за предательство. Джим сгибается пополам от хохота — да уж, удивятся ребята, так удивятся. Качаясь и спотыкаясь, истерически хихикая и непрерывно ощущая тяжелый ком в желудке, он все дальше углубляется в проулки между домами...

В таком муравейнике оторваться от преследования — пло-вое дело. «Это в каких же коробках мы живем! — думает Джим. — Коробки и коробочки! Вот и Проспект, теперь они в жизнь меня не найдут». Полицейские машины, одна за другой, мчатся в Тастин, к местам сегодняшних ночных происшествий. Что, беспокойная выпала смена? Джима охватывает почти непреодолимое желание выбежать на улицу и закричать: «Я, это я сделал! Это я сделал!» Он даже выходит на мостовую, но затем в ужасе отскакивает, прячется в густую тень. Его бьет крупная, неудержимая дрожь. А что там делают эти пешие, без машины, люди? Это странно, ненормально, нужно бежать. К «шевроле» своему лучше и не приближаться, общественный транспорт свелся почти к нулю еще до его рождения, на своих двоих далеко не уйдешь. Коротко хохотнув, Джим пробует остановить попутку. Вскоре он бросает бесполезное занятие, ни одна машина не останавливается, да и не остановится — кто же это в наше время берет пассажиров? Да и куда, собственно, ему ехать? Неспешной рысцой Джим добегают до Семнадцатой улицы, у него начинает сбиваться дыхание. Теперь в Тастин, потом Ньюпорт, потом Редхилл. Время от времени он подбирает увесистые камни и швыряет ими в окна встречающихся по пути ризл-торских контор. Совсем уже готовый повторить тот же номер с каким-то банком, он вспоминает об охранных систе-

мах. Сколько их стронут за последние часы? Десятка два, не меньше. А что, если в этот самый момент компьютеры отслеживают его путь, предсказывают его беспомощные метания?

Проезжающие мимо люди оборачиваются, пешеход — это подозрительно. Нужна машина. Без машины ты прикован к месту, беззащитен. И куда теперь деваться? Неужели я действительно здесь, действительно совершил все эти дикие поступки? Неужели и вправду попал в такое дикое положение? Джим подбирает ржавый колпак от автомобильного колеса, запускает им в витрину «Джека-ин-де-бокс». Красиво летел; к сожалению, витрина не раскололась, а только треснула. Но это — все равно что разворошить осиное гнездо; на улицу вываливается толпа продавцов и покупателей, заметив Джима, они бросаются его ловить. Джим ныряет в ближайший проход между многоквартирными домами, начинает петлять в путанице дворов и закоулков. Спотыкается о велосипед, поднимает его — с твердым намерением украсть: какое ни есть, а все же транспортное средство — и тут же бросает, встретив укоризненный взгляд приклеенного к рулю Микки-Мауса.

И вдруг — чудо. В том же самом Редхилле, чуть южнее, его догоняет автобус. Невероятно! Джим машет рукой, платит, садится. Кроме него и какой-то пожилой женщины в салоне ни души.

Автобус идет до Фэшен-айленда, и всю дорогу Джим пытается — совершенно безуспешно — отрегулировать свое дыхание. И все больше и больше злится на самого себя. «Ну и что же, — думает он, — значит, выйду я сейчас на улицу и сотворю какую-нибудь очередную глупость, так, что ли? По какому случаю разозлюсь еще сильнее и сделаю еще большую глупость!» Покинув автобус, он направляется в Фэшен-айленд, к японскому саду, состоящему из пластиковых бонсаев и самых настоящих — а к тому же и красивых — камней. Камней размером с бейсбольный мяч. Раздразнив несколько пластиковых деревьев в клочья, Джим берет по булыжнику в руки и прямым ходом двигается к «Буллоку» и «Магнину». За огромными витринами — комнаты, в которых сотня бедняков могла бы прожить пять сотен лет. А там — хромированные вешалки с рядами радужно расцвеченной одежды. Джим уже нацелился, чтобы швырнуть оба камня одновременно, но тут сзади раздается удивленный вскрик, кто-то хватается за него поперек корпуса и поднимает в воздух.

Джим отбивается как бешеный, как берсерк, он пытается ударить невидимого противника камнями — камни стукаются друг о друга и падают; он пинается, извивается, брызгает слюной...

— Джим, Джим, успокойся. Отдохни.

Это — Таши.

Глава 75

Джим расслабляется. Более того, когда Таши ставит Джима на пол и отпускает, тот чуть не падает. Оправившись от секундного обморока, он подбирает один из своих метательных снарядов и намеревается швырнуть его в витрину, но Таши решительно прекращает это безобразие, берет оба булыжника и закидывает их в изуродованный садик.

— Господи, Джим! Что это с тобой?

Джим садится на пол, его колотит. С дыханием совсем плохо — после каждого вдоха и выдоха все тело пронизывает острая боль.

— Я... я... — он пытается сказать присевшему на корточках Ташу нечто важное, но не может.

Таш кладет руку ему на плечо.

— Успокойся. Теперь все хорошо.

— Нет, не хорошо, не хорошо! — он опять близок к истерике. — Не хорошо!

— Ладно, будет тебе. Успокойся. У тебя что, неприятности?

Джим кивает.

— Пошли тогда ко мне, чтобы ты не маячил тут, у всех на глазах. Пошли. — Таш помогает ему встать.

Вверх по ярко освещенному тротуару круто поднимающейся улицы; и слева, и справа — темнота, Ньюпорт-Хейтс давно уснул.

Навстречу едет полицейская машина; завидев ее, Джим сьеживается от страха.

— Да какого хрена там с тобой стряслось? — качает головой Таш.

На его верхотуре темно и тихо; немного придя в себя, Джим начинает говорить. Заикаясь и запинаясь, он описывает свои приключения, точнее — последнюю, самую малую их часть.

— У тебя все дыхание сбилось, — замечает Таш. — Закапай эту штуку.

Он протягивает Джиму пипетку «Калифорнийского зноя» и начинает думать.

— Ну ладно, — решает он наконец. — Я и так, и так собирался устроить прощальную прогулку. А тебе, похоже, стоит на какое-то время убраться из этого города. Чего вскакиваешь, садись! Садись, говорю! Так вот, я прихвачу второй спальник и соберу для тебя рюкзак. Мало еды, но мы прикупим утром, в Лоун-Пайне. А ты сиди тихо.

Джим сидит. Да он, пожалуй, ни на что большее сейчас и не способен.

Через час рюкзаки собраны. Один из них Таши надевает на Джима; прихватывает другой, после чего они спускаются, садятся в крохотную машину Таша и въезжают на трассу.

Скрючившись на пассажирском сиденье, Джим смотрит на потоки красного-белого, красного-белого. Аутопия во всей своей красе. Узел, в который скрутило его желудок, начинает медленно, миллиметр за миллиметром, расслабляться. Дыхание делается ровнее. Где-то после Лос-Анджелеса он судорожно вздрагивает.

— Господи, Таш, я же ночью такого натворил — не пове-
ришь.

— Да уж точно.

Джим начинает рассказывать.

— Но почему? — раз за разом восклицает Таши. — Почему?

И раз за разом Джим отвечает:

— Не знаю! Я и сам не знаю!

Высокогорная пустыня к северо-востоку от Лос-Анджелеса, машина едет по темной, безлюдной дороге, и только здесь Джим заканчивает свое повествование. И тут же забывается беспокойным, с дрожью и метаньями, сном.

Глава 76

(А тем временем в море вышла маленькая лодка; слегка покачиваясь на волнах, она бесшумно приближается к обрыву мыса Риф-Пойнт. Когда лодка подходит к цепочке рифов, берег оживает; все вокруг заливают слепящий свет прожекторов, искрами вспыхивает черная вода. И тут же раздается гулкий, раскатистый удар.

Не более чем предупредительный выстрел. Но двое, сидевшие в лодке, беспрекословно подчиняются гремящему из

динамика голосу; они встают, закладывают руки за голову. В их глазах — полный ужас, сейчас они похожи на изображенных Гойей повстанцев, которых расстреливают солдаты...)

Глава 77

Джим открывает глаза; за окнами машины Алабама-Хиллз*, дорога петляет по Оуэнс-вэлли. В этот предрассветный час старейшие в Северной Америке скалы выглядят странно и тревожно, огромные округлые валуны диким, невероятным образом взгроможденные друг на друга. Чуть дальше в темно-индиговое небо вздымается черная стена, восточные склоны Сьерра-Невады. Таши слушает японскую пентатоническую музыку, прихотливые переборы флейты, сопровождаемые звяканьем какого-то восточного струнного инструмента; он не спит, но весь ушел в какой-то свой, далекий, внутренний мир.

За окном появляется придорожный поселок Индепенденс, чудом сохранивший осколок прошлого века; здесь Таши выходит из машины.

— Нам нужна еда.

Они останавливаются у круглосуточного магазинчика, покупают хлеб, сыр, шоколад. Таши идет в самую настоящую телефонную будку, прикрывает за собой дверь, куда-то звонит. Музей да и только. Покинув будку, он задумчиво кивает, чему-то улыбается.

— Поехали.

Они сворачивают на запад, дорога сразу же углубляется в горы.

— Тут есть небольшая заморочка, — сообщает Таш. — У нас только одна лицензия, так что пробираться нужно осторожно, а то еще нарвешься на кого не надо.

— А что, для похода по горам нужна лицензия?

— Да, конечно. Их дают в Тикертоне. — На лице Джима отражается полный ужас, и Таш смеется. — Вообще-то, это даже хорошо придумано. Но иногда бывает некстати.

Дорога тянется вдоль глубокой расселины, по дну которой бежит ручей. Склон крутой, и машина тащится совсем медленно. Цветы и кустарники Оуэнс-вэлли сменились соснами. В ушах закладывает от высоты. После нескольких

* Невысокие холмы к востоку от Сьерра-Невады. Никакого отношения к штату Алабама не имеют.

поворотов они окончательно теряют долину из виду. Ветер, дующий в открытое окно машины, становится все холоднее.

Подъехав к разветвлению, Таши останавливается, сводит машину с магнитной дорожки, включает аккумуляторы и немного отъезжает по ведущей влево грунтовой дороге.

— Рыбное место, — он указывает на виднеющийся впереди ручей. — И мы все еще за пределами заповедника.

Они складывают купленные припасы в рюкзаки, вскидывают рюкзаки на плечи и идут вдоль асфальтированной дороги. Светлеет, небо из индигового стало голубым, скоро поднимется солнце. Дорога перестает карабкаться в гору, идет почти горизонтально; впереди показывается автостоянка, с трех сторон окруженная крутыми обрывами, рядом с ней — несколько строений.

— Куда это мы пришли?

— Лесничество, здесь мы должны бы зарегистрироваться. Очень скоро двое лесников перекроют тропы, чтобы выяснить, кто мы такие и откуда взялись. Еще один пикет расположен прямо на перевале Кирсардж, — Таш указывает куда-то на запад. — Это — главный здешний перевал. Ну а мы двинем на север и перейдем хребет по другому перевалу, менее популярному.

— Ладно, — новость ничуть не тревожит Джима, он в жизни не видел никаких перевалов, так что какая ему разница, что один, что другой.

Они обходят лесничество стороной и углубляются в лес. Растут тут почти исключительно сосны и ели, землю устилает толстый ковер коричневых, остро пахнущих иголок. Верхушки гор уже освещены солнцем. Дойдя до развилки, они выбирают тропинку, идущую на север по дну каньона.

Рядом с тропой весело звенит ручей.

— Эту воду будут пить в Лос-Анджелесе, — смеется Таши.

В зарослях можжевельника и над узкими полосками травы, окаймляющими ручей, порхают сойки и зяблики. С каждым поворотом тропы открывается новый вид, то водопад, то отвесный, глубоко изрезанный трещинами гранитный обрыв. Справа поднимается солнце, воздух теплеет. Несмотря на натертые пятки, Джима охватывает непривычное для него спокойствие. Холодный воздух пропитан запахом сосен, ручей необыкновенно красив, вздымающиеся к небу скалы — величественны.

Они выходят к небольшой котловине; здесь ручей разливается озерцом. Джим застывает с раскрытым ртом.

— Красота-то какая. У нас здесь будет привал?

— Ты что, Джим, ведь сейчас только семь утра!

— А, конечно.

И снова крутая каменная тропа. Двигаться по ней трудно. В конце концов Таши и Джим выходят к замшелому берегу еще одного сюрреалистически-идеального озера.

— Озеро Золотой форели. Высота — одиннадцать тысяч восемьсот футов.

Неожиданно Джим замечает, что от этой котловины ведет всего одна тропа — та самая, вдоль ручья, по которой они поднимались. Дальше пути нет.

— Так мы что, остановимся здесь?

— Не-а. Вон там, — Таши указывает на запад, — Драконий перевал. Туда мы и пойдем.

— А где тропа?

— Я же говорил, что перевал не пользуется особой популярностью.

И тут до Джима доходит.

— Так ты что, хочешь сказать, что на этом твоём так называемом перевале нет даже тропы?

— Совершенно верно.

— М-м-да...

Они снова скидывают рюкзаки и начинают карабкаться по склону. Становится жарко. Джим сильно подозревает, что обе его пятки стерты до крови, лямки рюкзака режут плечи. Вслед за Ташем он поднимается по извилистой морене; тысячи лет назад здесь был ледник, а сейчас — царство камней, камней разбитых и перемолотых, иногда — чуть не в щебенку. Время от времени Таш и Джим делают остановку, чтобы отдохнуть и осмотреться. Далеко на востоке проглядывает Оуэнс-вэлли, а за ней — Уайт-Маунтинс, белые горы.

И снова вверх. Чтобы меньше скользить по осыпи, Джим идет за Ташем след в след. Левая-правая, левая-правая, из-под ног сыплются камни... все его мысли сосредоточены на этих шагах, на этих камнях. Совершенно ясно, что такой вот трудный, нескончаемый подъем — идеальная метафора жизни. Два шага вперед, на один шаг сехал. Выбрать дорожку получше и — вверх, по жестким, неустойчивым обломкам гранита, испещренным пятнами лишайника — светло-зеленого, желтого, красного, черного... Высокая цель вроде бы и

рядом, рукой подать, но достичь ее невозможно. Да, почти идеальная, очищенная от всего лишнего модель жизни — жизнь, сведенная к движению. Выше и выше. Небо из голубого стало темно-синим, в нем висит раскаленный сгусток огня.

Подъем продолжается. Монотонное повторение шагов, каждый из которых отзывается острой болью в пятках, превращает мозг Джима в крошечную точку, сводит все его чувства к зрению и кинетическому ощущению тела. Ноги, бедра, все словно резиновое. В какой-то момент он замечает, что уже целые полчаса не думал ни о чем, кроме ног и камней под ногами. Он ухмыляется и тут же вновь сосредоточивает все свое внимание на неверной, уходящей из-под ног осыпи. Ветра нет, слышны только шаги и тяжелое дыхание.

— Почти дошли, — объявляет Таши.

Джим удивленно вскидывает голову; слева и справа тянутся, уходя за горизонт, вереницы огромных пиков, а прямо перед ним — склон, прямо ведущий к гребню, ко впадине между двух гор.

— Как ты себя чувствуешь? — интересуется Таши.

— Великолепно, — вполне искренне отвечает Джим.

— Молодец. А то некоторые плохо переносят высоту.

— Мне тут нравится.

Их обоих охватывает предвершинная лихорадка; у Джима пересохло в горле, он ловит воздух широко открытым ртом, но все равно упорно не отстает от прибавившего темп Таша. И вот наконец гребень, они стоят в широкой седловине, сложенной из огромных, неровных глыб розоватого гранита. По виду этот гребень — широкий тракт, тянущийся с севера на юг, густо уставленный сторожевыми башнями пиков; отдельные его участки зазубрены, как пила, кое-где на запад и восток ответвляются другие, меньшие гребни. На западе горы уходят далеко за горизонт.

— Господи, — благоговейно шепчет Джим.

— Вот здесь и позавтракаем, — Таши скидывает рюкзак, стаскивает с себя пропотевшую рубашку, раскладывает ее на солнце, сушиться. В воздухе — ни ветерка, ни дуновения; в небе — ни облачка. Идеальный сьерра-невадский день.

Они сидят и едят, и греются, как выползшие на камень ящерицы. Медленно поворачивается огромный шар Земли. Нарезая сыр, Джим поранил палец; он сует его в рот и не вынимает, пока не перестает сочиться кровь.

Покончив с едой, они надевают рюкзаки и начинают спускаться по западному склону. С этой стороны круче, а Таши выбирает еще более крутой путь, узкую неровную расселину. Они спускаются по камину — так, оказывается, следует именовать эту щель, — упираясь руками в стенки, ставя ноги на ежесекундно грозящие вывалиться обломки. При всех своих стараниях быть осторожным, Джим роняет камень чуть не на голову Таша — к полному того возмущению. А еще Джим сильно расшибает задницу. И если раньше он стирал себе пятки, то теперь, при спуске, страдают пальцы ног. Камин выходит на пологий склон, за которым виднеется небольшое, в каменных берегах, ледниковое озеро. Цвет воды потрясающий, по краю — аквамарин, а в центре — кобальт.

Они пьют из озера, долго и жадно. Время уже к вечеру.

— Следующее озеро — просто сказка, — говорит Таш. — Побольше этого, почти сплошь окружено обрывами, и только с одной стороны, у самой воды, лужайка. Колоссальное место для стоянки.

— Здорово, — Джим уже заметно устал.

Западный склон хребта зачаровывает. Поднимаясь с востока, они видели внизу Оуэнс-вэлли, место обжитое и вполне обычное. Теперь же перед Джимом раскрывается новый мир, лишенный какой бы то ни было связи с тем, старым, откуда выдернул его Таши. Джиму не удалось бы внятно описать этот ландшафт, слишком уж он нов и непривычен, но во всей его сложности, в самовольном изобилии его форм, есть нечто гипнотизирующее. Ничто здесь не создано по плану, здесь нет и двух одинаковых вещей, однако все соразмерно и гармонично.

С востока, из-за хребта, выползают облака. Таши и Джим спускаются по осыпи из крупных, заляпанных лишайником, гранитных обломков. В трещинах прорастает мох, а за мхом следуют хилые кустики, так это бывает. По камням бегут тени облаков. Теперь Джим идет не за Ташем, а параллельно, сам находит себе путь. Они пересекают склон молча, каждый погружен в свои мысли, каждый внимательно контролирует свои движения. И уже начинает мерещиться, что этот спуск продолжается бесконечно долго, едва ли не с того времени, как легли сюда огромные, рваные камни.

Далеко за полдень Таши и Джим подходят к очередному озеру, уже погруженному в тень окаймляющего его гребня. Гладкая поверхность воды похожа на синее зеркало.

— Да-а. Красота.

— У-гу, — Таши прищуривается. — Только здесь нельзя останавливаться — здесь люди.

— Где?

Таши указывает. Только теперь Джим замечает на другом берегу озера два крохотных красных пятнышка. И третье, оранжевое, чуть побольше — палатку.

— Ну и что? Мы их даже и не услышим, они нам ничем не помешают.

У Таша вид, будто ему предложили съесть дерьмо.

— Ни в коем случае. Из озера вытекает ручей, мы пойдем вдоль него к Драконьему озеру. По дороге должны быть хорошие места для ночевки, а если нет — станем у озера, оно — тоже красивое.

Джим устало взваливает свою поклажу на плечи и плетется вслед за Ташем вдоль широкой промоины в каменной кромке озера. Вода журчит по желтому граниту, протачивает себе русло в склоне, спадающем к долине.

Они идут до самого заката. Небо еще не потемнело, но все вокруг утратило отчетливость, погрузилось в полумрак. В черном мху, покрывающем плоские берега ручья, галлюциногенно сверкают альпийские цветы. Из каменных трещин тянутся причудливо скрученные кусты можжевельника. Каждый изгиб ручейка открывает новый миниатюрный шедевр ландшафтной архитектуры. Джим поминутно трясет головой: наверху — синий бархат неба, внизу — темный, жесткий мир камней, прорезанный светлой, как небо, лентой. Джим устал, сбил себе все ноги, спотыкается все чаще и чаще, но Таши идет теперь медленно, так что поспеть за ним можно. Кроме того, жаль прерывать эту бесконечно развивающуюся демонстрацию красоты и величественности.

В конце концов Таш находит рядом с ручьем плоский песчаный пятачок и объявляет его местом привала. Рюкзаки летят на землю.

Можжевеловые кусты, пять или шесть.

На западе — неоглядная даль.

Гранитный столб, вырастающий из тени.

«Столп общества», — говорит Таши.

На востоке хребет, через который они сегодня перешли; край его пылает.

Дрожащий оранжевый свет; последние лучи заката.

Каждая скала высвечена, прорисована.

Каждый момент долг и тих.

Негромкий голос ручья бормочет и бормочет.
Светлая, синяя вода среди тяжелых теней.
Две крошечные фигурки, бесцельно бредущие.
О-о-о! О-о-о! О-о-о!
Воздух сам изливает медленный свет.
И ты жил здесь вечно.

— А как насчет поесть? — спрашивает Таши. Он сидит, облокотившись о свой рюкзак.

— Само собой. А костер разложим? Под этими кустами есть хворост.

— Ограничимся плиткой. В Сьеррах не так много топлива, чтобы раскладывать костры, во всяком случае — на такой высоте.

Они вынимают маленькую газовую плитку и готовят японскую лапшу. Когда Джим варит свою порцию, он, конечно же, сшибает котелок, а когда подхватывает котелок, чтобы спасти лапшу, то обжигает левую руку.

— Ой! — пальцы засунуты в рот. — Ладно, ничего страшного.

Таши захватил палатку, но ночь такая ясная, что решено ее не разбивать; они расстилают на песке матрасы, разворачивают спальные мешки, заходят в них и — наконец-то! — ложатся.

Луна на востоке, прячется за хребтом, но отблески ее света от ближних гор наполняют пространство бесконечным разнообразием теней, придают ему монохромную глубину. Журчит ручей. Все небо в звездах; Джим никогда не видел их столько, никогда и не подозревал, что их так много. Гораздо больше, чем спутников и боевых отражателей.

Дыхание Таши становится медленным и ровным, он спит. Джиму никак не спится.

Он оставляет тщетные усилия, садится, закутавшись в спальник, смотрит... Появившиеся было мысли о прежней — там, внизу — жизни мгновенно и с позором изгнаны. Здесь, в горах, мозг не хочет касаться бредовых проблем Око. Не может о них думать.

Скалы. Темные силуэты кустов, на фоне звезд качаются черные иглы. Лунный свет на крутых изрезанных склонах, вырисовывающий мельчайшие детали. И Джим... Джим не знает, о чем думать. У него саднит и ноет чуть не в дюжине различных мест. Но и это кажется частью гор, одним из компонентов разворачивающейся сцены. Его чувства пере-

напряжены, у него кружится голова от стараний вобрать в себя все это вместе, сразу — и музыку катящейся по камням воды, и ветер в сосновых иглах, и огромную, поразительно сложную картину белого гранита, испещренного гравюрными штрихами трещин, далекие громады залитых лунным светом гор... Он не знает, о чем думать. И вобрать все это невозможно, старания тщетны, мурашки по коже — вот и весь результат. Кому же под силу такая огромность?

Но впереди еще вся ночь, он может смотреть, и слушать, и снова смотреть... Со странным, наполняющим все тело и рвущимся наружу экстазом Джим осознает, что эта ночь будет самой долгой ночью в его жизни. Каждый ее момент, тихий и длящийся, будет потрачен на открытие мира, о существовании которого он раньше и не догадывался, на открытие — дома. Он считал этот дом давно утраченной мечтой, но вот он, здесь, в Калифорнии, такой же реальный, как камень под расшибленной намедни задницей. Джим стучит по граниту ободранными костяшками пальцев. Скоро из-за хребта выйдет луна.

Глава 78

На следующее же утро после устроенного Джимом погрома из Нью-Йорка прилетел Дональд Херефорд. Вертолет, стоявший наготове в аэропорту Джона Уэйна, доставил его прямо на территорию ЛСР. Херефорд вышел на бетонку, не ожидая, пока останутся лопасти, и ничуть под ними не пригибаясь.

— Что тут у вас случилось? — резко спросил он, глядя не на Лемона, а в сторону опытного завода.

Лемон осторожно прокашлялся.

— Было совершено нападение, но у них, как я понимаю, что-то вышло не так. Почему — непонятно. Уничтожена вывеска у въезда в парковочный гараж. Ну и... еще мы поймали двоих парней, которые подошли к берегу на лодке, но у них ничего такого не оказалось, так что...

Чувствуя себя до крайности глупо, Лемон ведет Херефорда с вертолетной площадки вокруг опытного завода, а затем — к воротам. Шесть круглых металлических столбиков, вокруг каждого — затвердевшая лужа синего пластика. До прошлой ночи здесь красовалась вывеска «ЛАГУНА СПЕЙС РИ-СЕРЧ». Чушь собачья.

Два эксперта из ФБР заняты сбором улик.

— Похоже, пара «Москитов», точно таких же, какими атаковали в последнее время ваших коллег, — сообщает один из них. — Производство «Харриса», заряд «Стикса-90».

Херефорд цокает языком, становится на колени, с любопытством трогает изуродованный пластик. А затем ведет Лемона назад, к вертолетной площадке.

— Ну что ж, — отрешенно говорит он. — Значит, так оно и есть.

— А не может случиться, что они предпримут новую попытку?

Херефорд резко встряхивает головой.

Лемона охватывает легкий озноб.

— А не можем ли мы... ну, как-нибудь... стимулировать новое нападение?

— Стимулировать? — коротко смеется Херефорд. — Или симулировать? Нет. Дело в том, что мы получили предупреждение. И теперь обязаны сделать все возможное, чтобы такое не повторилось. В противном случае наше поведение будет странным образом напоминать попустительство. Вот так.

Лемон судорожно сглатывает.

— И что же теперь будет?

— Все уже решено. Я приказал передать программу «Шаровая молния» новой конструкторской бригаде и перевести работы на завод во Флориде. Как ни крутись, в будущем месяце ВВС потянут нас к ответу. Постараемся объяснить им, что в выполнении производственного графика встретились некоторые трудности, но мы уже принимаем меры по исправлению положения.

Лицо Лемона вспыхивает, ему очень хотелось бы посмотреть на себя в зеркало — неужели совсем побагровел?

— Тут дело не только в графике...

— Я понимаю.

— ВВС тоже поймут.

— Это я тоже понимаю, — взгляд Херефорда делается холодным, очень холодным. — Но ведь в создавшемся положении у меня не очень много возможностей для выбора, вы согласны? Программа, разрабатываемая вашей командой, может превратиться для фирмы в «Большую косилку», и очень легко. Честно говоря, я готов поспорить, что именно так и случится, сколько я ни старайся выпутаться. Но руки опускать нельзя, сопротивляться нужно до последнего. Про-

блемы возникают буквально у каждой программы, связанной с антиракетной защитой. Как знать, может, и проскоком на общем фоне.

— Ну а что же мне делать со здешней командой? — убито спрашивает Лемон.

— Уволить, что же еще, — безразлично пожимает плечами Херефорд. — Законсервируйте производственные мощности. Лучших инженеров куда-нибудь переведите, если, конечно, для них найдутся места.

— А административный персонал?

— Тоже уволить, — Херефорд по-прежнему невозмутим. — Ведь мы устраиваем большую чистку. Нужно убедить военновоздушные силы в серьезности своего отношения к проблеме. Так что делайте все, что в таких случаях полагается, — отправляйте на пенсию, в длительный отпуск, куда угодно. Главное — действуйте.

— Понятно. Понятно. — Лемон быстро обдумывает положение. — С Макферсоном распрощаемся — именно он отвечает сейчас за технические аспекты «Шаровой молнии»; кроме того, после всей этой истории с «Осой» наши приятели с базы «Эндрюс» будут очень рады такому увольнению. Но вот Дэн Хьюстон... Хьюстон — очень полезный работник... — Зловещий взгляд Херефорда заставляет Лемона съежиться и замолкнуть. Да, теперь, пожалуй, понятно, каким образом этот человек сделал свою карьеру. Такой холодной безжалостности Лемон еще не видел...

Наконец Херефорд прерывает тяжелое молчание:

— И Хьюстона — тоже. Увольте всех. И побыстрее.

И добавляет, поворачиваясь к ожидающему его вертолету:

— Благодарите Бога, что сами-то вместе с ними не вылетели.

Глава 79

Под конец того же рабочего дня Деннис Макферсон узнает, что его принудительно направили на пенсию. Сократили. Уволили. Как хотите. Новость появляется в виде сухого машинописного послания от Лемона. Увольняют Макферсона, естественно, не с завтрашнего дня, а с двухмесячным предупреждением, однако, если учесть неиспользованный отпуск и работу во время болезни... К тому же делать на работе ровно нечего, наблюдать за переводом «Шаровой молнии» во Флориду — бессмысленный, по мнению Макферсона, и даже глупый маневр — назначили кого-то другого.

Одним словом, ходить в эту контору больше незачем. Абсолютно незачем.

Он быстро прикидывает на калькуляторе, сколько там набирается свободных дней. Ну вот, ничего он никому не должен, это за ними еще около недели. Но какая, собственно, разница, после двадцати-то семи лет работы в фирме?

Потерянный и ошеломленный, Макферсон просит принести коробку, складывает туда немногие личные вещи и отдает секретарше с просьбой отправить по почте. У Карен заплаканные глаза. Макферсон улыбается — совершенно нехотая, но сейчас он слишком погружен в тяжелые мысли, чтобы реагировать на окружающее адекватно.

Карен сообщает, что Дэна Хьюстона тоже сократили.

— Плохо, — качает головой Деннис. Ну вот, пожалуйста, еще и это. Жалко Дэна, ведь для него увольнение — страшный удар. — А не пойти ли мне домой? — спрашивает он у стен кабинета.

Макферсон в крайнем потрясении и действует сейчас, как автомат, почти не воспринимая обстановку — за что и вознагражден неожиданным приятным моментом. Когда он идет на выход, из дверей лифта появляется Лемон.

— Деннис, мне нужно с вами поговорить, — в хрипловатом голосе отчетливо слышны начальственные интонации, привычка к беспрекословному повиновению окружающих. Не повернув головы и не замедлив шага, Макферсон выходит на лестницу, спускается к гаражу.

Выезжая из ворот, он даже не замечает исчезновения вывески.

На автомозге домой, путь, тысячекратно повторенный за эти долгие годы, и вот сегодня — в последний раз. В голове не укладывается. Время раннее, машин немного. Всего одна настоящая пробка, на переходе с лагунской трассы на сантанскую. Поднимаясь на Редхилл, Деннис замечает, что улицы необычно пусты и как-то неверно освещены, словно все это — плохая кинодекорация. С Морнингсайдом то же самое, непривычен даже собственный дом.

Люси нет дома. В церкви, наверное. Деннис идет на кухню и садится за обеденный стол. Даже интересно, ведь за все время истории с «Осой» ему ни разу не пришлось в голову, что на кону стоит собственная его работа. Он сражался только за программу.

Деннис сидит за столом и тусклыми глазами смотрит на солонку. Его охватило полное оцепенение, он даже сам

осознает, что его охватило оцепенение. Вот так, значит, я все это воспринимаю, чувствую. Нет смысла бороться со своими чувствами. Люси всегда так говорит. Ну вот и прекрасно. Окунемся в оцепенение.

Хорошо это получилось, когда он прошел мимо Лемона. Всегда хотелось сделать такое. И чего это ради они перемещают «Шаровую молнию» во Флориду? Только нарушат все работы по фазированным решеткам, а ведь если бы удалось...

Нет, невесело смеется Деннис, с этим пора кончать. Дурная привычка думать о работе дома.

А о чем же думать теперь?

Проблема решается просто: он сидит и не думает вообще ни о чем.

Приходит Люси. Деннис рассказывает ей о случившемся. Она резко садится — почти падает — на стул.

Деннис поднимает глаза, смотрит на жену: ну что? Так уж оно вышло, и ничего тут не поделаешь. Люси тянется через стол, берет его за руку. Просто поразительно, насколько богатым может быть личный язык пожилой супружеской пары.

— Ты найдешь себе другую работу.

— М-м-м, — Деннис еще не думал об этом, а сейчас, после слов Люси, у него возникают сомнения. Его послужной список вряд ли произведет большое впечатление на какую-нибудь оборонную фирму.

Люси чувствует сомнения мужа, она отворачивается и сморкается, идет к раковине. Вид у нее расстроенный.

— А ты знаешь, — преувеличенно бодро говорит она через несколько секунд, — стоило бы съездить на участок, в Эврику. Тебе полезно сменить обстановку. А мы там с того самого пожара ни разу не были. Может быть, пора построить этот домик, о котором ты все время говоришь.

— А как же церковь?

— Попрошу Елену, она меня подменит. Отпуск — это же здорово, — Люси говорит вполне искренне, она любит путешествовать. — Можем же мы использовать случай и доставить себе маленькое удовольствие, если уж все равно так получилось. А потом все как-нибудь наладится.

— Я подумаю. — Что должно обозначать: а пока не приставай ко мне с этим.

Люси замолкает. Она начинает готовить обед. Деннис смотрит, как она суетится. А потом все как-нибудь наладится.

Ну что ж, у него остается Люси. Вот уж это не изменится никогда. Бедный Дэн. Чего-то она совсем расчихалась, простудилась, наверное. Он с трудом сдерживает улыбку; Люси ненавистна сама мысль поселиться на северном побережье Калифорнии, вдали от всех знакомых. А вот он об этом мечтал. Построить себе халупу, собственными руками, и чтобы все было сделано, как надо. Да что, в конце концов, там что ли нет церквей? И недели не пройдет, как у нее появится уйма знакомых. А вот он... ну, да это не важно. У него же и здесь нет друзей. Во всяком случае — настоящих, так, несколько знакомых из числа коллег, в большинстве своем они ходят в какие-то другие, свои компании, почти исчезли из его жизни. Нужно позвонить Дэну. Так что переселение в окрестности Эврики ничего толком не изменит. Деннису с первого взгляда понравился этот скалистый, поросший деревьями берег, соленый безлюдный простор океана.

— Съездить туда можно, — говорит Деннис. — Уж это-то во всяком случае. Строить сейчас поздновато, лучше начинать такое дело весной или летом. Но мы можем осмотреться, выбрать место для дома.

— Правильно. — Люси внимательно изучает содержимое холодильника. — И давай устроим самый взыскательный отпуск. Поедем отсюда своим ходом, вдоль всего побережья.

— А первую остановку сделаем в Кармеле.

— Мне нравится этот городок.

— Я знаю.

Денниса заливают волна мучительной нежности. Он не совсем еще вышел из своего оцепенения, все его чувства какие-то... путанные, что ли? Он их толком не понимает. Отчетливо ясно одно — вот тут, рядом, стоит его жена, женщина, которая в любой, абсолютно любой ситуации найдет хорошую сторону. Обязательно. Как бы ни было ей трудно. Я ее не стою, думает Деннис. А в то же время — вот она. Ему почему-то становится весело.

Люси осторожно смотрит на него, улыбается. Может быть, она как-нибудь чувствует мои мысли. Теперь она у кухонного стола, чем-то там усердно занимается. Немного напускная деловитость, думает Деннис, и сразу вспоминает об ЛСР. Господи, да какая же это ерунда. Ерунда это. Двадцать семь лет.

Люси начинает подавать на стол, но в этот самый момент звонит телефон.

— Да, — говорит она, неуверенно глядя на мужа. — Да, он дома.

Со страхом в глазах, она передает мужу трубку.

— Алло?

— Деннис, это я, Эрни Клусински, — один из тех самых полуутраченных друзей Денниса; сейчас он работает в Ла-Абре, на «Аэроджет».

— Привет, Эрни. Как дела? — Деннису самому противно слышать неестественную бодрость своего голоса.

— Прекрасно. Слушай, Деннис, мы тут как раз узнали, что там случилось у вас в ЛСР, и я сразу подумал, а не забежишь ли ты к нам ненадолго? Пообедаешь со мной и моей начальницей, Соней Аддинг, ну и поговорим кое о чем. Расскажем тебе, чем мы здесь занимаемся, обсудим возможности. — Пауза. — Если, конечно, тебя интересует такой вариант.

— Интересует, точно интересует, — Деннис на мгновение замолкает, быстро прикидывает. — Да, Эрни, огромное тебе спасибо, очень хорошо, что ты обо мне вспомнил. Только, м-м-м, тут есть одна штука... — Деннис молчит еще секунду, затем решает. — Понимаешь, мы с Люси хотели съездить на север, устроить себе отпуск. Раз уж подвернулся такой удобный случай. — Шутка жалкая, выморочная, но Эрни смеется. — Так, может, отложим это немного?

— Да конечно, конечно. Спеху тут нет никакого. Ты только позвони мне, когда вернешься, и сразу договоримся. Я рассказал Соне о тебе, и она сразу заинтересовалась, захотела встретиться.

— Это ты хорошо придумал. Спасибо, Эрни.

На том разговор и кончается.

Все еще в задумчивости, Деннис возвращается за стол. Глядит на тарелку, на легкий пар, поднимающийся над запеканкой.

— Это кто был, Эрни Клусински?

— Он самый. — Станный сегодня день.

— И что ему нужно?

— Охотник за головами, — кривовато усмехается он. — Прошел слух, что Макферсона выпустили на свободу, вот начальница Эрни и захотела со мной побеседовать. А может быть, и взять к себе в подручные.

— Но это же потрясающе!

— Возможно, возможно. Только «Аэроджет» занимается наземными лазерами, шестой фазой антиракетной защиты. А мне до тошноты не хочется влезать в такие штуки.

— И я бы тебе не советовала.

— Все это — напрасная трата времени, — снова возвращается к больной теме Деннис. — Но «Аэроджет» — очень крупная компания, у них ведется много самых разных исследований. Если бы попасть в подходящий отдел...

— Поговоришь с ними, вот все и выяснится.

— Да. Кстати, я сказал Эрни, что сперва мы съездим в отпуск.

— Я слышала, — улыбается Люси.

— Как бы там ни было, — пожимает плечами Деннис, — давно пора посмотреть на наше поместье. — Некоторое время он ест молча, потом замирает, задумчиво постукивает ложкой по столу. — Станный сегодня выдался день.

Вечером они укладывают чемоданы, прибирают квартиру — предотъездный ритуал, неукоснительно выполняемый тридцать уже лет. Мысли Денниса путаются и разбегаются, его чувства ежесекундно меняются: от неспособности поверить в случившееся к болезненной обиде, от обиды — к ярости, к оцепенению, к горькому сарказму. И здесь же — напряженное, с затаенным дыханием, ожидание, ощущение свободы. Если уж на то пошло, он совсем не обязан принимать предложение «Аэроджета». А вот захочет и примет. Ничего четко определенного, обязательного. Может случиться абсолютно все что угодно. И ему никогда не придется впредь иметь дело с «Шаровой молнией», никогда не придется выслушивать понуканий Стьюарта Лемона. Даже не верится.

— Да, нужно все-таки позвонить Дэну.

Крайне неохотно Деннис набирает номер и с невероятным облегчением слышит механический голос автоответчика. Он оставляет коротенькое сообщение, говорит Дэну, что нужно бы встретиться, что позвонит ему после поездки, и вешает трубку. Бедняга Дэн, где-то он сегодня?

Люси звонит Джиму. Нету дома, и даже автоответчик выключен.

— Беспокоит он меня, — говорит она, нервно закидывая вещи в чемодан.

— Он и сам не понимает, что с ним такое, — пожимает плечами Деннис. Он все еще зол на Джима за вчерашнее, когда тот убежал, даже не пообедав. Мог бы подумать о

матери, как ей будет обидно. А весь этот их спор — сплошная глупость; Деннис удивляется себе, чего это так разболтался, особенно — когда собеседник ровно ничего не понимает. Хотя и должен бы понимать! Должен бы. Да, с ребенчком сплошные проблемы. Ребус.

— Давай не будем о нем сегодня.

— Хорошо.

Деннис загружает чемоданы в багажник машины.

— Как тебе кажется, — спрашивает Люси, выключая в спальные свет, — пойдешь ты к ним работать?

— Вот вернемся, тогда и посмотрим.

Пять часов утра — традиционное для них время отъезда; Деннис задним ходом подает машину на улицу, едет к сантанской трассе, сворачивает на север, и они покидают округ Ориндж.

Глава 80

Таши и Джим возвращаются к машине через трое суток. Джим пребывает в жалком состоянии — все ступни в потерностях и водяных пузырях, один разрезанный палец и три обожженных, здоровенная ссадина на ноге, вывихнутое колено, растяжение левого голеностопа, физиономия обгорела, особенно нос и покрывшиеся глубокими трещинами губы. Для полной радости он чуть не вышиб себе колом от палатки глаз и сделал весьма неосторожную попытку поменять баллон газовой плитки при свечке. Еще счастье, что взрыв был не очень сильный, сгорели ресницы, щетина на подбородке и волосы на запястьях, только и всего.

Одним словом, Джим — далеко не тертый и бывалый турист-альпинист. И все равно он доволен. Тело поуродовано, зато дух пребывает в блаженном спокойствии. Пока, во всяком случае. Он открыл новый мир, и этот мир никуда больше не денется, навсегда останется рядом. И физически: прокатился немного по трассе, и — вот оно, и ментально, как некая часть его мозга, часть, которую он нашел для себя тогда же, когда и горы. И уж она-то пребудет с ним всегда.

Он стенает, подходя к машине и скидывая рюкзак, он стенает, когда Таши выводит машину с проселка на настоящую дорогу, он продолжает стенать, когда машина бежит по трассе — сидит, понулив голову, и самым натуральным образом стенает. Однако, положив руку на сердце, Джим

чувствует себя великолепно. Сейчас его не пугает даже перспектива возвращения в Око, он открыл в себе новые силы для борьбы, новую решимость.

— Жаль, не прихватили с собой Сэнди, — говорит он Ташу. — Вот кому бы точно понравилось.

— Когда-то он ходил со мной, — замечает Таш, — а сейчас все время занят. Кроме того... — он слегка прищелкивает языком. — Вот мы вернемся и посмотрим, как там у Сэнди. Думаю, его уже выпустили под залог.

— Чего?

— Тут, понимаешь ли, вот в чем дело... — Таши рассказывает о контрабандистской вылазке, о товаре, припрятанном под обрывом в непосредственной близости от ЛСР. — А потом ЛСР усилила меры безопасности, и до банок стало не добраться. Судя по всему, ваше нападение на ЛСР должно было отвлечь охранников, чтобы Сэнди получил возможность проскользнуть с моря и вытащить свою заначку.

— Что-о? Господи ты Боже...

— Да ты успокойся, успокойся. Ничего с ним особенного не случилось. Утром, когда мы покупали в Индепенденсе еду, я позвонил Анджеле и все узнал. Его взяли охранники ЛСР и сразу сдали в полицию. Так что — никаких проблем.

— Никаких проблем? Господи Иисусе!

— Да, никаких. Угодить за решетку — это далеко не самое худшее, что может случиться. Я ведь очень беспокоился о Сэнди. Его же могли и пристрелить, очень свободно.

Такая мысль повергает Джима в полное молчание.

— Так что — все в порядке, — успокаивает его Таш.

— Господи, — шепчет Джим, — я же ничего не знал! Ну почему Сэнди мне не сказал?

— Вот уж не знаю. Ну а сказал бы он — и что бы ты тогда сделал?

Джим нервно сглатывает, сказать ему нечего.

— А раз уж с Сэнди все в порядке, так и лучше, что ты не знал.

— Боже мой, сперва Артур, а теперь и Сэнди...

— Да уж, — смеется Таши. — Той ночью ты спутал все планы очень многим людям. Ничего, это не страшно.

Машина катится на юг. И снова голова Джима буквально бухнет от проблем Око, никуда, видно, от них не денешься. С возвращением вас. Теперь только страшным усилием можно будет удерживать хоть малый осколок того огромного спокойствия, которое охватило его в горах. Джим может по-

терять свой новообретенный мир, он понимает это — и боится этого.

По мере приближения к дому стихает и Таши; они едут в полном молчании.

К вечеру они миновали перевал Кахон, дальше пошли утыканные домами холмы, еще дальше — сплошь застроенная низина. Лос-Анджелес, Город Света. Огромная развязка, где Пятый встречается со Сто первым, Двести десятым и Десятым, кажется им абсолютно нереальной, это — какой-то элемент ландшафта чуждой и непонятной планеты, сплошь покрытой древним, миллионолетним городом.

Еще немного — и машина въезжает в ОКО; здесь все, по крайней мере, знакомо, так что удивление слегка притупляется. Этот инопланетный пейзаж им не нов, они здесь живут. Это — место ссылки, ссылки из того, другого мира, в который они так ненадолго наведались.

Таши довозит Джима до дома.

— Спасибо, — говорит Джим. — Все это было...

— Да ладно. — Все последние часы, пока за окнами машины мелькала Южная Калифорния, Таш пребывал то ли в трансе, то ли в глубоком раздумьи. — А вообще — было действительно здорово. — Он протягивает оторопевшему от такого неожиданного жеста Джиму руку. — Увидимся.

— Обязательно!

— Ну — пока.

И Таши уезжает.

Джим остается один, на своей улице. Он плетется в свою квартиру. Там — полный разгром, он и квартира великолепно соответствуют друг другу. Как и всегда. Он озирает последствия своей истерии, своего бешенства, озирает довольно равнодушно, но с некоторой примесью... сомнения? ностальгии? Чего-то в этом роде. И печально вздыхает.

Через кучи хлама, по вытряхнутым со стеллажа книгам, по расшибленным компакт-дискам и изуродованным дискетам Джим идет в ванную. Раздевается. Да, прилично досталось этому грязному телу. Он становится под горячий, сколько можно терпеть, душ. Наркотическая смесь из равных долей жгучей боли и наслаждения; он приплясывает и поет:

В околплодные воды любви

Я без раздумья нырял.

Живчик свою яйцеклетку нашел —

Выиграл я, или я проиграл?

Он вытирается — опасливо, осторожно, и осторожно же заползает под простыню. Постельное белье, какая же это роскошь. Он опять дома. Он уже и не понимает толком, что это такое, но — вот оно. Он дома.

Следующий день Джим проводит в Трабукском колледже, договаривается о расписании на следующий семестр, а затем возвращается домой, нужно ликвидировать последствия недавнего погрома. Значительную часть вещей остается только выкинуть, они безнадежно изуродованы. Музыку придется собирать наново, с нуля. То же самое и с компьютерными файлами. Ну уж там-то не было ничего особо ценного.

А вот карты, их жалко до слез. Купить такие еще раз — об этом и думать нечего. Кусается. Джим аккуратно, как те головоломки, собирает карты из обрывков, переворачивает их, одну за другой, лицом вниз, подклеивает, по возможности — разглаживает. А затем вешает на прежние места.

Странновато они выглядят: жеванные, со вполне очевидными разрывами. Ну, словно какое бумажное землетрясение искорежило бумажный ландшафт, и так — раза три подряд, не меньше. Разгром, какое ни на есть восстановление, и снова разгром, и снова, снова... Ну... а ведь это, если разобраться, и правильно. Ведь карта — она что? Схематическое воспроизведение ландшафта. А у многих ландшафтов — в том числе и у ландшафта ОкО — духовная составляющая гораздо важнее физической. Да и вообще, лучше их не склеить.

Затем Джим бродит по гостиной и собирает разбросанные повсюду клочки бумаги. Вот эта лежащая на столе куча рванья, она, значит, и есть суммарный плод всех его литературных потуг. Джиму становится немного нехорошо. Ну вот, скажем, заметки по истории ОкО, уж они-то такого никак не заслужили. С другой стороны, они же никуда и не девались, все они здесь, в куче. И снова то же, что и с картами, занятие — Джим собирает по клочку листы, складывает их, склеивает. Потом перечитывает свои опусы и все их, за исключением истории, выкидывает. Тут тоже начнем с нуля.

Покончив с ювелирной работой, он берется за грубую — вытаскивает пылесос и пылесосит везде, куда только можно им дотянуться. Губка и моющий порошок, тряпки, бумажные полотенца и жидкость для мойки стекол, бельевой отбеливатель — это для пятен на обоях... Джим работает всеми этими орудиями с такой отчаянной яростью, словно наглотался дури, словил глюки и преисполнился отвращения к

грязи и беспорядку, даже самые малые количества которых стали казаться неизмеримо огромными. Маленький кухонный приемник, на счастье уцелевший при погроме, подогревает Джима тем самым хитом «Трех Чайников и Глупого Гуся»:

Ты — автомозг,
Ты твердо держишь ряд,
Ты согласен со всем,
Что тебе говорят.
В тебя забита
Простейшая программа,
И нету своих
Мыслей ни грамма.
Но все равно у тебя
Будет сбой, будет сбой...

Тут Джим начинает подпевать приемнику. «И все полетит на хрен!» — орет он хором с «Чайниками», а затем дополняет песню куплетом собственного сочинения:

А сразу после сбоя
Автомозг раскрыл глаза,
Стер все программы
И руки себе развязал...

Несомненно, какой-то порядок нужно установить. Только без фетишизма, пусть будет гибкая структура, символически отображающая внутреннюю гармонию, какую именно — это мы выясним по ходу дела. Джим изо всех сил пытается создать новую структуру из все тех же, прежних материалов...

Несчастные, ни за что пострадавшие книги свалены на диван. Ну чего было на них-то бросаться? К счастью, им досталось не очень сильно. Джим заново сооружает из кирпичей и досок стеллаж, начинает заполнять его полки. Неужели в расстановке книг так уж важен алфавитный порядок? Попробуем рассовать их произвольным образом, посмотрим, что из этого выйдет.

В конце концов с приборкой покончено. Сквозь открытое окно комнату заливают косые лучи предзакатного, опустившегося ниже трассы солнца. Дверь тоже открыта — чтобы сквозняк унес с собой столбом стоящую пыль. Это надо же себе представить, чтобы в этой квартире — чистота и порядок! Джим выносит весь хлам в мусорный бак, возвращается. Затем собирает останки спально-сексуальной видеосистемы и тоже выбрасывает. «Долой изображения». Возвратившись

снова в квартиру, он снова ее оглядывает и снова — еще больше прежнего — удивляется. Вполне пристойное жилье, во всяком случае — в этот час и в это время года.

Джим жарит себе яичницу, а потом звонит Хане. Трубку не поднимают, автоответчик выключен. Вот черт. Он звонит родителям — и, к крайнему своему удивлению, слышит голос автоответчика. Сегодня же вроде еще не пятница, куда же они подевались? Неужели уехали из города? Ведь во всех прочих случаях они этой техникой не пользуются.

Дома делать нечего, так что, послонявшись немного из угла в угол, Джим едет к родителям, посмотреть, что там и как.

И вправду никого дома. К кухонной ставне пришпилена записка.

Джим, пишет Люси, папу уволили с работы. Мы едем в Эврику, посмотреть, как там участок. Поливай, пожалуйста, цветы. Вернемся через две недели.

Уволили! Да что у них там, в ЛСР, работы что ли мало?

В полном недоумении Джим отпирает дверь, бесцельно тычется по комнатам родительского дома. Как же это могло случиться?

Очень странно видеть с детства знакомую квартиру пустой. Впечатление, будто ее покинули навсегда.

Почему, с какой стати его уволили? Ублюдки! И чего я, спрашивается, выпендривался, ехал бы с Артуром, и расплавили бы мы все ваше дерьмо к чертовой матери.

Ну а если бы и так, уж тогда-то отца уволили бы еще вернее. Джиму и в голову не приходит, что уничтожение завода ЛСР могло неким образом помочь отцу удержаться на работе, он почти уверен в обратном. Он ничего не знает.

Джим сидит в прихожей, откуда видны все комнаты маленькой квартиры, комнаты, в которых прошла большая часть его жизни. А теперь это просто пустые клетушки, словно смеющиеся ему в лицо своей тишиной и безмятежностью. «Так что же все-таки случилось?» Он вспоминает лицо Денниса, склоненное над моторным отделением машины. Деннис, с непоколебимым упорством цепляющийся за свои убеждения...

Растерянный и опустошенный, Джим выходит во двор, садится в машину. И все сначала, думает он. Я готов начать все сначала. Построить себе новую жизнь. А каким, спраши-

вается, образом? Ведь материалы под рукой все те же самые... Каким образом можно начать новую жизнь, когда все вокруг остается таким же, как и прежде?

Глава 81

По пути к Сэнди он даже не глядит в сторону Саут-Кост Пласа.

За дверью — непривычная тишина.

— Привет, Джим, — говорит Анджела.

— Привет, Анджела. А Сэнди... как там с ним, все в порядке?

— Да, все прекрасно. — Анджела проводит Джима на кухню; здесь тоже до странности тихо и пусто. — Он улетел в Майами, повидать отца.

— Я узнал только сегодня, от Таша. Мы с ним все это время были в горах, как раз той ночью и уехали, а то я зашел бы раньше. И мне очень, очень жаль...

— Не изводи себя, Джим, — останавливает его Анджела. — Ни в чем ты тут не виноват. Таш уже рассказал про твои подвиги, и мне даже понравилось. Это надо же было на такое решиться! А с Сэнди все обошлось; через несколько дней он вернется, и жизнь войдет в норму.

— Но ведь его вроде арестовали?

— Чепуха это все. Подозрения у них есть, но подкрепить их нечем. К тому же задержали его не полицейские, а частные охранники, для суда такой арест почти не имеет значения. Сэнди и Боб говорят, что просто катались там на лодке, и нет никаких доказательств обратного. Все будет хорошо, не беспокойся.

— Ну, если...

Видя, что Джим не совсем еще успокоился, Анджела заставляет его сесть.

— Они же и поймали их не на берегу, а в море. Сперва, говорит Сэнди, было страшновато, ведь они сделали предупредительный выстрел, а потом наставили на ребят автоматы и все такое. Ну и потом он просидел пару дней в камере. Но ничего серьезного ему не грозит, во всяком случае, мы так надеемся. Самое большее, если Сэнди придется прекратить на время свою торговлю. А может, и не на время, а насовсем. Мне бы хотелось, — слегка улыбается она, — чтобы насовсем.

— А что с Артуром? — спрашивает Джим.

— Исчез, будто и не было такого. Куда он делся, что с ним случилось, — никто не знает. Честно говоря, меня это не очень и волнует.

Судя по всему, она имеет зуб на Артура — считает, что именно по его милости все они вляпались в авантюру с диверсией и вытаскиванием заначенного товара, хотя, как кажется Джиму, это не совсем справедливо. На какой-то момент Анджела помрачнела, сникла, и тут до Джима неожиданно доходит, каких усилий стоит ей знаменитая ее жизнерадостность. Ведь оптимизм, думает он, это совсем не биохимия, а манера поведения, он требует непрерывной работы.

— Не понимаю, — говорит Анджела, — как он мог впутаться в такую идиотскую историю. И добро бы только сам, так он и тебя затащил. Ну а ты-то каким местом думал? Надо же хоть что-то понимать.

— В общем-то да, — уныло соглашается Джим. А что тут, собственно, возразишь? Как ни крути, их использовали для прикрытия наркооперации. Ну а те, предыдущие случаи... Неужели, и там то же самое?

— Но... нет, мне кажется, Артур действительно верил в то, чем мы занимались. Не думаю, чтобы он делал все это за деньги или из какой там еще корысти — он и вправду хотел изменить положение вещей. Ведь нужно же как-то сопротивляться! Нельзя же так вот взять и капитулировать, со всем согласиться!

— Не знаю, — пожимает плечами Анджела. — То есть стараться изменить жизнь нужно, тут нет сомнений. Но должны же быть какие-то другие пути, не такие опасные и вредоносные.

А в этом-то Джим как раз не уверен. Некоторое время они с Анджелой сидят молча, затем он прощается и уходит.

Несмотря на все старания Анджелы, разговор никак не улучшил его настроения. Ну как можно было предугадать, что диверсия против диверсии приведет к таким неприятностям? Сэнди вляпался по самые уши, а об Артуре лучше и не говорить. Да и чего, в итоге, добились мы с Артуром? Сопротивлялись мы системе, или были ее частью?

Ну неужели ничто и никогда не может быть простым и чистым? Скорее всего — нет. Ведь каждое твое действие

осуществляется в сложившейся сети обстоятельств... Ну и как же тогда принимать решения? Откуда тебе знать, как нужно действовать?

Джим едет в Фаунтин-вэлли, к Артуру. Ступеньки при входе, почерневшая деревянная лестница с бежеватыми оштукатуренными стенами, узкий коридор, слева и справа — бесконечные ряды дверей. А вот и квартира Артура, триста сорок четвертая. На стук никто не отзывается, но дверь не заперта. Пусто. Джим стоит и смотрит на выгоревшие оконные занавески. Визионерская, почти религиозная экстатичность Артура, его наслаждение прямыми, непосредственными действиями... Да нет, конечно же, он верил в свое дело. Вне зависимости от всех этих связей с Реймондом. У Джима нет ни малейших сомнений. Более того, он по-прежнему согласен с Артуром — нужно что-то делать. Сопротивляться нужно, и обязательно, вопрос только в методе.

— Прости меня, Артур, — говорит он вслух. — Надеюсь, с тобой все в порядке. Надеюсь, ты продолжаешь свое сопротивление. И я тоже продолжу.

— Тем или другим способом, — добавляет он, выходя из квартиры. И сразу понимает, что выполнить это обещание будет очень трудно, что он никогда еще не ставил перед собой такой сложной задачи. Раз и Артур, и отец правы — одновременно! — ему придется найти свой собственный путь, либо между их путями, либо где-то совсем в другом месте. Нужно найти путь, который никак, ни при каких обстоятельствах не станет частью огромной машины войны, путь, который поможет — хотя бы немного — изменить образ мыслей Америки, ее душу.

Хотя уже поздно, но Джим решает заехать к Ташу, обсудить положение. Ему необходимо с кем-нибудь поговорить. Он поднимается наверх, выходит на крышу.

Пусто. Совсем пусто, нет ни Таша, ни даже палатки.

— Черт!

«Что же это такое происходит? — думает Джим. — Куда же они все разбежались?» Он обходит всю крышу, словно пустая бетонированная площадка может неким образом намекнуть, куда подевался Таш. Ничего. Исчезли даже ящики, в которых росла морковь-петрушка.

Внизу — россыпи огней. Ньюпорт-Бич и Корона-дель-Мар. Где-то кто-то играет на саксе, а может, это просто

запись. Хрипловатые, печальные звуки, в минорных терциях. Джим стоит на краю крыши и смотрит на море, чернеющее за всеми этими трассами и башнями домов. Каталина, сейчас она похожа на залитый огнями океанский лайнер, плывущий вдоль черного горизонта. Таши...

Вернувшись домой, Джим ложится в гостиной, на диванчике, а затем всю ночь безуспешно пытается уснуть; утром он звонит Эйбу.

— Слушай, Эйб, а куда это делся Таши?

— Он вчера уехал на Аляску. — Долгая пауза. — А что, он с тобой не попрощался?

— Нет! — Джим осекается, вспомнив свое расставание с Ташем. — Хотя не исключено, что сам-то он считает, что да. Вот же черт.

— Возможно, он звонил, а тебя не было дома.

— Возможно.

— И как тебе понравились горы?

— Потрясающе, я и не думал, что такое бывает. Слушай, ты сегодня дома? Я хочу зайти и все тебе рассказать.

— Нет, мне скоро на работу.

— А-а.

Долгое молчание.

— А как там Ксавьер? — спрашивает Джим.

— Да так, потихоньку. — Снова молчание.

Возможно, Эйб слышит что-то в этом молчании.

— Знаешь, Джим, — говорит он, — я позвоню тебе завтра, и тогда встретимся, если захочешь. Да и вообще нужно спланировать, как мы отпразднуем возвращение Сэнди. Если, конечно, ничего не случится с его отцом.

— Да, ладно. Хорошо. Позвони обязательно. И удачи сегодня.

— Спасибо.

Джим едет в Первую американскую компанию титульного страхования и торговли недвижимостью — безо всяких к тому причин, просто он не может придумать себе никакого занятия и повинуетя старым привычкам.

Хэмфри на улице, стоит и уныло смотрит на рабочих, расчищающих внутренности здания. Там полный кошмар — нечто, напоминающее последствия пожара, только без копоти и сажи. И то, большая часть хлама уже вынесена, а что было раньше...

— Взорвали нас, — сообщает Хэмфри. — Кто-то рванул в нашем здании бомбу с растворителем, который все уничтожил. Целая шайка работала, ведь погорела куча риэлторских фирм, и все в одну и ту же ночь.

— Надо же. — Джим чувствует себя довольно неловко. — А я и не знал. Я же все это время был в горах, с Ташем.

— Такая вот жизнь. Пропала вся моя документация, вообще все, — тоскливо сообщает Хэмфри. — А Амбанк вышел из проекта «Пувра», слишком, говорят, большие задержки. Я-то уверен, что они попросту испугались, но какая, собственно, разница. Главное, что проекту — конец.

— Мне очень жалко, — говорит Джим. — Вот честное, Хэмф, слово, жалко.

Какой-то частью своего сознания он должен был вроде бы обрадоваться этому неожиданному повороту событий — как там ни говори, а вот тебе, пожалуйста, положительный результат того ночного психоза, только этой части что-то не заметно на горизонте. Увидев выражение лица несчастного Хэмфри, она предпочла за лучшее тихо, незаметно исчезнуть, во всяком случае — на время.

— Уж ты извини.

— Да ничего, — удивленно глядит на него Хэмфри. — И чего ты так убиваешься, не твоя же это вина.

— Ну да, конечно. Но ты все-таки извини.

Извинения, сплошные извинения. А еще нужно будет позвонить Шейле Майер и тоже извиниться. Попросить прощения. Такая перспектива заставляет Джима глухо застонать. И все равно от этого никуда не денешься.

Джим возвращается домой и начинает тыкаться из угла в угол свежеприбранной гостиной. Он останавливается перед стеллажом, смотрит на книги. Нет, читать не получится, не то сейчас настроение. Как это хорошо, когда никто тебе не мешает, когда ты один на один с самим собой... но только не сегодня. Не сегодня. Он снова звонит Хане — и с тем же, что и прежде, результатом: ни ответа, ни автоответчика. «Слушай, Хана, кончай эти штучки. Подними трубку!» Так она же не слышит.

Ну ладно. Вот он, я. Я один, я — в своем собственном доме, и никто мне не мешает. Ну и что же мне делать дальше?

— Если ты полностью меняешь свою жизнь, — вслух рассуждает Джим, — если ты — что-то вроде автомозга, который неким чудом освободился от автомобиля, с чего тебе

нужно начать? Ты не имеешь о том ни малейшего представления. А что вообще делает тот, у кого нет никакого плана? Он составляет план. Так что подумай и составь план, по возможности — хороший.

Ну ладно. Он снова расхаживает по комнате, пытаясь придумать какой-нибудь план. А потом кончает что-то там придумывать и просто расхаживает по комнате. Ему очень одиноко. Джим хочет быть в компании друзей — чтобы они защитили его от самого себя. Только их нет никого, все они раскиданы некой силой, которую, как чувствует Джим, сам же он и вызвал к существованию. И все своим маловерием... Да нет же, нет. Ты уже начинаешь мыслить магическими категориями вместо рациональных, словно дикарь какой. В действительности все твои поступки почти ничего не изменили. А может, это только так кажется. Так что же все-таки верно? Неужели это и вправду моих рук дело, именно я расшвырял всех по сторонам?

Джим не знает ответа.

Ну ладно. Хватит плакать над разлитым молоком. Вот он я. Я свободен, я, и только я свободно выбираю, что я буду делать. Ну и что же я буду делать?

Слоняться из угла в угол, вот что я буду делать. И оплакивать отъезд Таша. И сражаться против... против самого себя. Джиму никак не избежать магического подхода к действительности, нечто неопределенное со всей определенностью говорит ему, что именно он и есть первопричина последних событий. Ему одиноко. Смогу ли я когда-нибудь свыкнуться с таким вот одиночеством, достаточно ли у меня самодостаточности?

А вот Том — он свыкся с одиночеством. Стоп! Дядя Том.

Нужно съездить к Тому.

Джим выскакивает на улицу, выводит машину и едет в «Подыхай на здоровье».

Дурацкое ощущение: словно каждый встречный откуда-то знает, что вот этот парень в ободранном «шевроле» совершает сейчас абсолютно дикий, ненормальный поступок, и все для того, чтобы доказать самому себе, что он начинает новую жизнь, когда в действительности ровно ничего не изменилось и не изменится. Ну ладно, а что еще прикажете делать? Как, как ее изменить?

Чем ближе цель поездки, тем сильнее беспокойство: в последний раз дядя Том был совсем плох; с таким старым и

больным человеком могло случиться все что угодно. От автостоянки до стола дежурной Джим добирается бегом.

Но дядя Том, слава тебе, Господи, не только жив, но даже чувствует себя гораздо лучше. Он сидит на кровати, читает какую-то толстую книгу и время от времени поглядывает в окно.

— Ну как дела, юноша?

Вот, и голос значительно бодрее.

— Прекрасно, дядя Том. А у тебя?

— Лучше, чем раньше, гораздо лучше. Я, пожалуй, давно не чувствовал себя таким здоровым.

— Вот и хорошо. Слушай, дядя Том, а я ведь ходил в горы.

— Действительно? В Сьерры? Вот уж где красота, так красота! А куда именно?

Джим вздохнул и описывает свою альпинистскую вылазку, и неожиданно выясняется, что дядя Том бывал примерно в тех же местах.

Обсуждение горных пейзажей затягивается на добрых полчаса.

— Том, — говорит в конце концов Джим. — А где же ты был раньше? Рассказал бы мне, как хорошо в горах, заставил бы съездить.

— Так я же говорил! Ты подожди, подожди. Я только это тебе и говорил, все время. А ты каждый раз только отмахивался от моих глупостей. Реакционный пасторальный эскапизм, вот как ты это называл. И еще что-то про грибы-поганки на трухлявом пне природы.

Джим узнает фразы из читанной им когда-то книги.

— Черт бы побрал все это мое чтение.

Том прищуривается.

— Я вот тут читаю очень хорошую книгу. По ранней истории округа Ориндж, про времена ранчерос. Ну вот, послушай. Этим ранчерос нужно было доставлять коровьи шкуры из Сан-Хуан-Капистрано на торговые корабли янки, встававшие на якорь около мыса Дана. Так знаешь, что они делали? Подвозили шкуры к самому краю обрыва, а потом, во время отлива, когда обнажалась широкая полоса песка, попросту скидывали их вниз! Только представь себе эту картину: здоровенные коровьи шкуры порхают в воздухе, словно твои детские летающие тарелочки, а потом шлепаются на песок. Красиво, правда?

— Да, — кивает Джим. — Зрелище было будь здоров.

Некоторое время они говорят о книге, а затем приходит сестра и напоминает, что время для посетителей закончилось.

— Тюрьму запирают, племянничек. Забегай, когда сможешь.

— Обязательно, дядя Том. И скоро.

Ну ладно. Одна точка, один маленький шажок. Нечто, достойное включения в новую жизнь. Весь его скулеж про гибель общины — чего он стоит, когда материалы для ее построения лежат рядом, вокруг, нужно только приложить руки, голову... Да чего там говорить.

Ну ладно. А что еще? Охваченный все тем же нервным зудом, Джим едет домой и снова начинает метаться по комнате. Снова звонит Хане, и снова безрезультатно. Уж хоть бы автоответчик. Черт, должна же она иногда приходить домой.

Чего же делать-то? Лечь и поспать — это отпадает полностью: час еще не поздний, да и вообще, не тот сегодня день. Голова Джима буквально трещит от мыслей; не первый день знакомый с бессонницей, он отлично понимает, что шансов уснуть — ровно нуль.

Джим задерживается у письменного стола. Все чисто, аккуратно и по местам, на одном углу — ровная стопка подклеенной рукописи по истории ОкоО. Он берет листки, начинает их перечитывать.

И постепенно буквы со страниц куда-то исчезают; Джим видит прошлое, но не далекое прошлое ОкоО, а последние несколько недель. Свое собственное прошлое. Каждый мучительный шаг того пути, который привел его в теперешний момент. Он читает снова, и теперь к каждой фразе примешивается собственная его боль; эта боль насквозь пропитывает недолгую, скорбную историю растранижирования и — в конечном итоге — утраты людьми клочка калифорнийского побережья. Здесь с мечтами покончено. И давно.

Ну ладно. Я — поэт. Писатель. А раз так, то должен писать. Джим садится за стол, берет чистый лист бумаги и шариковую ручку.

В истории ОкоО есть один момент, о котором он прежде не писал, который он инстинктивно, сам того не замечая, обходил стороной. Даже сейчас Джиму кажется, будто эта уклончивость совершенно случайна, но чем больше он думает, тем больше склоняется к мысли, что тут далеко не все

так просто. Ведь это, если разобраться, центральный момент всей истории, поворотный пункт, после которого земля никогда уже не была такой, как прежде. И он попросту боялся об этом моменте писать.

От длительного жевания кончик ручки обращается в белые пластиковые лохмотья. Джим приближает ручку к бумаге и пишет. Течет время.

Глава 82

Эту главу моя рука отказывалась писать.

В течение тысячи девятьсот пятидесятих и шестидесятых годов апельсиновые рощи выкорчевывались со скоростью нескольких акров в день. В предыдущие годы садоводы и их деревья отбивались от самых разнообразных напастей — и от мучнистой росы, и от красной ржавчины, и от черной ржавчины, и от «быстрой смерти» — но с такой напастью они встретились впервые, а смерть наступала теперь так быстро, как никогда прежде. В эти годы собирался урожай не плодов, а деревьев.

Вот как это делалось.

Приезжала бригада с грузовиками и инструментом. Первым делом рабочие брались за бензопилы и валили деревья. Это было самой простой частью, минутным делом. Хватало даже тридцати секунд: быстрый косой надрез вниз, пила извлекается, затем надрез вверх. Все.

Деревья падают.

Тогда их опутывают тросами и с помощью электрических лебедок подтаскивают к большим самосвалам. Люди, вооруженные меньшими пилами, разделяют сваленные деревья на части, а затем скормливают эти части механическому размельчителю. На холостом ходу эта машина скромно гудит, а получив ветку или кусок ствола, захлебывается воем и визгом. Конечным продуктом является мелкая щепа.

Взрытая, перепаханная колесами и гусеницами земля сплошь усыпана листьями и раздавленными апельсинами. В ноздри бьет резкий, пыльный цитрусовый запах; пыль, бывшая прежде естественной частью коры этих деревьев, повисает в воздухе.

Самое трудное — корчевать. Землю вокруг пня всячески — и лопатами, и ручными бурами — разрыхляют. Потом к нему подгоняют трактор. Пень обматывают цепью, прямо на уровне земли или даже чуть ниже, стараясь по возможности подлезть под самый толстый из обнажившихся корней.

Затем трактор пятится, натягивает цепь, дергается и останавливается. Скрипят шестеренки редуктора, рычит и всхрапывает дизель, выхлопная труба пускает к небу клубы черного дыма. Постепенно пенёк сдается и неровными рывками вылезает из грунта. Корневая система апельсинового дерева не очень обширна и прорастает не чересчур глубоко, но все равно, когда пенёк с топорщащимися лапами корней оттащен в сторону и закинут в один из самосвалов, на его месте остается довольно приличная воронка.

Еще труднее с эвкалиптами. Валить-то их относительно просто, немногим сложнее, чем апельсины: всего-то несколько надрезов пилой, правда, на этот раз дерево сперва обвязывают веревкой, чтобы уронить его в нужном направлении. Но затем ствол нужно разрезать на части, как это делают настоящие, в лесу, лесорубы. При помощи бульдозеров или небольших подъемных кранов огромные цилиндры загружаются в кузова самосвалов. Эвкалиптовые пни очень упрямы; приходится много копать, перерубать самые толстые корни, и только тогда трактору удастся сделать свое дело. Высаживались эвкалипты настолько близко друг к другу, что их корни переплелись намертво, поэтому безопаснее всего сперва спилить каждое третье дерево, и только потом браться за остальные. Пахнут эвкалипты еще сильнее, чем апельсиновые деревья. Зубья пилы забиваются смолой. Трудная работа.

На другом краю рощи, где деревья уже спилены, пни выкорчеваны, а воронки засыпаны бульдозером, землемеры втыкают в землю вешки с бантиками из красной пластиковой ленты на верхних концах. Вешки послужат ориентирами для операторов бетономешалок, грузовиков с огромными баками вместо кузовов; эти баки непрерывно вращаются и грохочут. Бетономешалки заливают фундаменты новых строений, это произойдет еще раньше, чем будет повалено последнее дерево.

Сейчас вечер ноябрьского, короткого дня. Начало тысяча девятьсот шестидесятых. Солнце стоит низко, и тени эвкалиптов западной защитной полосы — из них остался каждый третий — падают на то, что осталось от рощи. А не осталось ничего, кроме воронок: воронки, да кучи древесных обрезков, наваленные рядом с грузовиками. Тракторы и бульдозеры стоят ровной желтой шеренгой, спокойные, словно динозавры. Мимо проезжают машины. Люди, закончившие на сегодня свою работу, собрались у обеденного грузовичка; один борт откинут, открывая глазу прозрачные пла-

стиковые коробки с воздушной кукурузой и треугольными бутербродами. Кое-кто из рабочих достал из своих пикапов пиво, на звуки негромкого разговора накладывается щелканье и шипение открываемых бутылок. Мимо проезжают машины. Порывы ветра доносят отдаленный гул ньюпортской трассы. С эвкалиптов — каждого третьего — падают листья.

Поодаль от рабочих и обеденного грузовика собралась кучка детей. Мальчики играют в войну, воронки, оставшиеся на месте деревьев, превратились для них в окопы. Воронки — нечто совершенно новое, они интересны и удивительны, теперь видно, на что похожи корни апельсиновых деревьев, вопрос, всегда интересовавший ребят. Мимо проезжают машины. Один из мальчиков отходит в сторону. Отпечатавшиеся на истерзанной земле следы покрышек приводят его взгляд к бетономешалке, все еще не опорожнившей свое стальное чрево: от нее по-прежнему исходит мокрый, шелестящий рокот. Мимо проезжают машины. Остальным мальчишкам уже надоело играть, и они идут домой, обедать. Каждый — в свой собственный дом. Рабочие, стоявшие около грузовика, кончили и пиво, и разговор, они расходятся по своим пикапам — хлоп! хлоп! — и уезжают. Двое прорабов обходят голую, вздыбленную площадку и прикидывают завтрашнюю работу. Они останавливаются рядом со сваленной около размельчителя кучей веток. Мальчик сидит на краю воронки и смотрит вдаль. Мимо проезжают машины. Эвкалиптовые листья крутятся в воздухе, падают. Заходит солнце. День закончился.

На оголенное поле крадучись выползают тени.

Глава 83

Покончив с писаниной, Джим набивает текст на компьютере. Печатает его. Кладет вместе с подклеенными листками. Нет, вся эта клейка-переклейка — совсем не дело. Джим заново набивает их, дополняет, переделывает. А затем снова печатает. Ну вот. Округ Ориндж. Заголовки никогда не были его сильным местом. Назовем это, например, «Карта, порванная в клочья» — а почему бы и нет.

Ночь близится к концу. Джим поднимается на затекшие от долгого сидения ноги, ковыляет к двери, выходит на улицу. Четыре утра, самое затишье на трассах. Постояв немного, он возвращается в квартиру, берет в руки свежепечатанные страницы. Не большая книга, уж тем более — не

великая, но зато — его собственная. Ее написали он и эта земля. И люди, жившие здесь все эти годы, ведь и они в каком-то смысле авторы Джимовой книги. Они из всех сил старались сделать эту землю домом — за исключением, конечно же, тех, кто из всех сил старался разрезать эту землю на клочки, распродать ее и застроить домами. Но даже и эти... Джим смеется. У него всегда было и навсегда, наверное, сохранится двойственное отношение и к родному городу, и к поколениям, его создавшим. Разве в силах человеческих отделить добро от зла, героика от аляповатой мишуры?

Ну ладно, так что же дальше? С легкой, словно воздушный шарик, головой Джим снова слоняется по квартире; только теперь его пальцы сжимают пачку листов. Что же делать дальше? А не знает он, что делать дальше. До чего же неприятно, когда все твои привычки разлетелись в мелкий дребезг, когда ты вынужден начинать жизнь с нуля, с чистой страницы, должен изобретать ее, сочинять от момента к моменту. Адский труд.

Джим съедает пригоршню чипсов, прибирает кухню. Садится за маленький кухонный столик, опускает голову на драгоценные свои страницы и ненадолго погружается в дремоту.

И видит сон. Он стоит на берегу моря, а по краю обрыва тянется трасса. Мимо проезжают машины, они двигаются медленно-медленно, и в них сидят его друзья, знакомые, родные. И эти люди держат в руках карту округа Ориндж, и они рвут ее в клочья. И отец, и Хана, и Том, и Таши, и Эйб, и мама, и Сэнди с Анджелой... Джим мечется по берегу, кричит, чтобы они перестали рвать карту, но никто его не слышит. Карта распадается на куски вроде кусков головоломки, только большие, как хорошая пицца, и все они окрашены в бледно-пастельные тона, и все его друзья и родственники берут эти куски и швыряют их, закручивая, в воздух, словно детские летающие тарелки; куски карты летят сперва быстро, потом тормозят, останавливаются и валятся, беспорядочно кувыкаясь, на широкий, как белый свет, пляж. Джим бежит за ними, собирает, а это очень трудно, потому что под ногами рыхлый песок, сверкающий драгоценными камнями, а потом он становится на колени и пытается сложить огромную головоломку, но нужно очень спешить, времени мало, ведь скоро на пляж нахлынет волна прилива...

Джим дергается и просыпается.

Он встает, теперь у него есть план. Он поедет по сантьягской трассе до Моджеска-Каньона, потом — к дому Ханы, и он возьмет с собой эти страницы, и сядет под эвкалиптами рядом с ее белым гаражом, и будет сидеть там до тех пор, пока она не выйдет из дома или не вернется домой. А потом он уговорит ее прочитать эти страницы, чтобы она сама увидела... то, что увидит. Ну а потом... Потом — как получится. Планировать дальше он не может. Вот такой у него план.

Джим идет в ванну, быстро драит зубы, пару раз проводит по голове гребенкой, отливает, чтобы не выскакать по дороге, и выходит из квартиры. Это надо же, какая темень! Четыре тридцать утра — ну тогда все ясно. Изю всех времен грамматики самое лучшее — настоящее. Джим садится в машину и выезжает на трассу, но сразу же выясняется, что он впопыхах переврал программу и едет теперь не в ту сторону. На то, чтобы развернуться, уходит уйма времени. Трасса почти пуста, тускло поблескивают под луной магнитные дорожки, светопредставление достигло суточного своего минимума, воздух наполнен прохладой. Джим сворачивает на Чапмэн-авеню; здесь тоже пустынно, над каждым перекрестком подмигивает ярко-желтый глаз светофора. Мимо темных автостоянок, мимо темных «Пышных пышек», построенных на костях эль-моденской начальной школы, мимо квакерской церкви, вверх, по темным холмам. Теперь на сантьягскую трассу, под голубой свет ртутных ламп; стелющийся под колеса бетон тоже становится голубым. Темные склоны холмов, словно небо — звездами, усыпаны уличными фонарями. И — запах шалфея в рвущемся сквозь окно воздухе. Он сворачивает с трассы, плавно спускается по огромной бетонной загогулине. Все ближе и ближе объятие холмов, и скоро можно будет прикоснуться к земле. Он почти у цели.

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

Собрание фантастических произведений

Том второй

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *В. Генкин*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, А. Хиришфелде*

Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*

Оформление шмуцтитилов: *В. Ковалев*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 18.04.97. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 23,52. Тираж 7000 экз.

Заказ № 548.

Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

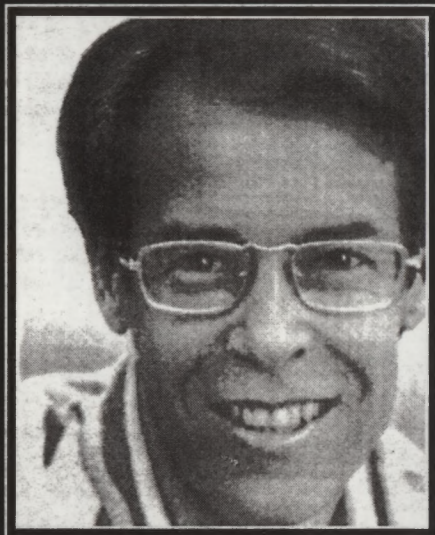
Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ КИМА СТЕНЛИ РОБИНСОНА

ЗОЛОТОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Сияет бесконечными огнями колоссальный мегаполис, давно поглотивший округ Ориндж. Город поглощает и людей, маня бесконечными соблазнами — машинами, квартирами, оборонными предприятиями и наркотиками в пипетках. И даже те, кому не по нраву жить «как все», без цели и смысла — противники ли они системы, или ее составная часть? Каждый должен ответить на этот вопрос сам и для себя, как делают это молодые жители будущего калифорнийского Золотого Побережья.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**